

Константин АРБЕНИН

**ДОН ГУАН
КАК ЗЕРКАЛО
МИРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

**Санкт-Петербург,
2001**

*Проза, драматургия,
поэзия*

За своевременный выход этой книги в свет
автор объявляет благодарность
Александре Савиной,
Игорю Савельеву,
Марии Суховой,
Михаилу Клочкову,
Александру Петерсону.
Яне Хохловой,
Вадиму Бутузову,
Игорю Голубенцеву.

Арбенин К. Ю.

Дон Гуан как зеркало мировой революции. — СПб, 2001. — 280 с.
ISBN 5-89151-120-7

Константин Арбенин — поэт, прозаик, драматург, автор песен, лидер известной санкт-петербургской группы «ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ». Книга «Дон Гуан как зеркало мировой революции» знакомит читателя с разными гранями его литературного творчества — роман в тезисах, пьесы, киноповесть, сказки для взрослых, стихи. Основная часть произведений публикуется впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДОН ГУАН ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ДОН КИХОТ?

Среди современных молодых российских писателей К. Арбенину принадлежит особое место. Его творчество прежде всего привлекает внимание оригинальным и зачастую неожиданным преломлением идей западной философии, психоделических учений Востока и развитием на новом уровне идеалов битничества, с которыми органично сосуществует романтизм. Произведения Арбенина захватывают, буквально набрасываются на погрязший в обыденных хлопотах и закосневший в довольстве собой разум читателя. Герои писателя и их жизненные принципы сдирают с мышления застывшую корку привычной морали и пошлых ценностей социума, навсегда врезаются в память человека, снова и снова заставляя возвращаться к этим образам.

Многогранность творчества (Арбенин одновременно является прозаиком, драматургом, поэтом и музыкантом) позволяет автору ярко и глубоко проникать в психологию современного человека. Благодаря собственной интуиции и блестящему знанию мирового литературного наследия, автор на какой-то миг становится каждым из своих героев. За счет этого ему удается воплотить в литературных образах, существующих в вымышленных, абсурдно однобоких и незаконченных мирах, реальные человеческие характеры со всей их живостью и естественностью. Но при этом автор остается и самим собой: далеко не всегда его идейные и жизненные устремления совпадают со стремлениями героев. Ни одно из произведений (как бы ни была заманчива эта перспектива) нельзя воспринимать как автобиографию Арбенина или ее частицу, хотя зачастую его образы настолько живы, полнокровны и реальны, что у читателя создается стойкое впечатление превращения автором в предмет повествования, в зрелище, самого себя.

Основная идея произведений Арбенина — столкновение человека не с враждебной современной действительностью, его бунт против законов и морали общества и неприятие этим обществом моральных законов героя, неизбежность конфликта живой мятущейся души и плоского бездушного мира социума.

Персонажи Арбенина являются логическим продолжением гигантской лестницы литературных образов, создававшихся на протяжении многих веков. Автор также органично впитал и переосмыслил идеи философских учений прошлого и настоящего, но в его творчестве они подаются не в виде изящной игры доктрин и мнений, зачастую превращающих личную человеческую трагедию в интеллектуальный перевертыш, философический фарс, как у В. Пелевина, а, скорее, переводящих вечную комедию жизни общества в целом в трагедию индивидуума. Подготовленный читатель легко проследит в цепи эволюции образов писателя возникновение и развитие новой оригинальной философии, переосмысливающей все ценности ранее существовавшей общественной мысли через призму восприятия современного героя, страдающего и раздираемого глубокими противоречиями. И как закономерен

коммерческий успех философских перевертышей-трагикомедий Пелевина, достаточно своеобразно преломляющих идеи Ницше, Шопенгауэра и других философов, так же логически обусловлен интерес публики к арбенинским сказкам-трагедиям, в которых по-новому и в доступной современному поколению форме раскрывается иллюзорность мира, высокие устремления, желания и философские взгляды героев, выраженные в жизненных, остро психологических диалогах. Именно из них и формируется основная сюжетная канва произведений, зачастую едва ли не более увлекательных, чем романы Б.Акунина.

Роман в тезисах «Дон Гуан как зеркало мировой революции», посвященный вечной теме отношений между мужчиной и женщиной, наиболее ярко отражает вышеописанные особенности прозы Арбенина.

Вслед за Д. Керуаком («В дороге») и У. Бэрроузом («Голый завтрак») Арбенин разрушает форму классического романа, так как содержание «Дон Гуана» просто не может в нее вписаться. Некоторое несовершенство конструкции, не позволяющее поставить роман в один ряд с «Улиссом» Джеймса Джойса, несмотря на глубину и психологичность, роднит произведение Арбенина с «Голым завтраком» У. Бэрроуза. Ведь именно У. Бэрроуз избрал в свое время «принцип монтажа», как нельзя лучше соответствующий нашему времени, точно и убедительно передающий состояние психики героев. В отношении романа «Дон Гуан» можно сказать, что форма настолько адекватна содержанию, насколько это необходимо автору. Именно этим можно объяснить и обилие аллюзий, тонких намеков, раскиданных по всему тексту удочек, на которые с мазохистской покорностью ловится каждый читатель, пытаясь узнать в героях — автора, угадать, кому из философов принадлежит то или иное утверждение, найти свой Идеал, свой Выход.

Как и битники, Арбенин не боится иронизировать над читателем, автор не раскрывает перед ним замысел романа, не дает никакого ключа к пониманию, кроме названия и эпитафия. Он заставляет любого искать собственную трактовку каждого тезиса. Разорванность ткани повествования обусловлена его тезисностью, в которой смешиваются живые человеческие чувства героя и гротескные черты нашего абсурдного мира, приметы нашего времени и нашей жизни. Все это дает возможность обдумать каждый тезис, увидеть в нем не только картины любовных приключений и переживаний, но и суть бытия как самого себя, так и человечества в целом.

Не случайно обращение автора к «вечному образу», развитие которого было прервано во второй трети нашего века («Старый романтический Дон-Жуан безвозвратно умер», — пишет К. Бальмонт в эссе «Тип Дон-Жуана в мировой литературе»). Персонаж Арбенина — это новый Гуан, впитавший в себя не только черты классических героев прошлого, но и разбитое сердце нашего века. Как и герои Тирсо де Молины, Да Понте и Мюллера, Мольера, Пушкина, Гофмана, Мериме и Ленау, современный Гуан ищет Идеал женщины, свою половину, ту единственную, кого он действительно полюбит. Ради своей любви он готов попать всю общественную мораль, пойти наперекор всем устоям и ценностям. Не находя идеала, постоянно ошибаясь в выборе женщины, Гуан не был бы Гуаном, если бы не возобновлял свои попытки вновь и вновь.

Но герой Арбенина теряет блеск и уверенность Дон Жуанов прошлого, в нем изначально чувствуется надлом разочарованности; каждой женщине он дарит надежду, «которая ему уже не нужна». Этот факт неизбежно на-

талкивает читателя на мысль, что рано или поздно персонаж потратит весь запас надежды, отпущенный ему судьбой, возненавидит ненайденный идеал. Ведь даже будучи обнаруженным и завоеванным, этот идеал скорее всего просто отвергнет Гуана, подарив ему уже свою ненужную надежду, и сгорит в пламени вечной любви и вечной ненависти разбитой мечты.

Современный Гуан при всей целеустремленности и силе характера «вечного образа» содержит в себе и черты некоторого разложения личности, периодическое стремление к низости, моральной подлости, скрываемой под маской революционности и протеста. Он раскрывает в себе грани образов Г. д'Аннуцио и С. Пшибышевского, сочетающих в себе стремление к возвышенной любви и красоте с изощренным садизмом, но не физическим, а моральным, аналого которого сложно найти даже у порочно-развращенных персонажей произведений Маркиза де Сада.

Герой, в принципе, не может обрести свой идеал, ведь как и любой человек, он «стремится к небесному, а получает лишь земное». Любое прикосновение низводит возвышенный образ до обычной земной женщины, и Дон Гуан вновь и вновь ищет новую красоту и новую любовь, превращаясь в вечного странника. И, отрицая это низведение идеала, этот персонаж с каждой новой попыткой лишь убеждается в том, что душа, дотрагиваясь до любви, никогда не насыщается ею и вечно хочет чего-то большего. Полностью предаваясь своему влечению, Гуан неизбежно должен погибнуть, как многократно гибнет герой Арбенина, снова и снова возрождаясь для новых поисков своей единственной.

Гуан, пытаясь найти «половину, а не четверть» своего «Я», свой идеал, приближаясь к нему, на самом деле лишь отдаляется. Он заменяет духовную близость сексом, зачастую путая «занятия любовью» и саму Любовь, а потом долго пытается подвести под свои действия красивую философскую базу. Его Потемкинская лестница из связей с женщинами, каждую из которых он любил, в результате оказывается не путем к «Себе Богоравному», а движением «вверх по лестнице, ведущей вниз». Каждая новая связь, новое обладание обедняют душу современного Гуана, хотя они же обогащали души Дон Жуанов прошлого. Им такая любовь доставляла радость, ему — боль. Они двигались вверх, к свободной Любви, упоенные своим чувством и протестом против общества; он падает в пропасть и, вместо познания Любви, познает только сокровенные глубины собственного «Я» да «внутренний мир одного уже немолодого человечества».

Герой Арбенина многогранен, в нем вечен конфликт романтизма: «развал схождения» тела и души, возвышенные стремления и низкие желания. Он, как и любой романтик, отказывается верить шопенгауэровскому «гению рода», утверждающему, что в паре всегда кто-то является ведущим, а кто-то ведомым, теряющим свою собственную личность. И вечно ищет женщину, «способную не потерять себя» в Нем, «Женщину с человеческим лицом».

Дон Гуан Арбенина воплощает в себе все наиболее характерные черты Дон Жуана как «вечного образа», сочетая их с духовными исканиями писателей, поэтов, революционеров и философов нашего времени, пытавшихся призвать обезумевший мир к любви, научиться любить самим и научить любви других.

По глубине воздействия и откровенности этот роман можно сравнить лишь с «Исповедью маски» Ю. Мисимы. Но не следует забывать о том, что,

как и у японского писателя, это только исповедь личины, за которой не разглядеть лицо автора.

Одним из любимых образов Арбенина является рыцарь, но рыцарь современный, существующий в мире, где все драконы уже стары и годны лишь для представлений в цирке, одни дамы сердца давно превратились в продажных женщин, которых интересуют не чувства, а их цена, другие потеряли душу или просто способность любить, так что, в результате, идеальная возлюбленная может существовать лишь в качестве образа из сна. Все моральные ценности этого мира — экспонаты в редко посещаемом музее, где стекла покрыты толстым слоем пыли или разбиты, поэтому часть уникальных раритетов оказывается безвозвратно утеряна.

Все миры Арбенина — бесконечные, виртуально безликие «каменные джунгли», «хмурое урбо», похожее не на реальные города, а на абсурдные декорации, на фоне которых разыгрываются пьесы, всегда начинающиеся как романтические сказки и заканчивающиеся как нелепые трагедии. Но это далеко не шекспировские трагедии, финал которых обусловлен ударом слепой судьбы или случая, а жизненные драмы, финал которых закономерен там, где бессмысленно существуют люди с обедненными или изъятими душами. Наполнить подобную пустоту не может жизнь рыцаря, отверженная обществом, жалкая в своем вечном одиночестве и наивной детской надежде на лучшее; ничего не изменит и его смерть.

Миры Арбенина не похожи на красочные миры Г. Л. Олди, в незавершенности которых читателю предлагается искать возможность для создания собственных ярких и индивидуальных реальностей, где боги сходят на землю, вещи оказываются «умнее и живее» людей, а сами эти реальности бесконечно перемешиваются, перетекая друг в друга, зачастую обращаясь в собственную противоположность. Герои Олди неизменно выплывают из беснующегося водоворота жизней и миров и, в конце концов, всегда побеждают, оставаясь удовлетворенными собственной победой и своей общечеловеческой значимостью, даже если оказываются в полном одиночестве.

Миры Арбенина отличаются некоторой незаконченностью, но «закончить» их и невозможно, как невозможно превратить граффити в шедевр Рубенса или Дали. Это лишь штрихи, пустые формы, являющиеся достойным обрамлением действующих лиц, зачастую тоже напоминающих пустые рамы или, в лучшем случае, сосуды. Главная драма, основное действие, преступления и расплата за них разыгрываются во внутреннем мире героев. Возможно, именно поэтому многие произведения Арбенина написаны в форме пьес, где основное внимание сосредоточивается не на авторских ремарках, а на диалогах персонажей.

Эти пьесы предназначены, в первую очередь, для чтения, а не для театральной постановки. Читателю дается возможность самому домысливать детали, бесконечно проигрывать в уме само действие, но при этом все глубже постигать лишь внутренний мир главных героев, их чувства и противоречия.

Боги Арбенина навсегда остаются на небесах, причем, Люцифер оказывается точным отражением, копией Саваофа, которая лишь выполняет несколько иные, чем оригинал, функции, но при этом не становится ни лучше, ни хуже самого Бога. Эти сущности не способны ничего дарить: Бог спосо-

бен отбирать все в своем «бесконечном милосердии», Люцифер же способен «одарить» человека только остатками его же собственного наследия.

Герой в произведениях Арбенина получает слишком мало возможностей для активного действия, слишком мало способностей. Он лишен силы, зачастую лишен и воли; бессмысленный сам, он мечется в бессмысленном мире, обреченный богами и обществом на вечное одиночество, еще и отягченное желанием любить и быть любимым или понятым хоть кем-то. Но этот герой наталкивается лишь на холодное любопытство или «взрослые игры» взрослых людей, а любая родственная душа оказывается настолько агрессивной и приспособленной к жизни, что вызывает у него лишь ненависть.

Любовь и ненависть, добро и зло, чувство и равнодушие, зеркальные галереи, бесконечный лабиринт отражений одного и того же образа, постоянно преломляющегося в гранях душевной пустоты, тьмы, живущей в зеркале души каждого человека, — таков внутренний мир арбенинских произведений. В них каждый самостоятельный герой одновременно оказывается оборотной стороной рыцаря, его частью, темной или светлой, но нерасторжимо связанной с основной сущностью. Это бесконечный зеркальный лабиринт, своеобразный ад из зеркальных осколков, каждый из которых отражает свой собственный осколок личности, а зеркало, способное отразить эту личность целиком, давно утеряно, «погашено» кем-то, так что наиболее подготовленному читателю предоставляется возможность самому стать этим зеркалом и попытаться поймать и на мгновение зафиксировать в себе цельный образ изображенного героя. Под воздействием образов этих произведений читатель может попытаться также найти в зеркале собственной памяти образы забытых повторяющихся детских снов и попробовать узнать их в жизни: узнать, понять, а, может быть, даже и оценить.

Включенные в сборник пьесы составляют цикл, общность героев которого ясно просматривается. Действие всех пьес и сказочной киноповести «Король жил в подвале» разворачивается в одном мифологическом пространстве, в зеркально отражающих друг друга абстрактных мирах, где элементы сказки, фантастики и гротеска тесно переплетаются с жестким, а порой даже жестоким реализмом.

Пьеса «Страницы существования» — своеобразная сказка для взрослых о юном рыцаре-идеалисте, не сумевшем прижиться в современном социуме и обреченном волей общества на тюрьму и страшную смерть, а также о философе-филантропе, прожившем большую часть жизни в тюрьме и вернувшем себе вкус и смысл настоящего бытия только с появлением в его камере рыцаря. В пьесе прекрасно раскрыта тема «двойничества», традиционно присутствовавшая в произведениях многих русских поэтов и писателей (Блок, Достоевский и др.). Поэтому историю персонажей можно рассматривать и как притчу о конфликте активного и пассивного начала внутри одного человека, на что автор недвусмысленно намекает нарочито безликим названием пьесы и именами действующих лиц — Герой и Персонаж.

Выросший в холодильнике рыцарь не может не вызывать в памяти образ героя романа Кубо Абэ «Человек-ящик». Более того, он является дальнейшим логическим развитием ставшего почти вечным образа человека, скрывшегося от общества и противостоящего его законам, но не путем бег-

ства от социума или войны с ним, а путем превращения себя в абсолютно новое, чужеродное существо.

Но герой Кобо Абэ сам сознательно заключает себя в ящик, чтобы освободиться от привычной психологии, с которой он уже не в силах жить в обществе потребления и зла, где каждая крупная трагедия вызывает радость миллионов людей одним фактом того, что она произошла не с ними. При этом трагедия индивидуума просто не замечается. Рыцарь Арбенина (с момента появления на свет), в силу врожденных моральных качеств и достаточно своеобразной «рыцарской» психологии, помещен в холодильник самой судьбой. Этот холодильник — одновременно и протест, и убежище Героя. Персонаж тоже заключен на всю жизнь в «ящик» — тюремную камеру, только размерами отличающуюся от холодильника. Мораль и устремления Героя, смешно и нелепо выглядящие в современном рациональном мире, его «философия пассивности», которую он принимает за истинное рыцарство, настолько чужды обществу и выпадают из общепринятых рамок, что первый же шаг рыцаря из холодильника в «мир» становится для социума чем-то невероятно оскорбительным. Само существование такого человека признается преступлением, что и обрекает рыцаря-идеалиста на смерть через сожжение. Таким образом, просвещенное современное общество опускается до уровня дикого средневековья с его судами инквизиции и аутодафе.

Второй персонаж пьесы, как более активный и приспособленный к условиям существования, продолжает жить, но вся еще оставшаяся в нем (несмотря на почти дзен-буддистские воззрения) страсть к бытию и его мелким радостям уходит в небытие вместе с Героем. В камере-«ящике» остается лишь пустая оболочка Персонажа, сохранившая жизнь, но потерявшая душу, — оболочка, которой действительно уже «все равно». Классическое единство места и времени действия акцентирует внимание читателя на текстовой ткани произведения, представляющей собой развернутый диалог главных героев.

Киноповесть «Король жил в подвале» — сказочное повествование о короле, волею неизвестных обстоятельств оставшемся не у дел и вынужденном зарабатывать на жизнь посторонними, совсем даже не королевскими делами. В поисках своего места в жизни, «королевской работы», он оставляет семью и отправляется в сложный, иногда веселый, а иногда трагический путь, в конце которого надеется обрести себя.

Посещение тоталитарного государства №37, построенного на лжи и крови, дает ему возможность получить вожденную работу, но полностью разрушает его личность. Только ненадежность системы и счастливая случайность позволяют ему избежать участи государственного Голема, этакого ублюдочного дитяти нашего времени, выполняющего чужие приказы и являющегося при этом лживой маской лживого бюрократического чудовища.

Побег из этого ада приводит Короля в еще больший — город №38, царство бомжей и изгоев, весь смысл жизни которых — отстрел чаек. Быт жителей этого города являет читателю картины, достойные пера Д. Керуака, Т. Вулфа и Кена Кизи.

Война с чайками, предложенная Королем обывателям, все их активные действия, закапывание отходов и победа над извечными врагами, оказываются в результате лишь бессмысленной игрой, развлечением, не приносящим

ничего, кроме кратковременной радости и дальнейшего всеобщего недоумения. В силу особенностей мышления любого социума, любые глобальные изменения быта подобного общества встречают лишь непонимание и вызывают агрессию. Автор ярко и беспощадно описывает вечную трагедию несоответствия пассивного желания и активного его исполнения, ненужность красивой мечты и ее реализации. Изгнание Короля из города закономерно. Герой недостаточно активен для того, чтобы стать лидером, заставить социум сломать свой менталитет и изменить образ жизни. Король не может дать этим людям убедительную и привлекательную идею будущего, создать что-то свое, новое и жизнеспособное. А вечные мечты, которые он и сам не в состоянии воплотить в жизнь, могут вызвать у общества, в лучшем случае, недоумение или гомерический хохот.

Пройдя через тяжелые испытания, смерть и воскрешение, герой Арбенина все же обретаем себя, долгожданный покой и место для себя и семьи. Но, будучи слишком занят поисками Себя, утверждением своего «Я», а потом налаживанием дел в государстве, он забывает о проблемах своей семьи и в результате теряет ее. За воплощение в жизнь своих идей и мечтаний, за свой возжеланный покой и «королевскую работу» он платит страшной ценой — жизнями жены и дочери. А забота о сохранении мира в столь тяжело доставшемся ему государстве лишает Короля возможности не то что отомстить напрямую виновнику этих смертей, а даже просто выразить нормальные чувства, если они у него когда-то и были.

Вслед за героями романов А. Лазарчука персонаж Арбенина жертвует личным счастьем ради эфемерного благополучия своего народа, ради того, чтобы доблестно выполнять свое высокое предназначение. Но у всех героев Лазарчука это хотя бы действительно высокое предназначение, миссия спасителя целого мира, своеобразного мессии, в то время как Король из произведения Арбенина оказывается лишь звеном в эволюции пассивного рыцаря-идеалиста из «Страниц существования». Король действует строго в рамках обстоятельств, предложенных ему автором или судьбой, не пытаясь разрушить их. Он ищет и находит не свой путь, а свое место, не высокий идеал, а возможность самореализации в процветающем государстве, покой, а не волю — свою маленькую тихую сказку без особых примет.

Пьеса «Стекольщик» представляет собой соединение двух жанров — пьесы-сказки и трагедии. В ней находит логическое завершение образ рыцаря, и она же завершает цикл. Сюжет пьесы постоянно вырывается за пределы условных рамок; сказка о злом волшебнике, похитившем отражения в зеркалах, превращается в социально-психологическую драму, трезвая философичность которой легко уживается с мрачными размышлениями современного Данте, ищущего по кругам собственного внутреннего Ада, наполненного разбитыми мечтами и химерами жизни.

Героиня пьесы ищет идеал героя, а находит лишь созданное чьим-то большим воображением слабое, погрязшее в обыденной сутолоке существо, образ которого лишней раз подчеркивает всю тщету надежд нашего поколения на появление истинного лидера, рыцаря, способного «в этой грязи не погрязть». Да и сама героиня с ее жестокой, холодной самовлюбленностью и высокомерным презрением к окружающим весьма далека от романтического идеала, хотя, возможно, могла бы стать им в иное время и в ином мире. В принципе, злодей, который должен был стать при других обстоятельствах ее рыца-

рем, является единственным положительным персонажем пьесы, вызывая живой отклик в душе каждого читателя.

Вечный конфликт сказочного и жизненного начал, мечты и реальности, любви и ненависти оказывается в центре пьесы. Он неразрешим в силу того, что любви, которая могла бы победить, нет, а, согласно замыслу автора, ненависть победить не может. Эта вечная драма человеческой жизни, осколок которой живет в каждом из персонажей пьесы, ломает судьбы главных героев. Они навечно «застервают в пустоте», занимающей место души; логические линии развития их судеб прерываются, так как слишком реальные герои не могут существовать в мире сказочных счастливых финалов. А в жизни каждый лишь получает по заслугам и идет своим собственным путем, который никогда не пересекается с дорогой другого.

Все герои пьесы представляют собой разбросанные осколки, грани единого человеческого «Я», погрязшие в мелочных, никому не нужных проблемах и делах. Мельчает все — даже дьявол. Великолепный Мефистофель Гете, покупающий душу Фауста ценой всех благ мира, мудрый дьявол-пустотник Олди, дающий за душу бессмертие, опускается у Арбенина до уровня «мелочного беса», жалкого перекупщика, предлагающего взамен живой души рванец битого стекла, осколков разбитых надежд и красоты мира, годным лишь для того, чтобы прикрывать раны блестящей пленкой витражей.

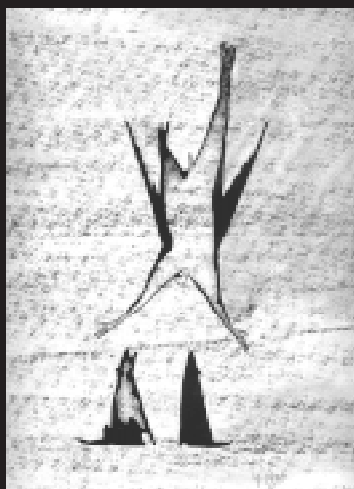
Эволюция рыцаря-идеалиста в антигероя из «Стекольщика» логически обусловлена стилем жизни и мышления общества, в котором никому не нужны романтические сказки и их до глупости возвышенные герои. «Все кончилось прекрасно: все живы, что еще...», — таков закономерный финал любой современной сказки, в которой никто не хочет разглядеть пусть мелкое, но чудо, тихую мечту о счастье и страшно боится открыть дорогу своему чувству, давно потерявшему смысл, силу и запутавшемуся в бесконечных зеркалах бытия.

Ту же тему поднимают философско-лирические миниатюры, составляющие цикл «Сказки на засыпку», в которых читатель вместе с автором проходит фантастическими дорогами бытия, встречает фантастических, но жизненных и реальных персонажей, радуется и грустит, узнавая частицу себя в каждом из героев.

Стихи, включенные в сборник, можно воспринимать и как зеркало души самого автора, и как зеркало души человечества и современного мира.

Ведь любая книга — это отражение мира, в котором живет ее автор. Но любое отражение неизбежно искажается, как искажаются герои и миры в произведениях Арбенина, существуя в бесконечном коридоре зеркал, уходящих в вечность. Автор ставит читателя в центр этого коридора и предоставляет ему возможность самому искать Выход, собственную сказку и ее истинное лицо.

А. Савина

ДОН ГУАН КАК ЗЕРКАЛО МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Роман в тезисах

Я не Диего. Я Гуан...
(Пушкин. «Каменный гость»)

1. Эта книга — прощание с Собой, со своими жизненными принципами и амбициями. Одна из ее невыдуманных героинь сказала: «В некоторых случаях надо бы засунуть свои амбиции в задницу, но они что-то не засовываются, они вылезают обратно.» Взяв эти слова в качестве невидимого лейтмотива, я добавляю: эта книга — те самые амбиции, которые уже побывали в заднице и очень скоро снова окажутся там.
2. Итак, господа заседатели, главное, в чем меня обвиняют, — это серьезность. Я не собираюсь это отрицать. Я намерен защищаться, но защищаться, не оправдываясь, а отстаивая свою позицию, единственно верную — по моему мнению. Я буду защищать не себя, а свою точку зрения. Даже если она перевернет ваш мир.
3. Да, я серьезен, возможно, я чрезмерно серьезен — в своем отношении ко всему, даже к шуткам. Но у меня слишком мало времени, чтобы я мог позволить себе быть несерьезным. Должно быть, именно это так смешит вас, собравшиеся жить вечно.
4. Вхожу в историю голый. Вываливаюсь с балкона в стриженные кусты. Нога вывихнута, щека поцарапана — какие мелочи! Зато на безымянном (мы с ним тезки) пальце у меня великолепный перстень с бриллиантом — подарок княгини Бет. Если жить экономно, этого перстня мне хватит лет на двадцать, а то и на все двадцать пять. — Роман окупился! Прощайте, княгиня.
5. Царапины и драгоценные камни красят юношу — мужчину же украшают шрамы и богатство. Но у меня еще все впереди. Чтобы ненароком не распознал меня вспльчивый нерасторопный князь, захожу в первую попавшуюся парикмахерскую и стригусь налысо — под те самые кусты. Расплачиваюсь блеском обретенного сокровища — отныне мне открыт бессрочный кредит.
6. Для меня не существует понятия «жить по чести», вместо этого — «жить начисто». Мое честолюбие сродни чистописанию — я не люблю черновиков, мои запасы чернил не бездонны, поэтому я ничего не зачеркиваю и не исправляю, не возвращаюсь к

уже написанному и не выбрасываю целые страницы. Ничего не вымарывать — вот моя мораль.

7. К своим двадцати девяти я достиг практически всего, чего намеревался достичь к тридцати. Отличный возраст: многое еще впереди, но уже есть, о чем вспомнить. Сейчас раннее-раннее утро, после парикмахерской процедуры я собираюсь отправиться домой, где ждут меня чашка черного кофе (любимый цвет), полуторная койка (любимый размер), свежая рукопись и два преданных животных: собаки-близнецы Лепорель и Сганарелло. Плюс год сэкономленного времени.
8. Лысый, свежевывбритый и надушенный предстаю перед Судом... Здесь, на небесах, я тщетно пытался выяснить, почему и за что этот парикмахер перерезал мне горло: питал ли он ко мне личную неприязнь или позарился на перстень? Обидно, черт побери, на Небе не знать того, что на Земле уже стало известным.
9. Я удивлен несовершенством мира — он, мир, несовершеннее меня.
10. По не названным мне причинам заседание Суда было отложено. Меня препроводили в некое стеклянное здание. Оно было сферической формы и висело в звездной пустоте подобно огромному мыльному пузырю, разделенному на два полушария по горизонтали. В одном из полушарий находился гигантских размеров телескоп. Заглянув в него, увидел я землю и людей во всем их величии.
11. Действительность божественна, только перед Нею я склоняю голову и опускаю руки. Именно так, опустив руки и ничем не занимаясь, можно иметь с Нею дело напрямую, без посредников. Ведь все, чего достигло человечество, — лишь способы не смотреть в глаза Действительности. Поэтому человеческие жизни пусты. И сами люди пусты. Нет ничего прозорливее пустоты, вот и приходится заполнять ее — путешествиями, марками, ремонтом, кинофильмами, бутербродами, религией, диснейлендами, онанизмом, философией... Пустая жизнь длинна, в ней есть место для миллиона глупостей.
12. От любви — все безумства на свете. От отсутствия любви — все глупости.
13. В лакее, что встретил меня внутри, не без удивления узнал я Мартина Лютера. Я принялся расспрашивать, почему он здесь и

- в такой должности? И услышал в ответ, что такова участь каждого, кто может сделать все, а делает лишь половину. «Но если дело в половинчатости, — предположил я, — то у богов должно быть очень много лакеев. Я же наблюдаю здесь только одного — ?» — «Дело в том, — ответил Мартин Лютер, — что у меня одного хватило смелости в этом сознаться.»
14. Один мой товарищ утверждал, что нельзя написать две автобиографии. Я же считаю, что все зависит от количества материала... А к переселению душ это не имеет никакого отношения.
  15. Человек — интерпретатор своей судьбы. В сущности, он только тем и занимается, что интерпретирует собственные поступки и действия в соответствии со своей нынешней точкой зрения и дополняет их для пущей убедительности всякими выигрышными мелочами и описательными подробностями, всякими вспышками человечности.
  16. Но пришлось мне оторваться от созерцания, ибо повел меня лакей в другое полушарие. Мы спустились в люк и зашагали по странной неустойчивой лестнице, на которой резвились два котенка, разматывая пестрый шерстяной клубок и запутывая наши ноги острыми нитями. Звали котят Эшер и Мебиус.
  17. Смерть и Любовь — два лица богини Действительности и одновременно два ее доказательства — от противного до приятного. Люди не любят глядеть в глаза ни одной, ни другой, предпочитают не думать о них и не иметь с ними дела, тем самым уравнивая их. Но такое равенство ложно.
  18. В другом полушарии располагался круглый стол с тремя креслами, а на столе стоял микроскоп. Разрешено мне было заглянуть в него — и увидел я мелочные стайки людишек и жалкую их планету со всеми ее язвами и прыщами.
  19. Однажды я заметил, что женщины, делая выбор между мужчиной порядочным и мужчиной порочным, всегда выбирают второго! Заметив это, я сделал выводы и скрепя сердце сменил амплуа. Я притворился порочным — и тут же добился успеха у дам. А в предсудительном занятии всегда легче достичь совершенства, нежели в занятии достойном. И я стал совершенствоваться.
  20. У нас разная эстетическая ориентация. Как правило, мужчина развернут душой на красоту, женщина — на уродство. Поэтому

- мы и смотрим друг на друга. (Влюбиться в исключение — значит искалечить свою любовь.)
21. Скромность, господина заседателя, — это друг таланта, но враг гения. Я давно заметил, что если долго и настойчиво портить какую-нибудь вещь, то однажды она перестанет становиться все хуже и хуже и, перейдя в иное качество, делается-таки хорошей, но уже совершенно другой вещью. Именно так я поступил со своей скромностью.
  22. Едва оторвал я взгляд от микроскопа, как явился передо мной сам Саваоф, бог из богов, сел в кресло, а мне указал сесть в другое. Третье кресло осталось свободным. И стал он обвинять меня во всех бессмертных грехах.
  23. «Нечестивый! — возопил Саваоф. — Стольких несчастных убили!» — «О Добрейший из Добрых, — отвечал я богу, — по Твоей воле прожил я полсотни жизней и еще одну. И были все они коротки, но переполнены: опасностями, подвигами и приключениями кишели они. Если сложить их вместе — получится полная чаша времени. Так как же, по-Твоему, мог я пережить столько — и никого не убить?!»
  24. Многое смог я простить миру. Только не смог простить его занудства.
  25. Вы говорите, что жизнь — игра! Дудки! Боюсь, это самое гибельное ваше заблуждение. — Здесь все по-настоящему!
  26. Если долго делать комплименты одной и той же даме, в какой-то момент начинаешь в них верить — и подвергаешься опасности влюбиться в эту даму. Даже опытный мужчина может запросто стать жертвой собственного словотворчества.
  27. Но я готов полюбить женщину, которой окажутся впору все мои комплименты.
  28. Мне мало было дюжины примет, мне надо было низменных гарантий. Когда я сказал, что всякая революция всемирна и всякая революция сексуальна, мне стало ясно, что как космополит и мужчина я тяготею именно к революционной деятельности. В судьбоносном сновидении я отчетливо увидел нашу будущую цель: это была персонифицированная мечта женского пола. Позже мы с товарищами дали ей имя — Женщина с человеческим лицом.

29. Женщина — вот единственная философия мужчины.
30. Мне не важно, богата моя любимая или бедна, умна или жеманна, красива или просто обаятельна; самое главное, чтобы у неё не было родственников (или хотя бы, чтобы они были далеко-далеко). Присутствие в моей жизни чужих родителей, дядь, тетя, сестер, братьев, собак и племянников раздражает меня больше, чем беспорядок и косметика. Я могу любить и уважать всю эту братию только на приличном расстоянии, только в качестве мифологических героев семейного эпоса. Делать вид, что я испытываю к ним, живым, хоть какой-то интерес, — выше моих сил. Что они мне? Кто они мне? При чём, собственно!? Я не хочу их.
31. Что может быть хуже чужих родственников? Только — свои.
32. Не стоит верить никому, кроме своих врагов (Закон Негативного Объективизма). Так сказал могильщик Жан, думая, что я уже не слышу.
33. Мои друзья — это люди, у которых не хватает сил и смелости быть моими врагами.
34. «О горе тебе, заблудший! — возопил бог Саваоф. — На свете много сыщется сыновей моих, что прожили тысячу жизней и за всю эту вечность не убили даже последней беззащитной твари!» — «Знаю таких, Добрейший, — отвечал я, — только что наблюдал в Твой микроскоп. Длинные и скучные судьбы избрали они себе. Не полна чаша их времени. Но иной выбор сделал я. Да, многих лишил я жизни, но еще более зачал! Сторицей окупил я мнимую свою вину.»
35. Моей природой стало долготерпение. Все, что я испытываю, — по сути лишь терпение. Все, что я терплю, — лишь испытания. Я хорошо знаю, что пытаться разогнуться в полный рост при здешних потолках — болезненно и бесполезно. Можно лишь терпеть в три погибели. Но память о смерти делает мое существование здесь чем-то приятным и целенаправленным. Я терплю, потому что знаю: во всем виноват только я сам.
36. Считать себя хоть в чем-то виноватым — не есть ли это первый шаг к постижению своей божественности? Раб всегда ищет виноватого, только господин способен испытывать чувство вины.

37. Может быть, единственное, чего я действительно не боюсь в этой жизни, — это смерть. Как это понимать? Как трусость?..
38. Читал молитву — и забыл ключевое слово. Стал вспоминать слово — и понял, что забыл смысл. Попытался вспомнить смысл — и обнаружил, что его не было.
39. Когда я говорю сутью, а не словами, я запоминаю суть, а не слова.
40. К сожалению, бог как творец слишком пассивен. Он ленив и поэтому творит обстоятельства, а действие провоцирует дьявол — творец активный и бойкий. Человек же — действует в обстоятельствах. Об этом поведал мне некто брат Бернардо, писарь при Святой Инквизиции. «Бог сколачивает кресты, дьявол пропитывает желчью факелы, а человек приносит хворост,» — так объяснял он.
41. «Но, бесовестный! — затопал ногами бог Саваоф. — Как смел ты заканчивать свои жизни сам, без моего божественного согласия! Знаешь ли ты, как греховно самоубийство!?» — «Мой Добрый Хозяин, — ответил я, — во-первых, для меня вообще не существует понятия греха, уж извини. Во-вторых, я вовсе не думал отбивать у кого-то хлеб, я просто решал свои проблемы. А в-третьих, в отличие от Тебя, питающего страсть к безвкусным длинным сериалам, я ценю лаконичность и законченность. Так что, по большому счету, — это всего лишь вопрос вкусов, о которых не спорят даже боги.»
42. Мне всегда были симпатичны люди, которые совершают собственные ошибки, а не повторяют чужие. Талантливый человек оригинален даже в ошибках.
43. Она была моим боевым товарищем. Революция соединила нас и одновременно отняла все шансы на личный фронт. В ночь после достопамятного террористического акта в Йонибурге, когда мы прибыли на конспиративную квартиру, она малозначительно сказала: «... а мы ляжем в комнате, на диване». Я не возразил. Мы спали рядом, лицами и животами вверх, как воины воли ислама. Между нами ничего не было. Ничто больше не разделяло нас. Она так и осталась самой неисчерпанной моей страстью.
44. Одиночество — это отсутствие конкретных людей.
45. И вот дан был мне судьбою карт-бланш: я оказался между двумя женщинами с одинаковыми огненными именами — между дву-

- мя светскими светилами. Оставалось только загадывать желания.
46. Сновидение. Конопатый ангел протягивает ко мне руки — в сжатых кулачках запрятано что-то неведомое. «Выбирай, — говорит он. — Солнце? Луна?» — «Ты,» — отвечаю я. Конопатый ангел пугается, краснеет и выпихивает меня кулачками в пробуждение.
47. Я возжелал целостности. Я был единственным, кто поиски своей половины поставил превыше всего остального. Не удовлетворенный тем, что было рядом со мною и что давалось мне как приложение к так называемой жизни, я опрокинул систему координат и все сделал наоборот: жизнь я приложил к своим поискам. Не дожидаясь милости от судьбы, я сам пытался найти свою единственную, я разыскивал и преследовал ее по городам, по странам, по временам. Я стал Колумбом в любви. Кто еще отважится на такое, господа заседатели?
48. Но за свои желания приходится расплачиваться их исполнением (Закон Бумеранга).
49. Когда о нем говорили или думали плохо, он испытывал удовлетворение. Ему хотелось казаться хуже: так, считал он, честнее и правильнее. Поэтому гадости он делал искреннее, чем подвиги, хотя и гораздо реже. Каждую новую барышню, которая встречалась на его пути, он сразу же предупреждал, что союз с ним ни к чему не приведет и закончится плохо, но сам втайне всегда надеялся на лучшее. И только тогда, когда все действительно плохо заканчивалось, он дарил ей на прощание свою поношенную надежду, ведь ему эта вещь уже была не нужна.
50. Я сказал ему в лоб: «Ваша жена меняет болезни, будто платья!» — «Что ж делать, — манерно ответил он, — они ей так к лицу!»
51. У одних женщин есть вкус, у других — только цвет и запах.
52. «Нечестивец! — возопил Саваоф. — С кем зачинал ты! С чужими женами!» — «Но у меня же не было своей, — отвечал я. — Кто виноват в этом? Уж, верно, Ты, Добрейший, если правда, что браки заключаются на небесах!.. Но перед Тобою — лицом этих небес — разве не я являюсь истинным мужем всех осчастливленных мною жен?»

53. Бессовестность мучает меня гораздо чаще и сильнее, чем совесть. Бывает, поступишь честно, а потом полночи укоряешь себя: дескать, а мог бы ведь схитрить — и выгадать! Но нет совести, есть желудок. Бессонница — всего лишь результат крайностей в процессе пищеварения (либо голод, либо обжорство).
54. Я сказал ей: «Тебе было бы полезно прислушаться к мнению матери, ибо никто так верно не судит об искусстве, как те, кто в нем не разбирается.» Но мой мотив уже влюбился в ее рифмы.
55. Похоже, мотив воплощения желаний заключен лишь в собственной силе человека. Возможности есть всегда; были бы силы, чтобы переступить через невозможность! — Чем меньше хочешь, тем меньше получаешь (Закон Регрессивной Последовательности). И самое главное не в том, что я все могу, а в том, что мне все можно.
56. «О лукавейший из смертных! — возмутился бог Саваоф. — Ты столько раз продавал душу дьяволу!» — «Предобрейший, — отвечал я, — сколько раз продавал, столько раз и выкупал я душу свою. Продажа — дело момента, но не вечности. Никогда, ни за что и никому не подарил бы я души своей, ибо знаю, что только дарение непоправимо.»
57. Чтобы пребывать в настоящем, следует забыть о прошлом. Чтобы двигаться в будущее, не стоит держаться за настоящее.
58. Первенцев зачинают по весне.
59. Влюбленные боятся разомкнутого пространства. В своем же замкнутом они заводят духа-хранителя, того третьего личного, через которого общаются друг с другом, — потаенные мысли и застенчивые тайны им легче выдавать через посредника, пусть и мифического. С этого существа начинается их творение, это же существо станет и первой их жертвой, принесенной на алтарь Действительности.
60. Она сказала: «Больше всего на свете мне хочется, чтобы люди рядом со мной радовались и веселились. Я хочу веселить людей. В идеале я хотела бы быть клоуном.» Желание показалось мне очень симпатичным, на какое-то время я даже забыл о том, что не люблю клоунов. Но спать с нею я так и не смог: слишком нелепо спать с клоуном.

61. Когда я один, мне хочется быть с женщиной, когда я с женщиной — хочется быть одному... Почему мне так трудно сделать выбор? — Потому что во всех возможных вариантах я вижу свои плюсы — всегда и во всех; свои, а не чужие.
62. Как сказала мне знакомая трехцветная кошка Лаурка: «Приносящий счастье совсем необязательно счастлив сам.»
63. Ливень подстерег нас на выходе из-под моста. Это был необычный ливень, он шел не только сверху, но и с боков и даже снизу. Наши зонты оказались поверженными на первой же минуте. В абсолютной темноте (инстинкт!) она подняла что-то с земли: предмет оказался большой фаллосоподобной картофелиной. Принесли находку домой. На следующий день сварили из этой картофелины суп... Порою мне кажется, что я никогда не ел ничего вкуснее.
64. Если я не выношу людей, это еще не значит, что мне не интересны женщины. Именно мизантроп, как никто другой, чувствует между ними разницу.
65. Нечаянно он слегка подтолкнул ее локтем и тут же промолвил: «О, извини...» — «те» он проглотил, разглядев ее молодость. Она вышила тончайшую кружевную паузу и ответила: «О, хоть две сотни раз.» И ему нестерпимо захотелось сделать еще сто девяносто девять таких же легких и нечаянных толчков...
66. Она попросила: «Ну скажи же, что мы с тобой куда-нибудь поедем! Ну соври же мне! Я же женщина!» Я ответил: «Я не буду врать. Я же мужчина.»
67. Одно дело — говорить не то, что думаешь, но иное — думать не то, что думается! Такой высший пилотаж лжи доступен только женскому разуму. И я бы восхищался им, если бы не испытывал отвращения. А отвратительнее всего, что подобную ложь не может зафиксировать ни один детектор, кроме — извините — холодного сердца. Но мое сердце слишком горячо. Мое сердце в горячке... И вообще, видимо, я из тех, кому умирать сподручнее, чем лечиться.
68. Я не боюсь врать, но я стесняюсь.
69. «Но ты, сукин сын, — разгневался бог Саваоф, — публично заявил, что бог и любовь — две совершенно разные вещи! Как повер-

нулся твой язык сказать такое?» — «Признаюсь Тебе, Предобрейший, — отвечал я, — что сказано было даже большее: это две несовместимые вещи. Но ведь так оно и есть! Ведь это правда! Поверь же и Ты в правду, Добрейший. Я знаю, что такое любовь. Посмотри в зеркало и поймешь, что ничего общего с Тобой она не имеет. У любви нет ни бороды, ни лысины. Уж прости меня, Добрейший, я не Кант, мои доказательства простоваты.»

70. Постепенно в нашу организацию потянулась молодежь — целеустремленная, но неопытная. Товарищи попросили меня прочесть для нее цикл лекций. Определились предметы: любовь, ненависть, история сексуальной революции (краткий курс), теория постоянства. Незадолго до первых практических занятий наше полулегальное училище разворошили представители власти. В красном уголке у нас висел транспарант «От любви не предохраняются! (Д.Гуан)» и надутый презерватив. Транспарант блюстители порядка расловили (кощунство), презерватив прокололи французской булавкой (непоследовательность). Мне инкриминировали пропаганду опасного секса. Учеников отправили в летние лагеря.
71. Объяснительная в любви. Использование семейного положения в корыстных целях. Лишение покоя сроком от двух до трех лет. Безусловно.
72. Я человек экзистенциальный, я футболист. Все летящие в мою сторону мячи я либо ловлю, либо отбиваю, но никогда не уклоняюсь.
73. У него было несколько любовниц, но ни одну из них он не любил — всех по-разному. Зато он любил играть с ними в любовь. Это было любопытно, это была игра на грани нервного взрыва. Сделав очередной ход, он, очертя голову, жаждал поделиться с кем-нибудь своим приключением, его распирало! Но открываться друзьям было нельзя: по правилам игры именно им он и ставил рога (в два хода). Подругам — тем более, ведь именно им он и изменял. Невозможность выговориться усугубляла опасность игры — он позволял себе умышленно проговариваться, просыпать намеки, ронять имена и фразы, дарить поводы. Он дразнил и давал форы. Но никто и не думал его обыгрывать: все они играли в другие игры, во взрослые.
74. На каждую тварь всегда найдется тварь еще большая (Закон Пар).

75. Выслушав мои аргументы, нахмурился добрейший бог Саваоф. И понял я по лику его, что произнесет он сейчас свое самое страшное обвинение. И стало так. «Ты — безбожник! — произнес он суровым шепотом. — Ты — атеист! Ты смел утверждать, что меня не существует!» — «Как ни бесценно гостеприимство, — отвечал я, — истина дороже. А истина в том, что Бога нет.»
76. Свифт советовал мне всегда быть на «ты» с богами и журналистами.
77. Один знакомый пианист сказал о женщинах так: «Все они алчные». Он произнес эти слова, растопырив пальцы обеих рук во всю свою аппликатуру. И я согласился... Чуть позже выяснилось, что у этого пианиста есть тайная квартира, на которой он встречается с мужчинами... Я до сих пор спрашиваю себя, что в этой истории причина, а что следствие?
78. Гамлет (поигрывая в бильбоке): «Твои объяснения в любви не убедительны. Они ничего не объясняют.»
79. Некто Р. Р. сочинил сценарий. Действие разворачивается в ближайшем будущем в городке условной Италии. Розовый квартал и Голубой квартал. Лесбийская семья и семья гомосексуалистов. В первой — тринадцатилетняя девочка, во второй — пятнадцатилетний мальчик (дети из прорбок). Обоих воспитывают во всей ортодоксальной строгости. Но совершенно случайно они вдруг встречаются, знакомятся и влюбляются друг в друга. Родители, естественно, против их неестественной связи... В общем, кончается все гибелью детей. Сценарий назывался «Ромео и Джульетта» и имел, на мой взгляд, массу художественных достоинств. Автор носился с ним по разным инстанциям, предлагал и мужской, и женской киностудиям. Но постановку не разрешили.
80. Мужчина стремится к идеалу, женщина — к идее.
81. Товарищи поймали меня на опасной привычке — говорить за глаза о людях всякие хорошие вещи. Я пообещал исправиться.
82. Я бы мог рассказать о ней много хорошего, но не буду. Зачем? О каждом человеке можно при желании навспоминать массу достойнейших деталей, но — вот ведь незадача! — это совсем не означает, что этот человек — хороший человек.

83. Она взяла помойное ведро и под предлогом выноса мусора пошла меня проводить. Внизу на морозе достала из-под куртки пригретую на груди бутылку пива. Мы опустошили помойное ведро, и об его обод я открыл бутылку. Потом быстро пили, заполняя паузы между глотками долгими поцелуями. Наши рты дышали друг в друга запахом лука. Пьянели уже порознь: я на холодной автобусной остановке, она в теплой кухне, где гости уже доели луковый салат.
84. «Но я же есть! — возопил Бог. — Вот же он я! Я сижу прямо перед тобой, ты можешь пощупать меня, ощутить мое тепло, узреть мой свет, почувствовать мои вибрации! Вот тебе весь спектр качеств, присущих только тем вещам, которые существуют на самом деле!» — «Много видел и ощущал я вещей, которых, как выяснилось, нет и никогда не было, — ответил я. — Прости, Предобрейший, но Ты — самое сомнительное Свое доказательство.»
85. Приживается, как правило, одно из двух — либо любовь, либо возлюбленные.
86. Итак, вы читаете драматическую мистерию «Дон Гуан как зеркало мировой революции». Участвуют: Я. Она (в исполнении разных лиц). Ты. Бог Саваоф. Бог Люцифер. Богиня Действительность. Демоны Питон и Азриэль. Могильщики Жан и Пьер. Мартин Лютер в роли лакея. Христофор Колумб в роли адвоката. Все персонажи — вымышленные, как и сам автор.
87. Сейчас, господа заседатели, я раскрою вам тайну, самую страшную мою тайну, которую я не открывал никому, даже своим товарищам: у меня не было первой любви.
88. Сердце похоже на банку со сгущенкой — чтобы из него потекло, нужны не одна, а две дырки.
89. Когда у меня в очередной раз открылось сильное кровотечение — и на этот раз уже из совершенно неожиданного места, — мы страшно смеялись, представляя, как ворочается в своем гробу Генри Миллер, ворочается и икает от красной зависти.
90. Иногда она говорила мне: «Я тебя убью». Говорила так полуразборчиво-нежно, что я не был уверен, произносит она «убью» или «люблю». И я всегда принимал это как нечто среднее между тем и тем, между убью и люблю... Но однажды она действительно сказала, что любит меня. И я почувствовал разницу...

91. Ее откровенность — это мое откровение.
92. В трамвае случайно он заметил знакомое лицо. Долго рассматривал, присматривался, смотрел в упор и исподтишка. Лицо молодого человека, по виду его ровесника, казалось почти родным. Наконец в голове всплыли детали: давным-давно, еще в гимназии, они вместе очутились в какой-то экстремальной ситуации: в какой-то потасовке, драке, побоище. Они были там бок о бок, кулак о кулак... Но ему так и не удалось припомнить: был ли этот человек на его стороне или на стороне его врагов. Помог он или предал? Память не сохранила этой подробности. Его памяти именно это показалось безразличным.
93. Время забирает чувства, а оставляет лишь мысли. Точнее, слова. И я уже не помню, что имел в виду, когда записал на обложке Набокова: «Порвалась связь имен. Ты одержала поражение. Я потерпел победу.»
94. «Ты, — тихо сказал мне бог Саваоф, — нечестивейший из нечестивых. Ты меня очень огорчил. Я вправе окунуть тебя в геенну огненную. Почему я до сих пор не сделал этого? Только по одной причине: при всех своих отступлениях от моего замысла, ты остался по сути ребенком, ты не погряз в безвкусице взрослости. А я не люблю взрослых, я люблю детей. Ты мой трудный ребенок. Этим ты мне и симпатичен, черт бы тебя задрал! Придется дать тебе последний шанс.»
95. Мы сидели под масличным деревом. Истекала последняя зрячая минута Гомера. Он наклонился к моему уху и прошептал: «А ты знаешь, что боги слишком неразборчивы в любви?» Раздался долгий раскат грома — кто-то вспорол холст гомерического неба тупым кухонным ножом...
96. О вы, возлюбленные мои! Вы — всего лишь ступени моих потемкинских лестниц, по которым я взбираюсь к себе, — я, смертный, к Себе Богоравному. Я любил вас, я же и наступал на вас. Я люблю вас, я же вас и оставляю.
97. Сновидение. Снились пьедесталы, рамы и переплеты.
98. Мне нужно идти вперед. Мне необходимо двигаться вверх. Поэтому мне приходится прощаться с вами. Ибо тот, кто движется, должен миновать. Ибо тот, кто хочет обрести, должен сначала

- потерять. Но никто не может потерять своего, как никто не в силах удержать чужого.
99. Если любимая говорит тебе: «Я не хочу тебя терять», — это значит, что она уже приготовилась к потере.
100. Она сказала: «Я люблю только тебя. По большому счету, — тебя одного... Ты же знаешь: меня покрутит, побросает туда-сюда — конкретно так побросает, — но потом я все равно вернусь к тебе!» Я представил (синематограф, очень узкий экран): двадцать лет спустя — какой-нибудь городок в Исландии — дом преждевременно почившего врага — я с вставным хеппи-эндом — и, наконец, оно — тотальное возвращение! Бис!
101. Почему-то в моей сказке золушки всегда опаздывают.
102. Еще не вечерело. Он в тихом замешательстве стоял у батареи и глазел на пустую улицу. Напротив окна в садике появилась девочка лет десяти. Он понял, что она его не замечает, и испугался. Он подумал: не подозревая, что ее кто-то видит, она может сделать что-нибудь, за что ему, как невольному наблюдателю, потом всю жизнь будет стыдно. И он отступил на шаг вглубь кабинета, всего на один шаг, не более... Девочка достала из-за пазухи кусочек овсяного печенья и принялась кормить птичек.
103. Когда ваша трагедия превратится в факт, не спешите принимать себя всерьез. Между фактом и трагедией всегда есть короткий промежуток для смеха — для последнего безумного смеха. Это самое глубокое место во внутреннем мире, его имя — раблезианская впадина.
104. Мне приписывают всякую прописную болтовню, всякие фразки, типа «Семя есть — ума не надо», или «Мир не без добрых блюд», или «Все в наших руках, а наши руки в...», или «Счастливые не наблюдают циклов»... Уверяю вас, господа заседатели, я никогда не снизошел бы до такого стиля, потому уже, что подобную ерунду в силах придумать каждый третий. А самое главное: то, что вы называете игрой слов, для меня является жизнью слов.
105. Увы, я не умею получать удовольствие от чужого несчастья, даже от несчастья злейшего своего врага.
106. Плоть слаба только тогда, когда за ней ничего не стоит. Случилось именно так: он весь куда-то вытек и сквозь его плоть просве-

- чивала початая Луна. А у нее был совершенно безграмотный муж — то ли парикмахер, то ли галантерейщик, — поэтому она весь вечер компенсировала свой брак цитатами из любовников («Плоть слаба!»). И утром выдала постскрипtum: «Не важно, каков мужчина ночью, важно — каков он утром.» Но он не стал выяснять, благодарность это или жалоба; ему еще слишком многое нужно было простить ей — даже свое беспамятство, даже несвежесть ее дыхания.
107. Я бы застрелился от стыда, если бы вдруг встретил человека, который знает обо мне всё — всё, что знаю о себе я сам.
108. Мы вообще о себе слишком плохого мнения. Своя репутация — самая подмоченная. И в то же время, мы никак не можем согласиться с тем фактом, что вся наша личная жизнь — сплошное блядство. И если бы только личная! Блядство — во всем. Блядство на всех уровнях и в любых сферах, блядство как таковое — без нравственных оценок и морализаторских выводов. Блядство как контрреволюция.
109. Лучший отдых — перемена партнера.
110. У меня есть подруга. У тебя есть друг. У твоего друга тоже есть подруга. У моей подруги тоже есть друг. У этого друга есть подруга. У этой подруги есть друг. У того друга тоже есть подруга. У той подруги тоже есть друг... И так до изнеможения. Все немножечко спят. Так, дремлют. И все гадают: замкнется — не замкнется?
111. Спящие люди — либо нужно через них перешагнуть, либо прилечь сбоку и уснуть за компанию. Тормозить, будить их — увы, бесполезно и бессмысленно. Лицо спящего человека — это гримаса искренности.
112. От женщин, которые не хотят за меня замуж, я ухожу. От женщин, которые жаждут этого, — убегаю.
113. Вот вам, господа заседатели, моя революционная щепетильность. — Я готов простить женщине, если она изменила мне, но никогда не прощу измены моим принципам!
114. Такова природа моего магнетизма — в конце концов я отталкиваю то, что сам притянул слишком близко.
115. Что наши чувства? Всё, в сущности, боль. Не более.

116. Я говорю, а жизнь сдерживает мое слово. Когда-то я сказал или даже поклялся, что полюблю только ту женщину, которая будет достойна моих комплиментов. И вот — встретил тебя. В очередной раз сработал Закон Бумеранга.
117. Замкнулось! У друга есть подруга. У подруги есть я. У меня есть ты. Чтобы оказаться вместе, понадобился длинный витиеватый путь живого кровосмешения... Но у тебя тоже есть друг, а у меня тоже есть подруга... Все это, как судьба однажды сворованной вещи, — ее будут воровать вновь и вновь.
118. Он прокрался за нею в прихожую. Хотелось успокоить ее, но гороздо сильнее было желание просто побыть с нею еще хотя бы несколько секунд наедине. Он что-то прошептал, она ответила: «Спасибо», — и сделала то движение, тот жест, который так его изумил и измучил. Изумляющим — и прекрасным — было то, что спустя каких-то три минуты, когда он, уже распрощавшись, прокручивал в мыслях всю сцену, то никак не мог вспомнить, как именно этот жест выглядел, в чем заключалось это движение? В памяти осталась только приятная суть происшедшего. И он понял, что произошло чудо — форма бесследно растворилась в содержании.
119. Мои друзья, которые холодно отзывались о тебе, перестали быть моими друзьями. Твои друзья, косо смотревшие на меня, сделались моими врагами. Твой брат оказался моим недругом. Твой лучший друг стал моим злейшим врагом.
120. Могильщик Пьер советовал мне: «О врагах — либо хорошо, либо ничего.»
121. Командор был типичный *homo moratus* — человек порядочный. Аккуратный, непьющий, с синицами в руках, румяной лысиной, занятиями спортом, здоровыми запросами, карманной сметой, букетами из трех гвоздик, планами на два поколения вперед, погибшим первым браком и вызывающей безликостью... Меня унижала сама мысль, что ты можешь стать пунктиком этого перечня. Я должен был разрушить вашу крейцерову пастораль, хотя бы уже из протеста дурному вкусу.
122. Почему я никуда не спешу? Потому что в любом деле для меня главное — победа, а не участие.
123. Но не бойся, разрушение приносит только пользу. Ведь разрушая — разрушаешь иллюзии, как и созидая — созидаете их же.

- А иллюзии лучше разрушать. То же, что таковыми не является, то есть настоящее, — разрушению не подвластно, оно будет всегда, ибо оно просто есть.
124. Ящерица, которая не умеет отбрасывать свой хвост, в конце концов превращается в анаконду.
125. Сновидение. Зоопарк. Меня держат в клетке вместе с огромным старым Питоном, растянувшим свое мясистое тело по всему периметру. Питон сильно болен, полумертв, он почти не двигается, только тяжело дышит и иногда кашляет. Сквозь решетку я наблюдаю, как возле клетки напротив какая-то пожилая дама навещает обезьянку. Дама долго стоит возле изгороди, гладит обезьянку по руке, кормит финиками. Питон объясняет мне, что когда-то эта обезьянка была молодым человеком, возлюбленным дамы, но их союз разгневал богов весны, и те превратили молодого человека в животное. Уже много-много лет он и она могут встречаться только здесь, в зоопарке. «Будь осторожен! — предостерегает меня Питон. — Боги нынешней весны только и ждут, как бы превратить тебя в медведя!»
126. Пройдет еще пять минут, и я проснусь, радуясь, что придумал повод для звонка тебе...
127. Алло? Телефонные встречи. Телефонные свидания. Телефонный роман. Телефонная любовь. Телефонное супружество. Телефонные дети. Телефонные сцены. Телефонный развод. Пиип. Пиип. Пиип. Пиип. Пиип. Пиип...
128. Чтобы твое молчание услышали, надо быть на слуху. Шлейф опереточного героя преследует меня. Видимо, таков человеческий удел любого архетипа. Герой, посмеявшийся рассердить небеса, на земле выглядят посмешищем.
129. «Так дай же мне этот шанс,» — сказал я богу Саваофу. На что тот отвечал: «Вот он, бери. Только это будет очень мучительный шанс. Слушай внимательно. Ты отправишься туда еще один раз — последний, учти и помни это. Впрочем, вспомнить это ты не сможешь, как не сможешь вспомнить и еще множества важных вещей. Ты даже не будешь знать, зачем ты живешь и каков твой смысл. На этот раз ничего я тебе не дам, а, наоборот, все отниму. У тебя не будет ни имени, ни состояния, ни связей, ни везения, ни трудолюбия, ни призвания, ни друзей. Я запущу тебя в такое время, в такую страну, к таким родителям, что ты и задуматься

- не посмеешь о том, кто ты на самом деле. Тебе останется только терпеть и выживать. Вот так вот, милый мой.»
130. И я сказал ей так: «Лучше ночи с тобой может быть только жизнь с тобой.» Фраза, которая могла стать революцией, но осталась только литературой.
131. Почти все мои сновидения заканчиваются какой-нибудь литературной фразой, которая уже, вроде, ко сну и не относится, а в явь явно не вписывается. Эти полусонные советы, правила, законы — именно они будят меня. Они же делят мою биографию на несколько чужих и перетасовывают многие жизни в одну судьбу.
132. Прошу обратить внимание, господа заседатели, на некоторые статистические выкладки. Средняя продолжительность моих жизней — тридцать пять лет. Процентное соотношение между насильственной смертью и самоубийством — шесть к одному. Естественная смерть отсутствует вовсе (не берем в расчет случай, когда я в сорокалетнем возрасте сошел с ума и практически покинул свое тело, хотя моя вдова еще девять лет ухаживала за ним самым обстоятельным образом). Мною написано восемнадцать автобиографий, средняя степень достоверности которых составляет 84,4%. Выдержки из некоторых поданы вам в письменном виде.
133. Что я больше всего ценю в людях? — Умение понимать намеки. Что я ценю выше этого? — Умение говорить прямо, без намеков.
134. Меня никогда не страшили отказы. Но я стал бояться твоего молчания. И тут ты сказала: «Думаешь, я не могу согласиться? А я — не могу отказаться.» И воск этих слов намертво закупорил мои уши.
135. И вновь на пятки наступает счастье.
136. Тот, у кого в голове мозг, — революционно мыслит; у кого — воск, — революционно действует... После ужина мы с товарищами разработали Свод Законов. Эти законы не нужно было исполнять, им не нужно было подчиняться, их не нужно было даже придерживаться; эти законы нужно было просто иметь в виду. А уж имея их в виду, можно было избежать некоторых ошибок... Избежать ошибок мне не удалось, но законы и по сей день не дают мне покоя.

137. «Спасибо! — сказал я богу Саваофу и поклонился. — Теперь я не сомневаюсь, что передо мной Предобрейший! Доброта твоя не имеет границ, и подарки твои бесценны! Только бог может быть так милостив к человеку.» — «Не юродствуй! — пригрозил мне Саваоф. — Да, мое право — наказывать и отнимать. Для того, чтобы дарить и миловать, есть у меня брат — бог Люцифер. Вернись к нему своим лицом, возможно, он даст тебе что-нибудь в дорогу.» Тут увидел я, что в третьем кресле сидит еще один бог, как две капли воды похожий на первого. Должно быть, из-за такого сходства я принял его за отражение и поэтому не заметил раньше. И обратил я свое лицо к Люциферу.
138. Революция начинается с вызова своим привычкам, а кончается изменой собственным принципам. Это неумение чувствовать разницу между привычками, принципами, комплексами и суевериями есть психологический дальтонизм.
139. Принципы — это вредные привычки, от которых труднее всего отказаться.
140. Я уйду от тебя ранним утром. Каждый раз все раньше и раньше. А прихожу (возвращаюсь?) все позже и позже. Можно представить, что однажды я приду так поздно, а уйду так рано, что время нашего свидания просто сойдет на нет. Но это — только умозрительное допущение, это — математика, физика, футурология — науки, не имеющие отношения к нашему с тобой действительному миру. Ибо, когда бы я ни приходил, когда бы я ни уходил, — в нашем распоряжении вечность. Жаль только, что нет ничего короче ее.
141. Бывает, успевая, ты можешь потерять больше времени, чем опаздывая.
142. Я не могу позволить себе ждать и жалеть. Это самая развращающая роскошь для того, кто претендует быть здесь и сейчас, ибо сожаление и ожидание — это категории прошлого и будущего, но никак не настоящего. Ибо в ожидании и в жалости человек одинаково слаб — слаб своим отсутствием. Ибо...
143. Я заметил: если в сновидении начинаешь чего-то ждать, то обязательно просыпаешься, так и не дождавшись желаемого. В жизни наоборот: начинаешь чего-то ждать — и засыпаешь.
144. То, что откладывается на завтра, не случается никогда (Закон Растраты Энергии).

145. Характерная черта этой книги: в ней только один отрицательный персонаж — я сам. Все остальные — положительные.
146. Кончилось время проклятий, настало время наставлений. И обратился ко мне бог Люцифер: «Я тоже тебе ничего не дам. Зато я оставлю тебе кое-что из того, что у тебя уже есть. Это и будет моим божественным даром тебе, неоднократно смертному. Я оставляю в твоих внутренних карманах три лучшие добродетели — желание любить, умение любить и возможность быть любимым. А теперь слушай самое главное, получеловек. Если ты правильно используешь эти подарки, то проклятия моего брата не станут для тебя фатальными. Если ты поймешь, что для тебя важнее всего, и среди сотен встречных женщин разглядишь одну — попутную, ты сам поднимешь над собой паруса счастья. Но помни: монету любви нельзя разминать.»
147. Я всегда искал половину, а находил всегда только четверть.
148. Сновидение. Завтрак перед моей казнью. В окно столовой я вижу дом, с крыши которого меня должны столкнуть согласно приговору. Казни можно еще избежать — стоит только отказаться от кое-каких своих убеждений. Но отказываться не хочется, никак не хочется! Я ем творог с изюмом и думаю о том, что прав в этой ситуации я, и, стало быть, на моей стороне справедливость. Рядом со мной за столом сидит Азриэль. «У меня еще есть один шанс, — говорю я ему, — ведь должен же победить здравый смысл!» — «Брось, — отвечает мой мрачный демон. — В здравый смысл верят только сумасшедшие.»
149. Накануне в мою камеру прилетели почтовые голуби. «Прививок от оспы больше не делают, — сообщили они, — болезнь побеждена...» Жаль, в твоём следующем воплощении одной маленькой прелестью на теле будет меньше.
150. Как только Люцифер договорил, в зал вошел лакей и доложил, что кушать подано. Обед был более чем скромен. Саваофу принесли виноградную гроздь, Люциферу — чашку бульона, мне же — малинового цвета пудинг и бокал пунцового вина. Я попробовал кусочек пудинга, запил вином — и почувствовал себя слабым и бесполезным. Божественные близнецы помахали мне ручками, и я стал засыпать, тяжелеть, приземляться... Кто-то из них шептал: «Различи... Отыщи... Десять...» Дальше пошли сновидения.

151. Что дала мне любовь? За какие-то два года превратила из революционера в стряпчего. Я отстал умственно и не преуспел нравственно. Мой и без того куцый род окончательно загнивает. То, что из себя прежнего я приберег на черный день, ужасно обижает тебя в дни светлые. Так чему же я так улыбаюсь, когда иду по улице и думаю о нас?
152. Трагедия Сократа в том, что он слишком любил Ксантиппу.
153. Нет ничего необходимого. В принципе, в этом мире без всего можно обойтись. И если любовь — лишь страх пустоты, то стоит ли жить страхом?
154. Я не устал — просто вырос из собственного я. С каждым вдохом я заглатываю все меньше и меньше воздуха. Когда я передвигаюсь в пространстве, из меня высыпаются остатки неосуществленных замыслов. Я передумал столько, что мыслю исключительно цитатами из себя. Вечера мне приходится туго пеленать и складывать в бак с грязным бельем. По утрам я открываю холодильник, будто Америку, и мой холостяцкий омлет похож на карту чётного полушария. Время меня не усыновило.
155. Человек должен умирать, чтобы не наскучить самому себе. Интерес к себе самому — это и есть стимул жизни, господа заседатели. Потеряв любовь единственной из женщин, утратив любовь к Богу и его божественной истине, я все еще имею силы жить, потому что я все еще люблю Себя. Увы, с каждым днем все меньше и меньше... Нарцисс погиб оттого, что разлюбил свое отражение.
156. Говорят, они умеют любить на расстоянии и сквозь годы. Говорят, их союзы постоянны, а чувства взаимны. Говорят, их не берут никакие великие болезни. Говорят, что первые из них вышли из каких-то летних лагерей и теперь рассеялись по всему миру. Говорят, что многие из них хранят в своих домах портреты Дона Гуана, на которых — сперва по недоразумению, а потом по традиции — изображен Христофор Колумб. Если это те, о ком я думаю, — я ставлю им зачет.
157. Мне не удержать этот дар. Его слишком много, он мелок и рассыпчат, как бисер; я наполняю им все, все пустое, я добавляю веса суете и невесомости, я распикиваю его по всем карманам, прорехам и просчетам, но он исчезает между пальцами — бисеринка за бисеринкой, — высыпается из щелей, закатывается под

- кровать, под письменный стол, под тебя, попадает под ноги посторонним, его находят чужие, хранят, коллекционируют по частичкам, перекатывают по собственной пустоте, меняют на другой цвет и размер; и всю эту необъятную горсть уже не восстановить в прежнем виде. Мне не удержать, не выдержать, не удержаться...
158. И Он спросил меня: «А ты страдаешь?» — «Я — нет. Но мир во мне страдает.»
159. Когда он понял, что остался один, он остался совсем один. Он решил дойти в своем гордом одиночестве до максимума. Стал одинаково холодно относиться к друзьям и врагам, победил свою привязанность, предал своих богов. Потом убил бога в Себе. А потом уничтожил и свое второе я — и тогда его бесконечный мысленный диалог с самим собою превратился в монолог. Спусти еще некоторое время он заметил, что стал думать о себе в третьем лице. Он больше не употреблял слово «я». Он говорил о себе: он... он... он...
160. Я покидаю твой дом ранним-ранним утром. Еще один небольшой антракт в вечности. Можно отправиться к себе, выпить чашку кофе, выспаться, закончить роман, сходить в парикмахерскую... Вечность никуда не убежит; когда-нибудь мы наполним ее нашими жизнями до краев — вот так же, как сегодня ночью наполнили нашей любовью действительность. Зачем? — Чтобы понять друг друга, оставаясь самими собой. Думая об этом, я удивляюсь неожиданной простоте замысла и успеваю мысленно дописать последний абзац своей бесконечной книги.
161. Любая война — это война эгоизмов. Любой мир — мир одиночеств. Любовь — перемирие одиночеств в войне эгоизмов.

Санкт-Петербург, апрель 1998

АВТОРСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

I. МЫСЛИ ПАСКАЛЯ

Из всех так называемых философов мне дальше всего Паскаль. Он ровно настолько циничней и безрадостней Монтеня, насколько вообще мысль циничней и безрадостней опыта.

НИЦ.

Частенько я подумываю о том, что людям только кажется, будто боги умирают гораздо реже, чем они. Вовсе нет. Просто-напросто боги чаще рождаются.

Мне кажется, что никакого секрета гениальности нет. — Существует изначально правдивая картина мира, изрядно засиженная всякими философствующими мухами, привыкшими мыслить банально и испражняться штампами. А тот, кого позже назовут гением, лишь стирает своим штопаным рукавом эту грязь и приоткрывает кусочки истинной живописи. Он просто демонстрирует людям позабытую правду. Для этого даже не нужно быть художником, наоборот, — ассенизатором.

Все чаще я задумываюсь о том, что самое трудное в любви — остаться собой, не растворить свое Я в обожаемом предмете, словом, перетерпеть. Понять это в силах только тот, кто переступил через любовь и своими глазами увидел, что есть нечто, что больше любви, — есть ничто. Просто ничто. Это даже не ненависть...

Нынче все мысли мои об одном: что же мешает простому человеческому счастью? — Дефекты мировоззрения: близорукость — у мужчин и дальнорукость — у женщин. В этом весь фокус.

Я подозреваю, что понятие верности мужчины и женщина трактуется по-разному. — Женщина хранит верность лишь первому своему мужчине. Мужчина — лишь последней своей женщине.

И ведь вот что интересно: женщина, как правило, если и обладает лицом, то заимствованным — у своего кумира-мужчины. Редкая женщина имеет собственное лицо, женское.

Сегодня утром я проснулся и подумал: люди разделились на тех, которые ищут, и тех, которые находят.

По-моему, когда говорят о ком-то: «Он, мол, живет воспоминаниями», — то имеют в виду, что этот некто «живет» скудным наборчиком оставленных в прошлом мгновений существования, которые он считает счастливыми или хотя бы удачными. Но дело в том, что таким образом он только сам себя обкрадывает и обедняет. Ведь он — не помнит себя. Избирательная память гораздо хуже, чем амнезия. Воспоминания полезны лишь в неограниченных количествах. Но разум противится этому — он все время хочет жить избранными воспоминаниями.

Замысел мой заключается в том, что для вас я — именно тот, за кого вы меня принимаете. Именно тот. Но только для вас.

Ночью была бессонница... Я раздумывал: странное существо — женщина! Почему? Пожалуй, она больше, чем человек. Поэтому в этом мире она и выглядит так глупо. Ведь здесь мужчина — абориген. А женщина... Ее распирает невесомость, и она вынуждена запастись балластом — и хвататься за все, что попадает в поле ее осязания. Чтобы не взлететь раньше времени. То есть, — раньше мужчины?

Никак не мог спокойно пообедать, так как думал о героях той трагедии, что повторяется в виде фарса. Им ведь приходится умирать под сумасшедший хохот толпы, а не под плач и скорбное молчание...

В мою голову закралась мысль: если снисходительно относишься к подлецу, то сам снисходишь до подлости.

А я вот, напротив, все думаю, что по сути своей мужчина — это животное, а женщина — это растение. В смысле — фауна и флора.

Шальная мысль посетила меня: если у твоего противника нет слабых сторон, то надобно использовать его сильные стороны. И дело тут не в благородстве: пользоваться силой, а не слабостью — так оно умнее и надёжнее.

Иногда я подумываю еще вот о чем. Каждый человек носит в себе свою личную историю. Но иногда встречаются редкостные экземпляры — они таскают с собой историю всемирную. Тогда и начинаются революции.

Размышления мои таковы. Когда научишься терять и потери станут для тебя привычным делом, когда научишься тратить и утра-

ты перестанут огорчать тебя, только тогда ты вдруг почувствуешь, что не теряешь времени понапрасну и не тратишь силы впустую.

Хотелось бы думать, что любовь — всего лишь доброкачественная опухоль. Некий крылатый нарост на душе.

Прервав свои размышления, заявляю не очень категорично: умная мысль, если и заползет случайно в глупую голову, то недолго там протянет — захиреет, облупится, растечется — и станет-таки книгой. Львиная доля литературы именно такого происхождения.

Провожая свою мысль, скажу, что смелый человек и трус молчат принципиально по-разному: трус в молчании прячет смелые мысли, а смельчак — трусливые. Пожалуй, полезнее прислушиваться к молчанию труса.

Никак не могу отделаться от мысли, что помощь наконец-то утратила всякий смысл. Люди уже стали настолько беспомощны, что не только не могут оказать помощь — они даже не способны ее принять.

Судорожно думаю, что тайное неверие в какую-либо Идею только придает этой Идее блеск и законченность. — Профаны предпочитают профанацию.

Стараюсь не думать... Но эти мысли лезут мне в голову, как рожон. Вот, например, еще одна: лучше всего лечит не время, а его отсутствие.

Я так часто думаю! Эти мысли, они так и противоречат друг другу... Есть все-таки секрет гениальности, и он гениально прост! Гениальность — это полное игнорирование всего уже существующего.

Бог мой! Эти... мысли! Доколе же я буду искать антоним к слову «самоубийца»?! Разве же есть слова без антонимов в этом до отращения симметричном мире?.. А каков антоним к слову «бессмертный» — «безродный»?

А вы когда-нибудь задумывались о том, что умение поймать стоящую мысль — это еще не литература. Литература — это приготовленное из мысли блюдо. Поэзия — настоянное на мысли вино.

Санкт-Петербург, 1996

II. ЛИРИЧЕСКОЕ ИССТУПЛЕНИЕ

Мне тяжело среди людей,
Но людям много тяжелей
Среди Меня...

Истина — пища богов. Человек с непривычки может ею и отравиться. Поэтому предпочтительнее употреблять это сильнодействующее средство гомеопатическими дозами — разбалтывая крупицу истины в несоразмерном количестве пресной воды. Чем я и занимаюсь...

Людям не всегда хочется того, чего они хотят (улавливаешь разницу?). Однако — такое впечатление, что все кругом знают, чего хотят, но я подозреваю, что им это только кажется. Мне же бог и вовсе не дал хотения. Вернее, может, он и давал, да я почему-то не взял. Как же я живу? Да очень просто: некоторые вещи не хочу сильнее, чем другие.

Иногда общение разобцает. Разучился говорить с людьми — скучаю, делаю виды... То ли я такой дурак, то ли они такие умные?.. Общий язык нахожу со всеми, частный — ни с кем.

Мир не делится без остатка. — Не пора ли уже хоть это понять и перестать разрезать этот мир по живому — на черное и белое, на оптимизм и пессимизм, на гений и злодейство. Вся мерзость размножается именно делением.

Люди, как правило, измеряют глубину провалами, а высоту — прыжками. У меня другие единицы измерения. Другие единицы в других измерениях. — В величинах я ищу постоянство, а в постоянстве величину. Назовем это так: Мания величия имени постоянства (лат.).

Но есть еще ценители, знающие толк в радости, любви и даже счастье. Они умеют разыскать эти редкостные диковинки в самых укромных уголках безрадостной, ненавистой и несчастливой жизни. И при этом — они не собирают коллекцию, а раздаривают приобретенное благо направо и налево, ибо всякому истинному ценителю претит идея гербария.

Нас и нам подобных частенько даже самые деликатные и тонкие люди принимают за неких массовиков-затейников, призванных развлекать скучающий люд. И когда мы хотя бы ненадолго отлучаемся по личным делам, все кругом замечают свою скуку, — как же! Их же лишили любимого развлечения! Вот тогда на поверхность всплывает слово «предательство»... Увы, несвободные не знают, что существует и такое понятие — свобода предавать (хотя последнее слово тут надобно опять заковать в кавычки, именно заковать, чтобы никто и никогда уже не смог употребить его без оных).

(Как бы это ни показалось странным, но преданность и предательство явно — и тайно, и сонно — произрастают из одного корня, а в форме причастий становятся так похожи друг на друга, что не с нашей грамотностью пытаться постичь эту разницу).

Неумение владеть собою рождает потребность завладеть другим. У некоторых это и называется дружбой, а нередко и — любовью. Претендующие на тебя... они каждое твое действие воспринимают как наглость, бездействие — как цинизм, согласие — как готовность повиноваться, отказ — как то самое предательство... У жажды власти свой толковый словарь — вот он-то кавычек и не терпит. А тот, кто желает властвовать только собою, называется в этом словаре эгоистом.

Спина — наше уязвимое место. Все слова и предметы, цветы и кинжалы, восторженный шепот и проклятия — бросают нам именно в спину. — Нет, мы не боимся повернуться к ним лицом, но мы никогда не сделаем этого по одной главной причине: мы не хотим пятиться.

Куда ни кинешь взгляд, он с ужасом возвращается обратно. Все дороги ведут в себя. Но порою мне кажется, что именно меня-то и нет, есть только чье-то обо мне представление... Если же вдруг я нахожу в себе силы хоть на время разрушить этот образ и демонстрирую людям свое настоящее Я, они не на шутку пугаются! Не потому, что это Я такое уж страшное, а потому, что — не то!

Вот и приходится выбирать: либо из себя делать раба, либо из раба делать себя. Либо ничего не делать — и оставаться царьком.

Слова мстят за вольность в обращении с ними — не распознанные сразу, они потом ошпаривают близоруких своим смыслом. — Эти близорукие слишком дальнорюки — за тайным они не различают явного, ничто не удерживает их на поверхности и удел их — сходу проваливаться в пустую нутрь. Они умны задним числом да запозда-

лой остротой, они не отстают от смысла, но устают от него. Их вопрос: бессмыслица — одно ли это и то же, что и безмыслица?.. Я из таких.

И вот у меня есть вышка, есть парашют, есть запасной парашют — можно б уже и прыгать... Но — куда?

Вокруг меня развелось слишком много медиков. Теперь даже мои литературные опыты ассоциируются у меня с чем-то медицинским. Наполняя ручку чернилами, я ловлю себя на мысли, что собираюсь сделать укол. И я все время пытаюсь ставить диагнозы. А ведь в моем исполнении — это чистейшей воды шарлатанство.

(Быть больным мне не позволяет здоровье, быть лекарем — невежество.)

Кто не умеет сосредоточиться на одном, тот часто раздваивается по пустякам. (Примечание. Экая странность — в черновике написано: «... на одной», — вижу, как полакомятся этой косточкой психоаналитики.)

А может быть, настоящее искусство — это бесконечно громкое эхо наших вкрадчивых слов? Какая тогда должна быть для этого акустика?..

Восстанови во мне хоть одну нервную клетку.

Оцени мои недостатки по своему достоинству (полученная разница — тебе).

Посочувствуй нашему единомыслию, но не соглашайся с ним.

Стань недостающим звеном в цепи моего мироздания.

Перечти эти слова по буквам и найди в них утраченный смысл.

И ты навсегда останешься со мной — собою.

Санкт-Петербург, 1994

СТРАНИЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Пьеса

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ (без антракта)

Действуют:

ПЕРСОНАЖ
ГЕРОЙ
ТЮРЕМЩИК

Место действия —

тюремная камера.

Занавес открывается.

Уютная небольшая тюремная камера. Из вещей — только табуретка. Под потолком окно с решеткой и небом, на стене табличка «НЕ КУРИТЬ». На табуретке спиной к зрителям сидит ПЕРСОНАЖ. Он неопределенно-пожилого возраста, плохо выбрит и неаккуратно стрижен, одет в выцветшую тюремную пижаму в полоску, бос, но чувствует себя как дома. В глубине камеры дверь. В процессе монолога ПЕРСОНАЖ разворачивается лицом к зрителям.

ПЕРСОНАЖ. ...Номер тысяча пятьсот два — Сальваторе Квазимодо. Номер тысяча пятьсот три — Марко Вовчок. Номер тысяча пятьсот четыре — Орхан Кемаль. Номер тысяча пятьсот пять... тысяча пятьсот пять... Не помню. Устал... Ну вот, господа летописцы, вы и дождались своего звездного часа. Пришел-таки и в нашу камеру праздник. И не какой-нибудь календарный, а самый настоящий, одноразовый. То есть, именно сегодня и больше никогда. Поздравляю, сегодня свершилось событие, которое было подготовлено ходом всей истории человечества. А именно: один человек умер, а другой родился. И все это, заметьте, — совершенно без посторонней помощи. Один на один с матушкой природой. Человек, который умер, — это я. Человек, который родился, — тоже, в некотором смысле, я, только уже на совсем другом уровне существования. Я не очень заумно изъясняюсь? Все ведь очень просто. Сегодня Я ПРЕЖНИЙ окончательно постиг никчемность всего происходящего и утратил последние надежды; и появился Я НОВЫЙ, которому ничего не нужно, которому абсолютно на все на-

плевать, даже на самого себя. Меня теперь как будто нет. За годы прежней жизни я был столько раз унижен, сломлен, разочарован, оскорблен и потерян, что начисто лишился личностного начала и сошел на нет. И перешел через это в совершенно новую форму, что оказалось очень даже приятно. То есть не то, чтобы приятно, а наоборот — безразлично. Ибо я теперь — человек нового типа, типа всестороннего равнодушия. Мне все равно. Физический труд создал из обезьяны человека, а труд умственный создал из меня еще более удивительное создание, более непостижимое создание. Эволюция после долгого топтания на одном месте сделала еще один смелый шаг. Я продолжаю существование и начинаю новую жизнь. Пишите, летописцы! Я появился на свет в этот самый день, в этот самый час, в возрасте полной утраты иллюзий и стал жить, ничего не принимая всерьез. Записали? Впрочем, можете и не писать. Буквы — это мелочь, слова — чепуха. Принесли бы лучше тазик теплой воды.

Отворяется дверь, входит ТЮРЕМЩИК с тазом воды, ставит его у ног ПЕРСОНАЖА, уходит. ПЕРСОНАЖ погружает ноги в таз.

ПЕРСОНАЖ. Вот и славно. Хотя, тазик — это излишество, вода — роскошь. И не надо было приносить. Ну раз уж принесли... Эй, кто это там в углу? Это вы, летописцы? Чем это вы там шебаршите? Фолиантами? Серые вы люди... А что они мне. Летописцы сами по себе, я сам по себе. Зачем мешать и вмешиваться. А хоть бы это не летописцы, а просто мыши — все равно. Пусть копошатся, у меня свой внутренний мир. Хотя, если вникнуть, мой внутренний мир — ничего, пустое место. И я — пустое место. Будто бы я и не сижу тут на табуретке, а пустой, совершенно голый табурет стоит. Да и табурета нет, если по большому счету — вообще ничего нет, все вокруг — пустое место. И места тоже нет, есть просто пустое. Все пустое. Пустота монументальная. Вакуум... Однако же, как быстро вода остывает! И пяти минут не прошло с моего рождения, а вода уже почти холодная. Другой бы на моем месте сильно расстроился бы, а я только выну ноги из тазика — и забуду. Обо всем забуду. И даже тазик попрошу убраться.

Входит ТЮРЕМЩИК.

ПЕРСОНАЖ. Заберите тазик, любезный. А с чего это я на «вы»? Какие еще нежности! Забери-ка таз, ты!

ТЮРЕМЩИК бьет ПЕРСОНАЖА тазом по голове и выплескивает на него воду. С тазом уходит.

ПЕРСОНАЖ. Вот и славно. Вот и наплевать. Будь на моем месте кто другой... А мне уже почти и не больно. Даже жалко чуть-чуть этого умницу-тюремщика. Совсем чуть-чуть, самую малость, но жалко. А впрочем, чего его жалеть, если его вовсе нет, разве только за то, что он вот так живет все и думает, что он есть; а его нет. И никогда не было. А если б он это знал, разве ж он меня тогда треснул бы тазом по голове. Нет, конечно. И так, конечно, тоже не треснул... То есть, кое в чем, может, он и треснул меня, но, по гамбургскому счету, — вовсе и нет. Ничего не произошло. Как ничего не было, так и не стало ничего — факт. И главное: кроме всего прочего, в этом ведь есть еще и несокрушимая логика. Заметили?

Дверь открывается, и в камеру вталкивают ГЕРОЯ. Это довольно молодой человек, слегка деформированного телосложения. Он стоит у дверей, голый и лысый, одной рукой прикрывается, а в другой держит комплект тюремного одеяния. Дверь затворяется.

ГЕРОЙ. Здравствуйте. Добрый вечер... Мне бы очень не хотелось вас беспокоить, но обстоятельства так сложились... Дело в том, что я... что меня... в общем, мне придется пожить тут немножечко. Вы не против?

ПЕРСОНАЖ. Пожить?. Да на здоровье. Мне, знаете ли, абсолютно все равно. Можете считать, что меня здесь вовсе и нет.

ГЕРОЙ. Значит, я вас не очень обременю?

ПЕРСОНАЖ. Нисколько. Мне совершенно на вас наплевать. Заметьте: другой бы на моем месте сказал вам что-нибудь похабное или даже побил слегка, но я даже и глазом не повел. Даже полслова вам не сказал. А знаете почему?

ГЕРОЙ. К сожалению, нет.

ПЕРСОНАЖ. Потому что у меня сегодня праздник. День Возрождения.

ГЕРОЙ. Не понял, простите.

ПЕРСОНАЖ. День Возрождения. Сегодня я как бы умер в своем прежнем самоощущении и как бы заново появился на свет совершенно новым, свежим и чистым человеком.

ГЕРОЙ. Какое приятное совпадение! Меня тоже только что раздели, обмыли и выдали чистый костюм!

ПЕРСОНАЖ. Чихать хотел я на ваш костюм. Я теперь выше этого, я теперь выше всего, что есть... и чего нет, поэтому ни на что не обращаю внимания. Для меня никто теперь не существует, даже я сам. Не говоря уже о вас. Так что вы пришли вовремя — можете делать, что хотите, мне это все равно.

ГЕРОЙ. Благодарю и от всего сердца поздравляю вас с Днем Возрождения. Желаю вам быть еще выше, чем вы есть... Но вам, наверное, не нужны мои поздравления.

ПЕРСОНАЖ. никоим образом. Меня ничуть не тронуло ваше внимание. Хотя, окажись на моем месте другой, он бы оценил, растрогался. А с меня как с гуся вода. Меня даже не тронуло бы, если бы вы мне что-нибудь подарили.

ГЕРОЙ. Мне бы очень хотелось... Я бы просто был рад преподнести вам подарок в столь знаменательный день, но дело в том, что у меня совсем ничего нет, кроме вот этого казенного костюма.

ПЕРСОНАЖ. Очень жаль. Но на нет и суда нет, тем более, подарки мне не нужны, как и все остальное. А одежду вашу оставьте себе, а то еще простудитесь.

ГЕРОЙ. Ой, да! Вы извините, пожалуйста, за мой вид. Я, надеюсь, не очень вас шокировал?

ПЕРСОНАЖ. Вы о чем? Ах, это. Да мне без разницы. Я и не заметил, что вы голый. Можете, если вам так удобно, и не одеваться.

ГЕРОЙ. Как вам угодно...

ПЕРСОНАЖ. А хотите — оденьтесь. Я возражать не буду. Ведь меня здесь как будто и нет.

ГЕРОЙ. С вашего позволения, я лучше оденусь. Одежда не ахти какая, но все-таки будет поприличнее. *(Одевается.)*

ПЕРСОНАЖ. Номер тысяча пятьсот пятый — Тобиас Смоллет. Номер тысяча пятьсот шестой — Майю Лассила...

ГЕРОЙ. Простите, что вы такое сказали.

ПЕРСОНАЖ. Ничего. Это я подумал. Это у меня привычка думать вслух. Посидите с мое — у вас то же самое начнется, если не хуже. Но вы не обращайтесь внимания. Я думаю, если мы не будем обращать внимания, то избежим лишних неприятностей. Берите пример с меня. Я уже целый день ни на кого не обращаю внимания.

ГЕРОЙ. Я буду стараться... Знаете, мне в голову вдруг пришла мысль: что если мне, вместо подарка, спеть вам песенку или почитать стишки? Вы не возражаете?

ПЕРСОНАЖ. Вы что, певец?

ГЕРОЙ. По большому счету, нет. Но раз уж момент обязывает...

ПЕРСОНАЖ. Да знаете ли, лучше не надо. Слышал я певцов когда-то разных... Нет, не стоит, я считаю. Да и потом — к чему оно?

ГЕРОЙ. Да, вы правы; пожалуй, не стоит. Прошу извинить, я хотел как лучше. А то, может, вам сплясать что-нибудь?

ПЕРСОНАЖ. Сплясать? Что-то не хочется. Достаточно того, что у меня и так сегодня праздник. Вы знаете, что такое праздник? Это же — полным-полно забот. Суэта, волнения, тревожнения, поздравления... Голова кругом, душно. Представляете, как бы я устал, не махни я на все это рукой!

ГЕРОЙ. Да, представляю. Это очень тяжело.

ПЕРСОНАЖ. Вот, а вы плясать предлагаете. Спасибо, конечно, но лучше не надо. И давайте к этой тематике больше не возвращаться. Праздник — у меня, а вас это пусть не волнует. Мало ли в природе праздников. Каждый день у кого-нибудь праздник. Что же, теперь все время плясать? Я вот правильно делаю: плюнул на все, и ничего меня не касается. Ни прямо, ни косвенно. Я и вам бы посоветовал то же самое. Но, как понимаете, я теперь не советчик.

ГЕРОЙ. Хорошо, я подумаю... Кстати, а как позволите вас называть?

ПЕРСОНАЖ. Как это? Ах, имя. Имя, имя... Да я даже и не знаю, как меня звать. С тех пор, как я появился на свет, меня еще никто не звал. Я сомневаюсь даже — есть ли у меня имя.

ГЕРОЙ. А как же быть? Крайне неудобно обращаться к вам как к пустому месту.

ПЕРСОНАЖ. А чего неудобного! Не все ли равно. Если уж на то пошло, я и есть пустое место. И вы — пустое место. И, вообще, кругом полно пустого места, одно оно — пустое место — и все!

ГЕРОЙ. Я, конечно, понимаю.. И все-таки... Неудобно.

ПЕРСОНАЖ. Удобство — вздор. Я презрел сегодня все удобства. Но если вам так сильно неможется — извольте, зовите меня, как вам вздумается. Любое имя, какое вам придет в голову. Мне без разницы.

ГЕРОЙ. Вот как... А можно, я тогда буду звать вас так: академик Семенов-Тянь-Шаньский?

ПЕРСОНАЖ. Как?

ГЕРОЙ. Академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ПЕРСОНАЖ. Эх... С чего это? Впрочем, зовите, чего уж там. Академик так академик, мне безразлично. Хотя, по-моему, это несколько претенциозно. То есть, мне так показалось бы, если бы не было все равно. Короче говоря, зовите как хотите.

ГЕРОЙ. Спасибо, академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ПЕРСОНАЖ. На здоровье. Стойте, а может, мне вас как-нибудь называть?

ГЕРОЙ. Как вам будет угодно.

ПЕРСОНАЖ. Нет, вы только не подумайте, что меня интересует ваше имя. Мне безразлично, кто вы такой. Я просто на всякий случай. Так как мне вас называть?

ГЕРОЙ. Знаете, зовите меня тоже: академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ПЕРСОНАЖ. Как же? Ведь это я — академик.

ГЕРОЙ. Ну и что? Нас же двое. Я думаю, мы разберемся, кто из нас к кому обращается.

ПЕРСОНАЖ. Н-да, ваша правда. Ладно, так тому и быть, академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ГЕРОЙ. Ну, вот и познакомились. Мне очень приятно.

ПЕРСОНАЖ. А мне не приятно, мне это до лампочки. Другой бы на моем месте не удержался бы и пожал вам руку, а я выше всех этих предрассудков. И не жалею о том, заметьте.

ГЕРОЙ. И на том спасибо... А можно вам задать один бестактный вопрос?

ПЕРСОНАЖ. Почему нельзя, можно. Ответить я вам не обещаю, но вопрос задавайте. Меня совершенно не занимает, что вы будете делать. Хотите — на голове стойте, хотите — задавайте вопросы.

ГЕРОЙ. Я хотел только поинтересоваться: у вас тут только одно сидячее место?

ПЕРСОНАЖ. В каком смысле?

ГЕРОЙ. Табуреточка тут только одна?

ПЕРСОНАЖ. Как видите, одна. И, заметьте, меня это нисколько не удивляет.

ГЕРОЙ. Нет, я ничего не имею в виду. Я только хотел бы узнать: а нельзя ли как-нибудь раздобыть вторую? У тюремщика, например, попросить?

ПЕРСОНАЖ. Почему бы и не попросить, это можно. Только здесь это дорого стоит.

ГЕРОЙ. А сколько? У меня, как вы успели заметить, ничего нет, но очень почему-то хочется узнать. Так, из праздного любопытства.

ПЕРСОНАЖ. А мне какая забота до вашего праздного любопытства? Я тут не при чем. Хотите все знать — спрашивайте у тюремщика. Он глухонемой, но в таких делах ориентируется без проблем. Его цена — его и спрашивайте. А я выше этого.

ГЕРОЙ. Нет, нет, если вам не угодно, то я не настаиваю, ни в коей мере! Я могу и без табуретки, я устойчивый. А если вам это не помешает, могу сесть прямо на пол. Я неприхотлив. А насчет табуретки вашей я спросил, наверное, по глупости. Простите, если что не так.

ПЕРСОНАЖ. Почему это — «моей табуретки»? Откуда вы взяли, что она моя. Может, я случайно на нее присел. Может, она мне по наследству досталась. К чему же делать поспешные выводы!

ГЕРОЙ. Я не делал еще выводов, я вовсе не хотел вас обидеть! Сидите, бога ради, на своей... на вашей... на этой просто табуретке и забудьте мой дурацкий вопрос. Не обращайтесь внимания. Прошу простить.

ПЕРСОНАЖ. А я и так не обращаю внимания. Это я случайно отвлекся. Ну, моя это табуретка, ну что из этого?

ГЕРОЙ. Совершенно ничего! И слава богу, что ваша!

ПЕРСОНАЖ. Вот именно. Чего мне стесняться. Я даже могу вам сказать, во что мне эта табуретка обошлась. Чего тут скрывать. Запросто... Подойдите только поближе, я шепну вам на ухо. Впро-

чем, зачем это? Фамильярности какие! Я могу и громко сказать, могу даже крикнуть, за мной не станется! Не верите?

ГЕРОЙ. Верю, верю! Как хотите, я же не настаиваю, я просто прошу удовлетворить любопытство, так сказать. Если вам не жалко.

ПЕРСОНАЖ. Не жалко, ни капельки не жалко... Нет, не скажу.

ГЕРОЙ. Как же?

ПЕРСОНАЖ. Я передумал. Не скажу.

ГЕРОЙ. Ну как же?

ПЕРСОНАЖ. Так вот, не хочу. Я скажу, а вы еще — чего доброго — разочаруетесь в жизни, упадете духом. Ну вас, от греха подальше. Мне, конечно, вас не жалко, но, на всякий случай, я не скажу. Надо будет — сами узнаете. А может, даст бог, и пронесет... И вообще, забудем это дело. Присядьте лучше на пол.

ГЕРОЙ. Хорошо, можно на пол. Мне сидеть все равно на чем. Я только стоять слегка утомился, потому что привык к сидячему образу жизни.

ПЕРСОНАЖ. Тогда вы по адресу попали. Здесь сидеть — самое милое дело. Тут, если хотите, сидеть — не роскошь, а работа такая. У меня — так просто призвание.

ГЕРОЙ. Давно тут сидите, да?

ПЕРСОНАЖ. Это с какого боку посмотреть. Лично я как академик Семенов-Тянь-Шаньский сижу тут меньше суток. А то мое прошлое существо — вот оно насиделось. Я даже не вспомнил бы, если захотел, сколько лет оно высидело. Тут ведь календарей нет, а на стенах писать запрещено. Ну, сперва-то, существо пробовало вести счет дням, но очень скоро сбилось и, так сказать, потерялось во времени. Время тут, вообще, заметьте, не ощущается. А летосчисления вовсе не существует в здешней природе. Так что... Я подозреваю даже, что за все сидячие годы — а, может, и десятилетия — это самое существование и внешне-то совсем не изменилось. Но это, разумеется, все только предположения: зеркала ведь у меня нет, а посуда вся полиэтиленовая. Смотреться не во что.

ГЕРОЙ. И вы не знаете, как вы выглядите?

ПЕРСОНАЖ. Не знаю... Да и не хочу знать. Какое мне дело! Встреть я себя где-нибудь случайно, не узнал бы, нарочно мимо бы прошел. Тем более, что я теперь как бы не я. А какое мне дело до посторонних существ всяких!

ГЕРОЙ. Да, действительно... Ну, а все-таки... Вот если бы я смог помочь и показать ваше отражение, вы бы не отказались взглянуть?

ПЕРСОНАЖ. Да зачем мне... Ерунда какая... А вы это опять по глупости говорите или на самом деле могли бы показать?

ГЕРОЙ. Пожалуй, действительно мог бы. Если бы вам вдруг стало интересно.

ПЕРСОНАЖ. Мне ничуть не интересно, но почему бы и нет, собственно. Если вам так хочется — так и быть, я взгляну на себя, но с совершеннейшим равнодушием.

ПЕРСОНАЖ подходит к ГЕРОЮ и заглядывает ему в глаза.

ПЕРСОНАЖ. Стойте, стойте ровнее, не дергайтесь. Очень мелко, не уловить ракурс. Ага, вот, поймал. Не шевелитесь же! Вот он я... Как мелко, как это... мелко...

ГЕРОЙ. Узнали?

ПЕРСОНАЖ. Как-то не очень. А впрочем... Не моргайте, пожалуйста. Да, да, да... Сколько лет, сколько зим. Вот ведь не чаял свидеться. А как же... Впрочем, теперь уже все равно...

ГЕРОЙ. Насмотрелись?

ПЕРСОНАЖ. Да уж.

ГЕРОЙ. Простите, что лезу не в свое дело, но мне показалось: вы огорчены.

ПЕРСОНАЖ. Да ни в одном глазу. Чего уж там огорчаться. Плевать мне. Ничего особенного, обычный академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ГЕРОЙ. И все-таки вы расстроились. Не надо, не стоит! Поверьте мне, вы довольно неплохо выглядите для вашего-то положения.

ПЕРСОНАЖ. Да вовсе я не расстраиваюсь, чего вы прицепились! Я уже и думать об этом забыл. Тем более, что сейчас принесут ужин.

ГЕРОЙ. Ужин? А откуда вы знаете? Вы же говорили, что время здесь не ощущается.

ПЕРСОНАЖ. Время — да, не ощущается, а ужин еще как ощущается, я его чувствую. Многолетняя привычка из моего прошедшего существования. Инстинкты — они, видно, и из личности в личность передаются. И, хотя я теперь не я, но приближение ужина чую не хуже, чем в прошлой жизни. И потом, ведь время и распорядок дня — это далеко не одно и то же, заметьте.

ГЕРОЙ. Точно, заметил: я уже слышу шаги тюремщика. Вы поразительно чувствительны!

ПЕРСОНАЖ. Наоборот, в остальном я поразительно бесчувствен.

Входит тюремщик, дает заключенным по бумажному пакету, уходит.

ПЕРСОНАЖ. Безобразия. Опять сухим пайком выдали. Если бы я был не на своем месте, я бы устроил скандал или объявил бы голодовку. Но, к их счастью, мне теперь все равно, что есть. А вам?

ГЕРОЙ. И мне все равно.

ПЕРСОНАЖ. Жаль. А то бы вы устроили скандал. Но раз уж вам все равно... Или вы это так, глядя на меня, говорите?

ГЕРОЙ. Нет, честное слово. Мне и до вас было все равно, что есть. Я очень неприхотлив и совсем непривередлив.

ПЕРСОНАЖ. Вот как? А, может, вам еще и без разницы: есть или не есть?

ГЕРОЙ. В принципе — да. Если нужно, я могу и перетерпеть. Если вы хотите, то я могу отдать вам свою порцию.

ПЕРСОНАЖ. Да ладно уж, я вовсе не к тому сказал. Хотя, заметьте, другой бы на моем месте и спрашивать не стал, отнял бы вашу пайку по праву старшинства — и все.

ГЕРОЙ. Возможно. Но, с вашего позволения, я бы ему не отдал.

ПЕРСОНАЖ. Как это?

ГЕРОЙ. Просто не дал бы, из принципа.

ПЕРСОНАЖ. Из какого же принципа?

ГЕРОЙ. Да из такого. Пусть это не покажется вам бестактным, но я не люблю насилия. И если бы этот воображаемый кто-то попытался бы отнять мой паек силой...

ПЕРСОНАЖ. И что — не отдали бы?

ГЕРОЙ. Нет, не отдал бы.

ПЕРСОНАЖ. И он бы не отдал!

ГЕРОЙ. А я бы заставил его отдать, если вы не возражаете.

ПЕРСОНАЖ. Да как же бы вы его заставили?

ГЕРОЙ. Уж поверьте мне на слово, нашел бы способ.

ПЕРСОНАЖ. Так-таки и нашли бы?

ГЕРОЙ. Нашел бы.

ПЕРСОНАЖ. Не смешите. Мне, конечно, наплевать; это, конечно, не мое дело, но, по-моему, вы так говорите потому, что нельзя проверить.

ГЕРОЙ. Нет, уверяю вас, вы ошибаетесь. У меня есть уважительная причина, чтобы так говорить.

ПЕРСОНАЖ. Какая же такая причина?

ГЕРОЙ. Дело в том, что я — рыцарь.

ПЕРСОНАЖ. Кто?

ГЕРОЙ. Рыцарь, некоторым образом.

ПЕРСОНАЖ. Вот как...мне вообще-то совсем неинтересно, кто вы, но кто-нибудь другой на моем месте не поверил бы, что вы рыцарь.

ГЕРОЙ. Извините за резкость, но вы так говорите, как будто бы знаете, какие на самом деле бывают рыцари. А вы, простите за нескромный вопрос, хоть раз в жизни видели рыцаря? Не на картинке, а так, в натуральную величину? Ну хоть одного?

ПЕРСОНАЖ. Да когда же! Я ж только сегодня на свет появился.

ГЕРОЙ. Можно прожить сто лет и не увидеть ни одного. Рыцари — большая редкость, их даже в Красной книге нет. Но вам повезло в первый же день.

ПЕРСОНАЖ. Так значит... Вы и вправду...

ГЕРОЙ. Да.

ПЕРСОНАЖ. Будь я на своем месте, я, наверное бы, удивился.

ГЕРОЙ. Правду сказать, я не совсем обычный рыцарь. Я не странствующий рыцарь. Я — рыцарь сидячего образа жизни.

ПЕРСОНАЖ. Это как?

ГЕРОЙ. Это очень просто. Я всю жизнь сидел.

ПЕРСОНАЖ. Понимаю. Я тоже всю свою жизнь сидел, хотя и не рыцарь.

ГЕРОЙ. Я не о том. Я сидел по-другому, я сидел в прямом смысле, сидя сидел. Дело в том, что я жил в холодильнике, а там можно уместиться только сидя.

ПЕРСОНАЖ. В каком это холодильнике?

ГЕРОЙ. В обыкновенном, бытовом.

ПЕРСОНАЖ. А я думал, что ослышался. Вы жили в холодильнике?

То есть, это как раз не удивительно, но раз уж вы сами завели этот разговор...

ГЕРОЙ. Диоген жил в бочке, Чебурашка жил в телефонной будке.

Почему бы мне, академику Семенову-Тянь-Шаньскому, не жить в холодильнике?

ПЕРСОНАЖ. Действительно, почему бы и нет! Не все ли равно!

ГЕРОЙ. Тем более, холодильник — лучшее жилье для рыцаря. В нем удобнее всего закаляться. Вы не находите?

ПЕРСОНАЖ. Пожалуй. Хотя я с трудом представляю, как можно жить в холодильнике. Лично я бы в нем жить не смог, хоть мне и наплевать на условия жизни.

ГЕРОЙ. Просто вы не привыкли, а я привык. И, извините, вы — не рыцарь, а я — рыцарь. А для современного рыцаря холодильник — это не просто жилье, это еще как бы и конь, и доспехи, и, если хотите, крепость, да-да. Плюс ко всему — стерильные условия.

ПЕРСОНАЖ. Н-да, занятно. То есть, конечно, ничего особенного... А до холодильника вы в чем жили?

ГЕРОЙ. Ни в чем. Я только в холодильнике и жил. Я прямо в нем и зародился.

ПЕРСОНАЖ. Как это? Не понимаю совсем.

ГЕРОЙ. Простите великодушно, но что же тут непонятного! Холодильник был пустой. А пустота — это же такая опасная вещь, в ней всегда что-нибудь заводится. Вот я там и завелся. Моему холодильнику еще повезло, что в нем завелся я, а не какая-нибудь гадость. Может, это и нескромно, но, по-моему, рыцарь — это не худшее, что может образоваться на пустом месте.

ПЕРСОНАЖ. Что ж, логично. Вы вовремя здесь появились, как раз когда мне ни до чего нет дела, не то я бы засыпал вас вопросами, попросил бы дальше рассказать.

ГЕРОЙ. Видите ли, рассказывать-то больше и нечего. Рыцари — самые неинтересные и скучные люди на свете. У них все одинаково, все по одним и тем же законам. Люди ведь, как правило, интересны своими недостатками, а у рыцарей их нет. А если есть, то такие невзрачные, что их приходится тщательно скрывать. А к тому же, я самый скучный из рыцарей, поскольку я рыцарь сидячего образа. Так что мне, к сожалению, нечем вас порадовать, нечем вас поразвлечь.

ПЕРСОНАЖ. Я вовсе не прошу меня развлекать. Развлечения — это не для меня, я их тоже уже презрел. Куда приятней слушать скучные истории: они и к жизни ближе, и не так волнуют психику.

ГЕРОЙ. Нет, я бы рассказал, да, право, нечего. Только не подумайте, что я что-то скрываю. Ну, что я делал? Да ничего особенного, жил. В холодильнике. Думал, мечтал, соображал, вникал в суть. Сначала чужие мысли думал, потом дошел до своих. Просто, когда долго сидишь в холодильнике, начинаешь улавливать чьи-то мысли на расстоянии, как антенна (холодильник-то железный). От нечего делать стал сочинять стишки кой-какие, придумывать песенки. И так вот помаленьку сформировался как личность. Ел только лед, пил только снег, что оказалось чрезвычайно полезным для здоровья, да и не только для здоровья. Воспитал себя сам, говорить научился сам с собою. Пока был маленьким и холодильник был для меня велик, научился ходить, бегать, лазить. Потом подрос, стал сидеть... Вот, пожалуй, и все.

ПЕРСОНАЖ. Ну а что потом?

ГЕРОЙ. Потом... А потом пришли люди и все испортили. Так вышло... Так получилось... В общем, я совершил страшное преступление и... И вот я здесь. Все, кажется.

ПЕРСОНАЖ. Какое же это преступление, да еще страшное, вы совершили?

ГЕРОЙ. Какое... Если вы не против, я пока не отвечу на этот вопрос. Как-нибудь попозже. Я еще не готов, мне нужно морально созреть.

ПЕРСОНАЖ. Да ради бога, как хотите. Что-то я опять тут с вами отвлекаю от линии своего поведения. Мне же все равно. А вы, значит, всему научились сами?

ГЕРОЙ. Сам. Я думаю, человек вообще самодостаточен. Пока я сидел один в своем холодильнике, я узнал и понял гораздо больше, чем когда столкнулся с вашим реальным миром.

ПЕРСОНАЖ. Почему же это с «нашим»? Вы не приписывайте меня к кому попало. Я выше этого!

ГЕРОЙ. Да-да, извините. Я не хотел вас оскорбить.

ПЕРСОНАЖ. Ну и как вам их мирок?

ГЕРОЙ. По-моему, довольно убого, не сочтите за дерзость. Бедные, бедные люди! Я совсем не так представлял себе этот мир по тем мыслям, которые улавливал. И главное: там совсем нет рыцарей! Может, это потому, что больше нет пустых холодильников?

ПЕРСОНАЖ. А вы хорошо искали?

ГЕРОЙ. Я вовсе не искал. Если б я искал — и не нашел, меня бы просто-напросто хватило отчаяние. А так у меня есть еще хоть какая-то надежда.

ПЕРСОНАЖ. Надежда — это вздор, пустые иллюзии... Хотя, может, вы преувеличиваете... А много ли вы успели повидать на своем пути из холодильника, так сказать, в камеру?

ГЕРОЙ. О, очень много! Я до сих пор не могу все это рассортировать и переварить. Все эти понятия, следователи, судьи, охранники, присяжные...

ПЕРСОНАЖ. Я так и подумал. Это все, конечно, ужасно, но, да будет вам известно, это еще не весь мир. Судьями и понятиями он далеко не исчерпывается. Ваши впечатления односторонни, а потому слабы. Там есть еще много чего. Даже есть кое-что хорошее; редко, но есть. Во всяком случае, когда-то было. Но меня там давно не было, и, вообще, мне до них нет дела.

ГЕРОЙ. Да, я видел там две хорошие вещи.

Входит ТЮРЕМЩИК, забирает пустые пакеты и ставит в угол пластмассовое ведро с literой «М». Уходит.

ПЕРСОНАЖ. Вот, кстати, тоже хорошая вещь. Потому что своевременная. Не хотите ли... сходить на ночь, академик Семенов-Тянь-Шаньский?

ГЕРОЙ. Благодарю, не откажусь. Но только после вас.

ПЕРСОНАЖ. Как хотите... А что за хорошие вещи вы там видели? (*Мочится в ведро*). Может, вы расскажете, раз уж мне все равно, что слушать?

ГЕРОЙ. Пожалуйста. (*Мочится*). О хороших вещах и говорить в радость. Во-первых, это ни на кого не похожее, удивительное и доброе существо по имени Адвокат. А во-вторых, это картина. Единственная картина, которую я видел, портрет с надписью «Академик Семенов-Тянь-Шаньский».

ПЕРСОНАЖ. Ах, вот это откуда...

ГЕРОЙ. Ну да. Это чуть ли не единственное имя, которое я знаю.

ПЕРСОНАЖ. Как! Ах, да. Что же тут удивительного!.. Так вы, стало быть, и собственного имени своего не знаете?

ГЕРОЙ. Как же не знаю: академик Семенов-Тянь-Шаньский.

ПЕРСОНАЖ. Да нет, это понятно, это вы сами себе придумали! А нормальное-то имя, официальное-то имя есть?

ГЕРОЙ. Простите, но что-то я вас не совсем понимаю. Чем же вам мое имя не нравится? Оно, конечно, длинновато, но ведь и вас, позвольте напомнить, точно так же зовут!

ПЕРСОНАЖ. Нет, все верно, имя-то замечательное. Просто я хотел сказать... По-другому вас никто никогда не звал?

ГЕРОЙ. Нет, меня, как и вас, до вас вообще никто не звал. То есть звали, но не по имени: то подсудимый, то подследственный, то обвиняемый...

ПЕРСОНАЖ. Слушайте, я, наверное, не в свое дело суюсь, но мне это все равно, и я хочу у вас такую вещь спросить: а кто вам сказал, что вы рыцарь? Откуда вы это взяли?

ГЕРОЙ. Как откуда! Я это знаю.

ПЕРСОНАЖ. Имени своего не знаете, а это знаете!

ГЕРОЙ. Да. Рыцарь может не знать своего имени, вообще ничего может не знать, но то, что он рыцарь, это ясно ему с самого рождения. Это — закон природы, академик Семёнов-Тянь-Шаньский!

Входит ТЮРЕМЩИК, уносит ведро.

ПЕРСОНАЖ. Ну вот, отбой. Устраивайтесь поудобнее и попробуйте заснуть. Оно и лучше будет, а то вы все время меня отвлекаете, не даёте рассредоточиться. Укладывайтесь.

ГЕРОЙ. Спасибо, но я привык спать сидя.

ПЕРСОНАЖ. Ах, ну да, разумеется. Тогда спите сидя.

ГЕРОЙ. А вы, надо полагать, спите лежа.

ПЕРСОНАЖ. Представьте себе, да. Хотя, в принципе, мне все равно.

ГЕРОЙ. Тогда, может быть, я рискну попросить у вас на ночь табуретку: она ведь вам не нужна.

ПЕРСОНАЖ. Что вы так претендуете на мою табуретку? Почему же не нужна! Очень даже нужна: я ее подкладываю под голову вместо подушки.

ГЕРОЙ. Как же вы это делаете? Это, должно быть, неудобно.

ПЕРСОНАЖ. Неудобно, еще как! Но я же презрел удобства, верно? *(Переворачивает табуретку вверх дном, ложится, кладет голову между ножек.)* В холодильнике жить тоже неудобно и спать сидя неудобно. Ну и что!

ГЕРОЙ. Ваша правда. Прошу меня извинить за необдуманную просьбу. Я пристроюсь на полу. Спокойной ночи.

ПЕРСОНАЖ. Как же, заснешь тут спокойно! Сначала разволнуют, а потом — спокойной ночи.

ГЕРОЙ. Ну извините, я ведь не хотел. Я думал, что вам действительно все равно.

ПЕРСОНАЖ. Правильно думали, действительно все равно.

ГЕРОЙ. А что ж вы тогда... разволновались?

- ПЕРСОНАЖ. Откуда я знаю? Я теперь что хочу, то и ворочу. Захотел — вот и разволновался, ни с того ни с сего.
- ГЕРОЙ. Понятно. Еще раз извините, я больше не буду вас отвлекать разговорами про рыцарей.
- ПЕРСОНАЖ. Да при чем здесь разговоры! Вы одним своим присутствием все мое мировоззрение сбиваете!
- ГЕРОЙ. Правда? Я не знал. Но дело в том, что я здесь нахожусь не по своей воле и...
- ПЕРСОНАЖ. Да я же вас не прогоняю, я не о том. Я просто хочу что-нибудь понять.
- ГЕРОЙ. Не понимаю, про что вы?
- ПЕРСОНАЖ. Так. Вернемся к нашим баранам. Вот вы, например, говорите, что вы рыцарь. Так?
- ГЕРОЙ. Рыцарь.
- ПЕРСОНАЖ. Где же тогда ваши подвиги? Где же ваши схватки с драконами, ветряные мельницы всякие? Какой же вы рыцарь без подвигов!
- ГЕРОЙ. Но я просто не успел ничего совершить. Только одно страшное преступление, и то, уверяю вас, не по злому умыслу, а чисто случайно, от плохого знания жизни. Мне просто не дали наделать подвигов, меня вовремя обезвредили. Я невезучий рыцарь — да, но рыцарь!
- ПЕРСОНАЖ. Кто вас разберет, может, вы и правду говорите, но другой на моем месте, будь он человеком пристрастным, послал бы вас подальше и не поверил бы вам.
- ГЕРОЙ. Почему вы так думаете? Простите, но мне кажется, что вы впадаете в заблуждение!
- ПЕРСОНАЖ. Нет, это вы впадаете в детство. Вы же ни черта в жизни не разбираетесь! Вы же выросли, смешно сказать, в холодильнике — как вы можете судить об остальном мире!
- ГЕРОЙ. А вы, простите, а вы-то как можете судить? Вы же весь свой век просидели в камере! Отсюда, кстати, все ваши пессимистические теории, доведшие вас до полного безразличия ко всему и даже к собственной личности!
- ПЕРСОНАЖ. Ах, это мои-то взгляды пессимистичны? Так! А ваши что — объективны? Да вы, небось, в своем холодильнике и мысли-то ловили очень предвзято! Настроились на какую-нибудь учебную программу телевидения и решили, что весь мир — театр. А мир — гораздо хуже. Или про следователей и тюремщиков — это я вам нафантазировал? А разве то, что вы здесь, вас ни в чем не убедило? Не разубедило, лучше сказать. Разве ж нет? Разве я не прав?
- ГЕРОЙ. А по-вашему, весь мир — суд? Тюрьма?
- ПЕРСОНАЖ. Ай, да оставьте, не знаю я ничего! И не хочу знать. Я больше не я, меня нет, я сплю, и все мне безразлично!

ГЕРОЙ. Да... Извините, я что-то разгорячился. Я даже не совсем понял, в чем предмет нашего спора?

ПЕРСОНАЖ. Э-э... И я не понял, кажется... По-моему, так: вы говорили, что вы — рыцарь, а я говорил, что каков мир, таков в нем и рыцарь. Но я больше не настаиваю, мне уже все равно, я выше.

ГЕРОЙ. Да, что-то мы не про то говорим. В конце концов, из двух заблуждений не сложишь истины. Мы с вами оба — ограниченные люди. Увы... Одно я знаю точно: я рыцарь, а раз на свете еще случаются рыцари, то не все потеряю. Хотя они и появляются на совершенно пустом месте и живут в изоляции. Но абсолютной пустоты не бывает, да и изоляции тоже.

ПЕРСОНАЖ. Хотите честно, без красивостей? Как академик Семенов-Тянь-Шаньский академику Семенову-Тянь-Шаньскому! Как, можно сказать, сам себе! Все ваши рыцарские штучки — фигня это, вот что! Детский сад! Им, тем, кто снаружи, на вас наплевать. Гораздо серьезнее, чем мне. Они на вас смотрят как на придурков — и правильно делают: вы же им только мешаете. Не так, как вы мне, а гораздо больше, по-настоящему. Вот поэтому ты и здесь! Ведь ты же, я уверен, не совершал никакого преступления! Просто все вы, рыцари, живете не по их уголовным кодексам, а по своим рыцарским законам! Ведь ты же не совершал преступления, верно?

ГЕРОЙ. Совершал.

ПЕРСОНАЖ. Но какое же?!

ГЕРОЙ. Я еще не готов ответить на этот вопрос.

ПЕРСОНАЖ. Да просто ты ничего такого не совершил!

ГЕРОЙ. Нет, совершил.

ПЕРСОНАЖ. А я говорю: не совершил!

ГЕРОЙ. А я говорю: совершил!

ПЕРСОНАЖ. Эх!.. Страшное преступление?!

ГЕРОЙ. Очень страшное.

ПЕРСОНАЖ. Ну, я тогда не знаю!.. Тогда, должно быть, за время моего отсутствия снаружи не осталось и капли здравого смысла! И я отстал от времени, сошел с ума! В мое время рыцарей не было, но если б они были, то совершали бы подвиги, а не преступления!

ГЕРОЙ. Но я же нечаянно... Хотя... Что-то я запутался теперь.

ПЕРСОНАЖ. Ну вот. Нет, я был прав — на все надо закрыть глаза. Все. Теперь меня ничем не затронешь, я теперь во сто крат сильнее не буду обращать внимания ни на что! Все, спать пора. Утро вечера безразличнее.

ГЕРОЙ. Ох да, доброй ночи. Спите спокойно, больше я не буду вам мешать.

ПЕРСОНАЖ. Так. Номер пятьсот седьмой — Гуго фон Гофмансталь. Номер пятьсот восьмой — Степняк-Кравчинский. Номер пятьсот девятой... э-э-э...

ГЕРОЙ. Простите, еще на минутку побеспокою: а что это вы считаете?
ПЕРСОНАЖ. Не «что», а «кого». Я считаю писателей. Это всегда, когда мне надо собраться с мыслями или уснуть, я их считаю. Больших и поменьше уже сосчитал, теперь добрался до таких, которые непонятно откуда у меня в мозгу всплывают. Но вы не обращайтесь внимания. Надеюсь, вам это не помешает?

ГЕРОЙ. Нет, совсем не помешает. Мне это даже любопытно. Я никогда не считал писателей.

ПЕРСОНАЖ. Тогда я продолжу... Кстати, а чего вы не спите?

ГЕРОЙ. Да мне надо еще кое-что обдумать. И потом, на сон не хочется тратить время, когда его и так с гулькин нос осталось.

ПЕРСОНАЖ. В каком смысле? Почему с гулькин нос?

ГЕРОЙ. Видите ли, я вам не сказал, не было момента... Дело в том, что я тут у вас только до утра.

ПЕРСОНАЖ. Как! Вот ведь, досада-то какая. Но мне, в сущности, все равно, мне ровным счетом все равно. А потом куда же вас?

ГЕРОЙ. Потом — ясное дело куда. Потом меня сожгут на центральной площади, поутру.

ПЕРСОНАЖ. Да вы что!.. Да как же! Нет, вы серьезно?

ГЕРОЙ. Серьезно, конечно. У рыцарей вообще плохо с юмором.

ПЕРСОНАЖ. Как же вы... Что ж вы сразу-то не сказали? Хотя... Как там? Я приношу свои соболезнования.

ГЕРОЙ. Благодарю.

ПЕРСОНАЖ. То есть... Тьфу ты, что я несу! Соболезнования! К черту соболезнования! Ну и ладно, ну и подумаешь! Неприятность, конечно, но что же теперь — так всю ночь и не спать? Наоборот, надо выспаться: тяжелое утро впереди. Надо быть свеженьким, готовым. Поди, не каждый день вас сжигают.

ГЕРОЙ. Нет, спасибо, вы спите, а я еще чуток поразмышляю. Я думаю, там у меня будет достаточно времени выспаться.

ПЕРСОНАЖ. Где там?

ГЕРОЙ. Ну, там.

ПЕРСОНАЖ. Ах, вы имеете в виду... Ну, это еще не известно, спят ли там вообще.

ГЕРОЙ. А я надеюсь.

ПЕРСОНАЖ. Надеемся, надеемся. Один раз вам уже подфартило: из холодильника — и прямо на электрический стул.

ГЕРОЙ. Прошу прощения, меня не на электрическом стуле сожгут, а запросто, на костре, чтобы все видели.

ПЕРСОНАЖ. Ах, даже так! А я думал, вы как бы образно выразились. Я думал, что сейчас в ходу только электрические стулья. Видать, у меня сильные нелады с современностью.

ГЕРОЙ. Да нет, стулья-то без дела не пылятся. Просто я совершил такое тяжкое преступление, что им жалко на меня расхотеть

электричество. К тому же, это эффектной, а народ, как всегда, требует зрелищ.

ПЕРСОНАЖ. А других зрелищ, что ли, нет?

ГЕРОЙ. Есть, но они еще хуже. Войн-то теперь, слава богу, нет, с голоду никто не пухнет, вот все с жиру и...

ПЕРСОНАЖ. Стоп, стоп, стоп! Ни слова больше! Вот о чем я совершенно не желаю слышать, так это о том, что там у них происходит! Ни звука! Мне и так иногда снятся кошмары, будто бы меня из тюрьмы выпустили! Нет, не говорите.

ГЕРОЙ. Хорошо, я не буду. Спите спокойно. Хотите вместе посчитаем писателей?

ПЕРСОНАЖ. Нет, не хочу. Они мне надоели. Никакого от них толка, только что — считать для сна, да и то быстро надоедают. Лучше бы вы рассказали чего еще, что-нибудь не очень интересное, так, чтобы мне было все равно.

ГЕРОЙ. Я, право, не знаю, я все уже, кажется, рассказал.

ПЕРСОНАЖ. Нет, не все.

ГЕРОЙ. Да вроде бы все.

ПЕРСОНАЖ. Не все, я же знаю, что не все.

ГЕРОЙ. Как же, помилуйте, не все? Все.

ПЕРСОНАЖ. Вы же рыцарь.

ГЕРОЙ. Безусловно.

ПЕРСОНАЖ. Значит, у вас должна быть дама вашего сердца.

ГЕРОЙ. Я не совсем понимаю...

ПЕРСОНАЖ. Ну только не надо мне говорить, что у вас нет дамы сердца. Рыцарь без дамы сердца — это даже неприлично как-то.

ГЕРОЙ. И все-таки я не понимаю.

ПЕРСОНАЖ. Ну есть у вас женщина-то, ради которой вы рыцарствуете?

ГЕРОЙ. Нет. Я даже не совсем понимаю, что это. Я рыцарствую не ради чего-нибудь, а совсем бескорыстно. Иначе и нельзя.

ПЕРСОНАЖ. Вот те на! Вот уж тебе и холодильник! Вывели мутанта — рыцарь, а не знает, что такое женщина!

ГЕРОЙ. Вы не обзывайтесь, а лучше объясните по-человечески.

ПЕРСОНАЖ. Да нет, вы что и вправду не знаете, что такое женщина?

ГЕРОЙ. Ну, как вам сказать... В какой-то мере... То есть, если честно, — нет. А вы-то сами знаете?

ПЕРСОНАЖ. О чем речь! Это каждый дурак знает. И я знаю. Только плохо помню.

ГЕРОЙ. Так, может, вы мне объясните, бестолковому, что же это такое?

ПЕРСОНАЖ. Объяснить? Оно, конечно, можно попробовать. Только зачем вам? Все равно вам всего-ничего осталось.

ГЕРОЙ. Как хотите, я не настаиваю.

ПЕРСОНАЖ. Нет, мне не жалко. Только я их действительно плохо помню. Так. В общем, женщины — это тоже такие люди, только

другого пола. Это, вроде как, вторая половина человечества. Даже, кажется, лучшая... или большая — не помню. У них вот такие длинные волосы и совершенно нет бороды. И лица они, помнится, чем-то красят.

ГЕРОЙ. Как это? Зачем?

ПЕРСОНАЖ. Не помню. Кажется, когда они вступают на тропу войны... или на что-то другое они вступают... короче, красятся. И спереди у них все вот так, а в глазах что-то совсем необычное. Но что — не помню. То есть, как-то вот все хитро. И все они такие слабые, хитрые и хуже работают. Но лучше готовят. Да, готовят хорошо, а еще — заключенным они шлют письма и вяжут теплые носки. Нет, в общем-то, женщины — это хорошо, хотя раз на раз не приходится. В смысле — разные бывают. Бывают мамы, бабушки, дочери, внучки, жу... нет, не то... кто еще?... Да, тети, жены, любовницы, сестры... медсестры, стюардессы... Бывают женщины легкого поведения, бывают — тяжелого. Балерины, продавицы, старые девы... ну, и так далее. Не припомню всех, очень их много. Наверное, все-таки большая половина. Или меньшая? Да, даже некоторые великие люди были женщинами. Княгиня Ольга, Жанна Д'Арк, Софья Ковалевская и масса поэтесс всяких разных. Даже Жорж Занд, Джордж Элиот и писатель Алтаев были женщинами. А остальные, хоть женщинами и не были, но тоже с интересом к ним относились. И надо заметить, не без основания. Потому, что... Но про это как-то сложно говорить. Да вам и ни к чему, все равно не успеете. И потом, подробности я плохо помню. В общем, не знаю, поняли ли вы...

ГЕРОЙ. Я понял.

ПЕРСОНАЖ. Неужели?

ГЕРОЙ. Да-да, я давно уже о чем-то таком догадывался, я чувствовал, что что-то тут не так, неспроста! Помните, я говорил вам про странное существо по имени Адвокат.

ПЕРСОНАЖ. Помню. Так это была женщина!

ГЕРОЙ. Судя по вашей тираде, да!

ПЕРСОНАЖ. Ну вот и славно. А то я уж думал, что вы так и не поймете. Это было бы непростительным упущением. Так же нельзя!

Что же за мысли вы ловили, если в них про женщин — ни слова!

ГЕРОЙ. Вы были правы. Я ничего не знаю о настоящей жизни.

ПЕРСОНАЖ. Ну и ладно, может, оно и к лучшему. Зато вам теперь не скучно будет умирать, раз у вас есть дама сердца.

ГЕРОЙ. Вы хотите сказать, что Адвокат — дама моего сердца? Вы думаете, что это действительно так может быть?

ПЕРСОНАЖ. Почему бы и нет! Конечно, это так и есть! Вот видите, вы даже счастливее меня: у вас есть теперь дама сердца. Нашлась!

ГЕРОЙ. А у вас нет?

ПЕРСОНАЖ. Не-а.

ГЕРОЙ. Как же так? И вам никто не пишет писем? И не шлет теплых носков?

ПЕРСОНАЖ. Никто, но мне это безразлично.

ГЕРОЙ. Ну, не отчаивайтесь. Может, у вас еще все впереди. Может быть, когда-нибудь вы еще встретите кого-нибудь.

ПЕРСОНАЖ. Может быть. Когда-нибудь, кого-нибудь и встречу. Только мне тогда уже будет не до этого. Да и сейчас мне уже не до этого, мне уже все равно. Да и не встречу я. С чего? Где? Если только тюремщик помрет и на его место поставят тюремщицу.

ГЕРОЙ. Ну, может, потом, когда вас выпустят в свет?

ПЕРСОНАЖ. Да что вы! Меня не выпустят. У меня пожизненное заключение с десятилетним хвостиком. Кто ж меня выпустит!? Я тут навсегда, до самой смерти (хотя она, чую, не скоро пожалует)... Но меня это не волнует. А вот вам — повезло. Дама сердца, да еще адвокат! Что нужно бедному рыцарю. Я даже думаю, что утром вы ее увидите на центральной площади.

ГЕРОЙ. Вы полагаете?

ПЕРСОНАЖ. Я уверен. Все-таки когда-то, почти в позапрошлой жизни, я жил среди людей и кое-что в их делах понимаю. Она обязательно придет на площадь и даже улыбнется вам из толпы. Только вы смотрите уж в оба, не проглядите ее.

ГЕРОЙ. Я... Да я!.. Я ей что-нибудь кину! На память! Какую-нибудь безделицу. Как вы считаете, это не будет слишком дерзко?

ПЕРСОНАЖ. О чем речь, в самый раз! Вы можете ей даже что-нибудь крикнуть. Что-нибудь ласковое. Только громче кричите, а то там будет очень шумно — она может не услышать или услышит что-нибудь не то.

ГЕРОЙ. Не то? Нет, это не годится. Кричать я лучше не буду. А вот кинуть — кину. Только вот... Как же быть? У меня ведь ровным счетом ничего нет!

ПЕРСОНАЖ. Да? Да, верно. Проблема.

ГЕРОЙ. И что-же делать?

ПЕРСОНАЖ. Откуда я знаю. Чего вы у меня-то спрашиваете! Я здесь вообще не при чем, заметьте. Мое дело — сторона, меня это мероприятие не касается... Впрочем... Эх, коли уж на то пошло!.. Есть у меня одна штука, так — штукица, бирюлька. Талисман мой. Но мне ведь теперь ничего не надо, верно? Вот, берите, коль не брезгуете.

ГЕРОЙ. Ой... Спасибо вам огромное! Я уж не знаю, как вас... чем вас отблагодарить!

ПЕРСОНАЖ. Бросьте вы эти телячьи нежности! Нужны мне ваши благодарности, как сороке кепка. Берите, пока не передумал.

ГЕРОЙ. Надо же, какой симпатичный шарик! И легонький такой!

ПЕРСОНАЖ. Это не шарик. Это глаз.

ГЕРОЙ. Глаз?

ПЕРСОНАЖ. Глаз, точно. Натуральный рыбий глаз, засушенный. У него, между прочим, целая история есть.

ГЕРОЙ. Интересно. И что за история?

ПЕРСОНАЖ. А такая вот история. Много лет тому назад у меня был сосед по камере. Звали его Джек-Попрошайка. Очень был веселый и изобретательный человек. И вот он вылавливал из здешнего супа рыбные головы (больше оттуда вылавливать-то нечего), выковыривал глазки и сушил их на солнышке. А потом растирал в порошок и тайком курил это зелье. И однажды до того обкурился, что вышел в другое измерение и больше не возвращался. Я бы не поверил, если б это не произошло на моих глазах: покрылся человек испариной и — фьють! — испарился. Сгинул, даже мокрого места не оставил. Что тут началось! Какой тут шмон устроили! Сначала все подкоп искали, все переисследовали, сделали капитальный ремонт камеры, да ничего, разумеется, не нашли. Потому что я раньше них вот этот глаз, последнюю попрошайкину заначку, между камней в стене нашел и в рот себе положил, спрятал, значит. Оставлю, думаю, в качестве талисмана. А у этих, тем временем, новая версия поспела, решили они, что это, скорее всего, я соседа своего съел, то есть до нитки! Попытали меня немножко, только я, заметьте, ни в чем не сознался. Но во время последней такой процедуры у меня глаз-то изо рта и вывалился! Прямо у всех экспертов на виду! Вот тогда они мне и пришили к пожизненному сроку еще червонец — за каннибализм в извращенной форме (что за форма такая — до сих пор не пойму). Составили протокол, все на меня списали, глаз приложили к делу. Только я его незаметно спер, пока они премию за раскрытие пропажи делили. И с тех пор храню. А Попрошайка не появлялся больше, но порою мне кажется, что он где-то тут незаметно витает. Не считите за бред, но один раз он со мной даже поговорил.

ГЕРОЙ. Да ну! И что он вам сказал, позвольте узнать?

ПЕРСОНАЖ. Так, ерунду плел, как всегда. Это неважно... И с тех самых пор меня и содержат в режиме одиночества и даже выгуливают отдельно, чтобы я кого не съел.

ГЕРОЙ. Вот оно как!

ПЕРСОНАЖ. Да, вот так... А хотите знать, почему они вдруг вас именно ко мне посадили?

ГЕРОЙ. Как почему? Они мне сказали, что больше нет мест.

ПЕРСОНАЖ. Как же, держите карман шире! Мест нет! Это они форменно наврали.

ГЕРОЙ. Ну, а вы считаете — почему?

ПЕРСОНАЖ. Элементарно. Они надеялись, что я вас съем. Да. Или, хотя бы, покусаю.

ГЕРОЙ. Да что вы!

ПЕРСОНАЖ. Точно так. Целую неделю, специально, на сухом пайке держали.

ГЕРОЙ. Позвольте, я что-то ничего не понимаю! А зачем им это нужно?

ПЕРСОНАЖ. Да затем, наивный вы человек! Боятся они вас, рыцарей.

Потому что вы, даже к смерти приговоренные, для них опасны! Они ведь понимают, что, сгори вы утром на центральной площади — у всех на глазах, гордый и несломленный, — и вы же станете героем, а их будут считать убийцами! Смерть на костре — это не смерть ваша, а бессмертие. А их — позор. А скончайся вы в камере — вот им радость-то! Назавтра же провозгласят вас трусом и самоубийцей, слабаком, не выдержавшим испытаний. А покусай я вас — еще потешнее: рыцарь вышел на эшафот покусанный и подбитый! Превратят вас в шута горохового!

ГЕРОЙ. Но ведь они мне не поверили, что я — рыцарь!

ПЕРСОНАЖ. Ха! Еще как поверили! Даже если и не поверили, то насторожились. Пусть вы и не рыцарь, по их мнению, а только так себя назвали — уже за одно это безопасней будет от вас избавиться. У них, у нерыцарей, такие правила игры.

ГЕРОЙ. Боже ж ты мой, что творится-то... И много ли этих, как вы выразились, нерыцарей?

ПЕРСОНАЖ. Полным-полно, уж поверьте мне. Все эти законодатели мод и взятки, сводники законов, сплетники интриг, благодетели... Одни названия у них чего стоят! Все они — псы, а не рыцари. И все они люди, а вы — рыцарь; а вот мир принадлежит людям, а не рыцарям.

ГЕРОЙ. Но рыцарь — ведь тоже человек!

ПЕРСОНАЖ. Человек! Но выращенный в холодильнике! Фантом! Гомункул! Не говоря худого слова!

ГЕРОЙ. Не знаю я, что это такое, но, по-моему, вы заблуждаетесь. По-моему, рыцари людям так же необходимы, как и сапожники, врачи, музыканты... И не стоит противопоставлять людей и рыцарей. Рыцарь — нормальное людское ремесло. И всех скопом людей вы тоже напрасно в нерыцарей записали. Вы же сами сказали, что в этом мире есть что-то хорошее!

ПЕРСОНАЖ. Не ловите меня на слове! Я говорю, что взбредет в голову, мне на все начихать, меня, как такового, нет вообще. Я сам не знаю, чего я хочу. Поэтому я ничего не хочу. Все.

ГЕРОЙ. И все-таки... Простите, конечно, но я никак не могу разделить ваши чувства.

ПЕРСОНАЖ. Не знаю я, ничего не знаю... Может, вы и правы в чем-то, я даже хотел бы, чтобы вы оказались в чем-то правы. Но пока

там сжигают рыцарей, я лучше посижу здесь. По крайней мере, тут у меня только один тюремщик, а не тысячи. К тому же, он свой, почти родной. Он, конечно, маньяк и рукам дает волю, но зато не компостирует мозги. И если и сделает по глупости со мной что-нибудь этакое, то потом ему становится стыдно, и на следующий день он мне или конфетку принесет, или тазик — ноги погреть. Да мой тюремщик — добрейшей души человек по сравнению со всеми этими мздоимцами и налогоплательщиками... Тьфу! Даже выговаривать противно!.. Но на мой счет эти подонки просчитались! Они же хотели меня использовать, как вам это нравится! Они думали, что я вас съем! Они послали вас к людоеду, а здесь, оказывается, живет совсем другой человек. Обознались, голубчики! Как я их всех обманул со своим Днем Возрождения! А? Ай да я! Вместо того чтобы вас сожрать, я вас пальцем не тронул, а, наоборот, — кое-чему даже научил, кажется. Нет, я сам себе удивляюсь! Я еще и талисман вам подарил! Берите. Берите этот рыбий глаз, да поможет он вам... Хотя, вам ли нужна моя помощь!

ГЕРОЙ. Спасибо! Помощь — она и рыцарю не помешает. Клянусь, я использую его по назначению — я кину его даме своего сердца. Кстати, а как вы думаете, кинуть даме сердца рыбий глаз — это не выходит за рамки приличия? Все-таки, рыбий глаз...

ПЕРСОНАЖ. Да какая разница! Все равно у вас ничего другого нет.

ГЕРОЙ. Верно. Решено: кину ей глаз; пусть знает, как я к ней здорово отношусь... Пойдите, я вдруг подумал: а что если она не придет на площадь?

ПЕРСОНАЖ. Как же не придет? Почему это не придет?

ГЕРОЙ. Но мало ли что. Я просто подумал: вдруг да не придет?

ПЕРСОНАЖ. Бросьте вы ерунду всякую думать. В чем вы ее подозреваете-то? Не придет! Вот выдумал! Она к вам хорошо относится?

ГЕРОЙ. Кажется, да. Во всяком случае, лучше ко мне никто не относился.

ПЕРСОНАЖ. И вы к ней, как я вижу, относитесь со всею взаимностью. Чего еще вам не хватает? Кинете ей талисман, улыбнетесь как можно непринужденнее. Она вам тоже улыбнется, может быть, даже тоже что-нибудь кинет. А потом вы со спокойной душой сгорите — и все у вас с ней будет хорошо. Никаких тебе ссор, объяснений, сцен и свадебно-разводных процессов. Чисто платоническое чувство. Стерильно, как в холодильнике. Да вы просто счастливчик, академик Семенов-Тянь-Шаньский! Будь я на прежнем месте, я, может, вам даже и позавидовал.

ГЕРОЙ. Да я теперь и сам чувствую, что я счастливчик. Хотя, еще вчера я был уверен в обратном.

ПЕРСОНАЖ. Вы просто баловень судьбы.

ГЕРОЙ. Похоже на то, надо же! Вы мне глаза открыли!

ПЕРСОНАЖ. Кстати, пора бы их закрыть на часок-другой. Я уже спать хочу.

ГЕРОЙ. А вы и поспите. И я, может быть, тоже вздремну за компанию. Я заговорил вас совсем, извините. Спокойной ночи.

ПЕРСОНАЖ. Спокойной ночи еще раз... Так. Номер тысяча... Нет... Да, вы, кажется, обещали рассказать про даму вашего сердца. Расскажите?

ГЕРОЙ. Ну что ж, вы спите, а я расскажу.

ПЕРСОНАЖ. Я сплю, рассказывайте. Только не громко и помедленнее, как будто бы это сказка.

ГЕРОЙ. Даму моего сердца зовут Адвокатом. Наверное, это не имя, но имени я не знаю. Ее работа — защищать. В общем, у нас с ней похожие профессии. И вот она пыталась меня защищать. Она спрашивала меня о всякой всячине и записывала ответы на бумажку. Я отвечал в меру своего представления о жизни, и мои ответы иногда вызывали у нее улыбку. Но улыбалась она так приветливо, так симпатично, что я не обижался. У нее были вот такие волосы и в глазах — что-то такое, чего я нигде больше не видел. Я рассказывал ей про свой холодильник, а она мне про Диогена и Чебурашку. Мне было очень интересно, честное слово.

ПЕРСОНАЖ. А стихов она вам, случайно, не читала?

ГЕРОЙ. Вы спите, спите...

ПЕРСОНАЖ. Я сплю, сплю...

ГЕРОЙ. Нет, не читала, а вот я прочел. Парочку стишков, кажется. А она мне зачитывала протокол, а потом макала мои пальцы в чернила и ставила отпечатки внизу листа.

ПЕРСОНАЖ. Счастливчик. Я сплю.

ГЕРОЙ. А за спиной у нее висел портрет в раме, а кто на нем был изображен — вам уже известно. Я тогда не знал, что она — дама моего сердца. Вернее, я это чувствовал, но не знал, как это называется. Она сказала мне, что завтра мы продолжим меня защищать и все будет хорошо. И я был очень рад. Не тому, конечно, что меня, рыцаря, защищает дама, а тому, что мы завтра продолжим. А на завтра мне сообщили, что, ввиду особой тяжести совершенного мной преступления, высочайше соизволено в адвокате мне отказать и предоставить мне право защищаться самому.

ПЕРСОНАЖ. И что? Вы защищались?

ГЕРОЙ. Вы еще не спите?

ПЕРСОНАЖ. Сплю.

ГЕРОЙ. Нет, я не защищался. Мы, рыцари, готовы защищаться в бою, а в делах житейских мы, оказывается, крайне беззащитны.

ПЕРСОНАЖ. И вас, стало быть, приговорили?

ГЕРОЙ. Почти единогласно. И завтра приговор приведут в исполнение. Вернее, уже сегодня. И уже скоро. Вы спите?

ПЕРСОНАЖ. Сплю, но вы продолжайте, вы пока мне не мешаете.

ГЕРОЙ. А что еще продолжать? Продолжение последует утром. Точнее сказать, окончание... Но я думаю, у нас с ней все хорошо сложится. Как вы и рассказывали. Я, чисто вымытый и непокушанный, взойду на эшафот. Увижу ее в толпе, узнаю. Мы улыбнемся друг дружке, а потом я брошу ей ваш подарок. Ну а потом — куда тут денешься — сгорю на ее глазах. По-моему, все очень складно и хорошо, без лишней суеты и надрыва. Вы не находите?

ПЕРСОНАЖ. Нахожу. Вы с ней — замечательная пара. Такого согласия я еще не встречал.

ГЕРОЙ. Спасибо за комплимент. Вы спите?

ПЕРСОНАЖ. Сплю.

ГЕРОЙ. А как на ваш взгляд, — мне очень будет больно?

ПЕРСОНАЖ. Да что вы! Не берите в голову. Вам просто будет очень жарко. Ну, вспотеете, загорите, а там, уж глядишь, и нет вас. Все будет хорошо, не волнуйтесь.

ГЕРОЙ. Дело в том, что я закалялся-то только в одну сторону. Я любой холод могу вытерпеть, а вот жару... Да, даже в этом я слишком ограничен!

ПЕРСОНАЖ. Не прибедняйтесь уж! Всем бы такую ограниченность. Сгорите — и глазом не моргнете, знаю я вас. И не стоит больше на эту тему, а то мне не уснуть.

ГЕРОЙ. Да-да. Это я так, по глупости. На самом деле, я уверен, что выдержу. Главное — чтобы она там была, на площади, чтобы глаза ее видеть. Тогда — гори все ярким пламенем! Только бы она пришла...

ПЕРСОНАЖ. Да придет, не нойте.

ГЕРОЙ. Да. Что это я? Вообще-то я хладнокровный был, пока жил в холодильнике. А тут, видимо, отогрелся. Расслабился, разомлел, распустился... Надо взять себя в руки, подышать свежим воздухом. Смотрите-ка, сколько звезд сегодня! У вас тут прекрасный вид на звезды. Просто обсерватория! Я не загораживаю вам небо? Или вы спите?

ПЕРСОНАЖ. Да сплю я, сплю. Любуйтесь на здоровье. Я их все равно не вижу, у меня плохое зрение. Очень даже плохое. В молодости я постоянно косил: то под кого-нибудь, то от армии. И совсем посадил зрение. А потом и сам сел. Так что звезд я не вижу, даже впервые от вас слышу, что их в это окно видно.

ГЕРОЙ. Видно, еще как видно. Вон какие яркие! Я почему-то подумал, что, скорее всего, я улавливал не людские мысли, а звездные. По-

этому они и не имели ничего общего с реальной тутошной жизнью. Может такое быть?

ПЕРСОНАЖ. Очень даже возможно. Скорее всего, так оно и было. Эх, не дадите вы мне поспать совсем.

ГЕРОЙ. Виноват, простите великодушно. К сожалению, в быту рыцари просто невыносимы... Слушайте, я все равно сбил вас с толку и всю эту вашу идею с новой жизнью скомкал. Так, может, вы станете другим человеком чуть позже, после моего ухода, а не сейчас... может, вы расскажете что-нибудь о себе, а то все обо мне да обо мне речь. Мне неудобно как-то. А уж когда меня увезут, забудьте про меня и перерождайтесь сколько душе угодно. Я ведь за единственный день вашей жизни тут все так перепутал, кажется, что вы меня еще долго не забудете. А это очень тяжело — начинать жизнь с воспоминаний, это просто неестественно. Мне кажется, лучше начать завтра, без меня. Ведь верно?

ПЕРСОНАЖ. Нет, давайте обойдемся без этого. Я не хочу о себе. Я ведь и без Дня Возрождения столько раз уже перерождался из одного в другое, что и не знаю, о каком себе рассказывать. Страшно вспомнить все эти жизни, всех этих людей. Всех этих разных людей. Нет, разве ж это был я? Не похоже. Даже, знаете ли, внешность совсем не та, в чем вы мне помогли удостовериться. Я думал, что та, а оказалось — не та. Так что меня, того, действительно нет больше. А стоит ли говорить о том, чего нет? Пустая трата времени. Пусть буду лучше я, этот сегодняшний, — и ничего еще раз менять не надо. Мне этот больше нравится, особенно имя: академик Семенов-Тянь-Шаньский — это звучит. Сегодня я еще потреплюсь, а уж с утра соберу все свое равнодушие и все свое безразличие, чтобы больше не вспоминать о вас. И День Возрождения мой пусть останется во вчера. Что сделано, то сделано. Я, конечно, не рыцарь, но и мое слово кое-чего да стоит. Я же жизнь начал, а не погулять пошел. Каждый день ее заново начинать — слишком жирно будет.

ГЕРОЙ. Да, я понял. Я опять предложил вам дурость. Забудьте. Что-нибудь сейчас другое... Интересно, а в окно будет видно пламя?

ПЕРСОНАЖ. Не знаю и не хочу знать. Я не собираюсь смотреть, мне абсолютно неинтересно. Я буду в это время отсыпаться. Я не хочу этого видеть! Совсем! У меня есть поважнее заботы — завтрак, обед, ужин... Да, я же имею право на эти приятные мелочи! Мне только день от роду, а вы мне предлагаете такие зрелища! Вы мне даже спать не даете!..

ГЕРОЙ. Я обманул вас, академик Семенов-Тянь-Шаньский. Я действительно не совершал никакого преступления. Вы были правы. Про-

стите меня, я вовсе не хотел вас обманывать, так получилось. Дело в том, что я думал: люди не могут обвинить меня напрасно. Я думал, что, может, я чего и натворил по глупости. Я надеялся вспомнить.

ПЕРСОНАЖ. И, конечно, не вспомнили.

ГЕРОЙ. Нет, даже наоборот. Поразмыслив, я убедился-таки, что не совершил ни одного поступка, за который бы мне было стыдно. Не только перед собою, но и перед людьми. Жизнь моя не так уж велика — я не мог упустить. Так что простите меня. Я до последнего надеялся, что вспомню.

ПЕРСОНАЖ. Зря надеялись. Я же сразу вам говорил, что вы ничего не совершали. Мне это с первого взгляда было ясно. А интересно тогда: за что вас осудили?

ГЕРОЙ. Получается, что ни за что.

ПЕРСОНАЖ. Нет, это я понял. А официальное обвинение-то каково?

ГЕРОЙ. А какая разница! Обвинение, как правило, с виной ничего общего не имеет. Я и не запоминал — к чему запоминать заведомое вранье, скажите пожалуйста! Зато теперь я могу умереть с чистым сердцем и со спокойной совестью. Я теперь знаю, что я ничего такого не натворил... Эх, люди, люди! Не нужны вам рыцари, хоть ты тресни! Но я не обижаюсь, я теперь понял, что от меня требуется — вовремя уйти. Ради людей же, чтобы им же жилось лучше, спокойнее. И, наверное, это правильно. Назвался рыцарем — плати по самому высокому счету — головой. Что ж, пусть полюбуются, как горят на рассвете рыцари. Может, поумнее станут, бедолаги... Но до чего же они близоруки! Попробовали бы хоть один разочек в жизни побыть рыцарями! И поняли бы, что нет на свете приятнее ощущения! От этого даже дух захватывает! Даже побежденным рыцарем чувствовать себя интереснее, чем простым человеком!

ПЕРСОНАЖ. Вы фанатик. Все вы, рыцари, фанатики. А все фанатики — эгоисты.

ГЕРОЙ. Вот я и думаю... Может быть, самое лучшее, что я могу сделать для этих бедных людей, — оставить их в покое, сгореть? Как вы думаете, может, моя смерть — это и будет мой подвиг?

ПЕРСОНАЖ. Подвиг? Навряд ли. Не думаю. Для подвига это как-то чересчур многолюдно. Подвиги, как и преступления, совершаются без свидетелей, а то это не подвиг, а пижонство одно. Я так думаю.

ГЕРОЙ. Жаль.

ПЕРСОНАЖ. Не отчаивайтесь, не в подвигах счастье... А хотите, я вас позабавлю? Знаете, что мне тогда голос Джека-Попрошайки говорил? Ни за что не догадаетесь и не поверите — извинялся! Ага. И знаете, за что? За те лишние десять лет, что мне по его

вине приплюсовали! Я удивился, чего извиняться-то? Что мне от этих десяти-то лет хуже что ли будет! А оказалось, что тут, в моем данном случае, такая сложилась ситуация, что приговор оказался сильнее смерти. Именно в моем, частном случае. То есть тогда, когда мне суждено свыше умереть, я не умру, а проживу еще лишних десяток лет. Вот оно как бывает! Я же все равно в изоляции; что я есть, что меня нет — все едино. У других жизнью под ногами не пугаюсь, хитросплетению судеб не мешаю. Так что могу десяток годков-то и потерпеть, раз погоды не делаю. Это так Попрошайка объяснил. Можно, конечно, не верить, но он теперь в таких сферах вращается, где в этих делах толк знают. Вот я и верю. И выходит, что я никому не нужен — ни в тюрьме, ни на свободе, ни на земле, ни на небе. Вот так болтаюсь здесь, как незнамо что. И самое обидное: не знаю я, с какого момента эти десять лет отсчитывать! Может быть, попробовать со вчера? Как думаешь, академик Семенов-Тянь-Шаньский?.. Эх ты, уснул. Сидя. Надо же. Хорошо спит: крепко, спокойно, уверенно. Погорелец... Возможно, это даже хорошо, что он меня не слышал. Я вообще ему много ерунды всякой наплел. Про псов-нерыцарей, про женщин... Особенно про женщин — зря я ему. И что меня дернуло! Может, это специальный такой рыцарь был, чтобы на женщин не отвлекался и спокойно вершил дела свои справедливые? А я его сбил, дурак. Пожалел, видите ли. А я как подумал — я подумал: бедный рыцарь! Нет у тебя ни подвигов, ни славы, так пусть хоть дама сердца будет! Короче, не в свое дело нос сунул. Хотя, кто его разберет! Все-таки, как же рыцарю без дамы? Подвиги-то сподручнее совершать ради кого-то конкретного. Если ради абстрактного человечества, то и подвиги будут абстрактные. А он сам говорил, что рыцарь должен быть точен, правильно? Для этого им по рыцарскому уставу дама и полагается — как конкретный образ абстрактного человечества. Я не очень заумно выражаюсь? А впрочем, мне на это наплевать, начхать и даже еще хуже. Я думаю, что вовсе не буду его жалеть. Даже вспоминать не буду. Мне нельзя нервничать, мне еще долго жить придется. Он правильно сказал: не стоит начинать жизнь с воспоминаний. Кто он такой вообще? Да никто, пустое место, как и я. Чего тогда жалеть? Нечего. Одним рыцарем больше, одним меньше... Можно, конечно, было предложить ему побег. Да теперь уже поздно. Да он бы, я думаю, и слушать об этом не стал. Рыцари, кажется, не убегают. Ладно, пусть горит, все равно он здесь не приживется. Покуролесил, освежил обстановку и — будет! Правильно?

Отворяется дверь, входит ТЮРЕМЩИК.

ПЕРСОНАЖ. Как? Что, уже? Ах ты, а он только что уснул! Ну еще хотя бы десять минуточек! Я его разбужу! Потом рассчитаемся, а?

ТЮРЕМЩИК *глядит на свои часы и жестом показывает: пять.*

ПЕРСОНАЖ. Пять? Дайте хотя бы семь!

ТЮРЕМЩИК *показывает: три.*

ПЕРСОНАЖ. Хорошо, хорошо, три, договорились.

ТЮРЕМЩИК *выходит.*

ПЕРСОНАЖ. Эй! Просыпайтесь, академик Семенов-Тянь-Шаньский! Подъем, рыцарь! Пора.

ГЕРОЙ. Что такое? Где это? Горим?

ПЕРСОНАЖ. У вас мало времени, я уже чую их шаги внизу.

ГЕРОЙ. Как? Я еще здесь?! Вот досада! А мне снилось, что меня уже почти сожгли и я достойно это перенес!

ПЕРСОНАЖ. Да, обидно. Придется вам еще раз потерпеть. Ну, ничего, зато теперь у вас есть опыт. Вставайте скорее и протрите глаза, вы должны хорошо выглядеть.

ГЕРОЙ. Да-да-да, я готов.

ПЕРСОНАЖ. Так вы все запомнили? Выходите, улыбаетесь, находите в толпе адвоката своего, кидаете ей глаз... Смотрите только, не промахнитесь, а то попадете в лоб, вот ей неприятно-то будет. А потом — представляйте, что вам очень холодно, тогда огонь будет в радость. И не нервничайте, все будет хорошо. Поняли?

ГЕРОЙ. Понял. Я хорошо выгляжу?

ПЕРСОНАЖ. Порядочно. Только не дрожите, это лишнее... Ну все, присядем на дорожку. Садитесь на табуретку.

ГЕРОЙ. Спасибо. (*Минуту сидят молча.*) А хотите, я подарю вам на память эту рубаху? Она почти новая. Я бы и штаны подарил, да надо бы напоследок попримечнее выглядеть, по-рыцарски.

ПЕРСОНАЖ. Нет, не надо. Я не хочу вас вспоминать. Вообще, какое мне дело, собственно, до вас. Из коридора доносятся шаги конвоя. Дайте-ка я взгляну вам в глаза еще разок.

ГЕРОЙ. Смотрите.

ПЕРСОНАЖ. Да... Ну и я...

Входит ТЮРЕМЩИК, жестом приглашает ГЕРОЯ следовать за ним.

ГЕРОЙ. Уже? Ну все, я пошел.

ПЕРСОНАЖ. Счастливого пути, рыцарь.

ГЕРОЙ. Извините за беспокойство. За все спасибо. Прощайте.

ПЕРСОНАЖ. Ни пуха ни пера.

ГЕРОЙ. К черту. (*Тюремщику*). Академик Семенов-Тянь-Шаньский, рыцарь, — к вашим услугам.

ГЕРОЙ и ТЮРЕМЩИК уходят.

ПЕРСОНАЖ. Вот и все... Ну вот и все. И всех делов-то. И никаких проблем. Будто бы и не было никого. А если даже и был, так мне это до лампочки, я и не заметил ничего, не обратил должного внимания, не придавал значения. Так что, летописцы, я тут не при чем, так в своих летописях и запишите. Все запишите, серые, все, что услышали, что подслушали и подглядели. И пусть оно будет. Пусть будет для истории, а я тогда безболезненно все позабуду, как будто ничего и не было. Сделайте доброе дело, летописцы, избавьте меня от воспоминаний. Договорились? Ну и хорошо, вот и славно. А впрочем... а впрочем... Надо было хоть спросить у него, какой нынче век, какое время года? А вообще-то, какая разница! Да и откуда ему знать: у него в холодильнике всегда зима... А впрочем, а впрочем, впрочем... А это что там такое? Глаз! Глаз-то он выронил, позабыл талисман-то! Э! Растяпа! Вот ведь бестолковщина, лыцарь безголовый! Забыл-таки! Ах ты... Ну и ладно, шут с ним. Не все ли равно. (*Кладет талисман за пазуху, потом вынимает обратно и выбрасывает в окно.*) Так вот лучше будет. И никаких следов. И, вообще, начнем-ка все сначала. Последний разок. Итак. Поздравляю, и в нашу камеру пришел... Кто пришел? Ах, да, праздник пришел. День Возрождения. Теперь я опять другой человек, даже и не человек, а так просто, пустое место. И ничего не помню. Ну ничегошеньки. Пустому месту все едино, все равно. Как будто меня нет дома и, вообще, нигде нет. Даже там, где витает теперь Попрошайка, меня нет. Нету меня — и все. Прошу не беспокоить по пустякам. А все кругом — пустяки, так что прошу вовсе не беспокоить. И, вообще, я очень хочу спать. И не шуршите своими никчемными рукописями, летописцы, не сбивайте мой сон. Все, сплю. Вот так.

Укладывается. В окне становятся видны отсветы костра.

Все, сплю, заметьте. И ни капельки не помню. Номер... номер один — э-э-э... Джордано Бруно. Номер два — Ян Гус. Номер три — Жанна д'Арк. Номер четыре — протопоп Аввакум. Номер пять — академик Семенов-Тянь-Шаньский. Номер шесть...

Засыпает, громко храпя. Входит ТЮРЕМЩИК, ставит на пол миску и кружку. Выпрямляется, смотрит в зал.

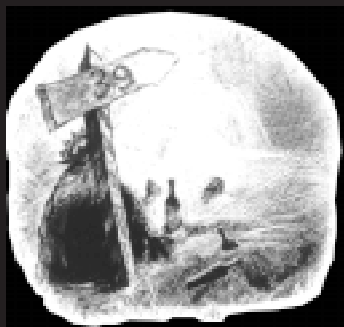
ТЮРЕМЩИК. Кушать подано.

Уходит. В окне видны отсветы костра. Из миски идет аппетитный парок. Персонаж громко храпит. Занавес закрывается.

КОНЕЦ

Санкт-Петербург, апрель 1992

КОРОЛЬ ЖИЛ В ПОДВАЛЕ

*Сказка
для кинематографа*

1

В отделе объявлений за столом, заваленным бумагами, сидела строгая молодая женщина в очках.

Очередной посетитель вошел робко, без стука. Женщина взглянула на него с заведомой неприязнью — сутулый оборванец, невымытый, небритый, с дурацкой улыбкой и грубыми руками..

— Здравсьте, — сказал он. — Мне бы объявление дать...

Женщина молча приняла из его рук замусоленную бумажку и прочитала:

«Ищу работу по специальности. Король.»

— Пять монет с вас, — сказала женщина. — По одной за слово.

Оборванец пересчитал на ладони мелочь и опечалился.

— Простите, — сказал он, — у меня не хватает.

— Тогда сократите, — равнодушно посоветовала женщина. — Пусть будет просто: «Ищу работу. Король.»

— Хорошо, пусть будет просто, — согласился посетитель, но тут же осёкся: — Только у меня всё равно...

— Ну знаете! — сказала женщина. — Оставьте тогда ещё проще: «Ищу работу» — и всё.

— Хорошо, — согласился оборванец, — пусть будет ещё проще.

И он подал две монеты.

Когда посетитель собрался уходить, женщина ещё раз презрительно на него взглянула и спросила:

— А кто это король? Вы, что ли, король?

Оборванец остановился в дверях. Вместо ответа он выпрямился, расправил плечи, поднял подбородок и принял величественную позу. В его глазах что-то сверкнуло.

Женщина открыла рот и от неожиданности привстала — перед ней стоял самый настоящий Король.

2

Снег стаял, в рабочем районе стало слякотно и мерзко. Король преодолел баррикады долгостроя, пролез через дыру в заборе на территорию маслобойни, миновал бараки и вышел прямо к бесцветному непонятному зданию о трёх окнах. Спустившись в подвал, он условленным способом постучал в маленькую дряхлую дверь, за которой его ждала семья — жена и дочь.

— Никуда ты не пойдёшь! — спорила Королева с Принцессой. — Чего удумала!

— Нет, пойду! — спорила Принцесса с Королевой. — И не удерживайте меня, мама, я уже почти совершеннолетняя!

— Что вы опять шумите! — входя, сказал Король. — Ведь за версту слышно. Хотите, чтобы нас и отсюда выставили?

Женщины тут же умолкли, спохватившись. Королева стала вполголоса объяснять Королю:

— Доченька наша с голоду совсем с ума сошла — пойду, говорит, деньги зарабатывать. Каково!

Король не удивился, он только спросил:

— Интересно, как?

Королева ответила за Принцессу:

— Вот именно, как? Знаю я, как молодые девушки деньги зарабатывают!

Принцесса покраснела.

— Мама!.. Как вам не стыдно, мама! — сказала она и разревелась: — Я же как лучше хотела, — всхлипывала Принцесса, — я же хотела... где-нибудь в переходе... на каком-нибудь музыкальном инструменте... а вы!..

— Интересно, на каком? — поинтересовался Король.

— А вот всё вы виноваты, — закричала Принцесса, — говорила я вам: учите на гитаре играть! А вы со своим клавесином дурацким!

— Ладно, успокойтесь, — сказал Король. — Работать пойду я.

Услышав условленный стук в дверь, Принцесса перестала реветь и спряталась за висевшую в углу занавеску, сплетённую из ветоши.

— Опять ваш Оруженосец, — тихо сказала Королева. — Что он всё ходит-то?

— Просто хороший человек, — сказал Король и пошёл открывать. — Все меня забыли, а он даже здесь нашёл.

— То-то и странно, — буркнула себе под нос Королева.

Король отпер дверь и впустил в подвал своего бывшего оруженосца. Молодой человек держал в руках свёрток и поминутно дёргал головой, будто небрежно кланялся.

— Добрый вечер, Ваше Величество, — поздоровался он. — Вы отлично выглядите, Ваше Величество!

— Здравствуйте, дорогуща, — не очень приветливо сказала Королева. — Опять вы рискуете. Не стоило бы вам так часто к нам заглядывать.

— Да, друг мой, — сказал Король, — вас могут выследить.

— Ерунда, — сказал Оруженосец. — Кто я такой, чтобы меня выслеживать! Пока — никто! Да и к тому же, в рабочем районе слишком уж грязновато, простите, — и он показал на свои сапоги.

Из-за занавески вышла Принцесса. Оруженосец растерянно произнёс:

— Добрый день... то есть, вечер, Ваше Высочество...

Принцесса чуть склонила голову. Оруженосец ещё некоторое время стоял столбом, уставившись на Принцессу, потом встрепенулся и стал раскладывать на столе, сооружённом из доски и старой бочки, содержимое свёртка.

— Это вот я вам, — говорил он, — не считите за бестактность. От чистого сердца. Помня, так сказать, ваше отношение и, извините, зная нынешнее положение дел...

Он выложил на стол полпалки колбасы, творожные сырки, кефир, сигареты, ещё что-то. Королева побледнела, Король побагровел, Принцесса покраснела. Все трое стояли вокруг стола и не решались присесть. Принцесса смотрела на Королеву, Королева косилась на Короля, Король поглядывал на стол.

— Интересно, — мечтательно произнёс Король. Внутри него что переломилось, он сплюнул и присел на деревянную плешку. — Ну что ж, — сказал он, — раз уж от чистого сердца!..

Ели все, кроме Оруженосца, который никак не мог оторвать взгляда от Принцессы и смотрел на неё так жадно, будто бы это она была на столе самым желанным блюдом. Но его взглядов никто не замечал: было не до этого.

— Откуда такое роскошество? — спросила Королева.

— Это я устроился на службу, — сказал Оруженосец. — Вчера получил первое жалование.

— Интересно, — позавидовал Король. — И чем же вы занимаетесь?

— По специальности, — сказал Оруженосец. — Населению разрешили носить оружие, а как его носить — никто не знает. Вот я и открыл курсы по обучению.

— Прелестно, — заметила Принцесса.

— Надо, надо заниматься делом, — с запалом сказал Оруженосец. — Все бывшие придворные уже в большие люди выбились. Нельзя отставать от времени...

Стук в дверь прервал его речь. На этот раз стучали обыкновенным образом — сильно и грубо. Все замерли и притаились; Оруженосец изменился в лице и стал шарить взглядом по темным углам.

Щеколда не выдержала, отскочила, и дверь распахнулась. Огромный мужик с розовым лицом шагнул через порожек и спросил:

— Ну, кто тут искал работу?

3

Рабочие поднатужились и взвалили на королевские плечи большущий мешок с цементом. Король сгорбился, крепко стиснул зубы.

— Вот так, — сказал первый рабочий. — До троих считать умеешь, молодёжь? Вон на третьем этаже в уголок и сбросишь.

Легонько подтолкнув Короля, он помог ему подняться на первую ступеньку. Король, пошатываясь, стал карабкаться наверх. Рабочие же отошли за мешки; первый достал из кармана бутылку вина и какой-то корнеплод с ботвой, второй поднял старый газетный лист и расстелил его на подоконнике.

— Эй тама, молодёжь! — громко крикнул первый, пока второй зубами откупоривал бутылку. — Пять секунд полёт нормальный?

Сверху донёсся грохот, треск, и облако белой пыли окатило лестницу вместе с рабочими.

— Тьфу, — сказал второй, закашлявшись. — Безрукий!

Король встал, отряхнулся, подцепил мешок и волоком втащил его в дверь на третьем этаже. Остановился и осмотрелся... Большая белая зала поразила его размахом, изяществом и грядущей роскошью, которая угадывалась в ещё не достроенном помещении. Мраморный пол, купидоны под потолком, оконные рамы чёрного дерева...

— Размахнулись... — вслух подумал Король.

Оставалось два последних мешка. Второй рабочий с торчащей изо рта ботвой устало сидел под подоконником. Первый, плохо удерживаясь на ногах, пробовал помогать Королю взваливать мешки на спину, но тем только мешал.

— Вон, — говорил он, — наострился! В армии-то был?

— Был, — сухо отвечал Король.

— Молоток. Кем? — спросил рабочий.

— Главнокомандующим, — ответил Король.

Рабочий захохотал и похлопал его по плечу, потом сунул что-то в королевский карман и сказал:

— Вон, слетай-ка за добавочкой, главком. Третьим возьмём.

Король молча вернул деньги, самостоятельно взвалил на спину мешок, оттолкнув им рабочего, и ровным величественным шагом пошёл наверх.

— Шутник, — сказал первый рабочий второму. — Ничего, пообломаем.

Второй тупо смотрел в газетный лист и пытался что-то сказать.

— Вот... он... какой... — наконец сказал Второй.

— Кто? — спросил первый.

— Он, — едва смог выговорить второй.

Первый посмотрел, куда указывал его собутыльник. На пожелтевшей полосе «Королевской Правды» темнел парадный снимок королевской семьи: Королева с Принцессой в пышных кружевных платьях стояли по обе руки от Короля, одетого в полувоенный мундир с эполетами. Все трое задумчиво улыбались.

4

Королевы в подвале не было. Принцесса и Оруженосец сидели друг против друга на ящиках; Принцесса, по обыкновению, краснела, Оруженосец прятал глаза, но разговор кое-как поддерживался.

— ... И ничего у него не получается, — говорила Принцесса. — Уже с пятого места выгоняют. Вернее, получает ся, но...

— Но? — вторил Оруженосец.

— Папа ведь ничего не умеет, кроме как королевством править. Но он очень быстро всему учится. Поначалу у него всё из рук валится, над ним все смеются, а потом...

Потом — очень скоро — он начинает всё делать так ловко, будто всю жизнь только этим и занимался: мешки грузил или потолки красил. И вот тогда он сильно преобразается, и все узнают в нём Короля. И увольняют от греха подальше.

Вошла Королева и с ходу заговорила:

— Да вы же сами знаете, дорогуша: он на нормальных-то королей не похож. Он слишком хороший король был.

— Поэтому и БЫЛ, что хороший, — уточнила Принцесса.

— Да, да, — сказал Оруженосец, — я заметил: у него всё было наоборот. У него даже шут дурак был.

В дверь постучали.

— Он, — сказала Королева и отперла.

Король был зол и раздражённо хмурил брови. Кинув в угол пустой вещмешок, он исподлобья оглядел присутствующих. Оруже-

носец встал, Королева и Принцесса покосились в сторону вещмешка. Король, не поздоровавшись с гостем, повернулся к жене, вдохнул воздух и произнёс сквозь зубы:

— Опять курила! — и скрылся за занавеской из ветоши.

Последовала пауза. Оруженосец заторопился.

— Ну, мне, вроде бы, пора, — предположил он.

— Погодите, — выглянул Король из-за занавески. — Есть разговор. Прошу!

И он зашагал к двери.

Во дворе ужасно воняло. Оруженосец прикрывал нос чистым носовым платком и морщился.

— И из лифтёров меня выгнали, — сказал Король. — Да и правильно сделали. Каждый должен заниматься своим делом. Верно?

— Абсолютно, — согласился Оруженосец.

— Я вот что решил, — продолжал Король, — пойду-ка я по свету, буду работу искать. Не может быть, чтобы никому не нужен был король. Только я один пойду — с семьёй какой из меня ходок! А вы уж — не в службу, а в дружбу — присмотрите здесь за женщинами, не дайте им с голоду умереть... Вы же, как я полагаю, любите Принцессу?

Оруженосец смутился, но ответил:

— Чрезвычайно, Ваше Величество.

— Вот и хорошо, — сказал Король. — Если — даст Бог — всё сложится благополучно, женитесь на ней, и полкоролевства в придачу, как полагается. Обещаю.

— Ваше Величество, — просиял Оруженосец, — не ради...

— Полноте, — остановил Король. — Я вам верю.

Оруженосец опустил на одно колено и облобызал королевскую руку.

Когда Король зашёл обратно в подвал, Оруженосец ещё долго и старательно отряхивал с колена грязь.

Прощались без лишних слов. Король положил в карман шинели перочинный ножик, подлатал проволокой рваные сапоги и собрал в вещмешок скудный скарб: половину бублика, флягу с водой, оловянную ложку. Принцесса тихонько плакала, Королева сдерживалась.

Король обнял их и сказал:

— Я скоро пришлю за вами... карету.

Пожав руку Оруженосцу, он побрел сквозь коричневую грязь.

Королева с Принцессой долго смотрели вслед. Оруженосец морщился в платок.

— Вы плачете, дорогуша? — спросила Королева.

— Нет, что вы, — ответил Оруженосец. — Просто запахи у вас, извините...

— Маслобойня, — вздохнула Королева.
— Запахи — это ерунда, — сказала Принцесса. — К запахам мы давно привыкли. А вот стоны...

5

Электричка медленно ползла по поросшему редкими кустами пространству. В полупустом вагоне сидел Король. Ему было холодно. Достав из кармана засохший кусок хлеба, он стал отщипывать по крошке и класть в рот.

Электричка остановилась. Король обеспокоенно выглянул в окно, увидел унылую промозглую равнину, некое подобие платформы и полосатый верстовой столбик с отметкой «37». Распахнулась дверь, и в вагон вошёл контролёр в галифе и хромовых сапогах, его сопровождали два вышибалы, тоже в галифе, и две овчарки в жестоких ошейниках. Безбилетный Король встал и попятился к противоположному выходу.

— Стоять! — рявкнул контролёр. — Лицом и стене!

Король вздрогнул и остановился, но лицом к стене не встал. Контролёр и вышибалы с собаками приблизились.

— Ваш билет! — потребовал контролёр.

Король промолчал.

— Документы! — потребовал контролёр.

Король, крепко сжимая одной рукой недоодеженный хлеб, другой рукой нашарил в кармане пустой старый бумажник и протянул контролёру.

— Бомж? — спросил тот.

В бумажнике не было ничего, кроме вырезанной из газеты фотографии.

— Что это? — спросил контролёр.

— Семья, — ответил Король. — Королевская.

— Монархист! — обрадовался контролёр и подал знак вышибалам: — В машину!

Вышибалы подхватили Короля и, наспех обыскав, вывели из электрички.

Оказавшись в машине с маленьким зарешеченным окошком, Король разжал руку: в ладони остались мелкие крошки. Шесть пар голодных глаз смотрели в руку Королю из полутьмы: шестеро таких же оборванных и небритых сидели рядом, согнувшись в три погибели. Король протянул руку товарищам по несчастью, и те разом набросились на неё.

— Что всё это значит? — спросил Король, зализывая прокушенную ладонь.

— Это? — подал слабый голос один из шестерых. — Это переворот.

— Какой переворот? — спросил Король.

— Восемнадцатый, — ответил тот же голос.

— Девятнадцатый, — поправил другой.

— Разве? — равнодушно удивился первый.

— Да, девятнадцатый. Считать-то я ещё не разучился.

— Энта смотря с какого момента начинать исчисление, — встрял в разговор ещё один, самый старый. — По моим нескромным подсчётам, так вообще девяносто четвёртой.

Машина тем временем затормозила.

Над дверью барака висела надпись: «Пункт приёма». Вышибалы вывели семерых из машины и передали выскочившим из дверей солдатам. В окошке рядом с дверью стоял, сложив руки на груди, дежурный приёмщик. Контролёр подошёл к нему и тихо о чём-то переговорил. Дежурный пересчитал вновь прибывших по головам, и их увели в барак.

Закурив, дежурный вынул из своего фартука семь денежных пачек и протянул их контролёру. Тот пересчитал полученное, одну пачку сунул в фартук приёмщику, несколько положил в карман и дал по пачке вышибалам. Последнюю пачку он кинул собакам.

6

В огромной казарме поддерживалась тишина. Перед столиками толпились группы раздетых мужчин, охраняемые вооружёнными солдатами. За каждым столиком сидели военврач и сестра его милосердия. Сержанты поочерёдно выталкивали по одному раздетому вперёд.

— Профессия? — спрашивал военврач, не поднимая головы от бумаг.

— Э... по торговле мы... — отвечал очередной раздетый.

Сестра милосердия ощупывала его профессиональным взглядом и ставила диагноз:

— Годен.

— Направо, — приказывал военврач сержанту.

Сержант уводил раздетого направо и выталкивал из толпы следующего.

— Профессия? — вопрошал военврач.

— Писатель, — отвечал следующий, — детский писатель.

— Писатель... — задумался военврач. — Почерк хороший?

— Да, — поспешно заявил допрашиваемый, но потом добавил: — Только... не очень разборчивый.

— Не годен, — резюмировала сестра.

— Налево, — командовал военврач.

— Я на машинке могу! — испуганно говорил раздетый, когда сержант брал его за плечи.

— На машинке любая дура может, — замечала сестра милосердия.

Следующим сержант выудил Короля.

— Профессия? — спросил военврач.

— Король, — ответил Король.

— Громче отвечаем! — прикрикнул военврач. — Профессия?

— Король, — повторил Король.

— Как? — переспросил военврач, замешкался и зарылся в личном деле.

Сестра милосердия смерила Короля немилосердным взглядом, потом стала толкать военврача локтем в бок и что-то прошептала ему на ухо. Переглянувшись с сержантом, военврач снял трубку служебного телефона.

Стены кабинета были обиты звукоизоляционным материалом, окон не было и в помине. Майор напряжённо вслушивался в телефонную трубку и кивал головой. Рядом за столом сидела делопроизводительница, тихо курила и глядела на майора. Военврач то и дело собирал в кулак обильный пот и подобострастно поглядывал на телефон. Чуть поодаль, у стены, стоял всё ещё не одетый Король в сопровождении сержанта.

— Так точно, Ваше Превосходство, — сказал майор в трубку, — самый настоящий. — Он в сотый раз заглянул в лежавшее на столе личное дело — тонкая бумажная папка с одной лишь фотографией королевской семьи. — Никак нет, Ваше Превосходство, не самозванец... Так точно... Никак нет... Гольый, Ваше Превосходство, один крест на нём.

Он замолчал, сосредоточенно вслушиваясь, потом сказал:

— Слушаюсь, Ваше Превосходство! Разрешите положить трубку?

Видимо, получив разрешение, майор снял фуражку и растянул воротничок. Делопроизводительница и военврач нетерпеливо вытянулись. Майор закурил и произнёс с расстановкой:

— Их Превосходство одобряют нашу инициативу. Они сказали: пусть будет Король.

— Пусть будет Король, — прошептала делопроизводительница.

— Пусть будет Король, — повторил военврач.

— Слава Богу, — облегчённо вздохнул Король.

В тот же миг, получив от сержанта резкий удар в челюсть, он шлёпнулся на холодный пол.

7

На лице нового Короля сияла вычурная голливудская улыбка, так называемая «кип смайлинг». Блестели красивые зубы, сияли румянцем скулы, лоснилась пышная причёска с пробором на одну сторону. Король заканчивал приветственную речь.

— ... И поэтому, — вещал он в микрофоны, — мы в моём лице можем пообещать вам всё, чего только вы, дорогие наши соотечественники, сами захотите! А чего именно вы хотите — это мы знаем не хуже вас, а иногда — поверьте нам на слово — и лучше. Всё к лучшему, братья наши и сестры; на смену одной жизни приходит другая — тоже жизнь, новая, свободная, с сюрпризами, с песнями и танцами, с тем, чтобы каждый из вас мог по праву хотеть всего, чего ему угодно! Не стесняйтесь, хотите больше!

Площадь прыснула овацией. Люди прыгали вверх, стараясь достать до балкона, на котором стоял Король. Дети бросали Королю воздушные шарики. Фоторепортёры стреляли вспышками. Король вновь приблизился к микрофонам.

— Мы сказали своё слово — теперь вы покажите своё дело. Да здравствует народ и его Король!

Площадь возликовала. Король на бис изобразил «кип смайлинг», закрыл папку с текстом и помахал народу рукой. Двое телохранителей легонько подтолкнули его локтями. Король кивнул и в их сопровождении покинул балкон.

В зале находились ещё четыре телохранителя в штатском. Король на минуту остановился, кинул на столик папку и ослабил галстук.

— Машина готова, — сообщил один из телохранителей.

Чёрный королевский лимузин в сопровождении эскорта мотоциклистов выехал за город, миновал пикеты и остановился на территории королевской усадьбы. Король с охраной вышел из машины и, поднявшись по мраморной лестнице в дом, долго шёл по многочисленным коридорам и галереям. Хранители королевского тела попарно оставались последней и застывали у очередных дверей, лишь двое из них достигли последней — бронированной, с секретными кнопками и замками. Король привычно отвернулся к стене; телохранитель набрал код, нажал на массивный рычаг и крутанул вентиль.

— Заходите, — сказал он, отперев.

Король привычно вошёл.

В небольшом, камерного типа помещении с бассейном было душно. Заменяющие окна кондиционеры работали вполсилы. Горели лам-

пады дневного света, на стене висело продолговатое зеркало, под ним располагался умывальник. В одном углу стоял накрытый стол, в другом — скупо застеленная койка. Король скинул пиджак. Радио на стене передавало его приветственную речь.

— ... Наши цели ясны, — декламировало оно королевским голосом, — наши помыслы объективны, наши принципы не нуждаются в объяснении...

Король выключил радиоприёмник и сел за низкий стол. Положил на тарелку что-то из снеди, налил в бокал вина. Хотел было отхлебнуть, но понял, что не может: улыбка никак не сходила с лица и нервным тиком растягивала скулы.

Отворилась дверь, и в помещение по-хозяйски вошёл майор. Весь он был одет в штатское, только ботинки поскрипывали по-военному. Король отставил бокал и поднялся навстречу, поправляя галстук.

— Сидите, сидите, — вытянул вперёд руку майор. Оглядев строгим образом помещение, он сказал: — Ну что ж, пока вами довольны. Надеюсь, что вы и впредь не станете делать глупостей и продолжите в том же духе. А мы с нашей стороны...

Майор вынул из внутреннего кармана бумажник и положил его на стол.

— В шесть утра у вас пресс-конференция, — сообщил он. — В четыре будьте наготове. А пока отдыхайте.

И майор направился к выходу. Король снова встал.

— Да, — обернулся майор, — вашу просьбу относительно семьи мы рассматриваем. Спокойной ночи.

Оставшись один, Король подсел к зеркалу и прилепил на угол фотографию семьи. Некоторое время он просто смотрел на неё. Потом открыл кран и стал смывать грим. Открылся синяк под глазом, ссадины на щеке, разбитая губа... Король стянул парик — голова была неровно выбрита.

Он смотрел на себя в зеркало и не хотел узнавать. Побитое лицо пересекала вымученная зияющая улыбка, от которой теперь становилось жутко.

8

Королева курила возле входа в подвал и всматривалась в туманное пространство. На горизонте не было ни души.

Когда Королева вернулась в каморку, Принцесса и Оруженосец целовались. Но она этого не заметила (или сделала вид) — лишь толь-

ко скрипнула дверь, молодые люди как ни в чём не бывало склонились над электрической плиткой, в которой что-то не работало.

— Так что вот... — нарочито громко сказал Оруженосец, — буду учиться теперь. Без образования нынче ничегошеньки не добьешься. Ученье — свет!

— Чему учиться-то, дорогуша? — спросила Королева.

— Языкам, Ваше Величество, — пояснил Оруженосец. — Есть тут перспектива иностранцам оружие носить. А там, смотришь, и ещё что-нибудь.

— Языкам! — хмыкнула Королева. — Сказали б лучше: акцентам! Нынешние-то иностранцы сами языков не знают.

— Ваша правда, — согласился Оруженосец. — Только акценты правильно расставлять — наука потоньше языкознания. Это уже — дипломатия!

— Вы способный, — робко заметила Принцесса.

Оруженосец поклонился и поставил на стол починенную плитку.

— Готово, — сказал он. — К сожалению, мне пора. Целую руки! У меня завтра с утра учёба, вечером работа, а днём забегу. Честь имею!

Поцеловав обеих дамам руки, Оруженосец убежал.

— Что-то он зачастил, — хмуро заметила Королева.

Принцесса пожала плечами и спрятала глаза в газету.

9

Наблюдатель вытянулся и зазвенел, как струна:

— Господин главный майор! За время моего дежурства абсолютно ничего непредвиденного не произошло! Король отдыхает! Дежурный наблюдатель...

— Вольно, — перебил майор.

Наблюдатель расслабился и уступил начальнику место перед экраном наблюдения. Майор сел. Экран был не чем иным, как обратной стороной зеркала — сквозь него видна была вся королевская комната с бассейном. Король мирно храпел в углу на койке.

— Спит? — спросил майор.

— Так точно, — ответил наблюдатель.

— Давно спит? — спросил майор.

— С двадцати часов двенадцати минут, господин главный майор, — ответил наблюдатель.

— Записи ведёшь? — спросил Майор.

— Так точно, всё до минутки, — ответил наблюдатель и придвинул к майору гроссбух. Майор на записи не взглянул.

— Ну, как он? — поинтересовался майор, закурив.

— Спит, — ещё раз объяснил наблюдатель.

— Э! Что ты заладил-то!

— Виноват, господин главный майор!

— Как он вообще?

— Всё тихо, всё хорошо.

— Ничем предосудительным не занимается?

— Никак нет... То есть...

— Ну?

— Этим... как его?.. Самокритикой!

— Как это? — не понял майор.

— Так вот, — разъяснил наблюдатель, — послушает по радио свои выступления, а потом критикует их. Очень крепко критикует, господин главный майор. Матерно.

Майор задумался.

— Бабу ему надо, — предположил он. — Ну ладно, этот вопрос мы проработаем. — Он встал. — Остальное всё в норме?

— Все благонадёжно, господин майор... главный, — ответил наблюдатель.

— Вольно, — скомандовал майор и вышел.

Наблюдатель облегчённо вздохнул. Убедившись, что начальник ушёл, он извлёк из-за тумбочки начатую бутылку водки и условным стуком постучал по экрану.

С той стороны зеркального стекла Король поднялся с койки, взял со стола бокал вина и, подмигнув невидимому собутыльнику, чокнулся с зеркалом. Наблюдатель обоюдно чокнулся с экраном и прямо из горлышка осушил треть бутылки.

Отхлебнув глоток, Король поставил почти полный бокал обратно. Посмотрелся в зеркало: волосы чуть отросли, ссадины подзажили, только дурацкая улыбка всё ещё непроизвольно возникала на лице — болезненно и не к месту. Король отошёл от зеркала, уселся к нему спиной на раскладной стульчик перед бассейном и стал смотреть на прозрачную воду. Внезапно королевским голосом заговорило радио:

— ... Если сегодня вы, дорогие наши соотечественники, хотите только одного — зрелищ, то ваше желание — наш закон...

Король зажал руками уши и зажмурил глаза.

10

Посреди ночи майор проснулся в холодном поту. Лежавшая рядом делопроизводительница вздрогнула, увидев сидящего с выпученными глазами майора, и приподняла голову с подушки.

— Ты что? — обеспокоенно спросила она.

— Сейчас зазвонит телефон, — тихо сказал майор.

Они оба уставились на телефонный аппарат — тот тотчас зазвонил.

— Алло,— бодрясь, сказал майор, — главный майор вас внимательно слушает!

И он стал отпихивать рукой делопроизводительницу, жестами показывая, что разговор очень серьёзный.

— Никак нет, Ваше Превосходство, всегда рад! В любое время дня и ночи! Слушаю, Ваше Превосходство!..

Уловив могущественное имя, делопроизводительница выпустила майора из назойливых объятий и прикрылась одеялом. Майор долго слушал доносившееся из трубки и кивал головой.

— Прямая трансляция? — переспросил он и задвигал желваками. — Нет, нет, великолепнейшая идея, Ваше Превосходство!.. Король? Король не подведёт, мы этот вопрос проработаем... Понял вас. Ваше Превосходство, я оправдаю! Так точно. Разрешите повесить трубку?

Он перевёл дух, закурил.

— Прямой эфир... Зрелище... — задумчиво проговорил майор. — Тут или в полковники, или в... покойники.

Делопроизводительница обняла его спортивный торс и радостно пошептала:

— Ты великий человек, ты — посредник между Богом и Королём!

— Дура, — спокойно заметил майор. — Знаешь, кто между ними посредник?

Вместо ответа он сложил пальцы рожками и приставил к затылку.

Делопроизводительница спряталась под одеяло.

11

Из радиоприёмника вовсю лилась праздничная музыка. Король в чёрном смокинге и белой рубашке сидел перед зеркалом. Возле него сновала гримёрша. Макияж был почти готов; гримёрша надела на королевскую голову парик и принялась его расчёсывать.

— Интересно, — сказал Король, — а где тот старичок?

— Какой? — кокетливо спросила гримёрша.

— Который меня всё время гримировал, — пояснил Король.

— Не знаю, — сказала гримёрша. — Я за него. А разве вы не рады, Ваше Величество?

— Нет, нет, все нормально, — ответил Король.

Причёска была закончена. Гримёрша посмотрела в зеркало на Короля и подмигнула ему.

— Ну как? — спросила она и сама ответила: — По-моему, класс!

— Да, спасибо, — сказал Король.

— Все дамы на балу будут в экстазе, — заверила гримёрша.

Собрав свои инструменты в несессер, она как-то замешкалась и сказала:

— До начала у вас ещё есть время, Ваше Величество. Вы ничего больше не хотите?

— Нет, благодарю, — сухо ответил Король.

— А может, выпьем коньяка? — предложила гримёрша.

— Я на работе, — сказал Король. — Впрочем, вы можете выпить, если хотите.

— Да нет уж, — обиделась гримерша. — Как-нибудь в другой раз. И она покинула помещение, недовольно повиливая бёдрами.

— Другого раза, надеюсь, не будет, — тихо сказал Король.

Отлепив от зеркала фотографию, он вложил её в бумажник и убрал в карман. Затем встал, выключил радио и остановился у стола. Взяв в одну руку бокал, в другую — бутылку коньяка, он вернулся к зеркалу и легонько стукнул бокалом о стекло. С той стороны послышался ответный звон. Король налил себе коньяка и произнёс, обращаясь к зеркалу:

— С праздником! С прямым эфиром!

Выпив до дна, он разбил бокал об пол. Потом сел, откинувшись, в кресло и стал пить коньяк прямо из бутылки.

12

В большом зале усадьбы всё было готово к праздничному королевскому балу. Майор, искусно скрывая нервное напряжение, курировал всю «кухню»: ходил туда-сюда, проверял, горят ли гирлянды, у всех ли официантов начищены до блеска подносы, поставлен ли свет, готовы ли телекамеры, прибыли ли артисты... Больше всего претензий предъявлялось к охранникам; проверяя исправность их радиопередатчиков, майор говорил:

— Тридцатиминутная готовность! Всем ещё раз сосредоточиться! Всё должно пройти без сучка без задоринки! Смотрите мне!

Удостоверившись в готовности охраны и прочего персонала, майор поздравил конферансье. У того слегка тряслись колени и губы дёрнулись.

— Гости готовы? — спросил майор.

— Г... готовы, — ответил конферансье, — п... предупреждены об ответственности, ж... ждут в гостиной.

Майор взглядом велел следовать за ним и отправился в гостиную. Гости тихо сидели в креслах и пили коктейли. При появлении майора они почтительно встали. Конферансье представил гостей: два бравых офицера в отставке, министр, заслуженный-артист, балерина с

мужем, восточный гость с тремя жёнами и старик-миллионер в сопровождении юной королевы красоты.

— Господа почётные гости, — строго обратился к ним майор. — Ещё раз позволю себе напомнить о колоссальной ответственности, возложенной на нас Его... (он запнулся) Его Величеством. Нам доверено представлять на королевском балу — ни больше ни меньше — самых простых людей королевства, тружеников и соотечественников. Помните об этом. Вы прекрасно знаете, что всё это мероприятие можно было провести заранее, отредактировать и пустить по телевизору в записи. Но наш Король — человек прямой и честный, и он хочет, чтобы всё в королевстве было прямо и честно и чтобы весь народ воочию убедился, глядя сегодня вечером телевизор, в какой прямой и честной стране он живёт. Настоятельно вас прошу: ведите себя сдержанно, ешьте в меру, не пейте лишнего. Ни на минуту не забывайте, что на вас смотрит сам... (он опять запнулся) сам народ!

В коридоре майор подозвал к себе начальника охраны (бывшего сержанта) и посмотрел на часы.

— Идём за Королём, — сказал майор, — пора.

Они миновали полдюжины коридоров и очутились у бронированных дверей. Повинуясь молчаливому приказу, телохранители отворили двери.

Майор вошёл первым, за ним — начальник охраны и телохранители. Майор осмотрелся — Короля нигде не было. Майор побледнел и обернулся к подчинённым. Те, тоже бледные, растерянно подёргивали широкими плечами.

— Где он? — угрожающе спросил майор.

— Вот он! — завопил начальник охраны, указывая пальцем в бассейн.

На дне, распластавшись, лицом кверху лежал Король в смокинге. Увидев, что его заметили, он всплыл и сильно вдохнул воздух. Рядом поплавок прыгала пустая коньячная бутылка.

— А, молодёжь! — еле ворочая языком, сказал Король и выплюнул изо рта воду. — Не слетает ли господин майор за добавочкой?

Дверь в наблюдательную медленно отворилась. На пороге стоял майор с красным от гнева лицом. Наблюдатель попытался привстать, но не смог, — завалился обратно в кресло, икнул и забормотал:

— Товарищ... господин главный... За всё моё время... ничего, абсолютно ничего...

Майор вынул из кобуры пистолет, взвёл курок и прицелился.

— Я... — зарычал наблюдатель и сполз на пол, — я не... никак. У меня ж дети малые... у меня жёны... у меня...

Вошёл взъерошенный начальник охраны.

— Время? — резко спросил у него майор.

— Пятнадцать минут... осталось, — сообщил начальник охраны.

Взяв себя в руки, майор убрал пистолет и приказал обоим подчинённым:

— Через десять минут Король должен быть в зале. Трезвый. Иначе...

— Как же?.. — испугался начальник охраны.

— Не знаю! — заорал майор. — Вот пусть он тебе поможет! Что хотите делайте! Под душ его суньте, козлы!

13

Майор нервно шагал в мониторинговую комнату, шепча себе под нос:

— Или пан, или пропал. Или в полковники, или...

В комнате перед многочисленными мониторами сидели несколько телевизионщиков и делопроизводительница. Майора они приветствовали вставанием. Он жестом велел всем сесть и уставился в тот монитор, где бальный зал был виден наиболее полно. Праздник шёл вовсю, все ожидали появления Короля, и вот уже конференсье объявил гостям о прибытии Его Величества. Зал затаил дыхание, оркестр замер в готовности играть гимн.

— Минутная готовность, — сказала делопроизводительница.

В дверях мониторинговой возник начальник охраны. Он с порога кивнул головой майору, потом приблизился и с отдышкой прошептал:

— Сделали всё, что могли, господин главный майор.

Все присутствующие впились глазами в мониторы.

Король вошёл в зал под бурю оваций, торжественны музыку и брызги шампанского. Поддерживаемый с обеих сторон телохранителями, он ступал ровно и чинно. Широкая улыбка была шире обычного и очень шла к синему двубортному костюму.

Король остановился и поднял вверх руку. Музыка и овации тотчас затихли.

Майор переглянулся с начальником охраны и вытер ладонью пот со лба.

Король долго молчал, будто не мог чего-то вспомнить. Наконец он всё-таки шагнул вперёд и воскликнул:

— Шампанского всем!

В этот момент он вдруг оступился, и телохранители едва успели подхватить его под мышки. Зал испуганно вдохнул, какая-то дама упала в обморок.

— Штормит, — весело сказал Король.
Зал выдохнул, дама пришла в себя.

Майор достал сигарету. Начальник охраны щёлкнул зажигалкой. Майор затаился и на мгновение закрыл глаза, потом снова вернулся к трансляции. Начальник охраны глядел то на экран, то на майора...

Конферансье знакомил Его Величество с почётными гостями. Король держался молодцом: он пожал руки обоим офицерам в отставке, одобрительно пощупал министра за портфель, обнял заслуженного артиста, поклонился восточному гостю и трём его жёнам. После этого Короля неожиданно повело в сторону, но он собрался, выпрямился, заулыбался. Поцеловав руку балерине, он вдруг поцеловал руку и её мужу, отчего тот сильно смутился. Конферансье поспешил представить последнюю пару:

— Наш старейший предприниматель и уважаемый банкир со своей юной прелестной подружкой, завоевавшей недавно звание Королевы Красоты этого года! Наши аплодисменты!

Король остановился возле старика и красавицы. Старика он проигнорировал, а красавица явно завладела его вниманием. Впившись в неё взглядом, Король мечтательно произнёс:

— Королева...

После чего с размаху обнял чужую красавицу и неистово поцеловал её в засос.

Поцелуй длился больше минуты. Зал вдохнул и никак не решался выдохнуть. Какая-то дама снова упала в обморок, но на неё никто не обратил внимания. Старик миллионер злобно позеленел и болезненно затрясся, видя, как тело его подруги тает в объятиях Короля.

Майор выплюнул сигарету и закрыл лицо руками.

Выпустив наконец красавицу из объятий, Король смущенно огляделся. Отметив, что все вокруг подозрительно замерли, он похлопал по плечу трясущегося старика и сказал почему-то одному из телохранителей:

— Музыка давайте, маэстро!

И тут же быстро и неровно, будто опасаясь не добежать, засеменял к стене, туда, где располагались столики с угощениями. Телохранители потрусили за ним и не позволили сесть мимо кресла.

— Музыка! Музыка! — истерически закричал конферансье, выводя зал из оцепенения.

Зал выдохнул и ожил. Охранники вынесли даму, начавшую было приходить в себя. Музыканты заиграли танго. Гости расселись и приступили к еде. Старик миллионер бережливо усадил красавицу за столик, а сам, всё ещё трясясь, кое-куда вышел.

14

— Может, прервём трансляцию? — предложила делопроизводительница.

— Поздно, — помотал головой майор.

И тут, как бы в подтверждение его слов, затрещонил служебный телефон. Майор снял трубку, и лицо его вытянулось.

— Главный майор слу... Так точно, Ваше Превосходство, просто майор...

С непроницаемым видом он слушал и ничего не говорил. Присутствующие напрасно старались разобрать хоть слово из того, что бушевало в трубке, — всё заглушало доносившееся из мониторов танго.

— Есть, Ваше Превосходство, — наконец сказал майор. — Разрешите повесить...

Положив трубку, он медленно вынул из кармана носовой платок, вытер мокрый лоб, высморкался, встал и, не говоря ни слова, направился к выходу.

— Вы куда? — робко спросила делопроизводительница.

— Сейчас вернусь... — уже из дверей как-то по-философски ответил майор.

Пройдя по коридору, он свернул в туалет. В дверях столкнулся со стариком миллионером — тот поправлял штаны и недружелюбно косился на военного. Майор подождал, пока старик удалится, зашёл в туалет и убедился, что в кабинках пусто. Тогда он извлёк из внутренней кобуры пистолет и снял его с предохранителя.

Поразмыслив, он приставил пистолет к виску. Поднял глаза вверх...

Вверху, под потолком, светлело маленькое вентиляционное окошко. Майор поглядел на вечернее небо, ухмыльнулся, убрал пистолет обратно, бойко вскарабкался по трубе к окошку и вылез через него наружу.

15

Конферансье объявил белый танец.

Король почти ровной походкой подошёл к столику, за которым сидели старик и красавица. Телохранители следовали по пятам. Старик встал, и челюсть его судорожно задрожала. Поднялась и красавица.

— Белый танец, — впрямую намекнул ей Король, — дамы приглашают кавалеров.

— Ну, что же... Я вас приглашаю, Ваше Величество, — неуверенно согласилась красавица.

Старик сжал костлявые кулаки. Оркестр заиграл вальс. Король и красавица закружились в танце, за ними последовали все остальные. Телохранители образовали пару и тоже закружились, стараясь держаться ближе к хозяину.

— Вы машину водить умеете? — шёпотом спросил Король.

— Да, Ваше Величество, — удивлённо ответила красавица. — А вы?

— А мы как-то всё пешком, — небрежно ответил Король и развернул партнёршу лицом к столику, где сидел старик.

— Этот вот, — Король кивнул в сторону старика и заодно показал ему язык, — он вами очень дорожит?

— Очень, — согласилась красавица. — Кроме всего прочего, я же — Достояние Королевства.

— Отлично! — сказал Король. — Тогда, как там говорится? Цели наши ясны, наши принципы не нуждаются в пояснениях!

— В каком смысле? — спросила красавица.

— В прямом. Вперёд! — скомандовал сам себе Король, подхватил красавицу на руки и, расталкивая танцующие пары, рванул к выходу из зала.

Раздались отдельные вскрики, поднялся шум, упал кто-то задевший. Телохранители рванулись с места, столкнулись лбами и упустили Короля из виду. Началась паника, так как никто толком не понял, что произошло, но всем хотелось что-нибудь предпринять.

А Король с красавицей на руках выбежал из балльного зала и бросился прочь по длинным коридорам. Охранники не решались останавливать Его Величество и только вытягивались по стойке «смирно».

— Из зала никого не выпускать! — закричал в селектор начальник охраны. — Всем оставаться на местах! Короля задержать!

В дверях мониторной появились несколько охранников с растерянными лицами.

— Где майор? — заорал на них начальник охраны. Ответа не последовало.

— Подонок, — тихо сказала делопроизводительница.

Восточный гость спрятался за своих жён. Министр дожёвывал какие-то бумаги из своего портфеля, запивая их лимонадом. Оркестр замолк. Конферансье исчез бесследно. Старик миллионер метнулся к выходу.

— Стоять! — преградил ему дорогу охранник.

— Вы! Да как вы!.. Мне надо выйти! — закричал старик.

— Не велено, — отрезал охранник. — Всем оставаться на местах.

Старик разозлился.

— Пустите, слышите! — заверещал он. — Мне очень надо! Мне срочно надо выйти!

— Не велено! — не уступал охранник.

— Я сказал: пустите сейчас же! — заорал старик. — Немедленно!

Охранник легонько его оттолкнул. Миллионер не удержался на тоненьких ножках и повалился на пол. Гости расступились.

Старик, с залитыми желчью глазами, поднялся, загнанно отбежал в угол, повернулся ко всем спиной и, расставив ноги, принялся расстёгивать штаны. Зал охнул и отступил от старика. Дамы неохотно отвернулись.

— Всё, — сказал начальник охраны, глядя в монитор. — Кончайте трансляцию к чёртовой матери!

Расстегнув штаны, старик выудил из потайного кармана радиотелефон, вытянул антенну и набрал номер.

Звонок застал всех врасплох. Начальник охраны завертел головой в поисках кого-нибудь из старших по званию. Делопроизводительница внимательно вглядывалась в потухший монитор. Охранники охраняли дверь, спрятавшись за неё с наружной стороны. Телевизионщики расползлись по углам. Начальник охраны сплюнул три раза и снял трубку.

— Так точно, Ваше Превосходство! — заголосил он. — Сей момент, Ваше Превосходство!

Прикрыв трубку рукой, он сказал вновь появившимся охранникам:

— Не стрелять, говорит! Взять только живыми, говорит!.. Да, да, Ваше Превосходство, уже исполняем!.. Девушку берегите, говорит! И то, что на ней! Осторожнее, говорит!

16

Переполох охватил усадьбу. Охранники и люди в штатском беспорядочно бегали по коридорам, натыкаясь друг на друга.

Между тем, Король и красавица были уже в саду. Не выдержав ноши, Король завалился в кусты прямо с красавицей.

— Вы пьяны, Ваше Величество, — отряхиваясь, заметила она.

— Для храбрости, — вставая, объяснил Король. — Вы бежать можете?

Красавица кивнула. Король схватил её за руку и потянул за собой. Пригнувшись, они заскользили вдоль живой изгороди.

— Что это такое? Что всё это значит? — на бегу спрашивала красавица.

— Ничего, это просто поворот, — на бегу отвечал Король.

— Какой поворот? — спрашивала на бегу красавица.

— Двадцатый, — отвечал на бегу Король.

Выбежав из кустов, они наткнулись на троих охранников. Двое вытянулись по струнке, а третий, внимательно вслушиваясь в рацию, сообщил:

— Ваше Величество! Берегите себя! Вы нужны нам живым! Девушку берегите! И то, что на ней! Как поняли?.. — он осёкся и тупо посмотрел на рацию. — Приём...

А беглецы были уже далеко.

Выбежали к автостоянке. Король выдохся и запутывался в ногах, красавица тащила его за локоть.

— Ну, — причитала она. — Ещё немножко! Вот его машина!

Впихнув короля в автомобиль, красавица села за руль и нажала на газ. Длинный чёрный лимузин, ничуть не хуже королевского, вырулил на дорожку и помчался к воротам.

— Стой, кто едет? — закричал постовой. — Пароль!

— Какой пароль, когда я Король! — раздалось из автомобиля.

— Виноватый, Ваше Величество! — сконфузился постовой и открыл ворота.

— Туда, в леса, пожалуйста! — проговорил Король и тут же крепко заснул, откинувшись на мягкую спинку сиденья.

— Странный, — посмотрев на него, заключила красавица. Она поддала газа, и машина на полной скорости полетела по загородной дороге в сторону леса.

17

Смеркалось. На лесной тропе остывал чёрный автомобиль.

— ... Так вот это все вышло, — закончил Король. — А вообще-то я не пью. Извините.

Красавица молчала. После задумчивой паузы она встрепенулась.

— Ну что, всё запомнили? — спросила она. — Попробуйте, сначала зажигание...

Она чуть отодвинулась, уступая Королю место на своём сиденье. Король чуть придвинулся, стал включать зажигание и жать на педали.

— Вот так, потом так, — комментировал он, — теперь сюда... Правильно?

— Правильно, — согласилась красавица. — А теперь — сюда...

Она нажала на подлокотник — спинка откинулась. Красавица обняла Короля за плечи и притянула к себе. Король пассивно сопротивлялся.

— Ты Король, — прошептала красавица, — я Королева. Мы вместе.

Король приблизился вплотную, но потом резко отклонился назад.

— Нет, — сказал он, — извини. У меня дома жена, настоящая Королева.

Красавица удивлённо заморгала.

— Глупости, — проговорила она. — Разве вы, короли, женитесь по любви?

Король задумался и ответил:

— Женились мы не по любви — да. Но потом как-то... У нас дочь, почти взрослая.

— Ну так взрослая же!.. — сказала красавица.

Король, не обратив внимания на её слова, продолжал:

— Знаешь, если бы всё было у нас хорошо, если бы мы жили, как все короли и королевы... я бы, наверное, смог ей изменить. Наверняка. Но раз уж мы в таком скверном положении... Я не могу, не хочу. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула красавица и вздохнула. Потом встала и вышла из машины.

— Вот ключи, — хлопнув дверцей, она зашагала прочь.

Король вылез из машины и окликнул:

— Постойте, куда же вы! Темно ведь!

— Ничего, Ваше Величество, — крикнула красавица и свернула с тропинки в лес. — Не провожайте! Привет семье!

Она оступилась, сняла туфли и зашагала в чащу, напевая какой-то мотивчик.

Король проводил её — взглядом. Сперва среди чернеющих деревьев исчезло её белое бальное платье, но ещё долго в темноте сверкали звёздочками драгоценности.

Совсем уже вдалеке эти блуждающие огоньки вдруг погасли и, вспыхнув вновь, разлетелись в разных направлениях.

18

Принцесса носилась вокруг стола, Королева бегала за ней и пыталась ударить мокрой тряпкой. Подвал сотрясся.

— Как ты могла! — кричала Королева. — Как он мог! Как вы могли!

— Мама! Мама! Успокойтесь! — кричала Принцесса, заслоняясь от ударов пустой картонной коробкой. — Мне нельзя теперь волноваться!

Королева остановилась, перевела дух и откинула тряпку в угол.

— Где этот негодяй? — спросила она с одышкой. — Почему он сам ничего не сказал?

— Ему неудобно, мама, — сказала Принцесса, убирая от лица коробку. — Он стесняется.

— Что?! — закричала Королева. — Неудобно?! Стесняется?! Да я ему!.. Я его!..

Она обмякла и опустила на табуретку. Принцесса всхлипывала, утирая слезы.

— Мы же не просто так, — оправдывалась она, — мы же по любви, обоюдно. Он хороший, умный.

— Он всего лишь оруженосец, — сказала Королева.

— Нет, — поспешила вставить Принцесса, — его повысили. Его взяли в школу дипломатов. У него большое будущее, это у нас всё в прошлом... Если бы не он, мама, мы бы с голоду сдохли...

— Когда же вы успели? — спросила Королева.

— Так, однажды. Пока вы, мама, курили... — Принцесса вдруг вскочила и закричала: — Говорил вам папа: не курите!

И, заревев, она упала Королеве на колени.

— Э-э-эх, — вздохнула Королева. — Ты же всё-таки Принцесса Крови! Как ты могла!

— Я прежде всего девушка, — сказала Принцесса, утирая королевским подолом лицо, — то есть... женщина.

— Женщина! — Королева горько усмехнулась, достала из корсажа папиросу, сунула в рот, потом смяла её и выбросила.

— Женщина... Чтоб был мальчик! Поняла?

19

Кончился бензин, машина остановилась. Король вглядывался в темноту, но из-за сильного ветра трудно было что-либо разглядеть. Фары высвечивали ржавый, покосившийся остов ворот. Король поёжился, поднял воротник и вылез из машины.

Возле ворот было пусто. Дряхлая конструкция скрипела и раскачивалась. Где-то вверху билась о столб жестяная табличка с цифрой «38». Вдруг табличка сорвалась и, брякая, пролетела прямо над королевской головой.

Завернувшись понадежнее в пиджак, Король пошёл против ветра.

В городе не было ни души. Выбитые окна домов просвечивали насквозь. Узкие улочки были завалены грязью, рухлядью и кучами

мусора. Ветер перебрасывал от стены к стене ошметки чего-то непонятного. Фонарные столбы прогнулись, перекошились и торчали в разные стороны. Природы не было вовсе. Всё несло на себе печать мрака и однотонности, лишь небо чуть отливало красным.

Проплутав до наступления полной темноты, Король понял, что заблудился. Остановившись посреди улицы, он прокричал:

— Люди! Есть кто-нибудь живой?

Сквозняк сдул его крик и унес в неизвестном направлении.

Король вошёл в первый попавшийся подъезд и по разрушенной наполовину лестнице добрался до какого-то помещения. Помещение было необитаемым и продувалось со всех четырёх сторон. Король отыскал нишу, забился в нее и закрыл глаза. Дрожа от холода, он всё-таки стал засыпать.

Разбудил его пронзительный стон. Король высунулся из ниши, прислушиваясь. Ветер притих, стояла полнейшая тишина. Стон возобновился — высокий надрывный голос, то ли детский, то ли женский?.. Король подхватил с пола обломок кирпича и, стараясь не шуметь, двинулся к выходу.

Вышел на улицу. Стон повторился вновь, ещё резче и громче.

Король всмотрелся в темноту и увидел на другой стороне что-то белеющее. Он осторожно стал приближаться.

На асфальте лежала большая белая чайка. Застыв в распластанной позе, она тяжело, по-человечьи, дышала. Король отбросил кирпич и склонился над птицей. Почувствовав его приближение, чайка открыла маленькие красные глаза.

— Интересно, — чуть слышно произнёс Король и дотронулся до переломанного крыла.

Чайка вдруг встрепенулась, подскочила и с размаху ударила клювом в королевское лицо. Король вскрикнул и отшатнулся, схватившись руками за свою щеку, а чайка, издав боевой клич, стала подпрыгивать, стараясь клюнуть его в живот. Король упал, попытался отбиваться ногами, но птица не унималась. Король закричал.

Раздался выстрел. Чайку отбросило к стене. Король замолк. Из темноты вышел бородатый охотник и тяжёлым прищуренным взглядом осмотрел Короля. Во лбу у охотника чернела крупная запёкшаяся рана, отчего Королю почудилось сперва, что у человека этого три глаза... Трёхглазый молча повесил за спину обрезанный карабин, подошёл к стене, подобрал тушку и приладил её к поясу.

— Жив? — спросил он Короля.

— Жив, — подтвердил Король, придерживая ладонью рану на щеке, из которой сочилась кровь.

Охотник убрал королевскую ладонь, поглядел на рану, зачерпнул горсть грязи и размазал её по окровавленной щеке.

— До смерти заживёт, — сказал он и, уходя, прибавил: — Вставай, пошли.

20

Трёхглазый привёл Короля в какой-то дом. Двери и окна были заколочены, и снаружи казалось, что дом для жилья непригоден.

Внутри же было даже тепло. В узкой длинной комнате с провисшим потолком горел тусклый свет: сальная свеча коптила и стекала на пол. На полу вдоль стен сидя спали люди. Мускулистая женщина помешивала в огромном котле вонючее варево. Возле котла грелся человек с карабином, один его глаз скрывала чёрная повязка.

— Здрасьте, — сказал, войдя, Король. — Бог в помощь.

Повариха и Одноглазый посмотрели на Короля, но ничего не ответили. Трёхглазый подошёл к котлу, погрел над паром руки и отдал женщине убитую чайку. Та молча принялась её ошипывать, стряхивая перья в угол. Трёхглазый уселся возле котла и взглядом указал Королю на место рядом. Король присел и тоже стал греть руки. Его щека кровоточила. Одноглазый вдруг заговорил:

— Слепой сказал нам, что Трёхглазый Снайпер вернётся не один, что с ним будет мёртвая птица и новый человек. Слепой никогда не ошибается.

Повернувшись к Королю, он продолжил:

— Новому человеку повезло — обычно они бьют в глаз, а не в щёку. Они редко промахиваются.

Одноглазый зачерпнул с пола горсть грязи и протянул Королю. Король благодарственно кивнул и, поморщившись, приложил грязь к ране.

— Везучий Человек путешествует? — спросил Одноглазый.

— Не совсем, — ответил Король. — Я ищу...

— Кого? — спросил Одноглазый.

— Работу ищу, — ответил Король.

— А, Везучему Человеку нужны деньги, — предположил Одноглазый. — Тогда он ошибся адресом. У охотников давно нет никаких денег, у охотников — натурообмен.

Повариха закончила ошипывать тушку, ухватила её за ноги и, разорвав напополам, кинула в котёл. Король поморщился.

На пороге появились ещё два охотника, один тащил другого — перепачканного и окровавленного. Одноглазый вскочил и бросился

помогать втаскивать раненого. Беднягу оттащили в угол. Кто-то сказал:

— Принесите побольше грязи. Ему поможет только грязь.

Король посмотрел на Трёхглазого и спросил:

— У вас что тут — война?

— У нас охота, — ответил тот.

Вернувшийся к котлу Одноглазый добавил:

— Только эта охота нам пуще всякой неволи.

Усевшись, он поинтересовался:

— Везучий Человек, случайно, не врач?

— Нет, — ответил Король, — я Король.

— Кто? — в один голос переспросили Одноглазый и Трёхглазый.

— Король, — повторил Король.

Охотники переглянулись.

— Охотники не любят обмана, — неуверенно сказал Одноглазый. — Обманщиков они обычно скармливают чайкам.

Вместо возражений Король достал из кармана бумажник и показал охотникам лоскуток газетной бумаги.

— Вот, — прокомментировал он. — Только она в воде побывала, её размыло слегка.

Сидящие вдоль стен люди зашевелились. Одноглазый и Трёхглазый склонились над фотокарточкой.

— Вроде, похож, — сказал Одноглазый.

— Да ну, — сказал Трёхглазый. — Тут же ни черта не разобрать!

— Слепого спросите, — предложила повариха.

— Верно, — слышались голоса. — Слепого не обманешь! Спросить Слепого!

И все устремили взгляды в дальний угол, где сидел человек с повязкой на лице. Слепой протянул вперёд руки.

— Слепой хочет, чтобы Везучий Человек подошёл к нему, — объяснил Одноглазый и подтолкнул Короля.

Король приблизился к Слепому и опустился на корточки. Слепой сначала ощупал руки Короля, потом провёл ладонями по его лицу. Подняв испачканную в крови руку, Слепой медленно прохрипел:

— Королевская!

И как бы в подтверждение своего слова он прикоснулся этой рукой к лежащему рядом раненому. Тот от прикосновения пришёл на мгновение в сознание и проговорил что-то невнятное.

От стены отделился человек с перевязанной головой и грохнулся перед Королём на колени. Заливаясь слезами, он стал выкрикивать громкие нечленораздельные звуки. Король от неожиданности отшатнулся.

— Дырявая Голова не совсем здоров, — объяснил Одноглазый. — Чайки выклевали ему мозг, но до сердца не достали. Теперь он ничего не понимает, но всё чувствует. Дырявая Голова от имени охотников просит Везучего Человека спасти их от помойных чаек. Он говорит, что, если Везучий Человек поможет им, охотники сделают его своим Королём!

— Интересно, — задумался Король и похлопал по плечу Дырявую Голову. — Тут надобно подумать...

— Везучему Человеку надо подумать! — громко объявил Одноглазый и замахал руками, призывая всех затихнуть.

— Подумай, Твоё Величество, — сказал Трёхглазый и предложил Королю уютное место возле котла.

21

Трёхглазый и Король сидели на полуразрушенной крыше охотничьего пристанища. Вокруг простирался ночной город — тут и там блестяли огоньки костров. Трёхглазый наковырял из стены щепотку коричневой пыли, высыпал её в обрывок бумаги, сделал самокрутку и закурил.

— Чайки... Чайки, сволочи, — неспешно говорил он. — Сколько себя помню — всё эти помойные чайки. И никак их не извести! Отстреливаешь, отстреливаешь — а их только больше становится. Наши деды были охотниками, наши отцы были охотниками, наши дети тоже будут охотниками: этих тварей хватит на всех. Охотников может спасти одно — умный вождь, который знает, что делать.

— Я понимаю, — сказал Король. — А вы не пробовали выбирать вождя из охотников?

Снизу появился Одноглазый и ответил:

— Охотники много раз выбирали себе вождей, — и он протянул Королю котелок с кипящей едой, а второй такой же поставил перед собой и Трёхглазым.

— И что? — спросил Король, подозрительно глядя на булькающее мисиво.

— А ну их! — махнул рукой Одноглазый и принялся отхлёбывать из котелка.

— Любой охотник мыслит по-охотничьи, — сказал Трёхглазый. — Каждый вождь, как ни старался, как ни лез из кожи, ничего нового придумать не мог. Охота, Большая Охота, Великая Охота — слова, одни слова. Никакого результата это не дало. Разве что, самому вождю лишний кусок доставался — за вредность. Кончалось всё тем, что вождь разъедался до таких размеров, что терял прыть и былую силу, не мог больше убежать от чаек, и чайки его склёвывали. И снова наступала охота... Так рассказывали старые охотники, которое ещё умели читать.

— Поэтому охотники уже много лет живут без вождей, — подвёл черту Одноглазый. — Каждый сам за себя.

— Ну что ж, — поразмыслив, сказал Король. — Пусть будет... Королевская охота.

И он решительно отхлебнул из котелка. Но тут же выплюнул всё обратно; глаза его полезли на лоб, язык высунулся. Король зашёлся кашлем.

— Подавился, — сказал Трёхглазый.

— Что-то придумал, — предположил Одноглазый.

22

Светало. Широкими быстрыми шагами Король шёл по пустым улицам, осматривая всё вокруг. Рядом с ним шагали Одноглазый и Трёхглазый, а чуть поодаль — ещё несколько вооружённых охотников и безоружный Дырявая Голова.

— Когда они обычно прилетают? — расспрашивал Король.

— Когда мы этого меньше всего ожидаем, — отвечал Трёхглазый. — Обычно — ближе к вечеру, но точного расписания у них нет. Мы всегда наготове.

— А если погода нелётная? — поинтересовался Король.

— Всё равно прилетают, — отвечал Трёхглазый. — Не все, но самые сильные всё равно прилетают. Суки.

По кручёной шаткой лестнице поднялись на башню, откуда весь город был как на ладони. В утреннем тумане чернели ленточки дымящихся костров.

— Охотники умеют говорить кострами, — разъяснил Одноглазый. — Этими дымами охотники говорят, что они ждут распоряжений Везучего Человека.

Король сосредоточился и долго смотрел вниз.

— Грязь... — размышлял он вслух. — Откуда столько грязи?

— От чаек, — подсказал Одноглазый.

— Наоборот, — возразил Трёхглазый, — по-моему, это чайки — от грязи. Хотя... Вообще-то это спорный вопрос, среди охотников нет согласия на этот счёт. Может быть, всегда была грязь и всегда были чайки?

— Не думаю, — сказал Король. — Что-то всё-таки было вначале. И вот если мы решим эту задачу, то избавимся и от одного, и от другого. Охотники переглянулись.

На главной площади, больше похожей на большую помойку, к рассвету собрались человек сто охотников. Вид у них был угрюмый, у многих были перевязаны глаза, головы и другие уязвимые места.

Присутствовал среди собравшихся столетний бородатый дед и даже совсем молодой охотник.

— Это представители от стоянок, — шепнул Королю Трёхглазый. — Всем приходится опасно: скопище народа — слишком хорошая мишень для чаек. Всё, что нужно, скажи им, Твоё Величество, они передадут.

Король взобрался на кучу мусора и сказал распевно:

— Охотники! Друзья мои!.. — он осёкся, заметив, как лицо перекосила неискренняя американская улыбка. Задержав нервный тик рукой, он пырдоложил запросто: — Да что тут говорить! Всё очень просто: надо очистить город, а для этого надо вырыть канавы, чтобы убрать в них весь мусор. А дальше — сами увидите!

Угрюмые охотники смотрели на Короля без энтузиазма. Дед зевал, юный охотник щёлкал семечки. Король замешкался.

— Копать, копать, — попытался разъяснить он, демонстрируя жёстками, как это делается. — Вот так, понимаете?

— Охотники всё понимают, — тихо оказал Одноглазый, — охотники не доверяют словам.

Король спрыгнул с кучи и подал знак рукой, ему протянули лопату. Король прошёл сквозь толпу и остановился на середине площади. Охотники расступились, образовав круг. Король скинул пиджак, поплевал на ладошки и принялся копать.

Охотники неподвижно наблюдали за Королём, пока на середину не вылез Дырявая Голова. Он вытащил из-за пазухи детский совочек и стал помогать копать; получалось у него плохо, но он старался изо всех сил, а потом ещё и промычал что-то, выразительно глядя на праздно стоящих охотников. Те, наконец, вышли из оцепенения — и зашущукались. Вскоре к Королю присоединились Трёхглазый, Одноглазый, а затем подоспели с лопатами и другие.

— У нас мало времени! — крикнул Король, не разгибаясь. — Идите и копайте. Всё в ваших руках!

И он углубился в раскопки. Охотники, не говоря лишних слов, разбрелись в разных направлениях.

23

Связной спрыгнул в яму, скатился по склону и затормозил у ног Короля. Он не мог отдышаться, он только выговорил:

— Полу... получа... ется... Полу... чается!

Одноглазый подал связному кружку с водой. Связной выпил, обливаясь и захлёбываясь.

— Получается, — сказал он наконец. — Все копают! Никогда не видел на улицах столько охотников! Лопаты, лопаты, ломы... Даже дети охотников — и те подкапывают. Даже жёны охотников — копаются.

— Это надо перекурить, — предложил Трёхглазый.

— Перекур, — кивнул Король.

— Перекур — восемь минут! — громко повторил Одноглазый.

Охотники повтыкали лопаты в землю и стали рассаживаться в кружок на дне огромной ямы.

Король снял мокрую рубаху, повесил её на древко лопаты. Лицо у него было безрадостное, рукой он то и дело хватался за живот. Пока охотники раскуривали Большую охотничью трубку, Король взобрался по склону наверх и осмотрелся. На краю площади горел костёр, на котором варилась еда. Рядом сидел дед и следил за огнём. Чуть поодаль в поисках горючих материалов бродил молодой охотник. К нему-то Король и подошёл.

— Бог в помощь, — начал было Король и остановился, — вблизи молодой охотник оказался девушкой.

Охотница удивлённо уставилась на Короля. Король кашлянул и сказал:

— Простите...

Он отошёл к деду. Тот сидел на земле с зажатым между колен ружьём, выковыривал из прорех в асфальте корешки да травинки и быстро их жевал.

— Скажите, пожалуйста, — обратился к деду Король, — где у вас тут туалет?

Старик хитро прищурился, недоумённо пожал плечами и, обведя рукой всё вокруг, сказал:

— Дык...

Трёхглазый принял из рук связанного Большую охотничью трубку, затянулся и блаженно прикрыл глаза. Выпуская колечки дыма, он заметил:

— Кажется, моя последняя охота оказалась удачной.

— А что говорит Слепой? — полюбопытствовал Одноглазый.

— Слепой пока ничего не говорит, — ответил связной. — Слепой приговаривается.

Неожиданно раздался свист. Охотники задрали головы кверху — на краю канавы стояла девушка-охотница и, как птица крыльями, махала руками.

— Тревога! — крикнул кто-то из охотников.

Все разом вскочили, схватили обрезы и карабины и в одно мгновение оказались наверху. Только Дырявая Голова, несколько раз соскользнув с крутого склона, так и остался лежать не дне — животом вниз, прикрыв голову руками.

— А Король где? — закричал Трёхглазый, прячась за мусорный холмик.

Одноглазый завертел головой, неопределённо моргая глазом.

Но искать было некогда. Огромная тень нависла над городом, в небе замелькали тысячи крыльев, безумное многоголосое кряканье заглушило все звуки. Охотники рассеялись по периметру площади, взяв карабины на плечо.

Трёхглазый и Одноглазый передёрнули затворы.

Король выбежал на шум из развалин и в замешательстве остановился посреди маленького дворика-колодца. Вслед за галдежом чаек раздались частые выстрелы. Король вертелся: он никак не мог сориентироваться и разобрать, в какой стороне находится площадь.

Сверху упала убитая чайка. Потом ещё одна. Ещё одна. И ещё одна. И ещё, ещё... Король метался среди падающих к его ногам птиц, увёртываясь и закрываясь руками. Прижавшись к стене, он что было мочи заорал:

— Не стрелять! Не стрелять!

Но никто его не услышал.

24

Стало тихо. Посреди канавы, в окружении белых тушек лежал Дырявая Голова. Приподняв голову, он наблюдал за трепыхающейся перед ним подбитой чайкой.

Увидав Короля, Трёхглазый затараторил:

— Ё-моё, Твоё Величество! Живой! А я уж было испугался, что тебя поклевали!

Король с возбуждённо-отрешённым выражением лица шагал по тёмной площади. Остановился, наткнувшись на связного, — тот неподвижно лежал на краю ямы, рядом с ним сидел Одноглазый.

— Мёртвый, — сказал он.

— Там ещё двое, — добавил Трёхглазый. — А там ещё трое. И там... И так каждый вечер.

— Теперь Везучий Человек понимает, зачем у охотников столько лопат? — спросил Одноглазый.

Король молча отошёл к стене.

— Надо спешить, — сказал он, не поворачиваясь. — Следующего налёта не будет. Это я говорю, Король!

Сидевший неподалёку дед-охотник громко чихнул.

Ночью по всему городу горели костры — их было гораздо больше обычного. Тысячи охотников собирали мусор, клали его на носилки и сваливали в вырытые днём ямы. Король лично командовал генеральной

уборкой, с факелом в руке он шагал по улицам, заходил в дома, грелся у костров. Одноглазый и Трёхглазый неизменно его сопровождали.

— Стой, кто идёт? — выкрикнула из темноты девушка-охотница.

— Королевская охота, — назвал пароль Одноглазый.

Пропущенные на площадь Король и его свита присели передохнуть к костру. Дед раздал котелки.

— Поесть бы тебе надо, Твоё Величество, — сказал Трёхглазый.

Король энергично замотал головой.

— Охотникам нужен живой вождь, — сказал на это Одноглазый. — Везучий Человек должен подкрепиться.

Король через силу взял котелок. Одноглазый вдруг настороженно вздрогнул, вскинул карабин и крикнул в темноту:

— Кто там?

Все обернулись. Оттуда, куда прицелился Одноглазый, послышалось мычание и нечленораздельная речь. Трёхглазый поднялся и осветил факелом. У стены, щурясь от яркого света, стоял Дырявая Голова и что-то прятал за пазухой. Одноглазый подошёл к нему и сказал строго:

— Дырявая Голова опять нарушает Закон охоты!

И вырвал у того из-за пазухи небольшую раненую чайку. Птица затрепыхалась и жалобно пискнула. Одноглазый взял её за лапки, вернулся к костру, бросил добычу в кипящий котёл и сказал, обращаясь к Королю:

— Хорошая чайка — мёртвая чайка.

Король смолчал. Сделав два глотка из котелка, он плотно стиснул зубы.

Дырявая Голова почему-то улыбнулся и повертел пальцем у виска.

Когда все ушли работать, девушка-охотница придвинулась к костру, прикурила от головни самокрутку и присела на корточки напротив деда.

— Дед, — спросила она, — что такое Бог?

— Не помню, — уклончиво ответил дед и прищурил левый глаз.

25

Светило солнце. Король стоял на балконе башни и прикрывал рукой глаза. Город был на удивление чист. За спиной Короля расположились Одноглазый, Трёхглазый, Дырявая Голова и другие — все они смотрели на Короля с нескрываемой надеждой.

Неожиданно побледнев, Король схватился за живот, но никто не успел этого заметить, так как в этот миг раздался сигнальный свист.

— Летят, — проговорил Трёхглазый.

Все разом спрятались за колонны. Король сполз под бортик балкона. Гигантская тёмная туча с громким кряканьем и писком на двигалась из-за горизонта.

— Не стрелять, — тихо приказал Король. — Главное — не стрелять!

И он посерел от боли. Как и прежде, тень заслонила полнеба, но Король не мог посмотреть наверх.

— Ну, что там? — спросил он.

— Кружат, — сказал Одноглазый. — Как-то странно кружат.

Охотники судорожно сжимали в руках свои обрезы и вглядывались в небеса. Вдруг шум стал стихать, и все услышали, как радостно замычал Дырявая Голова.

— Улегают, — удивился Трёхглазый. — Улегают, Твоё Величество! Век охоты не видать, улетают!

— Улетают! — подхватили остальные охотники. — Улетают!!! У-ле-та-ют! У-ле-та-ют!!!

Не в силах ничего сказать, Король улыбнулся. Тень испарилась, вновь уступив место солнцу; и хлопанье крыльев сменилось радостными криками охотников. Весь город возликовал.

— Качать победителя! — воскликнул Одноглазый. — Качать Беззучего Короля!

Король хотел возразить, но охотники стремительно подхватили его на руки и понесли по кручёной лестнице вниз, громогласно скандируя:

— Да здравствует Король — Вождь Вождей! Да здравствует наш Король — победитель помойных чаек!

На улице к несущим победителя присоединилось ещё множество охотников. Короля стали подкидывать вверх. Он махал руками, что-то кричал, но его никто не слушал.

Наконец, охотники выдохлись; и пока им на смену не пришли другие, они поймали Короля и поставили на ноги. Он тут же бросился бежать, раздвигая локтями охотничьих жён, пытавшихся во что бы то ни стало поцеловать героя, и сбивая с ног охотничьих детей. С трудом добравшись до стены, Король нагнулся — его вырвало.

Бежавший вслед за ним Трёхглазый только теперь понял, в чём дело. Он обернулся к ревушей толпе и завопил:

— Доктора!

Но и его никто не услышал.

26

— Так вот сложились обстоятельства... — сказал Оруженосец и потупился.

Напротив него неподвижно сидели Королева и беременная Принцесса. В подвале несколько минут царило молчание. Прервала неловкую паузу Королева.

— И надолго вас... посылают? — спросила она каким-то почти злорадным тоном.

Оруженосец замаялся и вяло пробубнил:

— Я точно не могу сказать. Не знаю, надеюсь, что не на очень долго... Но, сами понимаете, дипломатическая работа — это не оружие подносить...

— Понимаю, — уничтожающе протянула Королева. — Вот теперь я всё прекрасно понимаю... дорогуша!

Она встала и демонстративно скрылась за занавеской.

— Ну, зачем вы так, — огорчился Оруженосец. — Я же не мог отказаться от такого предложения! Ну подумайте — что же мне, всю жизнь в этом подвале... Простите. Такой шанс только раз в жизни даётся!

Он поглядел на Принцессу. Принцесса молчала.

— Я буду писать, — сказал Оруженосец. — Я буду бандероли слать. И деньги. Каждый месяц буду... писать.

Принцесса молчала. Почувствовав себя чересчур неловко, Оруженосец встал.

— Ну всё, — вздохнул он, — время нынче дорого. Тут вот в сумке — продукты вам на первое время. А там, глядишь, и папа ваш объявится...

Он стал надевать калоши.

— Ты вернёшься? — спросила Принцесса.

— Ну, разумеется, дорогая моя, — ответил Оруженосец.

Он выбрался из подвала, миновал залежи грязи и вылез через дыру в заборе к дороге. На обочине стоял его автомобиль. Оруженосец снял калоши, открыл багажник и хотел было положить их туда, но передумал... Размахнулся — и выкинул калоши за забор. Вытерев тряпкой руки, он захлопнул багажник, сел в машину и уехал.

27

Король открыл глаза. Рядом с его постелью сидела девушка-охотница. Король присмотрелся: она спала. Тогда он встал, завернулся в простыню и подошёл к окну. Прибитое к раме толстое старое покрывало, видимо, заменяло стекло. Король одним глазком заглянул в проеденную молью дырочку — и увидел площадь.

В городе продолжался праздник. Охотники, их дети и жёны смеялись, плясали, прыгали и распевали охотничьи песни. Дед наяривал на гармошке, вокруг него лихо отплясывали повариха и ещё две толстые женщины. Какой-то охотник, извалявшийся с ног до головы в перьях, изображал чайку. На фасаде дома напротив представляли театр теней...

— Ваше Величество! — услышал Король из-за спины. — Вам ещё рано вставать, ещё нельзя!

Охотница заботливо поправила подушку. Король вернулся, сел на кровать, стал осматривать перевязанное бинтом правое запястье.

— Сколько же они уже празднуют? — спросил он.

Девушка попробовала сосчитать на пальцах, но сбилась и ответила попросту:

— Ух, долго!

— Интересно, — сказал Король.

— Охотники много лет ничего не праздновали, — поделилась девушка. — Охотникам очень понравилось праздновать.

— Я вижу, — кивнул Король. — А со мной что было?

— А вы отравились, Ваше Величество, — спокойно объяснила девушка. — Фельдшер наш прописал вам кровопускание, промывание желудка, постельный режим и эту — как её? — щадящую пищу. Кровь вам пустили, желудок промыли, а пищу сейчас принесут. Король зубами разгрыз бинт, смотал его с руки и бросил на пол.

На кухне сидел Дырявая Голова, резал большим ножом лук и плакал. Вбежала девушка-охотница.

— Проснулся, — сообщила она. — Пришёл в себя. Есть хочет.

Она взяла нарезанный лук, кинула его в миску с салатом и перемешала рукой. Ещё раз проверив всё по записанному на бумажке рецепту, она удивлённо понюхала содержимое миски и убежала.

Дырявая Голова постоял-постоял, да и заплакал пуще прежнего.

28

Король расхаживал взад-вперёд по комнате, изредка останавливаясь у окна и выглядывая на улицу. На площади было тихо и пусто, только временами откуда-то издалека доносилось пьяное пение «а капелла». Устав от вымученного безделья, Король через смежную дверь заглянул в соседнюю комнатку и наткнулся на девушку-охотницу, которая затаскивала через порог совершенно пьяного деда. Увидев Короля, девушка смутилась. Король извинился и вышел. Через несколько минут девушка сама появилась в покоях Короля, всё ещё чувствуя себя не очень уютно.

— Я хотел узнать, — сказал Король, — что, телеграф ещё не восстановили?

— Не знаю, Ваше Величество, — сказала девушка. — Слышала: звания какие-то восстановили и названия улиц. А насчёт телеграфа — не знаю.

— Мне бы телеграмму семье дать, — задумчиво произнёс Король.

— Семье? — упавшим голосом переспросила девушка. — Так вы продиктуйте, — если восстановили, то я отправлю.

— Запоминайте, — согласился Король. — Всё порядке зпт собирайте вещи тчк Король.

В этот момент в дверь без стука вошёл слегка нетрезвый Трехглазый. Вид у него был несколько странноватый: отглаженная рубашка,

костюм и даже галстук контрастировали с немытым лицом и лохматой головой. Третий глаз был заклеен пластырем.

— Твоё Величество, — сказал он, — там к тебе пожаловали. Пришли, то есть.

— Кто пришёл? — спросил Король. — Охотники?

— Гм... народ, — ответил Трёхглазый.

— Народ? — удивился Король. — И много народу?

— Штук десять-двенадцать, — ответил Трёхглазый.

В прихожей Короля ожидала делегация охотников: все были нетрезвые, грязные, но в чистой одежде. Впереди всех стоял неизвестный человек с узкими глазками. Где-то в глубине компании Король разглядел Одноглазого.

Охотники поклонились, Король ответил кивком головы.

— Извини за беспокойство, Твоё Величество, — начал Узкоглазый. — Нас народ послал. Он, значит, интересуется, что дальше делать?

— Как что делать? — удивился Король.

— Как жить дальше? — уточнил Узкоглазый. — Есть хочется, Твоё Величество.

— Хочется — так ешьте, — сказал Король.

— А... А что есть? — спросил Узкоглазый.

— А что вы до сих пор ели? — спросил Король.

Узкоглазый недовольно переглянулся с остальными делегатами.

— Раньше, — сказал он, — мы ели отходы и чаек. А теперь — чаек, значит, нет; отходы все закопали. У кого что в запасе было — съели на праздниках. Ну, а теперь как?

Король нахмурился.

— Нельзя же всю жизнь отходами питаться! — сказал он. — Что вы! Давайте теперь работать, давайте хлеб выращивать, овощи, фрукты. Торговать давайте с соседями. Столько всего впереди!

— А грязь? — спросил кто-то из охотников. — Где теперь грязь брать?

— Зачем вам грязь? — не понял Король.

— Эк... — удивился кто-то. — Как же нам без грязи?

Король искренне растерялся и посмотрел на Одноглазого, как бы ища поддержки. Но тот отвёл глаз в сторону.

— Так что, значит, скажешь нам, Твоё Величество? — спросил Узкоглазый.

— Мне больше сказать нечего, — твердо ответил Король. — Идите работайте, всё и приложится.

— Работать? — присвистнул кто-то. — Ишь ты...

Узкоглазый повернулся к Королю спиной и заявил:

— Пошлите, господа! С ним всё ясно.

Охотники двинулись к дверям. Кто-то говорил:

— Хватит, мужики. Погуляли — и будя. Пора откапывать...
Одноглазый выходил последним. В дверях он оглянулся на Короля, обескураженно пожал плечами и развёл руки в стороны.

Король застыл в нерешительности. Девушка и Трёхглазый стояли в стороне и смотрели на него почти испуганно.

Наконец, Король развернулся на каблуках и молча вышел в спальню. Девушка и Трёхглазый робко последовали за ним.

— А вы что же не ушли? — огрызнулся на них Король.

Ответа не последовало. Король сорвал с подушки наволочку, бросил её на пол и стал собирать кое-какие вещи. Чуть поостыв, он заметил, что девушка и Трёхглазый всё ещё тут, и спросил:

— Вы телеграмму дать не успели?

— Нет, — помотала головой девушка.

— И то хорошо, — вздохнул Король и завязал узел.

— Как же так... — грустно прошептала девушка.

— Слепой это предвидел, — не менее грустно сказал Трёхглазый.

29

Шёл сильный дождь. Девушка-охотница уже на крыльце догнала Короля, подала ему старый мужской зонт и сказала:

— Бог в помощь, Ваше Величество.

— Прощайте, — ответил Король и поцеловал девушке руку. — Счастливой охоты!

В пальто, с узелком за спиной Король шёл по мокрым улицам города. Охотники молчаливо смотрели на него из окон. Кое-где возле свежеврытых ям валялись мусор и лопаты.

Возле отремонтированных ворот Король оглянулся и увидел Дырявую Голову — тот брёл за ним через весь город, ёжась от холода и дождя. Король вышел за ворота, Дырявая Голова последовал за ним. Пройдя несколько метров, Король обернулся и крикнул:

— Иди домой!

Дырявая Голова несогласно замычал.

— Иди, иди, — повторил Король.

Недовольно скривив физиономию, Дырявая Голова развернулся и зашагал обратно в город.

Король отправился в сторону леса.

С наступлением сумерек дождь не прекратился. Король брёл по скользкой просёлочной дороге, падал, поднимался и брёл дальше. Зонт вконец разломался, и его пришлось выбросить.

Из леса послышался протяжный волчий вой. Король насторожился: вой становился всё ближе. Король ускорил шаг.

Почувствовав за спиной чьё-то тяжёлое дыхание, Король припустил бегом. Неожиданно перед ним возникла огромная фигура человека в капюшоне. Король резко остановился, оглянулся. В тот же миг человек схватил его сзади и зажал крепкой рукой рот. Король задёргался, пытаясь высвободиться. Ещё две тёмные личности выросли в темноте, ухватили Короля за руки и принялись шарить по карманам. Король отбивался, пытаясь лягнуть нападавших ногой, но всё время промахивался.

Угрюмая морда показалась из капюшона и очутилась прямо перед королевским лицом.

— Тише ты! — сказал грабитель. — Ну, чего разволновался? Мы ж не волки!

30

Король очнулся, когда выпал снег. Он лежал на краю большого белого поля, рядом валялось порванное пальто. Король попытался встать. Тело болело, губа опять была разбита. С усилием разжав кулак, Король обнаружил в нём измятый клочок бумаги — фотографию семьи. Разгладив бумажку, он сунул её в карман. Неожиданный кашель довёл его до удушья — Король сплюнул на снег розовой пеной.

Потом завернулся в рваное пальто и заковылял по заснеженному полю.

Где-то вдали маячил тусклый огонёк. Пошатываясь от холода и голода, Король побрёл на его свет.

На холме стоял небольшой бревенчатый трактир, из него на версту разносились вперемешку крики, ругань, оплеухи, пьяное пение. Не обращая на это внимания, Король вошёл в заведение и сел в угол на скамеечку, пробуя согреться.

Народу было немного, зато было много дыму. То тут, то там затевались драчки. Два подозрительных типа пытались сбрызнуть застольщикам драгоценные камни. Толстая полупьяная трактирщица с подбитым глазом орала на посетителей осипшим басом:

— Пшёл в задницу, чёрт такой! Ты мне ещё за прошлую бутылку не расплатился! Никаких в долг! Это вот видел! А ты вообще заткнись, пьянь!

Король исподлобья наблюдал за соседними столиками, ему страшно хотелось есть, ещё больше хотелось пить. Он решил: выждал момент, когда у стойки никого не было, встал и неровной походкой подошёл к трактирщице. Та смотрела будто бы сквозь него.

— Я Король, — сказал он. — Дайте мне, пожалуйста, стакан портвейна в долг.

И он отшатнулся, будто ожидал затрещины.

Трактирщица очень медленно вынула изо рта хабарик, затушила его о стойку, нагнулась и достала из-под прилавка какую-то редкостную бутыль. Нацедив в стакан вина, она придвинула его Королю. Король схватил стакан обеими руками и жадно вылакал. Трактирщица всё так же равнодушно и медленно налила еще стакан и выложила на стойку кусок колбасы. Король осушил второй стакан, откусил ломоть колбасы и чуть было не подавился. Трактирщица придвинула к нему бутылку с остатками вина.

— Я отдам, — пообещал Король, прожёвывая, — я действительно Король.

— Я знаю, — устало сказала Трактирщица.

— Мы знакомы? — удивился Король.

Трактирщица ответила равнодушным взглядом.

— Когда я была... маленькой... девочкой, — проговорила она, — я всё мечтала, что появится однажды прекрасный принц и увезёт меня отсюда. Я так этого хотела... так ждала, что стала очень ясно представлять себе этого принца, частенько видела его во сне... Только тогда ты выглядел гораздо моложе...

Король не нашёлся, что ответить. Он уклончиво кивнул головой и, прихватив колбасу и бутылку, молча попятился к выходу. Трактирщица больше ничего не сказала, она проводила Короля пустым взглядом — будто бы глядела сквозь него.

Когда Король вновь побрёл по заснеженному полю, удаляясь от трактира, он не услышал больше ни крика, ни ругани — в заведении стадо тихо.

31

Ночью занялась метель. Король не видел, куда идёт; колени утопали в снегу, глаза слепило, драное пальто развевалось по ветру.

Наткнувшись на полосатый столбик, Король ухватился за него и долго так стоял, вцепившись намертво. Когда силы всё же иссякли, он сполз вниз, в сугроб, прислонился к столбу и вынул из-за пазухи бутылку. Последние капли чуть согрели его, он закутался потуже и замер, глядя прямо перед собой...

В подвале царил холод: трубы покрылись инеем, метель свистела и швыряла в помещение сквозь щели порции колючего снега. Очередной

раз заткнув дыру под дверью газетами, Королева вернулась за стол, села. Увидела на краю столешницы хлебную крошку, аккуратно взяла её двумя пальцами и положила в рот, виновато покосившись на занавеску. Там, за занавеской, на лежанке из старого матраца лежала, уткнувшись лицом в стену, Принцесса. Королева стала греть руки над свечкой.

Вдруг пламя свечи дрогнуло, покосилось и погасло. Стало совсем темно.

— А спички-то, — тихо сказала Королева, — спички-то у нас... кончились?..

— Ой, мама! Ой! — неожиданно застонала Принцесса. — Мамочка! Ой, ай!

— Что? — в темноте закричала Королева. — Что? Что такое? Началось?! Ах ты! Погоди, спички-то...

— Мамочка! — вопила Принцесса.

— Погоди! — кричала Королева, натываясь на всё впотьмах. — Погоди ж ты, спички-то у нас... спички-то...

Затычку под дверью снова прорвало, большое снежное облако влетело в подвал и заискрилось в темноте.

... Ветер подхватил клочок бумаги, который Король выронил из кармана, доставая бутылку. Он не заметил этого. Фотография взвилась вверх и исчезла.

Короля заносило снегом, постепенно его фигура превращалась в белый сугроб. Сугроб рос, увеличивался, очертания сидящего человека понемногу сглаживались и очень скоро сошли на нет.

32

Только-только начало светать. В поле стояла тишина, серебрился гладкий снег. Издалека доносилось едва слышное позвякивание. Позвякивание приближалось. На горизонте появился силуэт — путник шёл, утопая по щиколотку в снегу, на голове у него был грубый мешок с чёрными прорезями для глаз, и такой же мешок, только наполненный, путник нёс за спиной. Позвякивало как раз из этого мешка.

У пограничного столбика с надписью «Тридцать Девять» путник остановился. Его внимание привлекло торчавшее из сугроба зелёное бутылочное горлышко. Путник снял со спины мешок и потянулся за бутылкой. Вместе с ней из сугроба показалась посиневшая человеческая рука.

Путник испуганно завопил и, позабыв про мешок, бросился наутёк.

Ранним утром по тихим чистым улочкам ехала телега. На телеге сидел возничий, а за ним лежал ещё кто-то, накрытый цветным

лоскутным одеялом так, что торчали только белые костлявые ноги. Из аккуратных домиков выходили любопытные мастера с подмастерьями и провожали телегу взглядами.

— Эй, братец! — окликнул возничего один — видимо, кузнец. — Кого везёшь?

— А того везём, — лукаво ответил возничий, — кого нам до сих пор не хватало.

— А кого нам не хватало? — спросил другой — видимо, бондарь.

— А ты сам-то догадайся! — ответил возничий. — Чай не лаптем щи-то хлебаешь!

Когда телега исчезла за поворотом, бондарь вопросительно поглядел на своего соседа кузнеца.

— Сдаётся мне, — рассудительно произнёс кузнец, — нашёл-таки он нам Короля.

— Вон что! — присвистнул Бондарь. — И что же теперь будет?

— А всё и будет, — сказал кузнец. — Король королевствовать будет, ты будешь бочки сколачивать, я буду подковы ковать. И вся гармония!

33

Король открыл глаза и от удивления заморгал. Была ночь; он лежал в тёплой мягкой постели, на пуховике, укрытый толстым ватным одеялом. Под пологом горел огонёк, освещающая просторную спальню. В углу потрескивал камин.

Король присел, рассматривая надетую на него длинную ночную рубаху с кружевами. Рядом на венском стуле висел махровый халат. Под стулом стоял ночной горшок, расписанный узорами... Король встал, надел халат и вышел из спальни.

Коридор был устлан коврами. Возле дверей сидя спал одетый в ливрею служка. Король взял со столика фонарь и двинулся по коридорам. На лестничной площадке тоже сидел охранник и мирно дремал. Король поднялся на следующий этаж. И там все служки и охранники спали.

На последнем этаже в самом конце коридора через приоткрытую дверь пробивался свет. Король на цыпочках приблизился, затушил фонарь и заглянул внутрь. В небольшом уютном зале у стены располагался круглый стол, над ним висела лампа, высвечивающая то, что было на столе: большой самовар, бублики, пряники, баранки, баночка варенья, надрезанный пирог. Два человека пили чай из блюдец, а третий чуть поодаль перелистывал книгу, сидя в кресле-качалке. Шёл тихий-тихий медленный разговор.

Король по неосторожности скрипнул дверью, и собеседники тотчас обернулись, прервав беседу. Делать нечего — Королю пришлось бочком войти в зал. Собеседники смутились и повставали с мест. Один из них, военный, попытался загородить собой стол с яствами. Другой, стряпчий, не успев разгрызть положенный в рот орех, так и замер с орехом в зубах. Позже всех опомнился зачитавшийся священник; закрыв книгу, он тоже встал.

Все трое молчали. Король почувствовал себя неловко, кашлянул в кулак и сказал:

— Здрасьте. Это у вас, прошу прощения, чай?

— Виноват, Вашвеличество, — ответил военный и застенчиво покраснел, — чай!

— А это у вас, никак, пирог? — смелее спросил Король.

— Виноват, Вашвеличество, — ответил военный, — он самый, пирог. Вкусный!.. — И он отступил от стола.

— А это пряники? — спросил Король, совсем освоившись.

— Виноват, Вашвеличество... — вздохнул военный и потупился.

— Ваше Величество, — нашёлся стряпчий, схватил стул и поставил его Королю. — Откушайте с нами, коль не брезгуете. Будьте добры!

Король заметно обрадовался, сел за стол и с ходу откусил большой кусок пирога. Ел он с превеликим удовольствием, уплетал за обе щеки. Стряпчий налил в чистое блюдце горячего чаю. Военный замаялся и предложил:

— С разрешения Вашвеличества, я пойду проверю посты. А?

— Полноте, — махнул свободной рукой Король. — Пусть отдыхают.

— Я всё-таки проверю, — засомневался военный и снова покраснел. — А?

Король кивнул. Военный пожелал приятного аппетита, развернулся на каблучках и вышел плавным строевым шагом. Стряпчий выплюнул в ладошку орех, который до сих пор держал за щекой.

— Да вы садитесь, пожалуйста, — сказал Король, стараясь для приличия откусывать куски поменьше.

Стряпчий и священник присели (правда, священник сел не в кресло-качалку, а на скамью).

— Я где? — спросил Король, отхлебнув чаю.

— Вы в королевском дворце, Ваше Величество, — объяснил стряпчий. — В Вашем дворце.

— А дворец где? — спросил Король.

— В Вашем Королевстве, — ответил стряпчий.

— А кто живёт в Королевстве? — спросил Король.

— Подданные Вашего Величества, граждане Королевства, — сказал стряпчий.

Король недоверчиво посмотрел на молчавшего священника и спросил ещё:

— А как вы узнали, что я Король?

Но ответил опять стряпчий.

— Вы сами сказали, Ваше Величество, — сказал он.

— Я? — удивился Король. — Вам?

— Не нам... — сказал стряпчий.

— Вы сказали Ему, — наконец вступил в разговор священник, указав глазами наверх.

— Но мы были рядом и слышали, — признался стряпчий. — Вы не помните, Ваше Величество: когда вас привезли, вы были почти мёртвый.

— Вы умерли, — уточнил священник.

— Да, — согласился стряпчий. — Но потом наш доктор совершил невозможное, и вы... вы вернулись.

Священник перекрестился.

Король отставил прибор. Ошарашенный услышанным, он долго молчал. Потом, как бы очнувшись, спросил:

— А... душ в этом Королевстве есть?

— Есть, Ваше Величество, — заверил стряпчий. — Отличный горячий душ.

И, добавив: «Минуточку», — он подошёл к бюро, что находилось в другом углу зальчика, вынул из нагрудного кармана гусиное пёрышко, обмакнул его в чернила и открыл большую амбарную книгу. Отыскав страницу с литерой «К», он вписал в пустующую строку красивым почерком:

«К О Р О Л Ь — 1 (один)».

После чего положил книгу на стол перед Королём и сказал:

— Вот, Ваше Величество. Теперь в этом Королевстве есть всё!

34

Король стоял под струёй кипящего душа и млеял от удовольствия. На правом его запястье виднелся длинный шершавый шрам; на левом плече зеленела татуировка: «№ 68559».

Военный, стряпчий и служка вошли в тронный зал. Служка раздвинул шторы. В центре зала на возвышении стоял трон, накрытый чехлом из бархата. Военный жестом велел служке снять чехол, что и было тотчас исполнено.

Стряпчий провёл пальцем по подлокотнику трона — на пальце остался толстый слой пыли.

— Удивительно, — сказал стряпчий, глядя на палец.

— Что? — спросил военный, глядя туда же.

— Удивительно, — пояснил стряпчий, — что на наших глазах сбывается древнее предсказание... Удивительно, что предсказания вообще сбываются.

— Ничего особенного, — сказал военный. — Предсказания — это почти что приказания. Они просто обязаны исполняться. Точно и в срок.

— Прощу вас, Ваше Величество, — пригласил священник, открывая дверцу в небольшую будку, похожую на телефонную.

Король вошёл, сел на скамеечку. Священник прикрыл стеклянную дверь, зашёл в точно такую же, смежную с первой кабинку и тоже сел. Их теперь разделяло толстое стекло, в которое было вделано переговорное устройство. Включив его нажатием кнопки, священник заговорил:

— Ваше Величество, прежде чем вы наденете корону, вы по существу у нас закону должны исповедаться вашему духовному отцу, коим теперь являюсь я. Я понимаю, что это, может быть, излишне, ибо вы не так давно вернулись от Судии более высокого, но, Ваше Величество, таков закон, а в традициях нашего Королевства — законы соблюдать.

— Я понимаю, — согласился Король.

— Тем не менее, — продолжал священник, — мне не хотелось бы злоупотреблять... Поэтому, чтобы соблюсти формальности и не слишком обременить Ваше Величество, я попрошу вас: исповедуйтесь мне только в двух грехах — самом большом и самом маленьком. Для закона этого будет достаточно.

Король задумался. Думал долго. Наконец, спросил:

— Можно, я начну с маленького?

— Воля ваша, Ваше Величество, — ответил священник. — Начи-
найте.

Король глубоко вздохнул.

— Пожалуй... ну, вот... — сказал он с сомнением. — Нет, это слишком крупно...

— Не волнуйтесь, — успокоил его священник.

Но Король никак не мог начать.

— Ну вот, — попробовал он ещё раз, — наверное, это тот случай... В общем, однажды, не так давно, я очень сильно напился. Очень сильно, просто себя не помню, до безобразия...

Он покосился на священника, как бы пытаясь выяснить, подходит ли его признание. Священник был непроницаем.

— Это самое маленькое, — повторил Король. — А самое большое... Самое большое — это то, что я на самом-то дело вовсе не Король.

Священник повернул голову к Королю, и во взгляде его чуть промелькнуло удивление.

— Да, — уверенней сказал Король, — я не Король. Я сам понял это совсем недавно, но это именно так. Я всем вру. Всю жизнь всех обманываю, выдавая себя за королевскую особу. Даже собственную жену, даже собственную дочь обманываю. Даже самого себя. Может быть, вот именно сейчас я первый раз и сказал правду...

Священник молчал, переваривая услышанное. Молчал и Король.

— И все-таки вы — Король, — сказал священник. — Как-никак, а с заданной задачей вы справились. Дело в том, что легче сознаться во всех грехах, чем выбрать из них два — самый большой и самый маленький. Это под силу только настоящему Королю. Вы Король, Ваше Величество.

Король помотал головой, потом пожал плечами, потом усмехнулся и беззвучно захохотал. Потом сказал:

— Простите, Ваше Священство. Я, кажется, пошутил. И, кажется, неудачно. Не вовремя. Так вот я всегда...

— Бог простит, — подытожил священник, посмотрел на часы, вышел из кабинки, открыл стеклянную дверь и протянул руку Королю:

— Давайте, Ваше Величество!

— Что? — не понял Король.

— Термометр, — напомнил священник.

— Ах да, — спохватился Король и вынул из-под мышки градусник.

— Тридцать шесть и шесть, — констатировал священник. — С вами всё в порядке, Ваше Величество.

Перед большим зеркалом стоял Король — в новом костюме цвета кофе без молока, но босой. Портной, военный и стряпчий довольно оглядывали Его Величество с разных сторон.

— Не жмет, Ваше Величество? — спрашивал портной.

— Нет, всё очень здорово, — отвечал Король.

— Скоро ботинки принесут, — сообщил стряпчий. — Только уж вы, Ваше Величество, сильно-то костюм не занашивайте; после коронации мы вам что-нибудь попроще подберём.

И он кое-что записал в свою амбарную книгу.

Король повертелся перед зеркалом, двигая плечами, поправил воротник. Сунул руку во внутренний карман. И тут он замер, стараясь что-то припомнить... Резко обернувшись к стряпчему, он спросил:

— А где мои вещи? Ну, в которых я умер! Они уцелели?

— Конечно, конечно! — сказал стряпчий и стал листать книгу. —

У нас ничего не пропадает. А, вот: они в камере хранения.

— Где она? — нетерпеливо закричал Король.

— Кто? — не понял стряпчий.

— Да камера эта! — уже на бегу ответил Король, шлёпая босыми ногами по коридору.

Камерный хранитель открыл ячейку и выложил на стойку драное пальто, штаны, сапоги и позвякивающий мешок. Схватив пальто, Король принялся шарить по карманам. Пустой бумажник был на месте, но фотографии простыли и след. В штанах тоже было пусто. Король приуныл.

— А это что? — спросил он, вытряхивая из мешка груды пустых бутылок.

— Не знаю, — растерялся стряпчий. — Это ваше, Ваше Величество. Король поглядел на бутылки и удивлённо хмыкнул.

35

Процессия спускалась в подземелье по тёмной узенькой лестнице. Впереди шествовал охранник с фонарём, за ним — Король, далее следовали священник и стряпчий.

— Другие подземелья завалены продуктами, — комментировал стряпчий, — а в этом мы держим заключённых, поэтому в нём есть место.

— Заключённых? — переспросил Король.

— Ну да, преступников, — объяснил стряпчий.

— А тюрьмы у нас нет? — спросил Король.

— Есть, Ваше Величество, есть, — заверил стряпчий, — как же не быть! В ней у нас музей, кунсткамера. А заключённых перевели сюда, во дворец, чтобы всегда под рукой были. И по гуманным соображениям: преступникам во дворцах-то привычнее.

— Так все преступники здесь? — удивился Король.

— Здесь, — подтвердил стряпчий, — все четверо.

Спустились. Двое охранников приветствовали Короля отданием чести. Процессия двинулась по каменному коридору; по правую руку тянулись чисто убранные зарешеченные камеры — они были пусты. Король хотел ещё что-то спросить, но передумал и пошёл дальше.

— Да вы не волнуйтесь так, Ваше Величество, — заметил стряпчий. — Коронация — это ведь только формальность, традиция. Это, как прививка от оспы.

Король кивнул.

Они оказались, наконец, в просторном подземном помещении — сыром, полутёмном, с низеньким потолком. Посредине возвышался сколоченный из досок помост, на котором стояла толстая деревянная кубышка. От помоста вдоль стен протянулся водосток.

Несколько человек теснились у стены, при появлении Короля они поклонились. Король кивнул головой — на лбу у него вдруг выступил пот.

— Жарко что-то, — пробормотал Король и шёпотом спросил: — Это кто?

— Это гости, — вполголоса ответил стряпчий, — ваши подданные. Вообще-то мы разослали приглашения всем гражданам, но сегодня рабочий день, так что явились только те, кто смог. А вон те четверо — заключенные, по закону именно они должны засвидетельствовать акт коронации.

В это время из затемнения появился человек в конусообразной маске с прорезями для глаз, забрался на помост и замер, скрестив руки на груди. Служка положил перед ним длинный чёрный футляр. Стряпчий вынул из портфеля ворох каких-то бумаг и, присев на край помоста, стал в нём рыться.

Король непонимающе оглянулся на священника. Тот был абсолютно спокоен.

— Вы готовы, Ваше Величество? — спросил он.

Король неуверенно кивнул.

Священник вынул из-за пазухи чёрный ситцевый мешочек и надел его на королевскую голову.

Король ничего не видел. Тихо сказав: «Таков закон», — священник взял его за руку и увлёк за собой. Под ногами скрипнул помост, зашуршала бумага, и голос стряпчего произнёс:

— Встаньте на одно колено, Ваше Величество, и положите голову на... подставку.

Король медлил, сжимая в своей руке холодную руку священника. Священник же помог ему опуститься на колено и уложил голову на плаху. Король услышал, как щёлкнули замочки футляра.

— Последнее слово Вашего Величества? — вновь прозвучал голос стряпчего.

— Братцы... — неожиданно для себя пробубнил Король.

— Что он сказал? — переспросил стряпчий, шурша бумагами.

— Он сказал: «Скорее», — объявил священник.

— Да, да, сейчас... — заторопился стряпчий, и его бумаги рассыпались.

— Ну, хватит! — воскликнул Король, выпустил руку священника и стянул с головы мешок. — Довольно! Вы, братцы мои, что-то напутали. Вы совсем не знаете, как проводится коронация!

Он вскочил на ноги и первым делом сорвал маску с человека, державшего в руках старинный двуручный меч. Человек оказался военным.

— Виноват, Вашвеличество... — проговорил он и, по обыкновению, застенчиво покраснел.

— Встаньте вот сюда, — велел ему Король. — Меч держите над моим плечом. Выше! Вот так. Так и будете держать, ясно?

Затем он протянул руку священнику и втащил его на помост.

— Вы встаньте с другой стороны, — приказал Король. — Да, и положите мне руку на другое плечо. Поняли?.. А вы (он обратился к стряпчему, собиравшему с пола бумаги) дайте мне... самую главную книгу Королевства.

Стряпчий поспешно извлёк из портфеля свою амбарную книгу. Но священник остановил его и протянул Королю другой том.

— Лучше эту, — посоветовал он. — Это «Сказки и Предсказания».

Король положил книгу на плаху, спросил:

— Так, а корона? Корона где?

Все растерянно переглянулись. Но тут из гостей вперёд выступил кузнец и передал стряпчему тряпичный свёрток. Стряпчий развернул его и радостно поднял вверх новенькую блестящую корону.

— Теперь все молчите! — сказал Король, опустился на одно колено и положил руку на книгу.

Военный поднял над левым королевским ухом меч, священник взялся за правое королевское плечо. Король вытер платочком пот со лба и внятно произнес:

— Я, Моё Величество Король, будучи в здравом уме и трезвой памяти, без лишних слов торжественно обещаю честно управлять ниспосланным мне Королевством и править во благо подданного мне народа. Таково моё королевское слово.

И он подмигнул стряпчему. Тот приблизился и водрузил на королевскую голову корону.

— Воды, — пересохшим голосом попросил Король.

Ему передали стакан. Король отпил половину, другой половиной ополоснул лицо, а стакан разбил об пол.

— На счастье! — сказал он.

Все захлопали в ладоши.

— Это всё? — тихо спросил стряпчий, с сожалением глядя на осколки.

— Нет, не всё, — заявил Король, вставая. — Теперь ваша очередь. Я дал вам слово — хочу, чтобы и вы присягнули мне в своей верности!

Сперва все застыли в замешательстве. Первым сообразил, что нужно делать, военный — он преклонил перед Королём колено. Все остальные последовали его примеру. Последним то же самое сделал священник.

— Ну, полноте, полноте! — растрогался Король. — Встаньте. Я вам верю.

36

Посетителей в библиотеке не было. Немолодая библиотекарша привстала от удивления и выпустила из рук популярный журнал: пред ней стоял сам Король!

— Добрый день, Ваше Величество! — сказала она и заулыбалась. — Радость-то какая!

— Здрасьте, — сказал Король.

Библиотекарша принялась бессмысленно поправлять на своём столе вещи, двигать и переставлять их с места на место.

— Скажите, — обратился к ней Король, — у вас есть Большая Всемирная Энциклопедия с картинками? Иди хотя бы Малая, но с картинками?

— А как же, Ваше Величество, — ответила библиотекарша. — У нас всё есть, Ваше Величество. И Большая, и Малая, Ваше Величество. Извольте осмотреть, Ваше Величество?

Она вышла из-за стола и повела Короля вдоль стеллажей. Поднявшись на лесенку, она указала пальцем на верхнюю полку:

— Вот, Ваше Величество.

— Мне нужен том на букву «К», — пояснил Король.

— Пожалуйста, Ваше Величество, — сказала библиотекарша и подала Королю том на букву «К».

Король взял пыльный фолиант, перелистал его.

— Можно взять почитать? — осведомился Король.

— Только здесь, Ваше Величество, — сказала библиотекарша. — На руки мы книг не выдаём, Ваше Величество. Таковы правила, Ваше Величество.

— Интересно, — прокомментировал Король. — То-то я смотрю: у вас читателей нет.

— А... э... — библиотекарша уязвлённо заморгала. — Ничего, и так все больно умные стали, Ваше Величество.

Король присел за читальный столик и раскрыл книгу. Перелистав ее, он отыскал портрет своей семьи. Библиотекарша тем временем неподвижно стояла рядом и заглядывала через королевское плечо.

— Ступайте, — сказал Король. — Я почитаю немного.

Библиотекарша усердно поклонилась и ушла на своё место. Как только она исчезла за стеллажами, Король вытащил из кармана мажорные ножницы.

Спрятавшись за книгами, библиотекарша пыталась подсмотреть, что же там делает Король, но видела только его спину. Когда Король встал, она рванулась с места и в одно мгновение очутилась за столом, вновь перебирая и меняя местами бессмысленные настольные вещи.

Король положил на столик том энциклопедии.

— Спасибо, — сказал он.

— Уже прочли, Ваше Величество? — спросила библиотекарьша.

— Прочёл, — ответил Король. — Оч-чень интересно.

Едва он успел выйти, библиотекарьша принялась тщательно пролистывать энциклопедию и обнаружила на триста тридцать девятой странице большую дыру — фотографии одной из королевских семей не было. Библиотекарьша возмущилась до глубины души.

— Варвар! — процедила она сквозь зубы. — Хулиган! Узурпатор!

37

Служка доложил:

— Всё готово, Ваше Величество. Посол ждёт.

Поправив выходной костюм, Король вошёл в гостиную в сопровождении военного и священника. Гости расступились, репортёры защёлкали фотоаппаратами.

— Его Величество Король! — громогласно объявил служка.

Гости поклонились и захлопали в ладоши.

— Их Сиятельство полномочный посол Заграницы с супругой! — объявил служка, и с другого конца гостиной навстречу Королю двинулась дипломатическая чета.

Гости и их приветствовали поклоном и аплодисментами.

Король с радушной улыбкой приблизился к послу, поцеловал руку его супруге, потом сжал посольскую ладонь... и вдруг — изменился в лице. И так же внезапно изменился в лице посол.

Король и посол уставились друг на друга, не веря своим глазам. Король узнал бывшего своего оруженосца, а оруженосец признал Короля. Оба крайне изумились нежданной встрече.

— Вы?! Ты?.. — проговорил Король, так и не разжав руки.

— Ваше... ваше... ваше... — стал заикаться оруженосец. — Ра... Рад... снова... лицезре... созерца...

— А это кто? — почти испуганно спросил Король, потупившись на посольскую супругу.

— Это же... жена, — выдавил из себя оруженосец. — Моя законная...

— Законная... — автоматически повторил Король. — А... как же... А где же?.. Мои-то где, а? А?

— Я не знаю, — бегло говорил оруженосец. — Я думал, что вы... что вы там это... что вы уже... давно... а я...

К изумлению стоящих поодаль гостей и журналистов, Король, так долго трясуший руку заграничного посла и расспрашивающий его о чём-то с неподдельным пристрастием, вдруг схватил его за грудки и потащил в угол. Гости замерли. Посол потерял равновесие и повис в

королевских объятиях. Его супруга завизжала. Оттащив посла подалее, Король прислонил его к стене и стал бешено трясти — трясти так, что на пол посыпались перламутровые посольские пуговицы.

Гости переглядывались в недоумении. Стоявшая среди них библиотекарьша тихо сказала:

— Я же говорила! Самодур. Тиран. Сумасшедший на троне!

Покрасневший военный глянул на священника, но тот, как всегда, был непроницаем.

Наконец Король отшвырнул посла на пол, а сам, пробежав через весь зал, скрылся за дверями. Супруга посла бросилась к распластавшемуся на резном паркете мужу.

Библиотекарьша тихо, но очень отчётливо произнесла:

— Быть войне!

— Война! — испуганно зашептали все вокруг. — Война! Быть войне!

Сбегая по лестнице, Король чуть не сбил с ног стряпчего, преспокойно занимавшегося переписью дворцового инвентаря.

— Куда вы, Ваше Величество? — крикнул стряпчий, поднимая со ступеней амбарную книгу и перо.

Король отвечал, не останавливаясь:

— Транспорт! Какой-нибудь, срочно! Коня, машину, самолёт!.. У меня полкоролевства освободилось!

Свободной оказалась «скорая помощь». Уже залезая в автомобиль, Король вдруг услышал со всех сторон многоголосое тревожное эхо: «Война! Война! Война!» Он остановился, нахмурился и бросился обратно во дворец.

Взбежал по лестнице, очутился в гостиной... Гости так и стояли в нелепых позах, не решаясь двинуться с места. Невменяемый посол полусидел на паркете, а его супруга, вся в слезах, суетилась возле него и совала ему под нос нюхательную соль.

Король остановился в дверях. Взгляды тотчас обратились в его сторону, гул замолк. Король твёрдой поступью подошёл к послу, учтиво отстранил супругу, взял бывшего оруженосца за плечи, приподнял и поставил на ноги. Поправив оставшийся без пуговиц посольский пиджак, Король притянул посла к себе и чуть слышно сказал:

— Войны не будет! Понял, умник? Только попробуй!

Оруженосец затряс головой. Король нарочито обнял его обмякшее тело за плечи, развернул лицом к гостям и громко повторил:

— Войны не будет! Мир, дружба!

Потом повернулся к журналистам и скомандовал:

— Снимайте!

Прижавшись щекой к бледной щеке посла, Король изобразил «кип смайлинг». Фоторепортёры дали вспышечный залп.

38

Преодолевая снежные заносы, пограничные кордоны и таможни, карета «скорой помощи» везла Короля к семье.

На подъезде к маслобойне «скорая» подвела и завязла в грязи. Король вылез из машины, за ним выскочил стряпчий. Он накинул на Короля плащ и надел шляпу.

— Осторожней, Ваше Величество, — сказал стряпчий. — Костюм...

Король не слушал его. Скинув плащ, он перелез через забор и напролом зашагал по подмёрзшей грязи.

У двери в подвал он остановился, как бы в нерешительности, перевел дух, постучал условленным образом. Ответа не последовало. Предчувствуя неладное, Король вытер мокрый лоб рукой. Толкнул дверь — и та отворилась. Король вошёл.

В подвале было темно и тихо, только в уголке капала из трубы вода. Король зажег спичку, дотянулся до маленького верхнего окошка и протёр рукавом стекло. Тусклый сноп света проник в жилище, и солнечный зайчик, скользя по королевскому лицу, застыл на его груди — на левой половине. Король, прикрыв сердце ладонью, чтобы не стучало так громко, подошёл к занавеске из ветоши и отодвинул ее...

Он увидел то, что больше всего боялся увидеть. Королева и Принцесса лежали рядом... Король протянул руку, дотронулся и тут же отдернул назад. Дрожащей рукой медленно снял шляпу. Медленно присел на край лежанки. Снова нащупал сердце, стараясь заглушить его стук. Но стучало не сердце: это капала в углу вода — монотонно, как метроном. Кап, кап, кап...

Король встал, сорвал занавеску и накрыл ею тела. Слегка пошатываясь, направился к выходу — всё так же медленно. Возле двери он остановился, расслышав за спиной едва уловимый странный звук. Обернулся...

Солнечный зайчик проскользил по трубам и опустился вниз, выветив стоявший у стены старый деревянный ящик из-под бутылок. В ящике лежал завернутый в тряпицы малюсенький ребёнок.

Когда солнечный зайчик коснулся его лица, ребёнок открыл глаза и заулыбался.

.....

39

У кладбищенских ворот сидя дремал нищий. Перед ним лежала фуражка.

Мужчина с поседевшей бородой, в выцветшем выходном костюме и мальчик лет пяти-шести вышли из ворот и не спеша пошли по аллее. Мужчина что-то рассказывал малышу, потом вдруг остановился, вынул

из кармана монету, вложил её в детскую ладонь и легонько подтолкнул мальчугана в сторону нищего. Малыш подбежал, положил монету в фуражку и остановился, глядя на нищего большими глазами.

Нищий перестал дремать, извлек золотой из фуражки и внимательно его рассмотрел, сравнивая изображенный «на орле» профиль с лицом стоявшего поодаль мужчины.

— Это твой отец? — спросил нищий.

— Дед, — ответил малыш.

— Король? — спросил нищий.

Малыш кивнул. Тем временем Король тоже приблизился к нищему.

— Ну, здравствуй, Король, — сказал нищий, вставая.

Король присмотрелся.

— Майор? — удивился он.

Нищий беззлобно ухмыльнулся.

— Был бы генерал-майор, — сказал он, — если б не один...

Они помолчали, разглядывая друг друга.

— Вот что, — проговорил Король. — Если что-нибудь понадобится — заходи во дворец.

Он развернулся и зашагал прочь по аллее.

— До свидания, — сказал малыш и побежал вслед за Королём.

Нищий уселся на прежнее место, попробовал золотой на зуб, удовлетворённо спрятал его в карман и ухмыльнулся.

Король с малышом сели в автомобиль с открытым верхом и поехали во дворец.

— И что было дальше? — спросил малыш.

— Дальше? — проговорил Король задумчиво, — дальше... Дальше — красавица сняла свои туфельки и прямо в бальном платье пошла по лесу. Шла-шла, пока не встретила в лесу того самого офицера, что выбрался из заколдованного замка через окно, помнишь? Они встретились и сразу же полюбили друг друга, с первого взгляда. Ну, а потом они поженились и зажили спокойно и счастливо.

Король замолчал, переключив внимание на управление машиной. Малыш недоверчиво поглядел на лежащую у него на коленях старую книгу — «Сказки и Предсказания».

— И всё кончилось хорошо? — спросил он.

— Конечно, хорошо, — ответил Король.

— Интересно... — задумался Малыш. — А почему?

— Потому, что это сказка, — объяснил Король. — В сказках всё всегда должно заканчиваться хорошо.

КОНЕЦ

Санкт-Петербург, 1993

СТЕКОЛЬЩИК

Пьеса

Действуют:

ВИРШИНИНА В., дочь губернатора (в прологе — ОНА)
ЛЕОНИД ЛЕОНИДУС, стекольщик (в прологе — ОН)
ЧЕЛОВЕК-СЛОВО
ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО
ГУБЕРНАТОР ВИРШИНИН
ПЛАЧУЩИЙ МУЖЧИНА

ЦЫГАНСКИЙ ВРАЧ
ХОЗЯЙКА РЕСТОРАНА

Искусствоиспытатели:

ПОЭТ
БЕЛЛЕТРИСТ
ДРАМАТУРГ
ФИЛОСОФ
МЕМОУАРИСТ

СЛУГА в доме Виршининых
МЕЛОЧНЫЙ БЕС
ЗРИТЕЛИ

Действие происходит в разных местах одного города.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ПРОЛОГ В ТЕМНОТЕ

ОН. Вы здесь?

ОНА. Я здесь.

ОН. Вы слышите меня?

ОНА. Я вас слышу, но не вижу. Совершенно ничего не вижу. Включите же свет, там где-то возле вас должен быть выключатель.

- ОН. Выключатель сломан, кто-то пережег во всем доме электричество... Вот что, мне кажется, во время прошлого сна я оставлял там, на столе, керосиновую лампу.
- ОНА. Точно, вот она.
- ОН. Давайте ее сюда. (*Чиркает спичкой, зажигает лампу.*) Ну вот... Теперь у нас осталась всего одна спичка, последняя.
- ОНА. А что это значит?
- ОН. Это значит, что мы сможем увидеться еще только один раз, только в одном сновидении.
- ОНА. И всё? Больше никогда?
- ОН. Никогда больше.
- ОНА. Тогда, может быть, мы встретимся наяву? Такое ведь возможно?
- ОН. В принципе, возможно, но шансы невелики. Скорее всего, мы нигде и никогда не встретимся. А если даже и встретимся... То, что так приятно во сне, наяву может потерять свою привлекательность. Смешивать сон и явь — слишком опасная алхимия.
- ОНА. Вы слышите? Мне кажется, мы здесь не одни! Тут как будто бы кто-то есть. Вон там, впереди, — по-моему, это чьи-то лица?
- ОН. А, успокойтесь! Это не страшно, это всего лишь зрители.
- ОНА. Зрители чего?
- ОН. Зрители нашего сновидения.
- ОНА. Что за вздор! Откуда? В прошлый раз их тут не было!
- ОН. Да, вроде бы не было... Но такое случается. Видимо, что-то нарушилось, какие-то законы, сонные артерии... Думаю, эти люди подсоединились к нашему сну случайно — как к чужому телефонному разговору.
- ОНА. Да, от чужого разговора трудно оторваться... Но все это довольно неприятно. Я собиралась с вами поговорить, а эти зрители... Люди совсем обнаглели, они уже лезут в чужие сны! Какая бестактность!
- ОН. Надеюсь, они не специально. Да и потом, они вовсе не лезут, они очень спокойно себя ведут. Видите, какие полусонные у них лица?
- ОНА. Может, попросить их уйти?
- ОН. Не стоит отвечать бестактностью на бестактность. Раз уж они оказались здесь, то наверняка имеют на это не меньше прав, чем мы. Кому-то их присутствие очень нужно.
- ОНА. Да, но не нам. Во всяком случае — не мне. Я не желаю делиться своими личными сновидениями с посторонней толпой! Будьте добры, прогоните их!
- ОН. И все-таки, я предлагаю потесниться, не обращать на них...
- ОНА. Я совсем не хочу тесниться, тесноты мне хватает и наяву. Пожалуйста, скажите же им, чтобы они ушли!
- ОН. Нет... Не скажу.
- ОНА. Почему?
- ОН. Пусть сидят.

ОНА. Почему это?

ОН. Я не уверен, что они меня услышат. Я не уверен, что они вообще хоть что-нибудь слышат, а если слышат — понимают ли, о чем мы тут говорим?

ОНА. Неуверенность — это предрассудок, с ним надо бороться.

ОН. Боязнь зрителей — тоже предрассудок.

ОНА. Я не боюсь их! Запомните: я ничего не боюсь. Просто они мне мешают.

ОН. Зрители — не помеха. Зрители есть везде, за нами всегда кто-нибудь да приглядывает. Только в других обстоятельствах мы этих наблюдателей не замечаем или не хотим замечать. Да и что такое — зрители!? Только зрители! Ведь не участники же, они все равно ничем не могут нам помешать!

ОНА. И помочь ничем не могут...

ОН. Помочь — тем более, помочь всегда труднее, чем... А вам что, нужна помощь?

ОНА. Мне? Помочь? Не знаю... Не помню... Да и не в этом дело... Будем считать, что вы меня убедили; я попытаюсь привыкнуть и не обращать на зрителей внимания. Пусть подслушивают, если им не стыдно, пускай...

ОН. Небо нынче... темное, все звезды куда-то попрятались... Должно быть, к холодам?

ОНА. Это к сквозняку.

ОН. Да? Загадочно. А знаете, мне вчера приснилось...

ОНА. Приснилось?

ОН. То есть, наоборот — вчера ночью я не спал и со мной произошла одна история.

ОНА. Вы помните, что было с вами наяву? Вы можете запоминать явь?

ОН. Иногда, только иногда, и то очень смутно. Но этот случай запомнился... Так вот, поздним-поздним вечером я шёл по улице... Куда шёл — не помню, зачем шёл — тоже не помню, только помню, что настроение у меня было отвратительное.

ОНА. Наяву это немудрено.

ОН. И вдруг мне навстречу попадается один странный такой человек.

Появляется ЦЫГАНСКИЙ ВРАЧ.

ОНА. Постойте! Здесь еще кто-то есть! Это кто? Также зритель?! Нет, это переходит все границы!

ОН. Нет, нет, не беспокойтесь, это не зритель! Это тот самый человек, о котором я вам рассказываю.

ОНА. Еще лучше! А он здесь каким таким образом? Вы разыгрываете меня или издеваетесь?

ОН. Да нет здесь никакого подвоха. Просто я о нём подумал — он здесь и появился. Во сне такие дела в порядке вещей. На самом деле его тут нет, но, тем не менее, мы его видим. Все вполне в духе сновидений.

ВРАЧ. Совершенно верно, на самом деле меня здесь нет и в силу некоторых обстоятельств быть не может: и без вас забот полно, даже ночью нет свободной минутки! И только ради того, чтобы рассказ этого молодого человека стал действием, я позволил своему образу предстать перед вами во всей красе... Кстати, такое и наяву нередко случается. Но не буду вас отвлекать, продолжайте, молодой человек.

ОН. Спасибо. Так вот, иду я по улице и встречаю этого самого...

ВРАЧ. Врача. Да, да, я — врач.

ОН. Вы — доктор?

ВРАЧ. Врач я. Бродячий лекарь. Лечу. С вашего дозволения, медик, с наивысшим медицинским образованием, волею всё тех же объективных обстоятельств ушедший в глубокое подполье.

ОНА. Но он, кажется, цыган!

ВРАЧ. Именно, именно цыган.

ОН. Вот и я тогда удивился: врач — цыган!

ВРАЧ. Удивительно, согласен, но что же поделаешь! Времена поменялись, дорогие мои: гадают и судьбы предсказывают теперь все поголовно, воруют — тоже все, а мы, исконные цыгане, перешли на традиционную медицину. Надо же чем-то жить, надо же искать новую нишу!

ОН. И чего вы от меня хотите?

ВРАЧ. О, абсолютно ничего! Точнее, самую малость, мизер. За небольшую плату я готов вас осмотреть, поставить парочку диагнозов и посоветовать способ лечения. История болезни выписывается по вашему желанию, но на руки не выдается. Только всё это — сугубо конфиденциально и без свидетелей. Мы, традиционисты-гиппократовцы, нынче не в чести, поэтому приходится работать нелегально, на полусогнутых... Чего вы ухмыляетесь?

ОН. Да нет, ничего.

ВРАЧ. То есть, вы согласны обследоваться?

ОН. Согласен.

ОНА. И вы согласились?

ОН. Да, вы же видите. В тот момент я на что угодно бы согласился, мне было так... Мне на всё было наплевать... Только вот почему... Не могу вспомнить! Все причины остались там, наяву.

ОНА. И что было дальше?

ОН. Мы зашли в какой-то подъезд.

ВРАЧ. И чему вы всё ухмыляетесь?

ОН. Нет, это у меня просто тик.

ВРАЧ. Тик? Так! Уже интересно.

ОН. Знаете, почему я ухмылялся?

ОНА. Почему?

ОН. Я был уверен, что это никакой не врач. И вовсе не лечения я от него ожидал: я прикидывал, каким образом он меня приберет — кастетом или всё же скальпелем? И главное — мне было всё равно, я не боялся такой развязки, я даже ждал её с нетерпением, с каким-то издевательским равнодушием. Я будто бы сам провоцировал это...

ОНА. Странно... А он?

ВРАЧ. Отвратительный запах в этом подъезде, не правда ли? Но в других еще хуже, я проверял. В каких условиях приходится работать, а!.. Ну, раздевайтесь по пояс, молодой человек, вещички аккуратно кладите на подоконничек. Вот так-с.

ОН. Вот это я оценил: какой находчивый, думаю, грабитель — и вещички ему на подоконничек! Но разделся не раздумывая, даже ботинки снял.

ВРАЧ. Это лишнее, но раз уж сняли, так сняли... Так-с, теперь дышите глубже. Ага! Еще дышите. Еще глубже дышите. Теперь не дышите... Да-с... Ладно, можете дышать.

ОН. Ну что, доктор?

ВРАЧ. М-м-м, да-да-да... Ну-ка, скажите, что ли, «А».

ОН. А!

ВРАЧ. Да тише вы! Не надо вопить, будто вас грабят! Спокойное, протяжное «А», *contando moderato*.

ОН. Что он сказал?

ОНА. Контандо модерато... Напевно и умеренно, кажется.

ОН. А-а.

ВРАЧ. Вот так, хорошо... Хотя, конечно, ничего хорошего.

ОН. Что, так безнадежно?

ВРАЧ. Напрасно вы все время ухмыляетесь, молодой мой человек! Всё гораздо хуже, чем я мог предполагать. Сдается мне, с вами очень скоро случится какая-то неприятная история... Ну-ка, позвольте вашу ладонь? Помолчите минутку, я буду считать ваш пульс... Ну да, так я и думал. Хотя в уме я не очень-то точно считаю, но, скорее всего, это будет даже не история, а сказка. С вами случится сказка.

ОН. Сказка?

ОНА. Сказка? Это как понимать? Если это диагноз, то, по-моему, не очень-то традиционный!

ВРАЧ. Традиции бывают разные, молодой человек. Возможно, у нас с вами разные традиции.

ОНА. Я не молодой человек, а девушка!

ВРАЧ. А разве девушка — не молодой человек?... Впрочем, вы меня отвлекли... А с глазами что у вас такое?

ОН. Ничего. Просто плохо вижу.

ВРАЧ. А почему очки не носите?

ОН. То есть... Нет, я, кажется, ошибся, я хорошо вижу, даже отлично. С некоторых пор... А до этого... Нет, не помню, не могу ничего вспомнить!

ВРАЧ. Ясненько, и с памятью у вас худо. Запустили вы себя, молодой человек, запустили. Глаза у вас пустые и блёклые, я бы сказал: бесперспективные глаза. Подозреваю, что ваша сказка будет волшебной, а местами даже страшной. Да-с.

ОН. В каком смысле — страшной?

ВРАЧ. Этого я не могу сказать, это волшебная... то есть, я хотел сказать: врачебная тайна. Впрочем, по большому счету, всё зависит от вас. Если захотите, то, может быть, еще выпутаетесь... Тут слишком темно, и, к сожалению, в потёмках мне не разглядеть вашей души, а именно она — основа любого здоровья. Или — нездоровья. Если запущена душа, остальные органы лечить бесполезно... Скажу вам, как на духу: мои прогнозы на ваш счет — самые печальные. Я даже сожалею, что мне попался такой безнадежный пациент.

ОН. Вот как... Я подозревал... Но бояться очевидного бессмысленно, поэтому скажите мне всё, как есть!

ВРАЧ. Кто его знает, как оно всё есть! Ну да ладно, скажу вам не в меру честно, не по-докторски, но по-человечески. Мужайтесь, молодой человек. Вот вам мой окончательный диагноз: это будет ваша последняя сказка! Я очень, очень сожалею. Берегите остатки здоровья. Гудбай-с.

ВРАЧ исчезает.

ОН. Это будет моя последняя сказка... Я так и замер с застрявшей во рту буквой «А». А... а когда опомнился, цыгана и след простыл. Я не успел расспросить подробнее. Самое интересное: он ничего не украл, деньги остались на месте, одежда лежала на подоконнике в целости и сохранности. Он даже не взял обещанную плату! И вот я одеваюсь, а сам пытаюсь сообразить, что же это значит?... Может быть, получить кастетом по голове было бы лучше?

ОНА. По-моему, он просто шарлатан... Хотя... А он не сказал, о чём будет эта сказка?

ОН. Это и так ясно. Все сказки мира — об одном и том же.

ОНА. Вы имеете в виду... Вы говорите о... Нет, я не могу! Эти зрители — они меня сбивают! Я не хочу при них говорить о таких вещах!

ОН. А вы не говорите. Разве мы не сможем понять самое важное без слов?

- ОНА. Не знаю, не знаю, я теряюсь. Когда на меня направлены столько глаз, я и со словами-то ничего понять не могу!.. А что если погасить лампу?
- ОН. Нет, не стоит. Во-первых, нас неправильно поймут, а во-вторых... мы же тогда проснемся.
- ОНА. Ах, да. Нет, просыпаться нам еще рано, я еще хотела что-то сказать...
- ОН. Тогда торопитесь — керосину в лампе осталось от силы слов на пятьсот, при нашей привычке болтать лишнее это не так уж много.
- ОНА. Погаснет... погаснет... Нет, не могу. Эти зрители сбивают меня с мысли. Как они некстати, если б они только знали!
- ОН. Они тут не при чем, во сне всегда всё забывается: и плохое, и хорошее... И этот наш сон — его мы тоже забудем. Очень скоро забудем, едва успеем проснуться.
- ОНА. Вот как? Ну нет. Мне кажется, я никогда его не забуду.
- ОН. Это только кажется. А между тем, запомнить его — практически невозможно. Мы всё забудем. Вы забудете меня, я — вас. И никто не посмеет напомнить нам друг о друге. Увы...
- ОНА. Как нелепо! А если мы вдруг встретимся наяву, то...
- ОН. Да, именно то, о чём вы подумали: наяву мы не узнаем друг друга.
- ОНА. Но это произвол! Кто придумал такие правила? Я не хочу ничего забывать, я не желаю!.. В конце концов, у нас же есть свидетели, много свидетелей!.. Эти зрители — хватит им просто так глазеть, пусть хоть раз в жизни принесут пользу. Пусть запомнят, пусть подскажут, когда придет время!
- ОН. Их время не придет. Удел зрителей — пассивность.
- ОНА. Вы их недооцениваете. Откуда вам знать! А вдруг они вовсе не зрители? Вдруг они тоже персонажи нашего сновидения?
- ОН. Чепуха, полная чепуха! Не забирайтесь в дебри, из чепухи может выйти только путаница.
- ОНА. Ну почему же обязательно путаница! Может быть, наоборот, наступит полная ясность? Нам её так недостает...
- ОН. Дело в том, что, вероятнее всего, наяву этих зрителей вообще нет. Скорее всего, они нам только снятся. Именно поэтому они безопасны.
- ОНА. Как же может сниться то, чего нет?! Это ерунда, нонсенс! Если я им снюсь, то и меня, что ли, нет? Если мы друг другу снимся, значит, один из нас не существует?!
- ОН. Я не хотел вам об этом говорить, но вы сами додумались... Да, я уверен: один из нас не существует. Вот поэтому мы и не вспомним друг друга. И никогда не встретимся.
- ОНА. Обидная версия. Если не существует меня, это еще куда ни шло, а если... Мне почему-то окончательно расхотелось просыпаться...

- ОН. Если б мы только могли никогда не просыпаться! Если бы керосин не кончался!..
- ОНА. Но кто же? Кто же из нас есть?
- ОН. Пока мы спим, мы оба есть.
- ОНА. Пока спим! Этого недостаточно! Лампа вот-вот потухнет — и мы... Один из нас проснется, а другой — страшно подумать! — другой просто перестанет быть!
- ОН. Но если... если этот доктор всё-таки не шарлатан? Если обещанная им сказка действительно возможна — то, может быть, она-то и коснется нас обоих или даже уже касается...
- ОНА. Бросьте. Я все понимаю: вы хотите меня успокоить. Не надо. Я теперь отчетливо чувствую: это именно меня нет! Нет и никогда не было. Это точно, абсолютно точно — я ничего не могу о себе вспомнить. Я даже имени своего не помню. Меня нет.
- ОН. Не паникуйте, я о себе тоже ничего не помню. Тем более — имени.
- ОНА. Нет, нет, вы помните этот случай с доктором. Вы хоть что-то помните, значит, вы есть. А я...
- ОН. Память — еще не доказательство существования... Но... Но даже если вы правы и одного из нас нет...
- ОНА. Я права? Это же ваша версия?
- ОН. Не важно, я не об этом. Так вот, даже если одного из нас нет, то тот другой, который как бы есть, он может... и он должен...
- ОНА. Говорите же быстрее, лампа гаснет! Что он должен?
- ОН. Он... Или она... Я сбился!.. Короче, мне кажется, что если мы вдруг всё-таки встретимся наяву, — это и будет та самая сказка. Сказка — это наш шанс.
- ОНА. Тогда мы должны во что бы то ни стало запомнить этот сон или хотя бы друг друга! Чтобы там, наяву, не растеряться, не упустить... Хоть чуть-чуть, хоть какую-нибудь деталь, мелочь!
- ОН. А что же запомнить? Запоминать-то и нечего! Мы же так ничего толком и не выяснили, ни в чем не разобрались!
- ОНА. Ну напрягите свою память, ну вспомните хотя бы свое имя! Бог с ней, с фамилией, но имя, имя-то я запомню! Ну вспомните, пожалуйста!
- ОН. М-м-м... Э-э-э... нет, черт! Не могу, никак! Ничего не получается! Попробуйте вы.
- ОНА. Я... я... я... Даже приблизительно не вспомню... Вообще никаких имен в голове: ни женских, ни мужских! Пропасть какая-то... Что же делать?
- ОН. Лампа, лампа... Нужна хоть какая-то зацепка, ничтожная, пусть ничтожнейшая, иначе... Лампа гаснет!
- ОНА. Спичка! У нас осталась спичка!
- ОН. Отлично! Хватаемся за эту спичку! Возьмите её себе, сберегите её!

ОНА. А ты? А вы?

ОН. Берите, берите, некогда! И помните: мы можем встретиться еще только один раз. Зажгите спичку лишь тогда, когда это станет необходимо. Как это делается в сказках — в самый последний момент. Только не забудь про неё, слышишь? Я уже не вижу тебя...

ОНА. Я постараюсь. Только и вы постарайтесь не всё забыть!

ОН. Мы встретимся. Не пройдет и жизни — встретимся. Счастливой сказки!

ОНА. Счастливого пробуждения!

Лампа гаснет.

2. ИСТОРИИ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

Ресторан. За стойкой скучает ХОЗЯЙКА, за одним из столиков сидят ЧЕЛОВЕК-СЛОВО и ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО, кроме них — никого. Сбоку — лестница, ведущая в гостиничные номера...

Часы с кукушкой кукуют шесть часов вечера. Человек-Дело вынимает из кармана брегет и проверяет ход времени.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Прошло двести лет.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Н-да... С каких пор, коллега?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну, скажем, с тех пор, как я был здесь в последний раз.

ХОЗЯЙКА. Да, времечко летит!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Как это двести лет? Разве такое может быть?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не может. Ну ладно, пусть будет сто восемьдесят — двадцать лет роли не сыграют. Главное, что здесь ничего не изменилось, коллега. В гостинице все так же пусто, столики всё так же заляпаны, да и люди по-прежнему ничему особо не удивляются: двести лет прошло или только двенадцать месяцев — им это безразлично.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет, ну как же, вот я — удивился. Как же это, думаю, двести лет-то? Что ж за цифры такие? А вы, выходит, пошутили, коллега!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы удивились, потому что вы приезжий. А здешних ничем не удивишь, они всякого навидались. Да и вы скоро привыкнете, только вот пооботретесь слегка. Этот город затягивает.

ХОЗЯЙКА. Обычный город, обычные люди. И столики обычные, заляпаны не хуже других. А сто лет или двенадцать месяцев — так какая нам разница! И то, и то — не сроки. Нам главное — чтоб

постоялец не переводился, ел побольше да платил щедрее. Вот, господа пригожие.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот так вот, коллега.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Убедительно!.. Может, мы тогда и начнем?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А что мы начнем?

ХОЗЯЙКА. Для начала — начните есть, а уж остальное само собой начнется.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Верно. Заказывайте, коллега.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну что ж, приступим. Итак... Прошло двести лет. Человек-Слово и Человек-Дело выбрали столик поприличнее, устроились за ним поудобнее и собрались немного перекусить. После долгих, так сказать, трудов и переговоров.

ХОЗЯЙКА. Чего изволите хотеть?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Человек-Слово заказал борщ, жареную картошку с черносливом и бутылочку кагора.

ХОЗЯЙКА.... кагора, так.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Человек-Дело заказал... Что, коллега?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Э-э-э... Пожалуй, то же самое, только вместо кагора — квас. И еще — блинов дюжину, со сметаной.

ХОЗЯЙКА. Блинов, ишь ты! Сейчас все будет, господа пригожие.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Человек-Дело украдкой взглянул на часы... Уже торопитесь?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Пока нет. Как договорились, коллега: до полвосьмого мы имеем полное право отдохнуть от дел и болтать только о пустяках.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Надо говорить: до половины восьмого, коллега.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А? Ну да... Вам видней.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Принесли заказанный ужин. Человек-Дело принялся есть. Человек-Слово отпил глоток кагора и сделался чуть живее...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А для кого вы все это комментируете, коллега?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да так, ни для кого, просто... Дурная привычка. Раньше — вы знаете — я немного пописывал и для поддержания, так сказать, литературной формы всё время наговаривал что-то на диктофон. Потом литературу я забросил, диктофон кому-то подарил, а привычка так и осталась.

ХОЗЯЙКА. Да, привычку-то никому не подарить! Я сколько вас помню, вы постоянно вот так кому-то что-то впустую диктуете.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, именно впустую. Комментирую события, коллега, безо всякой на то надобности... Но если это вам мешает...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет, ни капли. Продолжайте на здоровье. Я замечу вам попутно: настоящий человек дела должен терпеть чужие привычки, чтобы при надобности суметь ими воспользоваться...

Только это вы на свой счет не принимайте, это я обобщенно говорю.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я понял. Запомню, коллега, спасибо за науку.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Впрочем, виноват! Я чуть было не заговорил о деле! Давайте отвлечемся. Будьте так добры, отвлеките меня, расскажите что-нибудь — об этом городе, о его нравах, обычаях...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Привычках...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ведь вы, насколько я понял, всю жизнь тут провели?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. В общем, да, всю, исключая эти самые двести... Но если за это время действительно ничего не изменилось...

ХОЗЯЙКА. Да ничегошеньки не изменилось, уверяю вас, ни в одном глазу! Вот только вчера большущий сквозняк был — стихийное бедствие!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну, значит, не изменилось. Стихийные бедствия — норма для нашего города.

ХОЗЯЙКА. И еще этот, Командор, наемни умер, царства ему небесные!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Командор умер? Жалко. А что ж он так — опять воевал с кем-нибудь или от старости?

ХОЗЯЙКА. Да какое там! В его годы от старости уже не умирают. Умер наш Командорюшка достойно, от самой что ни на есть мужской болезни — от ревности. Нюрка-то, сожительница его, связалась там с каким-то... прости, Господи!... Ушла из семьи, одним словом! Вот он и взревновал, ой как взревновал! Три ночи кряду глаз не сомкнул — так он свою Нюрку разненавидел! А потом не выдержал перегрузок, свалился и уснул мертвецким сном. И во сне этом снова увидел ее — Нюрку-то, — да не просто так увидел, а в образе как бы Медузы Горгоны! Жуть ужасная! Прямо лицом к лицу с ней столкнулся, во сне-то. Проснулся, стал всем рассказывать: так, мол, и так. Ну, все посмеялись, посопереживали и — знакомое дело — позабыли тут же. Да он и сам поначалу-то забыл, экая невидаль — медуза! Только после что-то двигаться ему трудновато стало, чувствует, конечности плохо разгибаются, с каждым днем всё больше костенеют. И люди стали тут замечать у Командорюшки нездоровый цвет лица — серый такой, каменистый. Он к врачам в жизни не обращался, а тут забеспокоился, вызвал подпольного доктора на дом. Тот осмотрел, ощупал, говорит: вы все, мол, свои болезни давно уже пережили, у вас давно уже всё более чем благополучно, у вас, говорит, даже камней в почках нет, только вот сами почки почему-то окаменевши и по всему телу у вас вместо органов сплошные окаменелости, неизвестные современной науке. Будем, говорит, надеяться, что это — минералы и полезные ископаемые. И ушел. После этого никто боль-

ше Командора живьем не видел. Правда, соседи снизу жаловались, что он в последние дни шагал очень громко — у них вся штукатурка осыпалась. Ну, а потом нашли в квартире... не то чтобы Командора, а будто бы статую его: полностью он окаменел, горемычный! Тяжелый такой был, невыносимый, трое носилок под ним проломилась. Так вот и сгинул, усоп! Его даже закапывать-то не стали, да: просто положили на кладбище плиту, а его самого поверх плиты поставили, в виде памятника. Можете сходить полюбопытствовать — ну просто, как живой, Командор стоит, только каменный, того и гляди — спрыгнет... Такие вот пироги, такие вот ёлки-палочки... А Нюрка-то теперь вдова, да. Так ей и надо, медузе этакой!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. История...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну вот вам, коллега, и нравы с обычаями. Ситуация для города типичная: что ни человек — то странная история, а то и хуже — сказка. Правда, сказки сейчас не в моде.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Почему?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не знаю. Вероятно, чистота жанра не устраивает.

ХОЗЯЙКА. Вот, к слову, о чистоте! Вы, господа пригожие, про Гену-инженера-то слышали уже?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А с этим-то что? Тоже умер?

ХОЗЯЙКА. Да нет, и, похоже, не умрет уже.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Как это? Мне интересно.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да ничего интересного, коллега. Не стоит за столом... Хронический алкоголик, окончательно опустившийся тип, — тут уже не до сказок!

ХОЗЯЙКА. А, значит, ничего не слышали! Тут именно что сказка! Этот тип, ну, Гена, инженер бывший, — все его знают — он раньше-то все у меня в ресторации водочку попивал, потом все пропил, начал на паперти попрошайничать и пить на выпрошенные грошики эту гадость — жидкость для очистки поверхностей.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Приятного аппетита, коллега.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ничего-ничего, продолжайте!

ХОЗЯЙКА. Ага, для прочистки поверхностей... Но, поскольку принимал-то он ее внутрь, то через некоторое время он так прочистил свои внутренности, что ну просто полностью очистился — и душой, и телом, как говорится. Стал кристально чистым человеком, просветлел и засветился! И все бы хорошо, да у него нимб появился!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нимб? У инженера?

ХОЗЯЙКА. Не верите? Нимб, самый натуральный, размером с тарелочку. Спросите у кого хотите, я сама видела — ровненький такой, кругленький, прямо над лысинкой, радужного такого цвета, будто бензин в лужицу слили.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. И чем же он не доволен, какие проблемы?

ХОЗЯЙКА. Так именно что проблемы! Стесняется он этого нимба-то!

Не заслужил, говорит, не достоин, мол. Пробовал его вывести — ничем не выводится. Лучше б, говорит, у меня рога выросли, их хоть спилить можно, на худой конец — шарфом обмотать, а тут — ничем не замаскируешь. Шляпа его не берет, он через нее проходит, просвечивает. В темноте сияет, мешает уснуть спокойно, подушка пару раз возгоралась. Гена-инженер извелся просто, пить перестал, за ум взялся, чертежи на дом берет. Это, говорит, меня Бог опозорил, ибо нет, говорит, большего наказания, чем незаслуженная благодать!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Моралист, однако.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну а чего вы хотели, коллега! Кто еще может выйти из пьяницы, если его исправить!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет, первая история мне больше понравилась... А знаете, коллега, я уже начинаю любить этот городок. Он занятый.

ХОЗЯЙКА. И поучительный!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Какая-то прелесть в нём, конечно, есть... Но вы, коллега, будьте начеку — не очень-то доверяйте всем этим рассказням. Тут — надо отдать должное горожанам — не слишком любят сплетничать, но зато мистифицировать — обожают.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что ж, мифы лучше, чем сплетни.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Как знать, коллега... Сдается мне: иногда и мифотворчество боком выходит...

Часы с кукушкой кукуют семь раз. Сверху спускается ЛЕОНИД ЛЕОНИДУС с ранцем за спиной.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Кто это там так громко вышагивает?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не пейте больше кагору, коллега! Попробуйте лучше квас.

ЛЕОНИДУС. Добрый вечер.

ХОЗЯЙКА. Вечер добрый. Как спалось?

ЛЕОНИДУС. Спасибо, терпимо.

ХОЗЯЙКА. Терпимо... А что снилось?

ЛЕОНИДУС. Что-то снилось... Кажется, даже что-то интересное... Хотя, скорее всего, опять стекла. В вашем городе мне снятся одни стекла.

ХОЗЯЙКА. Это вы перетрудились, голубчик! Где ж это видано — три дня без выходных работать! И угораздило же вас прямо под этот сквозняк подгадать-то!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вы стекольщик?

ЛЕОНИДУС. Стекольщик, милостивый государь, правильно мыслите. А вы — Человек-Дело, если не ошибаюсь?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. О, вы хорошо осведомлены!

ЛЕОНИДУС. Я живу в соседней с вами комнате. Так что, если у вас разобьётся что-нибудь стеклянное, обращайтесь прямо ко мне.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Благодарю, но у меня, пожалуй, нет стеклянных предметов. Я предпочитаю более надежные материалы.

ЛЕОНИДУС. Тогда заходите просто так, побеседовать.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. О чем нам с вами беседовать?

ЛЕОНИДУС. Мало ли... О надежности материалов, например. А сейчас — извините, спешу. Срочный заказ от самого губернатора. Имею честь.

ХОЗЯЙКА. Погодите, голубчик! А сколько я вам за витрину-то должна?

ЛЕОНИДУС. Нисколько, хозяйюшка. Какие наши счета!

ХОЗЯЙКА. Ну как же!... Мне даже неловко — стекло-то большое, толстое! С вашего дозволения, я хоть из оплаты за номер вычту, а?

ЛЕОНИДУС. Если вам неймётся меня отблагодарить, подарите мне... вон ту птицу.

ХОЗЯЙКА. Какую такую птицу?

ЛЕОНИДУС. Вот эту кукушку, из часов.

ХОЗЯЙКА. Так... Зачем она вам сдалась-то без часов?

ЛЕОНИДУС. Какое вам дело? Может, я хочу ее выпустить. На свободу.

ХОЗЯЙКА. Да что вы, грех с вами! Она же не живая, она же механическая!

ЛЕОНИДУС. А в чём, собственно, разница?

ХОЗЯЙКА. Как в чём? Она же не полетит!.. Вот ведь...

ЛЕОНИДУС. А не полетит — я ей шею сверну.

ХОЗЯЙКА. Да что вы! Ой...

ЛЕОНИДУС. Ну вот. А вы, милостивый государь, утверждали, что в этом городе никто ничему не удивляется.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Это вы мне?

ЛЕОНИДУС. Вам. Видите, есть еще способы. Испуг — чем не удивление?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Однако это...

ХОЗЯЙКА. Да пусть забирает кукушку-то! Берите, голубчик, только часы не покалечьте!

ЛЕОНИД ЛЕОНИДУС вынимает из часов кукушку, кладет ее в ранец и молча уходит.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. И спасибо не сказал. Сам весь будто механический!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Механический сказал бы... Да, тип неприятный. И глаза у него какие-то стеклянные.

ХОЗЯЙКА. Во, господа пригожие! Тут ведь тоже история — не приведи Господь! Ушел он?... Давеча, в тот самый вечер после большого сквоз-

няка-то, когда постояльцы все заснули, я двери-то затворила, заперла, а сама порядок стала наводить. А в ресторации вот это самое витринное стекло начисто ветром высадило и несколько витражных фрагментов — тоже вдребезги. Вот я осколки эти — мелкие-меленькие такие — стою собираю и вдруг слышу: позади стучат. Я, как была согнувшись, дала веником отмашку: мол, поздно, не работаем уже. А в ту сторону даже и не поглядела — ну, кто там в такую пору стучится. Он и перестал, не настаивал. Вот я подмела и думать-то о нем позабыла — я ж спиной к дверям корячилась-то, — а тут поворачиваюсь, разгибаюсь, глядь — а он стоит напротив меня! При закрытых-то дверях! Спокойно стоит, смотрит тихо так, не моргая. Я сперва оторопела, не знаю, чего и подумать. А сама присматриваюсь: кто, мол, таков — бандит или убийца? И для верности совок в кулачишке-то покрепче сжимаю. А он — мужчина ладный такой, в сапогах, за спиной ранец притороченный, — ну, вы, одним словом, видели. Только вот волосы у него длинноватые; не люблю я длинноволосых, недолюбливаю! И взгляд у него какой-то опаленный, как у Гены-инженера, когда тот всякую дрянь пил. Я сперва поэтому и решила — упойца! Потом смотрю: нет, вроде трезвый, намерений, похоже, не имеет. Мне даже поскучнело... Поздоровался, пошел к камину руки греть. Сапоги у него — скрип-поскрип, как у щелкунчика какого, и ступает ровно, симпатично, по-солдатскому. А в портфеле у него звякает. Я, грешным делом, подумала — бутылки, потом прислушалась — ан нет, больно звук-то нежный, хрустальный такой, как сосулечкой об сосулечку... Ну, говорит, комната нужна, приезжий, мол, почти иностранец, промышляет по стекольным делам. По имени, говорит, Леонидус, а по-нашему это вроде как Леонид. Я в книге-то так два имени про запас и вывела: Леонид Леонидус. Дала ему ключики от комнаты, а он говорит: я, мол, вам завтра же все стеклышки повставляю, вы меня только пораньше разбудите. И спокойно так к витрине подходит и дышит на нее вот этак — губы бубличком! А она там, где стеклу должно быть, запотела и легонько звякнула — дзин! Я тут рот и разинула: стекла-то там только что не было, а теперь вот оно, целехонько и на месте! Даже поблагодарить забыла. А он пальцем-то на запарине рожицу нарисовал, взял ключи и ушел наверх — скрип-поскрип по лестнице... Кто его знает!..

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Хм... Уже почти не удивляюсь. Видимо, привыкаю.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Быстро вы... Впрочем, привыкнуть к чудесам легко — обратное куда как труднее.

ХОЗЯЙКА. А может, он сумасшедшенький? Случается же такое... А сейчас — слышали? — самому губернатору отправился стеклышки-то вправлять! Опять заработает, стало быть. Зря я ему кукушку отдала...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Так значит, и у губернатора стекла повышибало?

ХОЗЯЙКА. А как же! У них первым делом и повынесло, а уж потом по городу пошло-поехало. Сквознячище знатный был!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. У нас в городе так уж повелось: все беды идут из губернаторского дома.

ХОЗЯЙКА. И радости — оттуда же.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да? Не замечал...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А вот это приятно слышать, коллега. Я, как вы знаете, во многих городах побывал, но такого, чтобы правители и народ жили одними бедами и радостями, — не видел еще нигде!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну, вы, как всегда, идеализируете... С одного стола с губернатором мы все же не едим, но в общем — да, сия картина умиления достойна, так сказать.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Иронизируете?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ничуть. Вполне серьезен. Не плеснуть ли вам кагоры, коллега? Бросьте вы этот свой квас!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Пожалуй... Так у вас, стало быть, хороший губернатор?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нормальный.

ХОЗЯЙКА. У нас замечательный губернатор, не дай Бог ему здоровья.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Видите ли, коллега, наш губернатор немного не в себе. У него, так сказать, переходный возраст — он в маразме.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не удивляюсь. Привык.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ему бы на пенсию... А он лет пять тому назад помешался на почве астрологии — как раз после того, как астрологи предсказали ему долгую беспечную старость и не меркнущий до последней минуты ум.

ХОЗЯЙКА. Помнится, наш губернатор издал тогда свой знаменитый указ — по частичной переоценке некоторых ценностей.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Точно, именно тогда он это и сделал. Объявил вне закона всю традиционную науку, расплодил возле себя всяких оккультистов, гадателей... Ну, горожане сперва-то клюнули, втянулись, но очень быстро поняли, что есть что, так сказать, и сами поставили окончательный диагноз — маразм. Только народная медицина права голоса в этом мире не имеет, поэтому официально никакая подобная болезнь не может воспрепятствовать губернатору и дальше исполнять свои обязанности. Сами понимаете...

ХОЗЯЙКА. Зато очень удобно с таким правителем.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Чего ж удобного?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Видите ли, коллега... Наливайте, наливайте... Видите ли, маразм — это самая безобидная из слабостей, свойственных губернаторам. Лучше бред, чем буйство. С некоторых пор на губернатора просто перестали обращать внимание и на его пресловутых астрологов тоже. Пресытились. Горожане живут, знаете

ли, сами по себе, а все указания и предсказания пропускают мимо ушей.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. За что же его так любят?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Кого?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да губернатора вашего!

ХОЗЯЙКА. За невмешательство.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Пойдите, пойдите! А о любви речь вообще-то и не шла! С чего вы взяли, коллега?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Но вы же сказали, коллега, что дом губернатора — чуть ли не эпицентр здешней жизни... Вот я и сделал вывод.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы поторопились, коллега, — это на вас, видимо, алкоголь действует так ускоряюще... Дело тут вовсе не в губернаторе, а в его дочери!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. У него дочь?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Дочь. Молодая барышня на выданье, зовут — Виршинина В. Кстати, я знаком с нею отчасти...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А! Ухаживали?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Боже упаси! Она не в моем вкусе, и вообще... Да что мы все о губернаторских дочках! Других радостей что ли нет!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет, нет уж, погодите! Давайте еще по рюмочке... Так вы, стало быть, вхожи в губернаторский дом?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вхож. Но пользуюсь этим крайне редко и неохотно... С некоторых пор общество Виршининой вызывает во мне... отторжение, мягко говоря.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А что за общество? Тайное?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Наоборот, слишком явное — все, как на ладони, все, как на подбор. У неё там некий культурный салон, богема! Собираются вечерами всякие молодые человечки, бездельники — всё чего-то ищут... Дочь губернатора, лакомый кусочек! Хотя, между нами говоря, денег у этого губернатора еще меньше, чем мозгов.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Зато престиж!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А я, как вам известно, по глупости молодых лет тоже был этим... как это у нас называют? — искусствовиспытателем! Грешен, коллега, — писал этой вот рукой всякие сценарийки, пьески... Всё так, несерьезно, всё сказочки... Хотя В. В. они нравились, да...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. В. В.?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну да, В. В. — Виршининой.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ах вот оно как...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. В каком смысле?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Это же все очень здорово, коллега! Вы же можете прямо сегодня взять и представить меня губернатору! В интересах нашего с вами дела! Что же вы мне раньше не сказали о ваших связях!?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. О каких таких связях, коллега? Нет, позвольте! Что такое вам известно?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Тсс! Успокойтесь, коллега!... Познакомьте меня с этой В. В., а потом — прямым к её папаше. Мы тогда здесь так развернемся, таких дел наворотим!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет, я туда не пойду. Даже ради вас, коллега. Виршинина и всё, что с ней связано, — в прошлом, я не хочу об этом вспоминать... Налейте-ка!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Понятно... Ну, да меня ваше тревожное прошлое не касается.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Но это было так недавно!..

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Оставьте, коллега. Нет — так нет, я не настаиваю. Только не пейте больше, вы впадаете в сентиментальность. Смотрите на мир циничнее, как подобает настоящему мужчине.

Часы отбивают половину восьмого.

ХОЗЯЙКА. А без кукушки-то непривычно. Не хватает чего-то. Будто что-то изменилось...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. (*Подводит часы.*) У, убежали!.. Так, пора нам переходить к главному. Вы в состоянии, коллега, говорить о делах?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Конечно. Перейдем к главному... Итак, городской рынок сбыта, цены на продукцию, закупочно-доставочные перспективы... Помню-помню... И они заговорили о главном.

3. КЛЮЧИ, ШИФРЫ (ТЕАТР ВИРШИННОЙ В.)

Губернаторский дом, гостиная Виршининой. Искусствоиспытатели — ПОЭТ, ФИЛОСОФ и ДРАМАТУРГ — в томительно-томном ожидании. Вбегает БЕЛЛЕТРИСТ, быстро раздает им листки с текстом.

БЕЛЛЕТРИСТ. Простите за опоздание, господа! Добрый вечер!

ДРАМАТУРГ. Ну так же нельзя, дорогой вы наш! В. В. с минуты на минуту появится, а мы еще текста в глаза не видели!

ПОЭТ. За это надо морду бить!

БЕЛЛЕТРИСТ. Господа, я виноват, но обстоятельства превыше всего! На дорогах пробки, машина не тянет...

ФИЛОСОФ. Ну что же, опять придется врать с листа. Вы б хоть писали поразборчивее.

Входит СЛУГА, за ним ВИРШИННИНА.

СЛУГА. Господа искусствоиспытатели, госпожа Виршинина В.
ВИРШИНИНА. Здравствуйте, друзья мои.

Искусствоиспытатели кланяются.

Присаживайтесь. Иваныч, принеси кофе... Ну, как дела? Какие новости?

ПОЭТ. Дела в полном беспорядке. А новости...

БЕЛЛЕТРИСТ. Что касается новостей, ваша милость...

ДРАМАТУРГ. Погодите, милые вы мои, насколько я понимаю, ее милость интересуют прежде всего новости культуры и искусства, а не какие-то ваши беспорядки. Вот, извольте, сударыня! (*Подает Виршининой рукопись.*)

ВИРШИНИНА. Это что?

ДРАМАТУРГ. Пролог моей новой пьесы. Пока что вчерне — жду ваших критических замечаний. Прочтите, хоть вот прямо сейчас.

ВИРШИНИНА. Прочту, но чуть погодя.

Слуга приносит кофе.

Угощайтесь. Я надеюсь, господин драматург, вы не забыли наше золотое правило?

ДРАМАТУРГ. Как можно, сударыня! Конечно же, пьеса и посвящается вам, и ваша личность легко угадывается в образе главной героини!

ВИРШИНИНА. Это хорошо. Я прочту и учту. А вы, господин Поэт, написали что-нибудь новенькое?

ПОЭТ. Пишу, ваша премилость, строчу ночи напролет! Но — верите ли! — с рифмами туго в последнее время; классики, конечно, нам, современникам, того... как бы это выразить?.. поднапортили: избили все рифмы, все слова замусолили! Трудно, трудно пишется, нету, как говорится, пространства для полетов!

ВИРШИНИНА. Попробуйте без рифм.

ПОЭТ. Легко вам говорить! Без рифм! А размер-то я куда дену! Это вот им, буквоедам, просто — пиши себе как угодно, хоть с ошибками, а нам-то, нам, поэтам божьей милостью, каково! Всё, как говорится, в прокрустово ложе!

ВИРШИНИНА. Ладно, даю вам неделю срока — если до этих пор ничего путного мне не посвятите, считайте, что мы с вами больше... не рифмуемся.

ПОЭТ. Да я вам!.. Да я вас за неделю запечатлю в веках, царица моя!

ВИРШИНИНА. Ваша очередь, уважаемый Философ. Вы что скажете?
ФИЛОСОФ. Мне, ваша премилость, труднее всех: я пишу вещи умные, а потому — абстрактные, отвлеченные от плоти и крови; их почти

невозможно посвятить кому-либо конкретному. Но, тем не менее, как мне кажется, я достойно сумел разрешить это противоречие: я, как мне думается, очень удачно выбрал тему — она и для вас, и про вас.

ВИРШИНИНА. И что же за тема?

ФИЛОСОФ. «Благополучие».

ВИРШИНИНА. Вот как? Благополучие? Про меня?

ФИЛОСОФ. Да, ваша премилость. Мой трактат называется «Две разновидности благополучия» и состоит соответственно из двух частей: «Благоналичие» и «Благоприобретение».

ПОЭТ. Ну, началось!

ВИРШИНИНА. Помолчите! Будьте деликатнее, вы же поэт... И что ваш труд — скоро ли будет готов?

ФИЛОСОФ. Первая часть уже на бумаге, сударыня, а вторая пока в голове.

ВИРШИНИНА. Так принесли бы первую часть.

ФИЛОСОФ. Лучше читать сразу обе, ваша премилость. Тем более, что вторая важнее.

ВИРШИНИНА. Тогда у вас в распоряжении... десять дней. По-моему, для благополучия этого вполне достаточно.

ПОЭТ. Ого! Десять дней! Потрясающе! Почему ему десять, а мне только неделю?! Ему же легче, ему же без рифмы!

ВИРШИНИНА. Утихомирьтесь, господин Поэт! Вы сегодня как никогда отвратительно себя ведете! Я понимаю, что у вас утонченная поэтическая душа, ранимая конституция, но надо же держать себя в руках! Вы у меня в гостях, в конце концов!

ПОЭТ. Простите, пощадите великодушно! Царица вы моя ангельская! Как вы правы — тонкая, тонюсенькая душа, конституция раненая, лирическое восприятие там... Эх, глубоко же вы зрите! Кто еще, скажите, друзья мои, может вот так, одним махом, понять поэта!

ВИРШИНИНА. Ну-ну, не плачьте, успокойтесь!.. Господин Беллетрист, а вы тоже что-нибудь пишете?

БЕЛЛЕТРИСТ. Пишу, разумеется, сразу всего много пишу. Стараюсь, ваша милость.

ВИРШИНИНА. Многие меня не интересуют. Что вы для меня пишете?

БЕЛЛЕТРИСТ. А я всё для вас и пишу. Все мои писания посвящены вам.

ВИРШИНИНА. Конкретнее, господин Беллетрист.

БЕЛЛЕТРИСТ. Ну, например, после обеда я имел удовольствие сочинять одну сугубо историческую хронику про одного, с позволения вымолвить, голого короля.

ПОЭТ. Совсем голого?

БЕЛЛЕТРИСТ. Да, представьте, абсолютно голенький король. Одна корона у него — он ею прикрывает свой, прошу прощения, срам.

ВИРШИНИНА. Смело, отчасти. Но в чем же тут мораль?

БЕЛЛЕТРИСТ. А ни в чем. Наоборот — очень аморальная история. Назло потомкам.

ФИЛОСОФ. История вообще аморальна...

ВИРШИНИНА. Но я не понимаю, какое отношение эта аморальная хроника имеет ко мне?

БЕЛЛЕТРИСТ. К вам? Э-э-э... Ну, видите ли, ваша милость, там есть место образу некой королевы...

ВИРШИНИНА. Тоже голой?

БЕЛЛЕТРИСТ. Не совсем.

ВИРШИНИНА. Еще смелее! Ну, дальше!

БЕЛЛЕТРИСТ. У этой королевы есть свита. Эта свита её все время загораживает, прикрывает. Собственно королевы никто и никогда и не видел толком, поэтому трудно судить наверняка — голая она или нет.

ПОЭТ. Ну вы намудрили, голуба!

ФИЛОСОФ. Не произносите при мне слово «мудрость», очень вас прошу!

ПОЭТ. О... А я и не говорил «мудрость», я сказал: «Намудрил!» Вы почувствуйте разницу!

ВИРШИНИНА. Тихо!.. Хорошо, господин Беллетрист, сочиняйте свою хронику; вам я даю... две недели.

ПОЭТ. Ничего себе! За что такие нечеловеческие привилегии!? Ему же не в рифму! Нечестно, ваша милость!

ФИЛОСОФ. Да, сударыня, две недели — слишком много для такой истории. К тому же, голый король — очень уж банальное явление, господин Беллетрист. Вы мне покажите хоть одного одетого короля!

ВИРШИНИНА. Не задавайте тон, господин Философ, вы не в бочке. Здесь действует моя воля, а не ваша.

ФИЛОСОФ. Намек принял, ваша премилость.

ВИРШИНИНА. На вашем месте, господа Поэт и Философ, я бы вообще скромно помалкивала: вы еще ничего не заслужили. Сегодня лишь господин Драматург имеет право голоса.

ДРАМАТУРГ. Спасибо, ваша милость.

ПОЭТ. Ей бог, обидно слышать такие пассажи! Ваша премилость, царица моя савская! Я-то думал: вы понимаете, как это тяжело — стишки разные сочинять! Даже белые, — я на рифму в последнее время и не замахиваюсь! Я, не поверите, когда сажусь за стол, когда вижу эту бумагу, — чтоб её! — я прямо сам весь белею от натужности. Мыслей куча, а слова, черти, никак в размер не укладываются — все разной длины, видите ли! Обязательно либо лишний слог, либо не хватает! Все время хочется вставить какое-нибудь вспомогательное словечко букв этак из трех — четырех. Я

удивляюсь, почему это в нормативной лексике почти нет таких удобных для нашего дела связок и междометий!.. Нет, ваша премилость, что хотите со мной делайте, а я вам так повторю: поэзия — это адов труд!

ФИЛОСОФ. Дантов труд... Дантесов труд...

ВИРШИНИНА. Убедительно. Даже по-своему поэтично. Можете ведь, когда захотите!.. Но почему-то скучно. Почему вы все такие зануды, друзья мои? Почему вы вечно на что-то жалуетесь? Чего вы канючите? Надо же быть оптимистичнее!

ФИЛОСОФ. Оптимистичнее можно быть в жизни. В искусстве надо быть честнее.

ВИРШИНИНА. Так и будьте — в жизни!

БЕЛЛЕТРИСТ. Но мы же — люди искусства.

ДРАМАТУРГ. Увы, мы давно уже...

Входит Слуга.

СЛУГА. Ваша милость, к вам еще гости.

ВИРШИНИНА. Кто?

СЛУГА. Господа Человек-Слово и Человек-Дело.

ВИРШИНИНА. Хм... Я таких, вроде бы, не знаю. Впрочем... Зовите, познакомимся.

ВИРШИНИНА подходит к дверям. Искусствоиспытатели начинают шелестеть своими листочками.

ПОЭТ. Помилуйте, тут нет такого!

ДРАМАТУРГ. Какая-то ошибка, сбой!

БЕЛЛЕТРИСТ. Нет, как же, вот здесь, смотрите, черным по белому: «Входят Человек-Слово и Человек-Дело»...

ПОЭТ. Ах ты, точно, есть такое место!

ФИЛОСОФ. Почерк у вас просто... неадекватный, господин Беллетрист. Ничего же не разобрать!

БЕЛЛЕТРИСТ. Мой почерк разборчивей, чем ваш стиль!

Входят Человек-Слово и Человек-Дело.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Простите, ваша милость, мы без приглашения, без звонков, без цветов. Добрый вечер!

ВИРШИНИНА. Боже мой! Вы!? Вот это неожиданность!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И не только для вас. Я и сам не думал, что нынче вас увижу; все произошло как-то спонтанно.

ВИРШИНИНА. Ну что ж, добрый вечер. Проходите, не стойте на пороге... Честно говоря, вы меня опарашили, я даже растерялась.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Растерялись? Вот это да!.. Позвольте вам отрекомендовать моего товарища — Человек-Дело.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. К вашим услугам, сударыня.

ВИРШИНИНА. Очень рада. Вы и вправду человек-дело?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не сомневайтесь.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Обижаете, ваша милость. Это у вас одни псевдонимы — у нас, деловых людей, правдивые прозвища. Коллега, сделайте что-нибудь прямо сейчас!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО извлекает из карманов две бутылки коньяка и ставит их на стол.

ПОЭТ. Ба! Вот это браво! Сколько звезд в одном флаконе!

ДРАМАТУРГ. Оригинальный ход. Правда, несколько не в правилах этого дома...

ВИРШИНИНА. К чертям правила!.. Господин Беллетрист, будьте так любезны, скажите слуге, чтобы принес бокалы и закуску.

БЕЛЛЕТРИСТ. Точнее сказать — будьте так полезны! Иду... (*Уходит.*)

ВИРШИНИНА. Так вас, стало быть, теперь называют Человеком-Слово?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, сударыня. Меня и зовут теперь иначе, и вообще я несколько изменился — прошу учесть это с самого начала, чтобы избежать всякого рода... недоразумений.

ВИРШИНИНА. Интересно. Вы меня интригуете. Сперва вы исчезли втихую, по-английски, теперь совершенно неожиданно появляетесь, спустя... сколько уже прошло? Год? Полтора?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Кто считает, сударыня!

ВИРШИНИНА. Вот, господа искусствоиспытатели, это мой старинный знакомый, можно сказать, друг. А это мои нынешние знакомые, тоже, можно сказать, друзья. Знакомьтесь.

Появляется БЕЛЛЕТРИСТ с бокалами.

БЕЛЛЕТРИСТ. Все необходимое для знакомства у нас уже есть!

ВИРШИНИНА. Я же велела вам передать распоряжение слуге, а не тащить это самому!

БЕЛЛЕТРИСТ. Простите, ваша милость, но я не думал, что это столь принципиально... А слуга ваш занят: там пришёл стекольщик, так он ему помогает!

ВИРШИНИНА. В следующий раз думайте, вам это не помешает и вашим принципам тоже.

ПОЭТ. Ну, за знакомство, господа!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. За обоюдную неожиданную встречу!

Чокаются; все, кроме Виршининой, выпивают. Она же, подняв бокал, ставит его обратно, так и не пригубив.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А вы...

ВИРШИНИНА. Не пью. Пусть это вас не беспокоит. А вы, как я замечаю, уже где-то приняли?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Разумеется, сударыня. На трезвую-то голову разве же я к вам бы пожаловал!

ВИРШИНИНА. Приятно слышать.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А мне приятно вас видеть. Приятно, черт возьми! — не скрою, не смогу скрыть.

ВИРШИНИНА. Тогда присаживайтесь. Рассказывайте, кто вы теперь? Где вы, что вы делаете? Вы больше не пишете сказки?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет, я больше не пишу, я теперь всё больше подписываю — документы, счета, ведомости...

ВИРШИНИНА. Скучная сказка.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Это уже не сказка, сударыня. Я теперь — естествоиспытатель.

ВИРШИНИНА. Занятно. И что же вы испытываете?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Чувство глубокого удовлетворения... Грубо говоря, я нынче занимаюсь тем, что превращаю свои слова в чьи-то дела. Сказочнику такое не под силу, сударыня.

ВИРШИНИНА. Да... Ну что ж, я вижу: вы довольны своей жизнью. Я рада за вас. Надеюсь, что новое поприще вам к лицу...

ФИЛОСОФ. Заметьте, господа, чисто женский подход к делу!..

БЕЛЛЕТРИСТ. Верно, о поприще, как о прыщах, — к лицу, мол!

ВИРШИНИНА.... Может быть, хотя бы в делах вы не будете делать столько ошибок, сколько делали в словах.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Буду, сударыня, буду, — почему бы нет? Я не вижу в ошибках ничего плохого. По мне — чем ничего не делать, так лучше делать ошибки. На них, по крайней мере, можно чему-то научиться.

ВИРШИНИНА. Ну да, кому не на чем больше учиться, тот учится на ошибках... Не обижайтесь, это шутка.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Весьма остроумно.

ВИРШИНИНА. Не обижайтесь, я вам говорю!.. Так вы теперь вовсе отrekliсь от искусства? Я верно поняла?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Боюсь, что мы по-разному понимаем искусство, сударыня...

ВИРШИНИНА. Значит, не совсем отrekliсь?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Видите ли, по большому счету, иногда искусство бывает настолько естественно, а естество — наоборот, столь искусственно, что одно другого не стоит.

ВИРШИНИНА. Витиевато! Мысль, видимо, интересная, но совсем не воспринимается на слух. Вот что, вы запишите мне ее на бумажке, а я как-нибудь на досуге перечту.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет, простите! Я же сказал вам, что давно уже ничего подобного на бумажках не записываю!

ВИРШИНИНА. Разве сказали? Я не заметила.

ФИЛОСОФ. Раз такое дело, уважаемый Человек-Слово, может, вы позволите мне эту мысль зафиксировать и где-нибудь мельком упомянуть? Вам ведь она все равно не нужна.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Фиксируйте на здоровье. Только уж не искажите, пожалуйста.

ДРАМАТУРГ. Позвольте узнать, так вы писали сказки?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Писал когда-то, давно. Неинтересные сказки, бездарные.

ВИРШИНИНА. Не верьте ему, господин Драматург, он писал довольно занятные вещи. Он просто напрашивается на комплимент. Что ж — так тому и быть! Так вот, друзья, это был презанимательнейший человек. Я искренне жалею, что он забросил искусствоиспытания. Знаете, что больше всего меня в нем поражало? Огромная видимая разница между тем, что он пишет, и тем, какое он сам производит впечатление. То есть, сам он как раз никакого впечатления и не производил; этакий был неприметный, постоянно тушующийся молодой человек. И он такие выписывал сюжеты!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Польщен, сударыня. Вы, как никто, умеете делать комплименты. Постоянное подчеркивание слова «был» придает им особую прелесть!

ВИРШИНИНА. Господин Философ, ну-ка! Блесните! Объясните нам популярно, как может философия прокомментировать такое несоответствие между творцом и его творениями?

ФИЛОСОФ. О, вы замахнулись, ваша премилость! Это же чуть ли не главный вопрос философии!.. Впрочем, если вы имеете в виду частный случай...

ВИРШИНИНА. Ну давайте, не торгуйтесь, вы не в книжной лавке!

ПОЭТ. Вы опрокиньте рюмочку, Философ, оно и объяснится все! Давайте, друзья, выпьем — за философию!

Все, кроме Виршининой, выпивают.

ФИЛОСОФ. А-ах! Хорошо!.. Итак, предлагаю свою версию. Согласно утверждению одного немецкого классика — не будем здесь помянуть его имя — каждый индивидуум получает в наследство интеллект — от матери и характер — от отца.

ДРАМАТУРГ. Мы про что говорим?

БЕЛЛЕТРИСТ. Да, при чем тут...

ФИЛОСОФ. Не торопитесь, друзья мои! Я умышленно начал издалека. Теперь приблизимся. Согласно другой широко известной эзотерической теории, процесс создания произведения искусства как бы является процессом, обратным деторождению...

ПОЭТ. Э! Опять пошло-поехало!

ФИЛОСОФ. Автор мужчина выступает в этом процессе в роли матери: он, так сказать, вынашивает и рождает творение. А женщина — в роли отца: она вдохновляет, оплодотворяет... Соединим теперь две эти теории, и на практике получится...

ВИРШИНИНА. Творение несет интеллект — то есть, мысль автора, а характер...

ФИЛОСОФ. А характером оно — в отца! Элементарно. Поэтому творение и не должно быть похожим на автора; зато по нему всегда можно разыскать ту, которая явилась, так сказать, первопричиной. Вы не обращали никогда внимания, что произведения разных художников, посвященные одной и той же особе, чем-то очень похожи? По слогу, по ритму, по почерку. У них просто одинаковый характер!.. Я закончил, спасибо за внимание.

ВИРШИНИНА. Заманчиво! Это тянет на диссертацию, господин Философ!

БЕЛЛЕТРИСТ. Пойдите, а если автор — женщина?

ПОЭТ. Извращенец!

ФИЛОСОФ. Мелочи обдумайте как-нибудь сами.

ДРАМАТУРГ. А я бы, господа, сейчас, знаете, что сделал бы? Я бы сказки вообще запретил! Однозначно! Слишком много развелось сказочников всяких! Отвести для них определенное время: вечером, перед сном, и только детям до шестнадцати! А то ведь невозможно стало жить! Я понимаю там — в мультфильмах, но когда сказки становятся нормой жизни!..

ВИРШИНИНА. Присядьте, господин Драматург, отдохните, вы захмелели! Мы о сказках давно уже не говорим.

ДРАМАТУРГ. Присяду... А почему вы до сих пор не прочли мою рукопись? Не цените меня, да? А я, между прочим, ради вас на всё готов! На всё! А вы прочитать не изволите!

ВИРШИНИНА. Не прыгайте, держите себя в руках. Вы мужчина, в конце-то концов?

ДРАМАТУРГ. Я человек! Я драматург и джентльмен!

ПОЭТ. А я — поэт! Я всё могу! Вы знаете, королева моя, какая это ядреная вещь — поэзия, если с нею правильно обращаться! Хотите, достану вам луну с неба? Прямо сейчас!

ВИРШИНИНА. Не хочу. Луна — это пошло.

ПОЭТ. Тогда солнце — хотите? Нет проблем, царица вы полей моих земляничных!

ВИРШИНИНА. И солнце не хочу. Пожалуй, я, знаете, чего хочу, друзья мои? Чтобы вы почаще напивались. В таком виде вы становитесь интересней, неожиданней.

БЕЛЛЕТРИСТ. По такому поводу... Ваше здоровье — наше благополучие!.. Э-э-эх, мать моя!..

ВИРШИНИНА. Э, ну это уже перебор! Всё! Познайте меру... Откройте, господа, окно, выйдите на балкон, посидите, проветритесь и помолчите — я буду читать рукопись господина Драматурга.

БЕЛЛЕТРИСТ. Вслух?

ВИРШИНИНА. Я читаю только про себя.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Коллега...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Тс-с! Отойдите в сторону, вот так. Здесь правило: когда Виршинина читает, все молчат и смотрят ей в рот, так сказать. Видите? Не дай Бог отвлечь ее в этот момент — тут же впадешь в немилость. Так что, говорите, коллега, вполголоса.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Я только хотел вас спросить: а Виршинина сама пишет что-нибудь? Или там — рисует?..

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет, коллега, она как раз всех только вдохновляет. Если следовать версии этого как бы Философа, то В. В. — просто Дон Жуан в творчестве.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не надо, коллега, не обзывайте ее. Мне это... неприятно.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. О, этого еще не хватало! Вы, смотрите, не влюбитесь, коллега!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да нет, что вы... Я дело знаю.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. То-то... Это все равно бесполезно: мужчине её лёд не пробить. Виршинину интересуют только две вещи — искусство и зеркала.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Это как?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да так... В этих вещах она любит саму себя. Зеркала — за свое в них отражение, а искусство существует для В. В. лишь в виде посвященных ей произведений. А недостатка в таких нет — если, конечно, можно считать это произведениями — и в ближайшие лет десять не предвидится. Видите, как эти мягкотелые мотыльки льнут к ее свету?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вижу... Этот свет!..

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Так что, будьте осторожны, коллега, — не дай вам Бог обратить на В. В. должное внимание. Если у вас такое стопроцентное зрение, лучше закройте глаза... Эта болезнь — детская, а не мужская. В Виршинину поочередно влюбляются все искусствоведы города, а приезжие — вне очереди. У них считается профессиональным долгом посвятить ей что-нибудь великое... Вообще, этот бессмысленный, глупый народец — эти поэты, певцы

под гитару, художники — все они очень падки на такого рода девиц. Увидят один раз — и уже готовы: днюют и ночуют у ног своей покровительницы, которая, кстати, относится-то к ним довольно холодно, даже надменно.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Значит, В. В. не отвечает никому... ну, взаимностью?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Взаимностью чего? На что ей отвечать? На этот лепет? Она, конечно, ценит его — по-своему: переписывает собственноручно все эти клятвы вечной любви в альбомы своим полиграфическим почерком... А рукописи она сжигает... И задеть её душу за живое практически невозможно: ко всем прочим недостаткам у нее еще и отменный вкус. Толк в поэзии она знает — одними красивыми словами её не проймешь. Виршинина прекрасно понимает, что эти амуры-однодневки больше похожи на обыкновенных комаров, чем на снайперов любви... Иногда, правда, она позволяет самому приблизившемуся к цели поцеловать кончики пальцев, но...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ну? Чего вы замолчали?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Тс-с! Тихе... Но улыбка ее при этом так холодна и равнодушна, что у счастливика губы покрываются инеем...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Но ведь они любят ее, эти искусствоиспытатели! Пусть недолго, но... Значит, она того заслуживает.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Просто она рядом, под рукой. Человеку всегда сподручнее любить ближнего, коллега... Впрочем, где-то вы правы: благодаря Виршининой, искусствоиспытатели действительно испытывают некое подобие настоящей страсти, на какое-то время у них раскрываются глаза, они мучаются и страдают совсем по-настоящему, под занавес даже изъясляют желание свести счеты с жизнью... Но ни один почему-то так и не сделал этого, даже не попытался. Продолжают жить, только уже не так естественно и безоглядно. Переболев, они, так сказать, оседают. На их места приходят новички — трагикомедия повторяется. Но как бы кто ни пытался разбудить в Виршининой хотя бы намек на чувство, её любимое, обожаемое отражение остается вне конкуренции!.. Только оно...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Тс-с! Она, кажется, прочла.

ВИРШИНИНА. Ну что я могу сказать... В целом, неплохо, себя я узнаю. А вот частности...

ДРАМАТУРГ. Говорите, ваша милость, от вас я стерплю любую объективную критику!

ВИРШИНИНА. Тогда пеняйте на себя... Понимаете, у вас в пьесе есть один крупный просчет, свойственный всем начинающим драматургам: в ней одни разговоры и почти никакого действия.

ДРАМАТУРГ. О, я согласен с вами! Но я это делал намеренно: я хотел, чтобы в моей пьесе все было так же, как в жизни!

ВИРШИНИНА. Так вы претендуете на реализм!?

ДРАМАТУРГ. Да, ваша милость, и не скрываю этого!

ВИРШИНИНА. Лихо. Тогда почему все ваши персонажи изъясняются сплошными афоризмами? Или вы хотите сказать, что в жизни именно так изъясняются?

ДРАМАТУРГ. Я не знаю... Как же?.. Я, наверное, не соглашусь, если позволите...

ВИРШИНИНА. Попробуйте.

ДРАМАТУРГ. Разве же там так много афоризмов? По-моему, очень мало.

ВИРШИНИНА. Очень много, очень. Сплошь и рядом афоризмы. Если вы такой умный, писали бы какую-нибудь блиц-прозу, а не лезли на подмостки.

ДРАМАТУРГ. Я пробовал, ваша милость! Но как-то... не пошло.

ВИРШИНИНА. Это всё ваш дурной характер, друг мой. Вы просто-напросто трусливы — вы всегда сомневаетесь в тех мыслях, которые высказываете, вас пугает их несмыслимая категоричность. Для этого вы и ринулись в драматургию, чтобы прятаться за своими персонажами: будто это они так думают, а не вы сами! Хитро и предусмотрительно!

ДРАМАТУРГ. Ваша милость, да как же!.. Я не трусил, не трусил я...

ВИРШИНИНА. А фраза насчет того, что, мол, зрители есть везде и всегда, — я её где-то слышала. Или читала... Не помню. Уж не украли ли вы ее у кого-нибудь из великих?

ДРАМАТУРГ. Что вы, ваша милость! Я у великих не краду! Никогда! Клянусь — сам как-то придумал, дома, за нумизматикой! Вот вам крест!

ВИРШИНИНА. Ну-ну, не нервничайте, не кипятитесь. Я еще не всё сказала.

ДРАМАТУРГ. Нет! Не надо больше, прошу вас! Мне достаточно!.. Потом, наедине, хорошо?.. Без свидетелей! Умоляю!

ВИРШИНИНА. Зачем наедине? Мы же здесь все свои, у нас не должно быть друг от друга творческих тайн. Или вы вздумали обижаться?

ДРАМАТУРГ. Нет, я не обижаюсь... не обижаюсь я... Только... прошу вас, хватит! Не надо. Я... я больше не буду!

ВИРШИНИНА. Что вы больше не будете?

ДРАМАТУРГ. Не знаю... Это ведь лишь пролог...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. В. В... Ваша милость, не надо.

ВИРШИНИНА. Что не надо?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы сами знаете. Не надо перегибать палку.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Погодите, коллега!

ВИРШИНИНА. Нет, пусть говорит. Он же теперь Человек-Слово, пусть говорит!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я уже все сказал, сударыня.

ВИРШИНИНА. Да? Уже все? Помнится, раньше вы были многословнее. Ну что ж, учтем ваше заступничество. Но тогда сделайте что-нибудь сами, развлеките нас иначе, коли наши развлечения вас теперь не устраивают! Проявите нам какое-нибудь естественное испытание! Пожалуйста! Будьте так добры!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы нарочно меня не поняли, сударыня. В жизни и так полно испытаний, — создавать их искусственно, демонстрировать их — это, простите, мальчишество... Я понимаю ваше желание поставить меня в неловкое положение, но я вас предупредил, что отныне со мной такие номера не проходят.

ВИРШИНИНА. Ну что вы, я не собиралась вас никуда ставить. А вот господина Драматурга... я, пожалуй, поставлю — в угол. За его неуместную истерику и скверный характер.

ДРАМАТУРГ. Ваша немилость!.. То есть...

ВИРШИНИНА. Я лишаю вас слова! Ступайте вон в тот угол, в самый темный! И подумайте там, как следует реагировать на мою критику. Вам ясно?

ДРАМАТУРГ. Иду, ваша милость. Стою, думаю, молчу...

ВИРШИНИНА. Вот так вот, дорогой мой Человек-Слово. Ну что вы так напряглись, расслабьтесь. Такой приятный вечер, такие люди!

ПОЭТ. За присутствующих здесь людей!

БЕЛЛЕТРИСТ. Ваша милость, позвольте, я господину Драматургу тоже налью?

ВИРШИНИНА. Налейте — штрафную! Посмотрим, как крепко драматургия держится на ногах. *(Все, кроме Вишининой и Человека-Слово, выпивают.)* Ну что, не упал?

ПОЭТ. Стоит наш орел! Шекспир на глиняных ногах!

ФИЛОСОФ. Удобно не падать, когда стоишь в углу.

ВИРШИНИНА. А вы что же не выпили, Человек-Слово?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Спасибо, я уже утолил свою жажду.

ВИРШИНИНА. Обиделись? Опять?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет. Я помню здешние правила — я не обижаюсь.

ВИРШИНИНА. Помните правила? Приятно.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я все помню, ваша милость. И тем не менее — не обижаюсь.

ФИЛОСОФ. С хорошей памятью и без обид — это нонсенс.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Сами вы нонсенс!

ФИЛОСОФ. Протестую! Это же против правил, это не корректно!

ВИРШИНИНА. Угломоните, господин Философ; нонсенс — это вполне корректно, это не ругательство, а, скорее, термин.

ФИЛОСОФ. Хорош термин! Впрочем, конечно, я спокоен, я совершенно спокоен...

ВИРШИНИНА. Не взъщтите, Человек-Слово, ни я, ни друзья мои не хотели вас обидеть, зря вы так нахмурились. Оставьте... Расскажите лучше, как идут дела на вашем новом пути? Есть ли успехи?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Успехов нет, но счастье не в успехах.

ПОЭТ. Черт подери! Превосходная фраза для поэмы! Продайте!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Дарю.

ПОЭТ. О щедрость! Вежливость скупых!

БЕЛЛЕТРИСТ. Оп, еще одна фраза для поэмы, господин Поэт! Запомните! Только тут, как мне кажется, больше подойдет слово «скупердяев». Нет?

ПОЭТ. «О щедрость, вежливость скупердяев», — так? Возможно. Спасибо за подсказку. Советов я не терплю, а вот подсказки с детства обожаю!..

БЕЛЛЕТРИСТ. Да вы заговорили стихами, батенька!

ПОЭТ. По правде говоря, мне очень тяжело дается ритм и размер. И поэтому мой стиль всегда прихрамывает.

ФИЛОСОФ. А вы, любезный, купите своему стилю ботинки одинакового размера, вот он хромать и перестанет.

Искусствоиспытатели смеются.

ПОЭТ. Не поможет, любезный. Мой стиль в последнее время так опростился, что ходит босиком.

И снова — смех.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Как противно они гогочут, коллега! Почему в их смехе столько злости? Ручаюсь вам, маклеры на бирже шутят добрее, чем эти аристократы духа!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не обращайтесь внимания, коллега. Их смех и их злоба — всё это искусственное. Здесь все искусственное, никто из них ни смеяться, ни злиться по-настоящему не умеет. Они просто соблюдают правила своей игры, а точнее — ремарки своей пьесы. Присмотритесь: ведь это же — комедия, мерлезонский балет. Театр одного зрителя!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Одной зрительницы...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Именно! Даже и не театр, а еще проще — игра в театр... Вот они и выпендриваются перед В. В., оттачивают друг на друге своё как бы остроумие. Если вы присмотритесь еще внимательнее, вам станет ясно, что здесь даже нет места импровизации. Заметили шпаргалки, в которые эти деятели постоянно за-

глядывают? Текст каждого такого вечера обычно придумывается заранее, а эти люди лишь подают готовые реплики... В мое время мы о таком и не помышляли, мы импровизировали, рвались куда-то... А нынешние — всё наизусть, всё по нотам.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. То есть, как это? Это всё как бы не на самом деле? Все, как в спектакле, что ли?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Именно, как в спектакле! Хотите убедиться, коллега? Сбейте их с толку! Вы тут лицо самое непредусмотренное, задайте им какой-нибудь неожиданный вопрос, спровоцируйте! Они сразу же собьются и растеряются. Ну, не стесняйтесь, скажите какую-нибудь ерунду — погромче да поубедительнее. Первое, что залезет в голову!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Господа! Э-э-э... А почём нынче в вашем городе машинное масло? Сколько стоит децилитр? А?

Пауза, всеобщее замешательство, покашливание.

ВИРШИНИНА (*хлопает в ладоши*). Браво, браво!

Входит Слуга.

СЛУГА. Ваша милость, к вам еще один гость — господин Мемуарист. ПОЭТ. Ну, сегодня просто полный... аншлаг!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Черт! И этот момент у них выстроен!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не получилось? Я старался...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ничего-ничего, когда-нибудь у вас получится, вы удачливее меня — вам удалось вызвать одобрение Виршининой!

МЕМУАРИСТ. Самый доброжелательный вечер, господа, сударыня! Простите за поздний визит — везде спешу, везде успеваю! Только что, сударыня, был на половине вашего батюшки. Там какая-то паника!

ВИРШИНИНА. В честь чего?

МЕМУАРИСТ. Да астрологи что-то напортачили, где-то у них не сходится. Звезды молчат! Астрологи пугаются, икают и смотрят в небо, видя в том молчании знак несогласия.

ВИРШИНИНА. Ну, Бог с ними. Позвольте вам, господа, представить самого молодого нашего завсегдага — господина Мемуариста.

МЕМУАРИСТ. И не только мемуариста, но еще и художника, фотографа и журналиста, к вашему сведению... А вы, если я не путаюсь, Человек-Слово? Очень благоприятно!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вот Человек-Слово, а я — наоборот, Человек-Дело.

МЕМУАРИСТ. О, еще благоприятнее! Премного, премного наслышан о вас обоих, господа, и рад случаю познакомится самолично, чтобы завтра же отразить ваши лица в своих правдивых мемуарах!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Благодарим — не надо. Наши лица в отражении не нуждаются.

МЕМУАРИСТ. О, нет, в отражении нуждаются любые лица! Спросите об этом у нашей глубокоуважаемой...

ВИРШИНИНА. Погодите, достаточно... Человек-Слово, не пора ли вывести из тени вашего молчаливого друга? Почему он так снисходительно скромен, в то время как даже господин Мемуарист рад случаю с ним познакомиться? Представьте же нам этого сфинкса, Человека-Дело!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ваша милость, мой друг, как вы могли заметить, умеет говорить сам.

ВИРШИНИНА. Замечательно. Еще он умеет отменно краснеть — вам бы всем у него поучиться... Говорите же, Человек-Дело, я вас прошу!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что же вам сказать, сударыня?

ВИРШИНИНА. Расскажите, например, что вы умеете?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да, пожалуй, всё, сударыня... Вести дела, обделывать делишки, заключать сделки, отделяться мелкими неприятностями... К сожалению, неприятности — неотъемлемая часть каждого дела... Дело в том, что поделльников больно много, и все суют нос в чужие дела и хотят приобщиться к делу. Что ж делать, приходится делиться, иногда даже с бездельниками... Ничего тут не поделаешь, таков наш удел — как ни крути, а каждому по делам его. Деловые отношения — деловые люди... Такие вот дела, сударыня.

ПОЭТ. Да у вас чудесный слог, уважаемый! Вы не пробовали публиковаться? Нет? Понимаю. Вам всего-то надо — чуть притушить стиль: слово «дело» у вас на каждом шагу.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ну и что с того?

ПОЭТ. Понимаете, родная речь, художественная форма...

БЕЛЛЕТРИСТ. Нельзя повторять одно слово столько раз кряду.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что ж с того! Почему нельзя? Вы, например, хоть слова одного кряду не повторяете, а на деле зато все время об одном и том же говорите! Вы зато мысль одну и ту же без конца по кругу повторяете!

ВИРШИНИНА. Великолепно! Вы нравитесь мне, Человек-Дело. Хотя, вы слишком польстили моим друзьям — насчёт мысли. Дай Бог им займеть хоть одну мысль!.. Но вы на них не обижайтесь, у нас не принято обижаться. В нашем обществе такое правило: не обижаться ни на какую гадость, если она высказана в изящной форме.

ФИЛОСОФ. Гадость в изящной форме сойдет и за остроумие.

БЕЛЛЕТРИСТ. А мерзость в изящной форме — за журналистику.

Смех. Мемуарист вскакивает и — оседает.

МЕМУАРИСТ. Я попросил бы!.. Да, да, не обижаюсь, — изящно.

ВИРШИНИНА. Вот видите, никто ни на кого не обижается. Перед вами самые безобидные люди на свете. Правда же, Человек-Слово?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вам видней, ваша светлость.

ВИРШИНИНА. Вы опять надулись!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет, все в порядке. Только меня немного тревожит мой друг. Обычно Человек-Дело куда как смелее и красноречивее... Не знаю, что это с ним вдруг произошло...

ВИРШИНИНА. Так уж и не догадываетесь!.. А по-моему, он чувствует себя прекрасно. Его речь мне очень понравилась. Слышите, Человек-Дело? Хотите поцеловать мне руку?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Будьте осторожны, коллега! Лучше не делайте этого!
ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Но... Разве от такого отказываются?! Как же можно этого не сделать!?

ВИРШИНИНА. Вот вам рука, целуйте. Вы заслужили.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Пропал!..

ВИРШИНИНА. Целуйте, целуйте! Крепче! Кто же так целует, вы сейчас умрете от скромности! Ну, я не чувствую вашей силы! Еще крепче, сильнее!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Очень... холодная у вас... рука...

ВИРШИНИНА. Жаль, без дежурной фразы не обошлось... Я ожидала от вас большего, Человек-Дело. Впрочем... Что вы так дрожите? Будьте спокойны, я больше не потревожу вас.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Возьмите себя в руки, коллега. Все позади. Вытрите пот со лба.

Человек-Дело лезет в карман, но по рассеянности вынимает вместо платка часы и роняет их.

БЕЛЛЕТРИСТ. Как неаккуратно!

ПОЭТ. Разбились?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да... То есть, нет... Стекло. Ходить — ходят, а вот стекло — вдребезги...

ФИЛОСОФ. К чему бы это? К счастью — к несчастью?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Это к посещению стекольщика. Видимо, вам все же придется воспользоваться его услугами, коллега.

МЕМУАРИСТ. Как, господа! Вы уже знакомы с этим престранным стекольщиком? Ах, ну да, вы же квартируетесь рядом, и как я мог упустить такой момент! Вот ведь презумительный тип, вы не находите?

БЕЛЛЕТРИСТ. Говорите тише, этот самый стекольщик как раз сейчас в доме, на губернаторской половине, работает.

МЕМУАРИСТ. Так я знаю, я его застал!

ВИРШИНИНА. Что за таинственность? Почему нужно говорить тише?

БЕЛЛЕТРИСТ. Как? Ваша милость еще не наслышаны об этом человеке?

ВИРШИНИНА. Вы имеете в виду стекольщика? А кто он, собственно, такой, чтобы мне слушать о нем?

МЕМУАРИСТ. О, вы недооцениваете резонанс, вызываемый этим субъектом, сударыня! Это не просто стекольщик, это весьма загадочный джентльмен! Если вы соизволите, я расскажу вам вкратце...

БЕЛЛЕТРИСТ. Позвольте, братец, но я прежде вас хотел рассказать! А вы влезаете без очереди!

МЕМУАРИСТ. Ну и рассказывайте на здоровье! Посмотрим, что вы там наплетёте.

ВИРШИНИНА. Рассказывайте, господин Беллетрист, только покороче да пояснее.

БЕЛЛЕТРИСТ. Да-да, конечно, я буду баснословно краток; вы знаете, ваша милость, как я умею иногда ценить чужое время... Итак, лобезная моя госпожа, памятен ли вам тот ужасающий сквозняк, что постиг своей участью наш город третьего дня ночью? Понятно и глупому, что такие явления — не в компетенции матушки-природы; тут дело не обошлось без некоторых запредельных сил и организаций, это ясно, как дважды два. Так вот, кое-кому доподлинно известно, что некие близкие к терроризму сообщества специально дули хором во все окна города, чтобы насильно простудить ничего не подозревающих жителей и тем самым создать саботаж и хаос! Мой близкий родственник, источник вполне компетентный, личными своими глазами видел эту организацию, наводящую сквозняки на здоровое население! Но я спешу вас успокоить и даже обрадовать: их жутким планам не суждено было сбыться! Некий бродячий маг, волшебник светлых манипуляций и, вполне возможно, воплотитель самых лучших помыслов человечества, явился запросто в наш городок, чтобы защитить подверженные вражеской простуде организмы местного населения путем чудотворной материализации выбитых сквозняком стёкол. Мне ведомо из почти первых рук, что, когда вечером этот некто входил в городские ворота, целая стая сизарей сопровождала его шествие, а он доставал из своего походного ранца белые теплые буханки, отщипывал от них крошечки и кидал этим птахам. Один мой приятель имеет свою голубятню, правда, в другом конце города, но все его голуби в один голос утверждают, что этот чудо-стекольщик...

ПОЭТ. Пардон, господа! Я не собирался перебивать, но моя поэтическая сущность просто не вынесла такого бессовестного искажения фактов!

БЕЛЛЕТРИСТ. Какое же, позвольте, искажение? Где вы видите факты?

ВИРШИНИНА. Стоп, господин Беллетрист! Пусть и господин Поэт поделится с нами своим знанием дела. Ну-ка!

ПОЭТ. Все было не так, царевна моя! Была ночь, все спали. А этот некто, неизвестно откуда взявшийся, — и вовсе не через ворота он вошел, а перелез, небось, где-нибудь через забор — собрал вокруг себя все отбросы общества: карманных воришек, нищих, беспризорников — и подговорил их поразбивать камнями окна порядочных граждан! Один мой знакомый, благородный торговец, лично видел, как на базарной площади, пока темнело, этот малый вынимал из ранца горстями грязные золотые монеты, отмывал их в каком-то подозрительном растворе и расплачивался со своими наёмниками. А после того, как дело было сделано, он наглым образом появился в ресторацию, всех там перепугал, довел до обморока хозяйку и написал на стекле такое слово, что даже я покраснел бы, если б только рискнул его повторить! Я накоротке с тамошним поваром — он самолично подсмотрел, как этот стекольщик беспрепятственно просочился прямо сквозь стеклянную дверь, после чего долго произносил над камином какие-то заклинания и искал, кого бы и кому принести в жертву! А глаза у него — стеклянные. И весь он как бы излучает холодный пар, а то, на что дыхнет, тотчас превращается в стекло... Я так думаю: он быстро приберет к рукам всё в нашем городе. У меня есть один знакомый ростовщик, подвижник недвижимости, так он сам видел, как этот малый открывал вчера счет в банке — цифра невероятная, я не решусь дословно ее воспроизвести! Столько нулей! И не удивительно — ведь выбито столько стёкол!

ФИЛОСОФ. Да, неопровержимо противоречивые факты!

МЕМУАРИСТ. Все это чушь, блеф, мракобесие! Ищите истину в мелочах! Вы, например, видели, госпожа моя, как он выглядит? Стеклянный взгляд — ещё полбеды. Он весь отточенный такой, замшевокожаный, четкий шаг, меткая рука, прямая речь. Стёкол никогда с собой не носит, и где он их берет для работы — тайна тайн. За спиной всегда ранец, он его никогда не снимает, даже когда спит. Но я — свидетельствую без ложной скромности — сам имел осторожность забраться к нему в номер во время сна...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Чьего сна?

МЕМУАРИСТ. Его, его сна, разумеется... Так вот, я дождался, пока стекольщик перевернется на бок, и втихоря заглянул в ранец. Знаете, что там было? Не поверите — целая гора маленьких кругленьких стеклышек! Знаете, что это было? Не поверите — контактные линзы! Миллион контактных линз! И еще замечу вам, господа, что этот стекольщик..

ВИРШИНИНА (*Встает, идет к выходу*). Вы продолжайте, продолжайте, друзья мои! Надеюсь, господин Мемуарист не последний, кто знает больше всех. Продолжайте без меня, приятного времяпрепровождения!

ВИРШИНИНА уходит. Пауза, замешательство.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот! Единственный человек, который в силах прервать эту затянувшуюся экспозицию! На любом месте, на полуслове!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Красиво, ничего не скажешь! Они прямо замерли!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, положение затруднительное! Единственный зритель ушел, а единственное божество велело продолжать. Бедные искусствовиспытатели! По-моему, коллега, нам пора уйти; дальше будет либо совсем неинтересно, либо чревато неприятностями.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Сейчас, сейчас, коллега, еще только минуточку!

МЕМУАРИСТ. Почему она ушла?

ПОЭТ. Какого рожна нам теперь делать? Стихи, что ли, друг другу читать?

БЕЛЛЕТРИСТ. Не надо было ее пугать! Я нарисовал такую счастливую версию, а вы очернили всё, жлобы!

ФИЛОСОФ. Её напугаешь, как же! Просто она не переносит, когда при ней говорят о других.

ПОЭТ. Да это понятно!

МЕМУАРИСТ. Так чего же вы тут распинались про стекольщиков, если понятно?!

БЕЛЛЕТРИСТ. А кто первый начал?

МЕМУАРИСТ. Кто? Сами вы такой! А кто сценарий писал?

ФИЛОСОФ. А идею, идею кто подкинул?!

ПОЭТ. Кто! А не надо было подхватывать! Идея — не триппер!..

ДРАМАТУРГ. Послушайте, друзья! Я вот стою тут в углу и думаю: а не написать ли трагедию? Да, да, что вы смеетесь? Трагедию! Что же смешного в трагедии, не понимаю?

Искусствовиспытатели смеются.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Уходим, коллега.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да, пожалуй, пора. Эх, часов жалко!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Надо говорить: часы жалко.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Жалко времени. Зря мы все-таки напились!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Мы больше не будем.

Уходят.

4. ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Комната Вишининой. Посредине — большое зеркало. ВИРШИНИНА стоит напротив него — сначала молча, как бы отдыхая, а затем начинает беседовать сама с собой, одушевляя свое отражение.

- Ну, добрый вечер, ваше одиночество!
- Здравствуйте, ваше одиночество.
- Почему ты задержалась, почему опоздала? Я так соскучилась!
- Ты же сама прекрасно знаешь — эти гении, я не могу оставить их без внимания! Они так одиноки. Они так меня любят...
- Любят? Они? Ты действительно так думаешь?.. О, ваше одиночество, как вы наивны!.. Они опять пытались тебя развлечь?
- Пытались.
- У них ничего не вышло?
- Как всегда.
- Но почему?
- Вы знаете: меня всегда занимало и занимает только то, что касается вас, ваше одиночество, а они никак не могут удержаться в рамках этой темы. Все они — рано или поздно — сворачивают любой разговор на себя. Меня это так бесит, я еле сдерживаюсь!.. А сегодня они вообще дошли до того, что наперебой стали рассказывать про какого-то совершенно постороннего человека, стекольщика, какую-то совершенно постороннюю историю!
- Как знать, радость моя, а что, если история, которую ты сегодня считаешь посторонней, завтра заденет тебя самым непосредственным образом? Может, даже раньше, чем завтра... Разве с тобой никогда такого не случилось?
- Случалось, даже не раз, но... Но эта история здесь совсем не при чем.
- Любая история, которую ты слышишь — хоть краешком уха, — не случайна. Все, что попадает тебе под руку, оставляет на ней отпечаток; все, что попадает тебе под ноги, корректирует твой путь. Запоминай, радость моя.
- Не будь занудой, радость моя. Я так долго ждала нашей встречи не для того, чтобы выслушивать поучения.
- Это не поучения, ваше одиночество, это всего лишь ваши собственные соображения, высказанные вслух.
- Вот это-то и обидно! Стоило всю жизнь бежать от учителей и советчиков, чтобы потом выслушивать вдруг поучения от себя самой!
- Тогда не слушай их.
- Ну, не слушать себя — это тоже идиотизм.

— Тогда я не знаю, чего ты хочешь! Тебе ничем не угодишь! Вечная привередливость!

— Ну ладно, извини, радость моя, — ты видишь, я сегодня опять слегка не в духе... Эти мои друзья!..

— Они не друзья тебе, как ты этого не понимаешь! У тебя нет и не может быть друзей, кроме меня!

— Это правда. Я и не хочу, чтобы они у меня были. У меня, слава Богу, есть ты, мое отражение, — этого вполне достаточно. И никого мне больше не нужно... Знаешь, я иногда думаю: пропади вдруг кто-нибудь, например, из тех же друзей искусствовиспытателей — я и не замечу этого. А вот если бы исчезли вы, ваше одиночество, я не знаю, что бы со мной стало! Я бы не пережила...

— Пережила бы, не преувеличивай.

— Нет, не пережила бы, точно. Но, к счастью, легче потерять лицо, чем отражение.

— Э! Не шути так, не играй словами: слова не игрушка! Софистика до добра не доведет. Лучше подари эту фразу одному из своих искусствовиспытателей: они обожают дешевенькие пассажи.

— Опять искусствовиспытатели... Как они мне наскучили, если бы ты знала! Чего они хотят? Зачем сбегаются сюда?

— Ты сама сказала: они одиноки.

— Одиноки!? Да что знают они об одиночестве? Их же так много — и все поют об одиночестве!

— У каждого свое одиночество. Ты своим слишком дорожишь, а другому оно в тягость, он не знает, куда бы его сбыть... Сколько людей — столько одиночеств.

— А я не понимаю, почему люди страдают от одиночества! Какое может быть одиночество, когда в мире так много зеркал!? Захотел себе идеального собеседника — вот он, пожалуйста! Захотел полную противоположность, антипода, — можно и так, смотря как на это посмотреть. Зеркало — это ведь великое изобретение, величайшее! Не изобретение — чудо! Чудо!.. Ты смеешься? Почему?

— Я вдруг представила, радость моя, одного из этих пресловутых искусствовиспытателей, который пытается описать вот эту нашу нынешнюю сцену! Это получилось так смешно!

— Почему?

— Потому что неправдоподобно!

— Что? Сам разговор с отражением или то, о чём он?

— Да всё — и то, и то. Все это, ваше одиночество, совершенно непохоже на правду... Почему-то правда всегда похожа на что угодно, только не на саму себя. Вот это-то — смешнее всего!..

В дверях появляется ЛЕОНИД ЛЕОНИДУС, и Вишинина замечает его отражение в зеркале.

ЛЕОНИДУС. У правды нет своего лица.

ВИРШИНИНА. Кто здесь?

ЛЕОНИДУС. Я, ваша милость.

ВИРШИНИНА. Вы... стекольщик?

ЛЕОНИДУС. Да, я стекольщик. А как вы догадались?

ВИРШИНИНА. По ранцу. Ваш ранец стал притчей во языцех.

ЛЕОНИДУС. Вот как... Быстро. Тогда разрешите представиться — меня зовут...

ВИРШИНИНА. Разрешаю не представляться. Ваше имя я тоже знаю.

ЛЕОНИДУС. Даже так?

ВИРШИНИНА. Леонид Леонидус?.. Только не подумайте ничего лишнего, просто мне самым назойливым образом прожужжали о вас все уши с полчаса тому назад.

ЛЕОНИДУС. Ясно. Новый человек в старом городе... И что же обо мне опять рассказывали? Уверен — что-нибудь плохое.

ВИРШИНИНА. Кто как. Было кое-что и хорошее, но плохого действительно больше. Или оно лучше запоминается?

ЛЕОНИДУС. Да, в дурное охотнее верится, у дурного легкая рука.

ВИРШИНИНА. Хм... С вами интересно разговаривать... Ну что же, будем знакомы, господин стекольщик: Виршинина В.

Виршинина протягивает руку для поцелуя, но Леонидус лишь пожимает ее своей рукой в перчатке.

Да вы и вправду... стекольщик!

ЛЕОНИДУС. Что у вас с рукой?

ВИРШИНИНА. Это? Это поцелуй одного джентльмена.

ЛЕОНИДУС. Поцелуй? Я думал, это укус.

ВИРШИНИНА. Что ж делать — таковы джентльмены! Они либо лизжут, либо прокусывают. Вот и этот — сперва лизнул, а потом... Я не встречала еще мужчину, который смог бы именно поцеловать!

ЛЕОНИДУС. Это труднее всего. Всего большего и всего меньшего.

ВИРШИНИНА. А вы... способны на поцелуй? Отвечайте!

ЛЕОНИДУС. Я не знаю. Я не задумывался... Я сперва подумаю, прежде чем ответить на ваш вопрос.

ВИРШИНИНА. Значит, вы не торопитесь?

ЛЕОНИДУС. Скорее, нет. А я вас не задерживаю?

ВИРШИНИНА. Все-таки вы невоспитанны — вы отвечаете вопросом на вопрос!

ЛЕОНИДУС. Это не так, я всегда сначала давал вам ответ, а уж после — спрашивал.

ВИРШИНИНА. Разве? Возможно-возможно... Так вы уже сделали свою работу?

ЛЕОНИДУС. Да, ваша милость, я заменил все выбитые стекла в доме.

Вас теперь не должны беспокоить сквозняки.

ВИРШИНИНА. Спасибо.

ЛЕОНИДУС. Я уже собирался уходить... и тут случайно услышал ваш голос... случайно вас заметил... Мне уйти?

ВИРШИНИНА. Глупый вопрос! Погодите, не уходите... О чем бы нам еще поговорить?.. Вы давно в стекольщиках?

ЛЕОНИДУС. Давно.

ВИРШИНИНА. Странно. Я никогда бы не подумала, что вот так выглядят стекольщики. Впрочем, я никогда их не видела, даже не думала о них.

ЛЕОНИДУС. Вы, наверное, полагали, что они прозрачные?

ВИРШИНИНА. Может быть... Знаете, у вас очень необычный взгляд. И голос — будто по стеклу железом.

ЛЕОНИДУС. Вы боитесь меня?

ВИРШИНИНА. Я? Нисколько. С чего вы взяли?

ЛЕОНИДУС. Не бойтесь. У меня действительно странный взгляд, но я больше не буду на вас смотреть. Чтобы не сглазить.

ВИРШИНИНА. Говорю же вам: я не боюсь! Вы какой-то... дерзкий!.. Так вы готовы ответить на мой вопрос? Способны вы на поцелуй, господин стекольщик?

Леонид Леонидус подходит к Виршининой, крепко ее обнимает и целует.

ВИРШИНИНА. Вы пьяны?

ЛЕОНИДУС. Трезв, как стеклышко.

ВИРШИНИНА. Отпустите меня... Дыхните, пожалуйста.

ЛЕОНИДУС. Зачем?

ВИРШИНИНА. Говорят, всё, на что вы дышите, превращается в стекло.

ЛЕОНИДУС. Вам так хочется превратиться в стекло?

ВИРШИНИНА. Мне хочется доказать вам, что я вас не боюсь! Дыхните!

ЛЕОНИДУС. Х-х-х... Вы довольны?

ВИРШИНИНА. Вам пора! Ступайте, господин стекольщик!.. Стойте, подождите. Закройте дверь. Вот так. А теперь вот что — раскройте мне ваш секрет!

ЛЕОНИДУС. У меня много секретов. Какой именно вы хотите узнать?

ВИРШИНИНА. Что у вас в ранце?

ЛЕОНИДУС. Кукушка.

ВИРШИНИНА. Какая кукушка?

ЛЕОНИДУС. Обычная кукушка, из часов, не живая, механическая.

ВИРШИНИНА. Вы не хотите отвечать?

ЛЕОНИДУС. Я уже ответил.

ВИРШИНИНА. Это не ответ, это отговорка! Вы всё-таки очень дурно воспитаны! Да вы просто наглец! Почему вы все время отворачиваетесь? Мало того, что вы стоите к даме спиной, вы еще и позволяете себе не отвечать!.. Вы понимаете, с кем имеете дело? Достаточно одного моего слова, чтобы вас тотчас...

ЛЕОНИДУС. Достаточно одного моего взгляда, чтобы навсегда сделать вас счастливой, ваша милость. Или несчастной — как вы сами выберете.

ВИРШИНИНА. Что вы такое говорите? О чем вы? С какой стати? Зачем вы закрыли глаза? Откройте немедленно!

ЛЕОНИДУС. Незачем. Я вижу все и с закрытыми глазами. Все вижу.

ВИРШИНИНА. Что вы видите?

ЛЕОНИДУС. Сейчас я, например, вижу, что вам стало не по себе. Так?

Вы будто бы ищете, куда спрятаться. А вот сейчас вы поглядели в зеркало, на свое отражение, вы как бы ищете у него поддержку...

ВИРШИНИНА. Вам показалось... Вы всё врете... Подите же прочь!..

ЛЕОНИДУС. Как вам будет угодно.

ВИРШИНИНА. Стойте! Остановитесь! Я ничего не понимаю...

ЛЕОНИДУС. Это легко объяснить: просто у вас, сударыня, нет сердца, а одним умом многое не поймешь. Вот вы и мечетесь.

ВИРШИНИНА. Нет сердца? Что за вздор!

ЛЕОНИДУС. Я вижу вас насквозь, ваша милость, — я стекольник! Я знаю доподлинно, что у вас нет сердца. Вы жестоки. Вы никого не любите, кроме себя, вы и не испытываете такой потребности — любить. Вы хладнокровны и рассудительны, как все эгоисты. Такова ваша броня, но она прочна лишь до поры до времени. Любая броня способна выдержать только внешние нападки, но самый коварный враг всегда нападает изнутри. Я знаю это доподлинно, потому что у меня у самого нет сердца!

ВИРШИНИНА. Все это ложь!

ЛЕОНИДУС. Все это правда, только вы закрыли на нее глаза. И вы все время от нее отворачиваетесь.

ВИРШИНИНА. Как вы смеете передразнивать меня!

ЛЕОНИДУС. Что вас передразнивать! Посмотрите еще раз в зеркало — вы и так... уродливы.

ВИРШИНИНА. Что!? Как вы осмеливаетесь так неслыханно врать!?

ЛЕОНИДУС. Я не вру.

ВИРШИНИНА. Врёте!

ЛЕОНИДУС. Нет... Вот видите, у вас не хватает сил, чтобы как следует рассердиться, чтобы схватить меня за шиворот и вытолкнуть за дверь, — вы чувствуете, что прав-то все-таки я.

ВИРШИНИНА. Чушь! Мне просто не пристало марать руки! Мне просто любопытно — не каждый день увидишь сумасшедшего.

ЛЕОНИДУС. А разве своего отца вы видите не ежедневно?

ВИРШИНИНА. Замолчите! Не смейте говорить об отце!..

ЛЕОНИДУС. Простите. Я, кажется, действительно переборщил. А в остальном... Я, видите ли, привык заглядывать в самый корень, а не скользить по поверхности.

ВИРШИНИНА. Как самодовольно, как самонадеянно!.. Да откройте же глаза, хватит ломаться!.. Когда вы молчите, у вас нормальный человеческий взгляд. Только очень печальный почему-то... Вы что?

Стекольщика вдруг начинает пошатывать, он теряет равновесие и шарит вокруг руками, как слепой.

ЛЕОНИДУС. Дайте мне руку!

ВИРШИНИНА. Вот еще... Зачем вам? Не дам!

ЛЕОНИДУС. Дайте, или я упаду!

ВИРШИНИНА. Еще чего надумали! Вам что, плохо?

ЛЕОНИДУС. Очень плохо, очень, сударыня... Давайте руку! Видите, у меня кружится голова!

ВИРШИНИНА. Сумасшедший, ей богу! Я никогда не подам вам руки! Стекольщик!

ЛЕОНИДУС. У меня все плывет перед глазами... Где вы? Где мой ранец?

ВИРШИНИНА. Да что с вами? Я здесь, и ранец здесь! Вы что, ослепли!

ЛЕОНИДУС. Мои глаза! Где они?

ВИРШИНИНА. Бросьте! Прекратите паясничать! Я сейчас позову прислугу, и вас выведут!

ЛЕОНИДУС. Не надо... Как все глупо...

ВИРШИНИНА. Что вы делаете?! Встаньте сейчас же с колен!

ЛЕОНИДУС. Не могу, у меня голова кружится. Да подайте же мне руку! Неужели вы не видите, что мне действительно плохо?!

ВИРШИНИНА. Плохо!.. По-моему, вы притворяетесь... Вы что-то задумали... Нет, я лучше позову кого-нибудь на помощь!

ЛЕОНИДУС. Не надо! Черт возьми, я прошу у вас только руку! Только руку!

ВИРШИНИНА. Черт с вами, вот вам рука! Только не рассчитывайте на большее! Я знаю: дашь вам руку, а вы попросите и...

ЛЕОНИДУС. Сердца я не попрошу, не беспокойтесь; я же в курсе, что у вас его нет. Поэтому вашей руки мне вполне достаточно, чтобы...

ВИРШИНИНА. Чтобы что?

ЛЕОНИДУС. Чтобы обрести равновесие.

ВИРШИНИНА. Ну, обрели?

ЛЕОНИДУС. И чтобы... чтобы завладеть вами.

ВИРШИНИНА. Что?! Это уже перешло все грани! Отдайте руку! Отдайте руку, я сказала!

ЛЕОНИДУС. Вы испугались? Глупо... глупо...

ВИРШИНИНА. Все, хватит, ступайте прочь, немедленно! Сейчас же!

Ступайте и не возвращайтесь никогда! Ну, вставайте!

ЛЕОНИДУС. Как глупо... Вы же меня не поняли, вы же меня неправильно поняли!.. У меня что-то с глазами... с головой...

ВИРШИНИНА. По-моему, вы ее потеряли.

ЛЕОНИДУС. Ошибаетесь, ваша милость, я никогда не теряю головы.

Но перед вами я готов ее склонить.

ВИРШИНИНА. Перед моим-то уродством?.. Ну, хватит! Головы, руки, глаза, сердца! Достаточно анатомии, господин стекольщик! Вставайте и уходите! Ноги вам не отказали?

ЛЕОНИДУС. Минуту, еще одну минуту! Я всё вам объясню!

ВИРШИНИНА. Хватит ли минуты, чтобы объяснить все!

ЛЕОНИДУС. Я не хотел вас ни пугать, ни оскорблять; я, наоборот, хотел вас спасти! Я хочу вас спасти! Я могу это сделать, я спасу вас! Вы должны верить мне на слово! Поймите же!

ВИРШИНИНА. Что понять, не понимаю?

ЛЕОНИДУС. Поймите: вы должны стать моей! Мы должны быть вместе! Станьте моей! Только мы можем еще спасти друг друга!.. Жить без сердца — это ведь так невыносимо!

ВИРШИНИНА. Вы бредите, что ли? Редкостный бред!..

ЛЕОНИДУС. Вот! Вы спрашивали, что у меня в ранце, — вот, смотрите!

Снимает со спины ранец, горстями достает оттуда бриллианты и раскидывает их по полу у ног Виршининой.

Это — богатство! Несметное богатство! У моего ранца нет дна, его закрома неисчерпаемы. И все это — ваше! Только будьте моей!

ВИРШИНИНА. Женой?

ЛЕОНИДУС. Хоть женой, хоть подругой, хоть любовницей — не имеет значения! Кем угодно! Сестрой, матерью! Рабыней или повелительницей — мне все равно! Только будьте рядом, всегда! Мы можем спасти друг друга!

ВИРШИНИНА. Какой высокий слог, какой пафос! Вы, часом, не искусствовиспытатель? Уж не артист ли вы, стекольщик?

ЛЕОНИДУС. Не издевайтесь, это слишком серьезно.

ВИРШИНИНА. Спасибо за предложение, господин сумасшедший стекольщик, но я не нуждаюсь в спасении, мне не требуется никакая помощь. Разговор окончен.

ЛЕОНИДУС. Вы на самом деле превратились в стекло... Как объяснить вам?!

ВИРШИНИНА. И объяснения мне тоже не нужны. Я уже достаточно поняла.

ЛЕОНИДУС. Нет, стойте! Я спрашиваю вас еще раз: не согласитесь ли вы стать моей? Хотите вы спастись? Да или нет?

ВИРШИНИНА. Спасти от чего?

ЛЕОНИДУС. От себя! От своей бессердечности! Нет или да?

ВИРШИНИНА. Мое спасение — это мое личное дело.

ЛЕОНИДУС. Так да или нет?

ВИРШИНИНА. Нет, мой спаситель. Вы надоели мне, у меня мигрень начинается...

ЛЕОНИДУС. Какая такая, к чертям собачьим, мигрень!

ВИРШИНИНА. Не орите! Вы больны, господин стекольщик! Вы просто больны. Только поэтому я проявляю к вам такую терпеливую снисходительность... Будьте же так добры, соберите с пола эти побрякушки и отправляйтесь к себе домой; вам необходимо полежать. Выспитесь — и все пройдет. Сны — незаменимое лекарство... Ну вот, у вас опять стекленеют глаза. Нельзя так много работать, господин стекольщик! Ступайте, я прощу вас. Обо мне не беспокойтесь, я в силах позаботиться о себе сама, я не кисейная барышня.

ЛЕОНИДУС. Так вы не ответили: да или нет? Еще есть возможность...

ВИРШИНИНА. Я ответила «нет», и довольно твердо! Как же вы этого не заметили? Ну ничего, вот отдохнете — будете внимательнее. До свидания. А лучше — прощайте!

ЛЕОНИДУС. Значит, «нет» — это ваше последнее слово?

ВИРШИНИНА. «Нет» — это мое первое слово. Но для вас, я надеюсь, оно станет последним. Нет.

ЛЕОНИДУС. Ну хорошо... Так вы у меня пожалеете! Вы у меня... вы у меня поплачете еще!

ВИРШИНИНА. Подите вон!

ЛЕОНИДУС. Я уйду, теперь я уйду. Пусть все будет не так, как хотелось, пусть! Видимо, не очень хотелось. Или — не всем... Пусть. Вы не приняли самое дорогое, что есть у меня, так я отберу самое дорогое, что есть у вас! Прощайте. А лучше — до свидания.

Леонид Леонидус уходит. Виршинина подходит к зеркалу, смотрит на отражение, прикладывает ладонь к сердцу.

ВИРШИНИНА. Сердце. Есть... Есть. А у вас, ваше одиночество? (*Прикладывает ладонь к зеркалу.*) Нет?

Отворяется дверь, за ней беспомощной кучкой стоят искусствоведы.

БЕЛЛЕТРИСТ. Извините за поздний визит, ваша милость, но там опять сквозняк!.. С вами все в порядке?

ВИРШИНИНА. Вы еще здесь?

ПОЭТ. Мы... Там с зеркалами какая-то ерунда полная! Какая-то... путаница! По всему дому...

МЕМУАРИСТ. Не поверите, ваша милость: они все — зеркала-то — как бы погасли, потухли, будто выключились! Как телевизоры: щёлк! — и все, аут!

ФИЛОСОФ. Не отражают, ваша премилость! Не зеркала теперь — просто матовые стекла.

ДРАМАТУРГ. На самом-самом деле!

ВИРШИНИНА. Оставьте меня, я занята! Мое зеркало прекрасно отражает. С другими — разбирайтесь сами. Доброй ночи, закройте дверь.

Дверь закрывают. Виршинина замечает вдруг в зеркале отражение Леонида Леонидуса. Она оглядывается, но в комнате стекольщика не находит.

ЛЕОНИДУС (*отраженный*). Напрасно вертитесь, сударыня, — я только здесь, в зеркале. Я ненадолго, я вернулся, чтобы... выключить свет. Энергию, знаете ли, экономить надо, а то ведь на всю жизнь не хватит... Спокойной ночи!

Отраженный Леонидус нажимает на отраженный выключатель — и зеркало гаснет, отражение исчезает, съезжившись от периферии к центру... Виршинина стоит некоторое время ошарашенно-неподвижно, потом оглядывается на реальный выключатель возле двери, хочет к нему подойти, но поскользывается на рассыпанных бриллиантах и, вскрикнув, падает. Отворяется дверь (в проеме заметны лица искусствовиспытателей), вбегают Слуга.

СЛУГА. Что с вами, ваша милость? У вас крови! Вы поранились? Откуда тут столько осколков? Это сквозняк?

ВИРШИНИНА. Это бриллианты, Иваныч. Я, кажется, разбогатела...

СЛУГА. Простите, ваша милость, но вы ошибаетесь. Это — битое стекло. Смотрите, вы даже порезались. И тут!.. О-хо-хо! Давайте, я помогу вам подняться. Обопритесь на мою руку!

ВИРШИНИНА. Нет, уйдите! Я сама. Уйдите все, слышите! Оставьте меня — сколько можно!..

СЛУГА. Простите, ваша милость.

Слуга уходит, затворив дверь.

ВИРШИНИНА. Я сама. Я сама...

5. ЭХО

Губернаторский дом. Комната, некогда служившая для Виршининой детской. Сейчас она полузаброшена: в углу валяются старые игрушки, на стене — пара потухших зеркал, столик...

Слуга вводит в детскую Человека-Слово.

СЛУГА. Госпожа Виршинина велела проводить вас сюда. Она сейчас придет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Хм, никогда не бывал в этой комнате. Это что, Иваныч, — детская?

СЛУГА. Бывшая детская, потом отроческая. А после она долгое время пустовала, всю юность здесь даже не делали уборку. А тут — ну, с тех самых пор, как в городе зеркала погасли, — госпожа вдруг про эту комнатку вспомнила и сидит в ней уже вторую неделю почти безвылазно, всё одна да одна!.. Ну, я пошел.

Слуга уходит.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Человек-Слово дожидался Виршининой В. в ее бывшей детской. Отсутствие в доме толпы искусствовиспытателей сперва приятно его удивило, но потом несколько обескуражило. Он подошел к зеркалу, чтобы проконтролировать свою опрятность, и в сотый раз поймал себя на привычке — уже больше недели ни одно зеркало в городе не отражало никого и ничего...

ВИРШИНИНА (*входя*). Здравствуйте, Человек-Слово.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Добрый день, сударыня.

ВИРШИНИНА. Я тоже поймала вас на привычке — привычке комментировать.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что ж, значит, я попался сразу на двух привычках.

ВИРШИНИНА. Вы получили моё приглашение?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Иначе бы меня здесь не было, сударыня. Я имею в виду — я бы не решился... Получив вашу записку, я принял ее поначалу за фант, так сказать, за розыгрыш. Я был уверен, что встречу здесь еще некоторое количество приглашенных...

ВИРШИНИНА. Приглашение было отправлено только вам. Мне действительно необходимо поговорить с вами тет-а-тет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я польщен.

ВИРШИНИНА. Бросьте... Хотите чаю? Кофе?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет. Честно нет.

ВИРШИНИНА. Тогда курите. Вот сигареты, вот пепельница, абсолютно чистая. Вот спички.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Спичка тут только одна... Значит, вы забыли, В. В., что я не курю?

ВИРШИНИНА. Нет, не забыла. Просто я проверяю, насколько за это время вы изменили себе. Насколько вы изменились.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я изменился, но себе не изменял... А вы курите, мне нравится, когда при мне курят. Некоторым женщинам это очень идет.

ВИРШИНИНА. Я бросила... Кстати, почему вы не скажете мне, как я выгляжу?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы отлично выглядите, сударыня.

ВИРШИНИНА. Ну вот... Зачем соврали? Я же вижу, что соврали.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Compliment — не вранье. И потом, вы же сами напросились, хотя прекрасно знаете, что я не мастер... Или это... опять проверка?

ВИРШИНИНА. Вероятно, вы — из тех людей, что тренируются во вранье перед зеркалом. Нет тренажера — и вы потеряли форму, врете неубедительно, гримасничаете. Смотрите, не попадите где-нибудь впросак.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Лучше тренироваться перед зеркалом, чем на живых людях... А с каких это пор, сударыня, вы стали так чувствительно реагировать на ложь?

ВИРШИНИНА. Она всегда была мне противна. Разве вы не испытали этого на себе?.. Только раньше ложь, с которой мне приходилось иметь дело, называлась лестью... Впрочем, хватит взаимных выпадов! Всю эту неделю я никуда не выходила, ни с кем не общалась. Расскажите мне, что происходит в городе? Вы, должно быть, понимаете, что меня интересует?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Понимаю, но не уверен, что правильно... По большому счету, ничего не происходит, сударыня. То есть, зеркала как погасли, так и погасли, не отражают. Мало того, все блестящие предметы блестят вполсилы и тоже не отражают, вода — и та не отражает, и даже фотопленка ничего не фиксирует — засвечивается. Горожане лишились всякой возможности видеть себя со стороны, на память о собственных персонах им остались только старые фотографии. Все очень сокрушаются, что вымерли художники-реалисты, — вот где сейчас конъюнктура-то!.. Но все это было сенсацией дня полтора, не больше. Потом все успокоились и привыкли. Поэтому я и говорю вам: ничего особенного не происходит, сударыня, все в городе идет своим чередом.

ВИРШИНИНА. Привыкли? Конъюнктура?.. Замечательно! Но хоть слухи-то ходят? О причинах что-нибудь болтают?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. О причинах столь странного явления, хотите вы сказать?.. Слухи-то ходят, но как-то вяло, не задевая подробностей...

ВИРШИНИНА. Говорите, говорите, договаривайте! Что там рассказывают?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Н-да... Первый раз приходится комментировать сплетни...

ВИРШИНИНА. Я вас заранее извиняю. Я прошу.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну, в общем... говорят в основном про вас и про этого стекольщика Леонидуса. Про то, что он, мол, влюбился в вас до безумия, предлагал вам руку и сердце, что вы ему отказали и тогда он вам в отместку погасил все зеркала в городе, предварительно спрятавшись по ту их сторону, в так называемом зазеркалье. Господин Мемуарист в лицах описывает, как в тот вечер он встретил на вашей лестнице стекольщика, который был сильно возбужден и сверкал своими глазищами. Мемуарист справился о его здоровье, а стекольщик попросил подсадить, и когда Мемуарист, согнувшись, подставил ему спину, Леонидус залез в небольшое зеркало, будто в окошко, усмехнулся и пошел искать какой-то выключатель... Но я думаю, что все это — сказки.

ВИРШИНИНА. Это почти правда, Человек-Слово.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Почти?

ВИРШИНИНА. Это правда, за исключением подробностей, — Мемуарист, как обычно, подтасовывает под себя.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Значит, правда. Я так и знал...

ВИРШИНИНА. Да, правда... Знаете, вот этой пепельнице — сто лет, если не больше. Когда я была совсем маленькой, я с ней играла — надевала на голову вместо шлема... И видите теперь? Не отражает! Я полдня собственноручно терла ее песком, у меня все ладони в мозолях... Даже старые, добрые, любимые вещи не отражают! Не отражают!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы плохо спите?

ВИРШИНИНА. Это заметно?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не буду врать — заметно. У вас круги под глазами, вы похудели. И вообще...

ВИРШИНИНА. Я почти не сплю... Впрочем, какая там разница, как я выгляжу, если я сама все равно не могу этого увидеть!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Мне кажется, сударыня, вы преувеличиваете значение случившегося. Это не такое уж горе — зеркала, которые не отражают. Например, лично меня это, конечно, беспокоит, но в гораздо меньшей степени. Я, как и многие другие, не вижу здесь повода впадать в уныние и не спать ночами. Сперва — да, было и неудобно, и непривычно, а теперь ясно, что ничего страшного. Если бы отключили свет или, там, горячую воду, было бы куда как не-

удобнее! А зеркала — это, простите, излишество, почти роскошь. Не согласны?

ВИРШИНИНА. Только мужчина может так рассуждать!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. О, вы, оказывается, плохо знаете тех, кого зовете мужчинами; некоторые из них в зеркалах нуждаются еще больше, чем дамы. Да и остальные — мы же бреемся, сударыня!

ВИРШИНИНА. И как же вы теперь бреетесь?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Так, на ощупь. Попривык.

ВИРШИНИНА. Оно и видно, что на ощупь... А вот я не хочу привыкать! Почему я должна привыкать?! И ради чего я должна отвыкать? Я вообще не понимаю, что происходит! Почему ничего не происходит? Какой-то негодяй, пройдоха украл, можно сказать, целый город — отражение целого города! А никому до этого дела нет, все помалкивают, никто ничего не предпринимает, все ходят чумазые и бреются на ощупь! Гуманисты!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Но подумайте сами, сударыня, что же тут можно предпринять? Вы же образованная женщина, вы же, в конце концов, дочь губернатора, — вы же лучше моего должны знать, что ответственность за кражу отражений никаким законом не предусмотрена. Это противоречит здравому смыслу; потушенные зеркала — это небылица, в природе такого быть не может!

ВИРШИНИНА. Но ведь есть!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. К сожалению, сударыня, с формальной точки зрения, законы юриспруденции несколько законнее законов природы — вот в чем тонкость. Если бы этот ваш стекольщик украл бы что-либо из этой стороны жизни, из этого города — вот тогда бы его можно было засудить, привлечь к ответственности, а так... Абсурд ненаказуем, сударыня, галлюцинации неподсудны, даже если они массовые!

ВИРШИНИНА. Да о чем вы говорите! При чём здесь закон! Какой закон, какое «засудить»? Разве в этом дело? Разве я вас для этого звала?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А я не знаю, ваша милость, зачем вы меня звали. Вы мне не объяснили ничего.

ВИРШИНИНА. Разве я еще не сказала?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ни словечка, сударыня.

ВИРШИНИНА. Ну да, конечно... Всё эмоции... Оставим их. Вот что я, собственно, хотела. Вы же в недавнем прошлом — сказочник...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. О, в давнем, сударыня, уже в очень давнем! Не стоит вспоминать эту одиозную главу моей биографии.

ВИРШИНИНА. Нет, давайте вспомним.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не стоит, ей богу!

ВИРШИНИНА. Придется вспомнить. Я так хочу! Мало того, если вы будете упорствовать в обратном, я заставлю вас вспомнить!

Виршинина подходит к дверям и запирает их на ключ.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Однако...

ВИРШИНИНА. Сидите, чего вы вскочили? Сидите смирно, я ничего вам не сделаю.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что ж... Я вынужден быть весь к вашим услугам, ваша... милость!

ВИРШИНИНА. Вы можете звать меня, как прежде, — В. В.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. К чему эта бесцеремонность? Говорите прямо — что вам от меня надо?

ВИРШИНИНА. Прямо — так прямо. Итак, вы признаете себя сказочником?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Бывшим сказочником.

ВИРШИНИНА. Годится... Ради меня, ради нашей прошлой дружбы (а прошлая и прошедшая — это ведь не одно и то же, согласитесь), ради этого нашего чувства можете вы на некоторое время вернуться к вашему прежнему ремеслу? Совсем ненадолго, на один сюжет!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Смотря что от меня потребуется.

ВИРШИНИНА. Всего-ничего, Человек-Слово! Вы только подскажите мне кое-что, проясните ситуацию. Расскажите мне эту сказку, как вы лично её понимаете!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. В детском адаптированном пересказе?

ВИРШИНИНА. Нет, в нормальном взрослом... Ну давайте вместе попробуем раскрутить эту фабулу, без вас она застопорилась на самом неподходящем месте! Ну, сообщца!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Сообщца?.. Ладно, давайте попробуем. Начинайте, госпожа соавтор.

ВИРШИНИНА. Итак, это такая сказка. В ней у нас есть героиня — положительная, можно сказать, героиня... Чего вы так ехидно улыбаетесь? По-вашему, я на положительную героиню не тяну?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Как поглядеть... Нет, по большому счету, вы все-таки ближе к положительной.

ВИРШИНИНА. Спасибо и на том... Вы с каждым словом становитесь откровеннее: сказки хорошо на вас влияют.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Как и на всех.

ВИРШИНИНА. Дальше: есть злодей, антигерой, который оскорбил и обокрал бедную девушку. А вместе с нею и весь город поставил, мягко говоря, в неловкое положение. Целый город оставил без зеркал! Негодяй! Сволочь!.. Простите.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ничего-ничего, я понимаю вашу пристрастность, ваше сопереживание нуждам жителей города.

ВИРШИНИНА. Откуда вы нахватили столько желчи? Раньше этого в вас не было.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ближе к делу, сударыня.

ВИРШИНИНА. Хорошо...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот что. Я боюсь, что вы все слишком упрощаете.

Героиня, антигерой... Этого-то я и опасался. Сочинения ваших друзей-приятелей испортили вам вкус.

ВИРШИНИНА. Но ведь это — сказка!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Для кого как, ваша милость. И потом, сказка сказке рознь.

ВИРШИНИНА. Пусть так, вам виднее. Но что же все-таки должно быть дальше? Ведь что-то должно быть дальше!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да... Я прекрасно понимаю, ваша милость, к чему вы клоните. По вашей логике — дальше должен появиться положительный герой, этакий Ланселот, рыцарь на белом коне. К этому вы клоните? И он должен, ну просто обязан — по вашей логике вещей — спасти героиню, вернуть ей утраченное, наказать злодея стекольника и вернуть городу пропавшее отражение...

ВИРШИНИНА. Именно!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну а потом — свадьба и все такое прочее.

ВИРШИНИНА. Э, нет, вы вперед не забегайте, господин бывший сказочник! Какая свадьба? С кем? Где этот ваш обещанный рыцарь?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Во-первых, не мой, а ваш; а во-вторых, я вам его не обещал, я только сказал, что такое появление возможно — в том лишь случае, если все будет развиваться по вашим, так сказать, заявкам, то есть, как в сказке. Но лично я не уверен в сказочности происходящего!

ВИРШИНИНА. А потушенные зеркала? Разве это не сказочно?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не очень. Современная действительность способна и не на такое, знаете ли...

ВИРШИНИНА. Ко всему прочему, вы еще стали скептиком.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я стал реалистом.

ВИРШИНИНА. Пока вы вновь не сделаетесь сказочником, я вас отсюда не выпущу! Не забывайте про это! Или вы настолько стали реалистом, что решитесь отнять у меня ключ силой?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Сила — это ваш метод, В. В. Я просто вынужден вам подчиниться. Поэтому давайте продолжать вашу историю.

ВИРШИНИНА. Отлично. Мы остановились на герое. Объясните мне, где он застрял и когда, наконец, соизволит явиться? Чем пожимать плечами, лучше бы мозгами пораскинули!.. Да хоть бы какой, хоть бы и не на белом коне, а пешочком... Так никакого же нет! Наоборот — всех поклонников как сквозняком сдуло! Всю эту неделю в доме ни одного искусствовиспытателя! Глухо! А ведь какие слова писали, какие рисовали перспективы! Жизни клялись отдать! Вероломцы...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Может быть, сударыня, они стесняются: побриты кое-как, не примазаны, не прилизаны — какие из них теперь поклонники!

ВИРШИНИНА. Зря вы фискалите, милый мой Человек-Слово. Вы, между прочим, такой же, из тех же искусствоиспытателей — даром, что бывший. Не позови я вас по старой дружбе — и не подумали бы зайти проведать.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Подумал бы. Но не зашел бы...

ВИРШИНИНА. Так что, не мните о себе лишнего; вы в одном богемном салоне воспитывались. Вся разница между вами и ними только в том, что вы оттуда ушли, а они — нет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, я ушел — это разница, и разница, заметьте, весомая!

ВИРШИНИНА. Невесомая это разница! Если бы вы сами ушли... Но вас уйти вынудили — вот в чём загвоздка!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот оно что... Выходит, вы это сделали сознательно? Вы, стало быть, изгнали меня, заботясь о спасении моей юной души?!

ВИРШИНИНА. Скорее, подсознательно...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что ж, это, по крайней мере, честно.

ВИРШИНИНА. Так ответьте мне так же честно: почему они все — эти мои нынешние поклонники — так бесстыдно бросили меня... в беде? Все до одного! Почему?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Простите за дерзкую откровенность, В. В., но, видимо...

ВИРШИНИНА. Договаривайте.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Видимо, вы вдохновляете только на лесть. Вы же сами прекрасно понимаете, что весь тот вздор, который они вам несут, ничего не стоит, ни одного достойного произведения в ваших альбомах нет. Достойного вас и мира. Вы никогда не задумывались — почему?

ВИРШИНИНА. Почему?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А я не знаю! Я не мудрец, чтобы знать все! Вы лучше сами поразмыслите — вы же знаете себя гораздо больше, вы лучше в себе разберетесь. Если, конечно, не будете сами себе врать или делать комплименты.

ВИРШИНИНА. Может быть, я для того и собирала всю эту белиберду, чтобы однажды все-таки найти нечто настоящее, стоящее... То, что поможет мне разобраться... Может быть, вы были ближе всех к этому настоящему... Но...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Это там в углу — ваши игрушки?

ВИРШИНИНА. Чьи же еще!.. А что?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да так, занятно. Солдатики, ружья, машинки — занятно...

ВИРШИНИНА. Знаете, я всегда к вам неплохо относилась, Человек-Слово. Вы не настолько графоман, как эти нынешние, хоть и пи-

жете с ошибками. Мне приятен был этот ваш «критический инфантилизм», ваши вечные сказочки. Вы могли далеко уйти.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И поэтому однажды вы закрыли передо мной двери.

ВИРШИНИНА. Простите меня. Я не думала, что у одного моего слова может быть такое эхо.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Может, сударыня. И помните, что вы произнесли не одно такое слово... Я на вас зла не держу, все пережито. Теперь я даже благодарен вам за ту разницу, которая образовалась между мной и ними. В сказочники я все равно никогда больше не вернусь, у меня теперь другие заботы... Но и героем вашим я не стану, на меня вы, пожалуйста, не рассчитывайте. В этой сказке я — лишь вспомогательный персонаж, комментатор.

ВИРШИНИНА. Я не прошу у вас подвигов. Я только хотела, чтобы вы придумали какого-нибудь героя, сотворили его! Вы же имеете власть над образами, сказочник — это же почти что волшебник! Пожалуйста!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Гм... Задача не из легких... Положительного героя куда как труднее придумать! Вот если бы вам нужен был еще один злодей!..

ВИРШИНИНА. Нет уж, спасибо! С меня и одного вполне достаточно!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И потом, я как-то слабо верю, что такой герой здесь и сейчас может появиться. Очень слабо. А слабо верить — это все равно, что не верить вообще.

ВИРШИНИНА. Нет, по мне, лучше уж слабая вера, чем неверие! И я-то как раз верю. К моей вере да ваш бы талант!.. Ну подумайте! Попробуйте, дружище! Ну родите же его!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не вдохновляет...

ВИРШИНИНА. Я вам отплачу, я вам... заплачу, если хотите!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Сударыня! В. В.! Как вы!.. Ну почему вы опять меня оскорбляете!? Вы все время меня оскорбляете!

ВИРШИНИНА. Правда?..

Виршинина подходит к дверям, открывает замок...

Занавес закрывается, на авансцене остается один Человек-Слово.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Весь вечер Человек-Слово пыхтел, расхаживал взад-вперед по кабинету, отложил все текущие дела, отключил телефон. Но образ положительного героя категорически не выстраивался. Все герои получались какие-то недоделанные, ущербные. И он не знал, как продолжать эту сказку. К тому же, он отвык сочинять и совершенно не мог выдумать ничего нового... Тогда он схитрил: перечитал одну свою старую пьесу — как раз про рыцаря —

и стал ловить мысли, пришедшие вдогонку этому старью. Так под утро худо-бедно он все-таки набросал кое-какого персонажа. Однако, перечитав написанное, засомневался; вряд ли это было то, чего ожидает Виршинина. Ладно, подумал Человек-Слово, вслух успокаивая свою совесть, обещал — сделал, слово сдержал, а уж что из этого получится — не моё дело!.. Пририсую-ка ему еще белого коня, а дальше — пусть разбираются сами!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

СТЕКОВЩИК. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6. ПЛАЧУЩИЙ МУЖЧИНА

Та же комната — детская Виршининой. На стуле сидит ПЛАЧУЩИЙ МУЖЧИНА. ВИРШИНИНА стоит рядом и вслух читает рукопись Человека-Слово.

ВИРШИНИНА. «Мужчина плакал, не переставая. Прослезив до нитки носовой платок, он совал его во внутренний карман сюртука и извлекал оттуда другой, высохший. Видимо, сердце мужчины было таким горячим, что успевало насухо высушить платок слез, пока другой еще пропитывался соленой влагой как раз под самые уголки...»

МУЖЧИНА.... Воевали жестоко, стреляли врзлёт, рубились на смерть. Любое оружие, любые приемы, все наспех, против правил. Не знаю, как остался жив. Потом — плен, пытки, кипяток на голову, гишпанские сапоги. Не знаю, как уцелел. Потом пришли наши, разобрались, списали на меня все ошибки, приговорили к повешению, привели приговор в исполнение, но спустя пару минут заменили пожизненной ссылкой. До сих пор не пойму, как откачали. Из ссылки бежал в паровозной топке — ожоги, жар, перепады давления. Дальше — скитания, вши, андеграунд, жил в люках, питался объедками, лихоманка, цинга, все зубы выпсыпались, врачи в панике. На операционном столе был скальпирован, трепанирован и признан героем посмертно, каким-то образом выжил, восстал, оклемался. Принялся объяснять, кто таков, — не поверили, сняли отпечатки пальцев. Но я настаивал, упирался. В результате — психушка, пинки, уколы, тесты, амино-

зин, трудотерапия. В очередную годовщину смены власти амнистировали, реабилитировали, вставили зубы, дали орден и талоны на метро. На радостях попал под пожарную машину. Полная потеря памяти, бред, припадки, стрессы, великая вегетарианская депрессия — запил, белая горячка, глюки, прыжки из окон. Не представляю, как выкрутился. Решился завязать. Сменил всё, начал жизнь заново, пошел в школу, влюбился в учительницу — и тут вернулась память, причем не только моя. Что со мною было, что не со мною, — не различаю! Сначала путался, сортировал, потом плюнул, решил: все, что было и есть, — всё со мною. Стал всё принимать на свой счет, всему сострадать, всем сопереживать и сочувствовать. Окончательно испортил сердце — три инфаркта, два инсульта, пульс только в часы пик. Удивляюсь, как до сих пор пронесит. Так вот, вкратце, и живу — мучаюсь, но выживаю. Умирать нельзя — если я умру, все умрут. А жалко, люди-то хорошие...

ВИРШИНИНА. Да, трудновато вам пришлось...

МУЖЧИНА. И не говорите! Столько всего, столько всего...

ВИРШИНИНА. Но вы, тем не менее, рыцарь?

МУЖЧИНА. Я — рыцарь? Упаси Боже!.. А может, и рыцарь... Я точно не помню. Какой из меня рыцарь, расстройство одно! Нет, что-то героическое во мне было, но... Быть рыцарем можно только в частном порядке, а когда все скорби мира воспринимаешь как свои собственные, тут уж не до героизма, тут уж никаких надежд не напасешься, знай успевай менять платки. В мире столько слез — мне надо успеть выплакать хотя бы половину... А вам нужен рыцарь?

ВИРШИНИНА. Просто необходим. Я жду его уже две недели... Всю жизнь.

МУЖЧИНА. Не ждите.

ВИРШИНИНА. Почему это?

МУЖЧИНА. Мне тяжело вам об этом говорить, мне очень вас жаль, я сочувствую вам всем сердцем, но, понимаете... На свете больше нет рыцарей. Нет. К настоящему моменту не осталось ни одного.

ВИРШИНИНА. Ни одного? Такого не может быть.

МУЖЧИНА. Уверяю вас, все рыцари кончились, сгинули, почили. Изошли на нет в боях и тихих схватках. Поверьте мне, я сам долгое время искал, наводил справки. Мне кое-что известно по этому вопросу.

ВИРШИНИНА. Что именно?

МУЖЧИНА. Немного, но это немного столь неутешительно...

ВИРШИНИНА. Я утешений не прошу.

МУЖЧИНА. Ну... Еще недавно среди людей проживали трое — последние рыцари, последнее героическое поколение... Их больше нет среди нас. Вечная им память и всё такое прочее.

ВИРШИНИНА. Договаривайте, уважаемый. Кто были эти трое? Что с ними произошло? Расскажите мне немедленно.

МУЖЧИНА. Ай-яй-яй... ай-яй-яй... такое горе... Так я и думал... Давно ли вы были в цирке?

ВИРШИНИНА. В цирке? Если это имеет отношение к делу, то очень давно, в раннем-раннем детстве.

МУЖЧИНА. А я совсем недавно был. Там сейчас новый аттракцион, гвоздь сезона — дрессированный дракон. Не слышали? Слава богу. Жалкое зрелище! Тощий: не дракон, а кощей бессмертный! Одна голова набекрень, весь в ошейниках, глаза голодные, зубы спилены, хвост в перхоти. Рядом с ним толстяк-укротитель, гермафродит в блестящих, вот с таким брендспойтом, чуть что не так — кипяченой струей в морду! Дракоша пляшет, изгаляется, перегаром из пасты папироски публично зажигает... Мне его так жалко стало, так жалко, платок до дыр исплакал. Ну вот, думаю, и всё, вот он — конец рыцарским временам! Раз уж выродились драконы — эти главные рыцарские враги, — то уж о самих рыцарях и мечтать больше не стоит. Анахронизм! Кончился их каменный век.

ВИРШИНИНА. Мне кажется, главные враги рыцарей — не драконы. Для них вообще главное — не враги, а справедливость. А если драконов показывают в цирке, это совсем еще не значит, что справедливость восторжествовала, зло побеждено, а все негодяи выведены на чистую воду. Всего лишь изменились точки отсчета. Настоящий рыцарь — тот, кто ради справедливости защитит и дракона.

МУЖЧИНА. Вы слишком категоричны. Это по молодости, это пройдет, уверяю вас, это должно пройти... Вот вы говорите: злодеи, мол, — негодяи. А что такое негодяи? Кто они такие — эти злодеи? Так ли уж они опасны? Поймите, рыцари ведь никогда не гибнут от рук злодеев. Они сильнее любых, даже самых гнусных негодяев. Рыцарей убивают люди — простые люди, бюргеры, человечество. Человеческое общество — вот самое кровожадное из чудовищ, добродетельное чудовище, дракон с человеческим лицом... Вы спрашиваете меня о тех троих... Я так не хотел вас расстраивать, погружать в подробности, надеялся избежать, ускользнуть от сути... Но я знал, что мне это не удастся. Придется выложить вам всё как на духу!

ВИРШИНИНА. Сделайте такую милость. Я вас прошу.

МУЖЧИНА. Ай-яй-яй... Ну, значит, вот... История первого из последних героев печальна и коротка. Обычно, рассказывая ее, я плачу в два раза обильнее обычного, но не успеваю намочить и

четверти платка — так быстро она кончается. Его сожгли на костре еще в юношеском невинном возрасте. За что — никто не может вспомнить. Список его преступлений перед человечеством был слишком велик, чтобы хоть один его пункт отложился в людской памяти. А послали его на костер хорошие люди: отцы семейств, блюстители закона и хранители собственности — они просто не могли поступить иначе, это было бы с их стороны нехорошо... История второго из последних очень страшна. Когда я ее пересказываю, то всегда боюсь испугаться, закрываю глаза, мои веки набухают от безвыходных слез, и я переношу все это слишком болезненно. Но ради вас... Второй рыцарь был чересчур отважный, безответственно справедливый и без меры внимательный — он постоянно совал нос во все дела, если замечал что-то неладное. А неладное он замечал всегда и везде. И всё те же хорошие люди, даже еще лучше, без всякого злого умысла, а лишь по простоте душевной так над ним насмехались, так издевались над его манерой до всего иметь дело, что однажды герой не выдержал их зубоскальства, махнул на все рукой и назвал им отрекся от своего предназначения, переметнулся на противоположную позицию — и сам стал профессиональным злодеем, причем сильным и изощренным злодеем, негодяем с прохладным, переполненным чужой желчью сердцем... Страшная история, страшные манеры...

ВИРШИНИНА. А третий?

МУЖЧИНА. Не надейтесь, не нужно... История третьего ещё трагичнее. Я знаю ее чуть лучше двух первых, ибо это моя собственная история.

ВИРШИНИНА. Вы сами ее выдумали?

МУЖЧИНА. Я сам ее пережил. Я — тот самый третий рыцарь, последний из последних. Радужный вырожденец без перспектив... Когда я вспоминаю об этом, я обычно реву как белуга. Мне, правда, становится легче, если я веду рассказ не от первого, не от своего лица, а от третьего — так честнее. Мы ведь с ним настолько разные люди... До сих пор не могу поверить, что это был я!

ВИРШИНИНА. Что же с вами произошло?

МУЖЧИНА. О!.. Ай-яй-яй... Рассказываю все по порядку. Все начиналось так, как обычно начинаются трагические истории с печальным концом, — то есть, удачно, весело, многообещающе... Третий рыцарь был самым бравым, самым выносливым и самым независимым героем на свете. Он всегда улыбался и часто хохотал. У него не было уязвимых мест, у него все получалось, все его намерения осуществлялись на лету, все враги сдавались ему заранее. Клевета его не задевала, законы он игнорировал, опасности презирал. И все потому, что у него была ясная цель:

он страстно любил одну юную даму — и эта любовь придавала ему силы творить невозможное. Он желал, чтобы та прекрасная дама, учительница, стала его женой! Ничто не могло его остановить, никто не знал, как избавиться от его непобедимой энергии. Его беспричинный смех жутко всем надоел, люди находили его неуместным и преждевременным. И вот однажды, когда чаша терпения была наконец переполнена, окружающие смирились, клеветники поумолкли, законники признали за ним право быть выше их законов, после чего сограждане официально провозгласили его трижды героем, внесли его фамилию в списки вечно живых, назначили пожизненную пенсию, а главное — позволили взять в жены его возлюбленную. Состоялась пышная свадьба — цель была достигнута, желание обрзгло плотью... Ай-яй-яй, какое горе, какая беда! Как благополучно все бы закончилось, если б ничего не продолжалось!.. Но то, чем сказки обычно заканчиваются, в жизни знаменует собой начало несколько другого жанра... Признав меня официально, человечество всадило мне в спину такой кинжал нерукотворный, что мне стало не до смеха. Кто хорошо смеется, того ждёт плохой конец. Всеобщая любовь и устойчивое семейное положение доконали третьего героя, и он стал... ничем!

ВИРШИНИНА. Как это? Каким образом?

МУЖЧИНА. Вы еще молоды... Ах, как же вы непозволительно и беспечно молодцеваты! Вы еще можете пренебрегать общественным мнением и положением в свете, а главное — вам ничего не известно о так называемом семейном счастье! Когда-нибудь вы хлебнете его, вы захлебнетесь когда-нибудь в собственном счастье!.. Я тоже был наивен и молод, я мечтал о сыновьях и мемуарах. Но жизнь так отредактировала мои мемуары! А когда у нас родился первенец, я проклял все на свете! Весь мой неиссякаемый горе-героизм был погребен под грудой мокрых пеленок, бессонных ночей и дикого, дикого поросычьего визга! И потом... эта моя... законная супруга... Не представляю, за что я так любил ее! Ее! Мелочную, деспотичную, сварливую, лицемерную... Ай-яй-яй!.. Но не мог же я воевать с дамой своего сердца, с матерью моих сыновей! Мое рыцарское начало запуталось в противоречиях, я стал опровергать сам себя, я разучился улыбаться. А рыцарю никак нельзя без улыбки. Без всего остального можно, а без улыбки... И я сдался — я ушел в отставку, я перестал быть рыцарем, я завязал. Не знаю, как я все это перенес!..

ВИРШИНИНА. Трагично. Весьма.

МУЖЧИНА. Что вы, и не говорите! Попомните мои слова: если новый мессия заявится на землю, его гонителям вовсе не понадобится его распинать, достаточно канонизировать его при жизни, издать

учение миллионными тиражами, обеспечить его семьей, пенсией, привилегиями — и власти его придет конец. Неминуемо!

ВИРШИНИНА. Стало быть, вы не рыцарь...

МУЖЧИНА. Нет. И дети мои никогда не будут рыцарями. Генетический код вещей нарушен.

ВИРШИНИНА. Значит, вы пришли не для того, чтобы меня спасти?

МУЖЧИНА. Боже упаси, ни в коем случае! Я вообще зарекся иметь какие бы то ни было отношения с вашим полом, тем более — спасательные. Вы сами видите, чем это кончается: заплаканный мужчина — жалкое зрелище, еще более жалкое, чем дракон на побегушках... Не пойму, как только природа терпит такое вырождение! Неужели в этом и есть ее хваленая эволюция?..

ВИРШИНИНА. Самокритично. Но зачем же вы тогда шли в такую даль, оставив семью и привилегии?

МУЖЧИНА. Таков мой долг. Я шел не за тем, чтобы спасти вас, а для того чтобы сообщить вам: вас уже никто не спасет. Никто и ничто. Если совсем невтерпеж — спасайтесь сами, но я бы лично посоветовал даже не пробовать: не женское занятие, да и опыта у вас нет. Тут может справиться только специалист, а таковых, как мы только что выяснили, не осталось. Так что — всё, безрыбье. Лучшее, что вы можете сделать, — это смириться. Смириться. Лично я смирился со всем. Это трудно, это тяжело дается, как и все новое, но есть очень хороший способ облегчить боль смирения — надо просто поплакать. Не держите в себе, поплачьте часок-другой, потом еще поплачьте, потом плачьте периодически — у вас откроется второе дыхание, слезы потекут ручьем этак в пять. Если не выплакивать эту смурь, много глупостей можно наделать. А так — никаких глупостей, одна вода, способ, экологически чистый. Это многим помогло, у моей методы масса последователей. Вы только попробуйте, вам понравится, я ручаюсь! Вы женщина, вам слезы будут к лицу... А о героях — забудьте. Настоящие герои для того и созданы, чтобы о них забывали. Видите на этом платке три узелка? Это я завязал на память о каждом из них. Сейчас развяжу — и разом всех троих забуду. Давайте забудем их вместе! Вместе забудем, вместе поплачем... Развязываются узелки, а вослед им исчезают и все бесполезные надежды. Поймите: нельзя избежать неизбежного, с ним можно только примириться. Примириться и поплакать. Доверьтесь мне и моему всеобщему опыту. Улыбаться вы уже почти разучились, ваш ротик так напряженно дрожит, ваш подбородочек так растерянно дергается... Я по лицу вашему вижу, что вы уже готовы расплакаться. Вот и славно! Не держите в себе, не

напрягайте мышцы, расслабьтесь, откройте глаза широко-широко и выпустите все наружу!

ВИРШИНИНА. Я... я не хочу... не хочу...

МУЖЧИНА. Не стесняйтесь, не надо насиловать свой хрупкий организм. Вот, возьмите мой платок, — хотите, я подарю его вам на память? С ним легче забывать и сподручнее плакать... Ну, не жмурьте глазки! Они уже так многообещающе блестят, в их уголках уже скопилось так много долгожданной влаги...

ВИРШИНИНА. Я не буду... плакать.

МУЖЧИНА. Не стесняйтесь, этого не надо стесняться! Возьмите платок, он уже сухой, он готов...

ВИРШИНИНА. Не надо... Я...

МУЖЧИНА. Ну вот, вы же всхлипываете! Ну поплачьте же, не упирайтесь! Сегодня такой подходящий пасмурный день! Держите, держите платочек!

ВИРШИНИНА. Вас... жена за него не заругает?

МУЖЧИНА. Действительно... Ай-яй-яй... Я не подумал, забыл, увлекся... Спасибо, спасибо вам — предупредили, упасли! Вы представить себе не можете, от чего вы меня упасли!

ВИРШИНИНА. И вам спасибо. Кое в чём вы мне всё же очень помогли.

МУЖЧИНА. Правда? Я рад, только... Как же? Вы так и не созрели поплакаться?

ВИРШИНИНА. Нет, не созрела. И не созрею. Мне интересно было с вами побеседовать, но вам, по-моему, уже давно пора.

МУЖЧИНА. Да? Да-да-да, пора... Что ж, всего вам доброго!.. А где, простите, моя лошадь, мой Ренессанс?

ВИРШИНИНА. Вон он, в углу... Желаю вам выплакать вашу половину всю до слезинки. И прощайте.

Мужчина подходит к уголку с игрушками, вытаскивает большого белого коня-качалку, берет его под уздцы и за веревочку тянет к дверям.

МУЖЧИНА. Соскучился, Ренессансушка? Ну ничего, ничего, сейчас тронемся в путь. Нельзя нам на месте сидеть-то: столько ведь еще горюшка на свете, столько людей в нашей помощи нуждаются! И всех надо успокоить, утешить, дать совет... Пойдем, пойдем, друг мой Ренессанс. Стольких несчастных надобно нам еще усмирить...

ВИРШИНИНА (*дочитывает рукопись*). «И он отправился в обратный путь с сознанием исполненного долга, опираясь на крепкое плечо своего верного Ренессанса.» Плечо коня? Чушь, чушь какая!

Исписался, совсем исписался!.. (*Комкает рукопись, выбрасывает её.*) Ну нет, милостивые государи, оплакивать себя я не буду! Не дождетесь!.. Эти рукописи, комментарии, ноющие мужики, деревянные лошади — хватит! Надоела эта комедия! Всё! Театр закрывается, господа вечные зрители! Адью! Можете распозлаться по домам! Сказка кончилась, начинается жизнь!

Вишинина соскакивает со сцены и по проходу между креслами уходит из зала. Зрители безмолвствуют.

7. ЧЕТВЕРТЫЙ УЗЕЛОК

Дом губернатора Вишинина: прихожая — кухня — подвал. (Все зеркала в доме завешены черным.) В прихожей: СЛУГА встречает пришедших ЧЕЛОВЕКА-СЛОВО и ЧЕЛОВЕКА-ДЕЛО, принимает у них пальто и шляпы...

СЛУГА. Мое почтение, господа...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Здравствуй, Иваныч. Почему это наши шляпы так трясутся в твоих руках? Вроде, ты не пьешь.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что-то случилось?

СЛУГА. Господи, господи... Случилось — ваша правда!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. С губернатором?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. С Вишининой?

СЛУГА. Да больше, пожалуй, с губернатором, чем с дочерью...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не тяни, разъясняй!

СЛУГА. Беда, одно слово! Хозяин мой родимый, губернатор наш, двое суток уж, как полностью пришел в себя и благополучно пребывает в здравом рассудке! Вернулся себе на ум. Я не знаю, что и делать-то теперь...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Он, стало быть, выздоровел?

СЛУГА. Излечился. В один момент, внезапно и бесповоротно. Астрологов выгнал, хиромантов далеко послал, поваров и прислугу спровадил в гостиную, сам заперся на кухне, сидит там безвылазно, видеть никого не желает и хлещет рассол трехлитровыми банками. Дочку закрыл в подвале, никого к ней не пускает!.. Я, милые мои, грешным-то делом, опасаясь заходить к нему без вызова. Жена вот присоветовала за вами послать. Так вы, стало быть, простите старика — это я вас как бы вызвал, потому что не от кого больше помощи ждать. Может подскажите, что с ним теперь делать-то? А то нам ужас как страшно: совсем ведь человек в себя пришел!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Веди нас к нему.

Кухня. ГУБЕРНАТОР ВИРШИНИН сидит за маленьким столом, откупоривает банки с солеными огурцами, огурцы вытаскивает вилкой и складывает на поднос, а рассол выпивает жадными глотками прямо из горлышка. На подносе — горка огурцов, под столом — арсенал пустых банок, вокруг разбросано множество помятых крышек.

ГУБЕРНАТОР. А, заходите, заходите, господа, раз уж пришли. Не скажу, что рад вас видеть, не надейтесь. Но, тем не менее, присаживайтесь.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Добрый день.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Здравствуйте.

ГУБЕРНАТОР. Здравствую, как видите. Удивлены? Удивлены. Что ж я могу поделывать, раз это факт: ваш любимый губернатор после долгой и продолжительной, как говорят, болезни скоростижно выздоровел и пребывает отныне в добропорядочном уме и протрезвшем рассудке. Так нам всем и надо... А что вас так смущает? Неважно выгляжу, да?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нормально.

ГУБЕРНАТОР. Нормально? Мешки под глазами этажа в три, волосы во все стороны света, потерпевший кораблекрушение нос — нормально!.. Хотя, для состояния, из которого я давеча вышел, это действительно нормально. Состояние, скажу я вам, глубокое — глубже самого лютого запоя. Прошу это учесть, господа. А сколько лет я в нем пребывал — считал это кто-нибудь? Нет?.. Вы, братцы, и представить себе не можете, как у меня трещит башка, как она громыкает! Выпил, кажется, цистерну рассола — чуть помогло, но, видимо, еще цистерну надо. Кстати, не хотите ли рассолу или огурчиков?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Спасибо, мы сыты.

ГУБЕРНАТОР. Иваныч! Поди сюда, сукин сын!

СЛУГА. Здесь, ваше благородие. Чего изволите?

ГУБЕРНАТОР. Забери эти огурцы к едрене-фене, раздай там всем: нашим и вашим, — а мне прикати еще пару банок рассола, да покуче, чтобы глаза навылет!

СЛУГА. Батюшка родимый, желудок-то твой расплавится! Нельзя ж так злоупотреблять!

ГУБЕРНАТОР. Не смей мне сочувствовать! Я теперь сам за себя отвечаю! Пошел вон, да побыстрее оборачивайся, сучкин сын!

СЛУГА. Слушаю, батюшко! О-го-го...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Прошу прощения, ваше... благородие?.. но Иваныч прав: для желудка очень вредно столько уксуса.

ГУБЕРНАТОР. Вы кто? А, припоминаю, мне вроде бы вас представляли... Человек-по-делу — так, что ли?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Человек-Дело, всегда к вашим услугам.

ГУБЕРНАТОР. Так вот и услужите мне, премилостивый государь, — не влезайте не в свое дело. Лучше помолчите, коли не разбираетесь в сути вопроса... Я, может быть, хочу отравиться.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Теперь? Когда вы наконец вернулись к нормальной жизни?

ГУБЕРНАТОР. Юноша! Что вы прилипли к этому слову — «нормально»! Что вы называете нормальной жизнью? Вот это вот вы называете нормальной жизнью?.. Впрочем, не обижайтесь на мою такую резкость...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я слишком давно вас знаю, ваше благородие, чтобы обижаться на такие пустяки.

ГУБЕРНАТОР. Когда-то я был уверен, что сумасшествие мне не грозит. Уж что-что, но только не это — мне казалось: я слишком здраво мыслю, чтобы сойти с ума. А теперь я убедился на своём шкурном опыте: здравомыслие — кратчайший путь к безумию. Мир все время противоречит здравому смыслу, он все время издевается над логикой, этот плотоядный мир!.. До смешного: давеча прихожу я в себя, и первое, что вижу, — зеркала без отражений! Ох, мир-мирок, умора... И вот, в один прелестный день, когда очередная доза абсурда перенасытила этот гремучий раствор моего сознания — ха-ха! — я и свихнулся, братцы мои, я спятил, я помешался и тронулся! Слышите, как много диагнозов на одну несчастную голову! Благо, возраст и положение позволили мне сделать все это без особых осложнений. Знаете, ведь для моей должности маразм — вовсе не помеха, а даже наоборот, — неременный ее атрибут. Он и был принят всеми как должное. Не правда ли?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Не всеми, ваше благородие. Я имею в виду вашу дочь. Для нее это было...

ГУБЕРНАТОР. Никогда не встревайте между родственниками, молодой человек. Моя дочь — это отдельный случай, отдельный диагноз... Ну где этот черт Иваныч со своим рассолом?!

СЛУГА. Уже иду, ваше благородие, вот он весь!

ГУБЕРНАТОР. Спасибо, иди, свободен. И не смей подслушивать!

СЛУГА. Как можно, батюшка-родимчик! Да разве ж я хоть раз прислушивался!.. (Уходит.)

ГУБЕРНАТОР (откупоривает банку, отхлебывает). А-ах! Горррячит, аш два ё!.. А что касасемо моей дочери... Она одна отреагировала на мое помешательство — за всех вас, равнодушных. На то она и дочь. Теперь я понимаю ее, я теперь знаю, что испытывает человек, когда другой, самый близкий ему чело-

век, на его глазах превращается в животное... Не дай вам Бог, господа, узреть такого зверя... Но лично для меня, да и для всех окружающих, мое сумасшествие явилось лишь благом, которое и сейчас мне не стыдно поставить себе в заслугу. О, это было великолепное, счастливейшее время! Маленький золоченый век!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Тогда... зачем вы излечились?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И, интересно, как?

ГУБЕРНАТОР. Эх... Знаете, сумасшедшие люди — они ведь вовсе не больны, они не просят излечения. Видит Бог, я не требовал здоровья, оно само на меня свалилось, — так же внезапно, как и помешательство. Случайная утечка обстоятельств! Двойной шок! Сперва током меня тряхануло — от души тряхануло! Я только полез выворачивать из люстры лампочку — хотел носок заштопать, — тут меня и накрыло в натуральную величину! Передернуло всего — снизу доверху и слева направо, из глаз молнии, дым из-за шивороты!.. Но это все не так страшно, это все физика, это не тот шок, от которого в себя можно прийти. Самое страшное было после... Когда я увидел, как моя дочь... моя милая маленькая девочка... Она зачем-то полезла в тот проклятый выключатель... Дура! Это из-за нее все перемкнуло в нашем доме... в нашем городе...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что с В. В.?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что с ней?

ГУБЕРНАТОР. Тс-с-с! Вы доверяете ли друг другу?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Человек-Дело — мой лучший друг, я доверяю ему больше, чем себе.

ГУБЕРНАТОР. А себе вы доверяете?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я не совсем понимаю...

ГУБЕРНАТОР. Ерунда, я просто поймал вас на пустословии.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вы уклоняетесь, ваше благородие. Что же с В. В.?

ГУБЕРНАТОР. Эх... А, ладно! В конце концов, кто-то должен узнать и об этом — так чем вы хуже других!.. Вы видели, что все зеркала в доме завешены?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Нет. Мы не обратили...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Почему они завешены?

ГУБЕРНАТОР. Потому что их там больше нет. Они разбиты. Все зеркала в доме разбиты.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Она бьет зеркала?

ГУБЕРНАТОР. Господи, господи... Нет. Она не бьет их. Она пытается... в них войти. Это безумие, братцы мои, настоящее безумие! Она разбегается и прыгает, она бьётся лбом в каждое зеркало! Моя девочка... Вон, видите кровь? Она расквасила себе все лицо, изрезала все руки, а главное — она не слышит меня, она не пони-

мает моих слов, она не верит им! Мне ее не остановить! Она сходит с ума — прямо на моих глазах! Мне... страшно, братцы, мне так страшно... Я не знаю, что сделать, как удержать... Она же вся разобьется, разрежет себя осколками на куски! Что сделать?.. Помогите хоть вы. Верните мне дочь!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Чем же мы можем теперь... А ваши астрологи, экстрасенсы — они не могли бы как-то повлиять?

ГУБЕРНАТОР. К черту! Не смейте напоминать мне о них! Всех их — вон из города, без пенсий и без пособий, трепачей курляндских! В степь — там звезды лучше видны! А искусствовиспытателей — куда-нибудь на стройку, кирпичи таскать! На что они все нужны!..

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Это вы слишком, ваше благородие.

ГУБЕРНАТОР. Ничего не слишком!.. Самое тяжелое в моем положении — это то, что мне уже больше нельзя с ума сойти, нельзя за свое безумие спрятаться. Как хорошо было в маразме, как благостно! Какой удачный и безболезненный способ решения проблем! Но я исчерпал лимит — мне придется эту чашу испить, не зажмуриваясь и не затыкая носа. Штрафную чашу — до дна... А вы беспокоитесь за мой желудок, крохоборы!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Где она?

ГУБЕРНАТОР. Чаша?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. В. В.

ГУБЕРНАТОР. Здесь, за дверью, в подвале. У последнего зеркала, чашечка моя.

Губернатор отворяет потайную дверь и заводит коллег в подвальчик... ВИРШИНИНА неподвижно сидит на взбитой постели, с одержимостью глядя в пустое зеркало. Одежда ее местами порвана, руки, голова и, отчасти, лицо неаккуратно забинтованы, повсюду следы запекшейся крови. Вишинина выглядит совершенно не похожей на себя, в ее облике сквозит неряшливое безумие.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Кто это?

ГУБЕРНАТОР. Как кто? Вы даже не узнаете?..

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. В. В....

ГУБЕРНАТОР. Глупая девочка. Чего она хочет?.. Я так виноват перед нею. Я боюсь говорить о ее состоянии даже прислуге, а сам совершенно не умею делать перевязку. Я ничего не умею. Видите, чего я здесь намотал?.. Может, вынести, на всякий случай, и это зеркало?.. Какие же мы с ней... беспомощные...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Стоп! Остановитесь все! Надо же что-то сделать! Коллега! Друг! Вы же так хорошо, так красиво говорите — объяснитесь же с ней, приведите её в чувство!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я? Я не знаю... Я сомневаюсь теперь...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не время сомневаться, коллега! Я прошу вас — попробуйте! Я же знаю, вы сможете!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я не уверен... Я готов попробовать... Я попробую, да-да, конечно, разумеется, попробую. Прямо сейчас. Только, если можно, один на один.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да. Мы должны оставить их наедине, ваше благородие! Пойдемте!

ГУБЕРНАТОР. Конечно, конечно, мне не до светскостей, чтоб их!.. Делайте, что хотите... Идемте.

Губернатор и Человек-Дело выходят.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что вы сотворили с собой, дорогая В. В.! Что с вами стало!.. Понимаю, понимаю вас — вы не хотите отвечать, потому что считаете мои вопросы глупыми, риторическими. Так это и не вопросы вовсе... Не отвечайте, я сейчас сам чувствую, что бы вы мне могли ответить. Я читаю по вашим глазам, В. В. Вы хотите сказать, читаю я, что это не вы с собой такое сотворили, а мы — все остальные. Вы вините всех нас, целый свет. Но я не в праве отдуваться за весь свет, я слишком ничтожная его часть! Вы слышите? Вы не согласны? Почему вы так презрительно на меня смотрите? Моя совесть перед вами чиста, я сделал все, что мог, я исполнил обещанное — не более, но ведь и не менее! Ко мне у вас не должно, просто не может быть никаких претензий... Что вы хотите сказать этим прищуром? Ну да, да, да, — я оправдываюсь! Оправдания — первый признак неискренности, так? Я попался, верно... Но речь-то не обо мне, дорогая В. В., речь сейчас идет о вас! Что вы с собой делаете! Как у вас рука поднимается! Вы же губите себя в расцвете лет! Подумайте. Вы же женщина, вы же молодая, красивая женщина — вам ли пристало воевать с химерами! Вам детей рожать надо!

ВИРШИНИНА. От кого!..

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну, слава Богу, хоть одно слово! Даже два!.. В. В., дорогая вы наша, вы ведь настолько плохо сейчас выглядите, что я не в силах вам сделать даже самый безобидный комплимент... Опомнитесь, В. В., остановитесь! Чего вы хотите добиться? Вероятно, вы полагаете, что сможете собственноручно исправить все то, что здесь... Нет, не сможете. Я же вас понимаю, В. В., если честно, — я все понимаю. Я даже разделяю в чем-то ваши чувства, но... Но поверьте мне, на свете есть вещи, которые стоят большего! Я понимаю вас только до определенного предела — до первой, так сказать, крови. Но не воображайте себя нарывом земли — это мания величия, вам далеко не хуже всех! Всегда где-то рядом

есть большая кровь! Понимаете?.. Какого дьявола вам сдались эти треклятые отражения!

ВИРШИНИНА. Дело не в отражениях. Давно уже — не в отражениях. Дело теперь в другом, но, боюсь, вам этого я объяснить не смогу. Вы слишком верите словам, мой бывший друг. Смотрите, как бы с вашими словами не вышла та же история, что и с моими зеркалами.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. В каком смысле?

ВИРШИНИНА. В таком. Я разочаровалась в зеркалах. Уж слишком они податливы: они отражают каждого, даже ничего из себя не представляющего человека. Любое ничтожество, благодаря им, может лицедрезать себя в раме.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы говорите опасные вещи, В. В., мне страшно за вас.

ВИРШИНИНА. В этом доме все теперь повторяют слово «страшно». Не заметили? А ведь то, что звучит в этом доме, обычно разносится по всему городу — я знаю эти акустические фокусы. Здесь всем страшно, все чего-то боятся. Как вы думаете — чего? Не знаете? Так я вам объясню. С тех пор, как пропали отражения, люди перестали быть уверенными в себе, они превратились в собственные привидения. Не видя себя в зеркалах, они сомневаются уже в самом факте своего существования. Ведь факты требуют доказательств, а их-то и нет! Вот они и боятся — боятся, что на самом деле они не существуют, что все они лишь призраки призраков, прозрачные тени. Не так ли? Отражения были единственным подтверждением существования большинства из них, а теперь... Теперь их самочувствию не за что уцепиться. Сомнения, зыбкость... Им страшно за самих себя.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А вам? За себя не страшно?

ВИРШИНИНА. Нет. Если мне и страшно, то только за них — за всех вас.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Каждый боится за свое: вы боитесь за нас, ваш отец — за вас, его слуга — за хозяина... У всех разные причины для страха.

ВИРШИНИНА. Причины разные, следствие одно!.. Вот если бы нашелся человек, способный отразиться даже в погасшем зеркале, чтобы у него хватило силы быть, даже когда всё бы вокруг опровергло это бытие! Нет такого человека!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Нет так нет! На нет и суда нет!.. Чем вы все время недовольны!? То героев вам не хватает, то теперь человека какого-то нет! Чего вы хотите, чего вы вечно ищете? Успокойтесь наконец, В. В., ради всего святого, успокойтесь! Пора уже успокоиться! Давно пора уже себе уяснить, что от добра добра не ищут, а из двух зол выбирают меньшее! Почему вы всегда поступаете

наоборот? Это же прописные истины, почему вы не приемлете их? Почему вам обязательно надо все перевернуть, перепроверить?

ВИРШИНИНА. Кто?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что — кто?

ВИРШИНИНА. Кто прописал вам эти истины?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ба... Я не знаю, что и ответить на это... Такие вещи не требуют доказательств!

ВИРШИНИНА. Просто вы не умеете требовать.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ах, вот вы как! Хорошо, раз на то пошло... Я умею требовать, но не хочу. Требовательность — то же насилие, а я против насилия даже в мелочах. Простите, это — не по мне!

ВИРШИНИНА. Прощаю. Я вам все прощаю, даже ваш неустойчивый тон. Я научилась прощать.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот уж спасибо! Облагодетельствовали!.. Еще бы вам не простить мой тон; да он сам по себе, как таковой, уже изначально простителен, потому что слишком долго я говорил с вами другим тоном. Я вообще слишком долго вас терпел. Вы догадываетесь почему? Вы догадываетесь. А если не догадываетесь, то — простите последний раз — ко всему прочему вы еще и слепая!

ВИРШИНИНА. Слепая. Глухая. Бездушная. Бессердечная. Настоящая положительная героиня!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А с кого спрос? Вы не задумывались? По большому счету, это ведь именно вы виноваты в случившемся. Я не знаю, что там произошло между вами и этим бродягой-стекольщиком, но одно ясно всем — слышите, всем, а не только мне — именно из-за вас он потушил зеркала!

ВИРШИНИНА. В этом ваша правда. Это похоже на сплетни, но это правда. А за нее всё можно простить. Да, я сама во всем виновата, я сама должна все исправить... Если не я, то никто... В конце концов, — я есть? Или нет меня?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы слишком серьезно отнеслись к этой сказке, милая моя. Так нельзя, такое отношение к выдумкам чревато реальными последствиями. А реальные последствия всегда неприятны. По-моему, эта история постепенно растеряла свои сказочные черты и превратилась во что-то другое.

ВИРШИНИНА. Не всем же скользить по поверхности, кому-то суждено провалиться в прорубь.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну что же... валяйте, проваливайтесь на здоровье! Там, где кончается сказка, мои доводы бессильны. Я не вижу больше способа убедить вас в бессмысленности вашей позы, В. В. Видит Бог, я старался!.. Но вы уже не маленькая; если вам так нравится, стучитесь лбом о стекло сколько угодно, никто не в праве

вам это запретить. Может быть, это чему-то вас и научит. А мне надоело с вами нянчиться. Увольте...

ВИРШИНИНА. Я понимаю. Прощайте.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы причинили мне много... счастья... поэтому мне вас в какой-то мере жаль... Жаль. Прощайте, В. В.

Человек-Слово уходит. В помещение вбегает Человек-Дело.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Извините, ваша милость, позвольте мне дюжину слов, наедине?.. Это, конечно, не мое дело, я ни на что не претендую, но, возможно, я все же смогу быть полезен... Уважаемая В. В., вы слышите меня? Нет? Или да? Я понимаю, что я слишком дерзок, но... Одним словом, я хочу подсказать вот что: попробуйте зайти с обратной стороны!

ВИРШИНИНА. ... я есть, или нет меня?.. Что вы сказали?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Здравствуйте... Понимаете, я знаю это по неоднократному личному опыту: если не удается зайти с парадного входа, надо попытаться счастье с черного. Я всегда хожу черными ходами... Ведь у зеркал тоже есть оборотная сторона, верно? Как-то она хитро еще называется... Амальгама, кажется? Может быть, я ошибаюсь...

ВИРШИНИНА. Спасибо, Человек-Дело. Похоже, ваш совет действительно полезен. Я не забуду...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Э-э-э... Ага... Желаю вам всего самого... Какая глупость... Выздоровливайте, пожалуйста. До свидания!

Уходит.

Кухня. Губернатор, Человек-Слово и Человек-Дело.

ГУБЕРНАТОР. Ну? А вы что ей сказали?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да так, пустяки, совет дал.

ГУБЕРНАТОР. Что дали?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Совет.

ГУБЕРНАТОР. И она — взяла?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вроде бы... Хотя... Кто ее знает!..

Пауза. Вдруг — из подвала доносится звон разбивающегося зеркала. Губернатор убегает туда, Человек-Слово и Человек-Дело обеспокоенно переглядываются... Наконец губернатор возвращается.

ГУБЕРНАТОР. Губернатор вернулся бледный, губы его сотрясались... нет, тряслись — так, вероятно, правильнее?.. Полезная вещь —

советы... Сказки, всё одни сказки... Но что это за сказку мы выдумали? Разве такое бывает?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Что там?

ГУБЕРНАТОР. «Что там?» — спросил Человек-Слово. А? Где? А... Комментаторы, астрологи, экстрасенсы, лучшие люди... Рассолу, рассолу бы еще чуть-чуть, капельку, капелюшечку. С головой у меня, братцы, беда: светло, как никогда, никаких тебе теней, никаких иллюзий, надежд, всё как на ладони... Жена моя, душа моя, тоже вот так светло умирала, легонько-легонько, будто по-парошку, будто в сказке. Вся сияла, словно бубенчик, вся позвякивала: жили-были, жили-были... А врачи все не шли да не шли — не могли, видать... Но где же врачи? Почему они не идут её спасать?.. Ах, ну да, я же сам их всех... вот этими своими руками...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. О чем он говорит, коллега?

ГУБЕРНАТОР. Есть в этом городе хоть один нормальный врач? Который может резать и шить? Или только эти придурки заговорщики, которые даже отговорить не могут? Есть в этом городе кто-нибудь, кто что-нибудь может? Есть здесь хоть кто-нибудь?! Что же вы молчите, Человек-Слово? Скажите же что-нибудь! Ну сделайте же что-нибудь, Человек-Дело! Ну позовите, кто-нибудь, доктора! Ну пожалуйста! Пожалуйста...

8. ПОЛЕ БРАНИ

Темно. Видно лишь ВИРШИНИНУ — она стоит на авансцене, в смирительной рубашке, с забинтованной головой.

ГОЛОС. Начиная путешествие во времени, о возвращении следует забыть раз и навсегда. Возвращение из такого путешествия — невозможно. Отдаете ли вы себе в этом отчет? Понимаете ли, чем всё может закончиться?

ВИРШИНИНА. Я не собиралась путешествовать во времени. Мне только необходимо разыскать одного человека, чтобы вернуть себе свое, а ему воздать по заслугам.

ГОЛОС. Всякое путешествие есть путешествие во времени. Тем более, когда вы хотите кого-то найти, ведь искать придется долго, а время — это самый запутанный лабиринт, в нем нет возможности сделать хоть шаг назад и попробовать двинуться иным путем. С ним невозможен компромисс. Иногда, правда, случаются невероятные явления: бывает, путешественник вдруг начинает кружить по одному и тому же месту, натывается на свои соб-

ственные зарубки, узелки, хлебные крошки... Но это не к добру — это значит, что он зашел уже слишком далеко, а сам еще не сделал и шага.

(В глубине сцены раздается едва слышный перезвон металлических инструментов.)

ВИРШИНИНА. Значит, в любом случае — возвращение невозможно? Даже если я найду, кого ищу, и добьюсь, чего хочу?

ГОЛОС. Невозможно. Однако, возможно совпадение — полнейшее совпадение нового места с исходной точкой. Тогда вам может даже показаться, что вы вновь попали в тот оставленный навсегда мир, и что вы опять там, откуда начался ваш долгий добровольный путь. Но все это будет лишь утонченным обманом ваших чувств: вы попали всего-навсего в очень похожий, но совершенно иной мир — мир абсолютно другой, но идентичный вашему родному до мелочей, до атомов, до молекул! Ведь здесь, в бесконечности, — раскрываю вам секрет — все ограничено, даже количество миров, а значит, каждый из них повторяется в одинаковых вариациях бесконечное количество раз.

ВИРШИНИНА. Я перестая понимать... Говорите проще. К чему мне знать все эти подробности?

ГОЛОС. Проще некуда. Вам это знать необходимо, вам нужно взвесить все «за» и «против», прежде чем вы решитесь отправиться в дорогу. Слушайте же тоньше, запоминайте мои слова душой, не надейтесь на память — память слишком хрупкая вещь, в дороге она может разбиться... Вот что ждет вас, если вы все-таки отважитесь: поддавшись внешнему сходству двух разных миров, вы примете второй за первый — но вы, конечно, ошибётесь. Ошибка будет роковой, и вас не перестанет преследовать вечное ощущение своей чужеродности в этом вроде бы знакомом вам с рождения мире; подспудное сознание того, что все кругом не те, за кого вы их почитаете, и что вас тоже принимают за кого-то другого! Вы будете чувствовать непроходящую бессознательную боль и постоянно ловить в себе отголоски мысли о том, что на самом деле вы находитесь на неизмеримом умом расстоянии от близких и дорогих вам людей, вещей и привычек. Это главное чувство, это изнуряющее ощущение станет постепенно сжигать вас изнутри, разрушать мутным пламенем всю вашу жизнь, пока в один прекрасный момент не достигнет такой разрушительной силы, что... Впрочем, я сказал уже достаточно, чтобы вы смогли меня понять. Уяснили ли вы мои предостережения?

(Снова скрежет инструментов.)

ВИРШИНИНА. Не иметь надежды вернуться... А вернувшись, понять, что ошиблась адресом... Это испугало бы меня, если бы только это ощущение... не было мне так знакомо...

ГОЛОС. Ну, значит, там оно усилится в два раза.

ВИРШИНИНА. Пусть, хоть в четыре... Вы видите, наконец, что меня уже никак не отговорить?

ГОЛОС. Вижу. Я не собирался вас отговаривать, я только вынужден был соблюсти формальности.

(Из темноты появляются руки и опускаются на плечи Виришиной. Она вздрагивает.)

Спокойнее, это еще не самое страшное. Итак, готовы ли вы к путешествию?

ВИРШИНИНА. Да, поводырь.

ГОЛОС. Ну что ж... Тогда закройте глаза и считайте вслух до одиннадцати.

Виришина начинает считать, после каждой названной цифры ей вторит кукушка. Руки снимают с Виришиной бинты, развязывают рукава смирительной рубашки и во тьме исчезают.

ВИРШИНИНА.... Одиннадцать. Я сосчитала. Что дальше? Мне можно открыть глаза? Что я должна делать дальше? Эй, где вы? Вы меня слышите?

ГОЛОС. Слышу, слышу. Вы уже на месте, вы уже там, куда так хотели. Подойдите к выключателю и зажгите свет. Стоп! Не туда, наоборот, влево, влево ступайте, на ощупь. Здесь все наоборот — имейте это в виду. Ничего-ничего, двигайтесь смелее, это только сперва неудобно, а потом мало-помалу... Вот так, отлично. Теперь открывайте глаза. Двенадцать!..

Виришина включает свет и, открыв глаза, видит гостиную своего дома. За столом сидит стекольщик ЛЕОНИД ДЕОНИДУС и металлическими инструментами ковыряет механическую кукушку.

ЛЕОНИДУС *(тем же голосом)*. Не правда ли, совсем как у вас дома? Только это не ваш дом, это его отражение. Здесь я живу, и здесь я хозяин. Но вы не стесняйтесь, проходите, присаживайтесь, если вам угодно. Не угодно — стойте. И успокойтесь, не дрожите так, путешествие уже закончено, вы уже там, куда так неистово рвались, и видите перед собой того, кого так яростно искали. Отдышитесь, я никуда не убегу. Или вы не верите, что находитесь по ту сторону зеркала? Нет? Разве вы не видите, что тут все наизнан-

ку? У вас, должно быть, с непривычки кружится голова. Это ничего, постепенно вы привыкнете жить наизнанку — нет ничего приятнее! Сначала, правда, подташнивает, но когда освоишься и войдешь во вкус, понимаешь, что так ещё и легче. Впрочем, кому как — лично мне это направление ближе, я левша. Жить справа налево — мечта моего детства... Ну что же вы молчите, скажите что-нибудь!

ВИРШИНИНА. Так это... вы?

ЛЕОНИДУС. Это я.

ВИРШИНИНА. Вы обманули меня?

ЛЕОНИДУС. Когда и в чём?

ВИРШИНИНА. Я же никуда не перенеслась. Я все там же — все тут же.

ЛЕОНИДУС. Странно, сударыня. Вы что, совсем не ориентируетесь в пространстве? Право от лево не отличаете?

ВИРШИНИНА. Не грубите, стекольщик!

ЛЕОНИДУС. Ладно, не буду. А вы чего же ожидали от этого путешествия? Многодневных перелетов, приключений, засад? Да вы — сказочница!

ВИРШИНИНА. Я говорю — не грубите! Вы хотите меня специально запутать. Я не вижу здесь никакой изнанки, здесь всё, как всегда!

ЛЕОНИДУС. Странно, странно, сударыня... Мы с вами по-разному видим мир... Впрочем, вы можете продолжать считать, что никуда не перемещались, мне даже выгодна такая ваша точка зрения. Если хотите знать, я нарочно сделал так, чтобы вы не ощутили подмены мест; лучший способ ввести человека в заблуждение — ни в чем его не разубеждать.

ВИРШИНИНА. А зачем вам надо вводить меня в заблуждение?

ЛЕОНИДУС. А как же иначе? Вы же пришли ко мне не чай распивать, вы же намерены драться! Я правильно мыслю?

ВИРШИНИНА. Правильно. Хотя, если вы согласитесь вернуть украденное добровольно, мы можем обойтись и без драки. Я даже согласна в таком случае вас простить: я научилась этому, я уже простила нескольких человек.

ЛЕОНИДУС. Мне не нужно вашего прощения. Видите ли, в чем дело: я ненавижу вас, Виршинина В.

ВИРШИНИНА. За что?.. Я не понимаю...

ЛЕОНИДУС. Я объясню вам это постепенно, во время нашей драки.

ВИРШИНИНА. Нашего сражения.

ЛЕОНИДУС. Сражение, драка — какая разница! Сражение — только звучит более красиво, а на деле — тот же мордобой.

ВИРШИНИНА. Значит, будем драться?

ЛЕОНИДУС. Будем, В. В., ох как будем! До тех пор, пока один из нас...

ВИРШИНИНА. Или одна из нас... Вас не смущает мой пол?

ЛЕОНИДУС. Нет, меня уже ничем не смутишь. Так что, этот ваш козырь я бью своим безразличием... Чертова птица! *(Бросает об пол кукушку.)*

ВИРШИНИНА. Что это? Кукушка?

ЛЕОНИДУС. Это не кукушка, это кусок железа! Кукушки умеют летать, а эта только кукует! Хотите, я раздавлю её каблуком?

ВИРШИНИНА. Бросьте! Не бравировьте передо мной своей звериной сущностью! Я все равно не боюсь вас. Лучше отдайте эту птицу мне, она накуковала мне давеча одиннадцать лет...

ЛЕОНИДУС. Часов, В. В., часов! Эта тварь отмеряет часы, а не годы. Забирайте её себе, я, так и быть, раздавлю ее вместе с вами.

ВИРШИНИНА. Как у вас бликуют глаза сегодня, стекольщик!.. Сдаётся мне, вы волнуетесь, нервничаете... Так вот, я здесь для того, чтобы вернуть себе и городу украденные вами отражения. Вы поняли?

ЛЕОНИДУС. А если я не захочу вам их отдать? Что украдено — то украдено.

ВИРШИНИНА. Я не собираюсь согласовывать свои намерения с вашими, стекольщик и вор. Я возьму свое силой.

ЛЕОНИДУС. Силой? Силой чего? Разве вам неизвестно, что нет просто силы, есть только сила чего-то? Моя сила — это сила ненависти. Это страшная разрушительная сила, это мощь! С ней может справиться только сила любви. Но любовь вам недоступна; вы, как и я, не способны любить. Так что, выходит, что и вы — если сильны, то только той же ненавистью. А раз так — наши силы равны. Я ненавижу вас, вы ненавидите меня, мы ведем обоюдочестную игру.

ВИРШИНИНА. Да, вы правы, я ненавижу вас, стекольщик и вор. Ненавижу до отчаяния, до боли... Но почему вы так уверены, что я не способна любить?

ЛЕОНИДУС. Я объяснил вам это еще в прошлый раз: у вас нет сердца.

ВИРШИНИНА. Вы ошибаетесь! У меня есть сердце! Вот оно, здесь! Вам, конечно, не слышно на расстоянии, но все же прислушайтесь — оно стучит!

ЛЕОНИДУС. Дайте...

ВИРШИНИНА. Но-но, не приближайтесь!

ЛЕОНИДУС. У меня не настолько тонкий слух. Да не трусьте вы: как всякий человек, склонный к поступкам, в действиях я скромн.

ВИРШИНИНА. О, я помню!.. Держите руку, слушайте пульс.

ЛЕОНИДУС. Да, стучит. Очень часто стучит. Вы не на шутку испуганы, но скрываете это так искусно, что я...

ВИРШИНИНА. Бросьте! Отдайте, отпустите мою руку! Ну же! Скромный в действиях стекольщик! Отпустите!

ЛЕОНИДУС. А если не отпущу?

ВИРШИНИНА. Отпустите, как миленький! Однажды вы обещали, что никогда не попросите у меня большего. А одна рука — какой вам от нее прок!

ЛЕОНИДУС. А я и не прошу большего. И не попрошу, раз обещал. Но, может быть, я возьму это силой, без спроса!

ВИРШИНИНА. Тогда я... убью вас.

ЛЕОНИДУС. Смело, черт возьми! Какая женщина! Так и хочется ответить какой-нибудь комплимент.

ВИРШИНИНА. Ну вот, и вы испугались! Я знаю: мужчины для того и придумали комплименты, чтобы прятать за ними свой испуг перед женщиной... Ну, отпустите мою руку! Хватит.

ЛЕОНИДУС. Ха... Натe, берите. Вы все равно не сможете от меня убежать, если в мою голову все-таки придет что-нибудь... захватывающее.

ВИРШИНИНА. Преогромное спасибо, господин захватчик... Ну вы хотя бы убедились, что сердце у меня на месте? Вот оно!

ЛЕОНИДУС. Наоборот, сударыня, слева; вы опять запутались.

ВИРШИНИНА. На этот раз запутались вы! Я-то — прежняя, я-то наизнанку не выворачивалась, значит, мои право и лево остались при мне! Они — те же самые, как, впрочем, и все, что я тут вижу.

ЛЕОНИДУС. Мало ли, кто что видит! Все гораздо сложнее, чем вы думаете, В. В. Если вы остались прежней, почему вы тогда не чувствуете перемены окружающего, а?

ВИРШИНИНА. Вам все равно меня не запутать! Вот мое сердце, слева — по нему я ориентируюсь.

ЛЕОНИДУС. Сердце — мелочь! Там, где время и пространство поменялись ролями, такой архаизм, как ваше сердце, ничего не стоит! Поймите: вы попали в престранное место. Пространство, например, здесь исчисляется минутами, а время измеряется метрами. Здесь, если вы захотите убежать, я догоню вас, как пить дать, и не потому, что быстрее бегаю, а потому, что знаю, в какую сторону надо бежать. Вы же с непривычки обязательно кинетесь не туда. Здесь все наоборот: делаете шаг в мою сторону — и отдаляетесь; пробуете уйти от меня — и сходитесь лоб в лоб. Зеркала, сударыня! Призраки теней, аллюзии иллюзий, ложь в квадрате. Или в овале?

ВИРШИНИНА. Я не верю вам. Для чего вы придумали этот ваш подложный пролог про иной мир?

ЛЕОНИДУС. Стоп! Ошиблись! Это вовсе не иной мир — не об этом я говорил. Я сказал, что это всего лишь отражение того, нашего мира. В нем все происходит по тем же самым законам, только здесь вы начинаете по-другому все воспринимать. Вот эта вот стеклянная плоскость — она преломляет и обостряет ваши чувства, только и всего! И то на очень короткое время, пока организм не перестро-

ится. Поэтому этот мир и выглядит чуть более нелепым, чем тот; однако, на самом-то деле — разницы никакой! От перемены точек зрения суть вещей не меняется, меняется лишь качество восприятия сути. Понимаете меня, сударыня? Всякое отражение есть лишь отражение отражения. Помните, с чего мы начинали? — С бесконечности.

ВИРШИНИНА. А закончим, видимо, безначальностью.

ЛЕОНИДУС. Метко... Но до «закончим» еще далеко, не будем спешить.

ВИРШИНИНА. Так вы признаете, что сердце у меня есть?

ЛЕОНИДУС. Признаю, сердце у вас есть. Но я, когда утверждал обратное, имел в виду не именно сердце как орган — я выражался фигурально, я хотел сказать, сударыня, что у вас нет души. Я и теперь так считаю.

ВИРШИНИНА. У меня нет души? Час от часу не легче! Как же, по-вашему, может быть человек без души?

ЛЕОНИДУС. Наивный вопрос, наивное удивление — я не ожидал от вас такого... Вы не беспокойтесь, отсутствие души — это не редкость, тем более, не патология. Это норма. Душа нынче — роскошь, только очень богатые люди могут себе ее позволить. Им-то она нужна меньше всего, но престиж — штука неоспоримая! Или еще душа может завалиться, наоборот, — у самого бедного, кому терять нечего. Вы — не из тех и не из других.

ВИРШИНИНА. Вот тут вы совсем сбились с разумных рельсов, уважаемый мой противник. Вы смешиваете несовместимое — душа, богатство... В вашем мире, похоже, душу измеряют в рублях, а богатство...

ЛЕОНИДУС. В душах — абсолютно верно подхватили! И нечему удивляться: земное и невесомое так переплелось теперь! Все соприкасается, В. В., и не надо делать вид, что вы ходите, не подминая травы... Чтобы заполучить себе душу, мало её взрастить, её надо еще и отвоевать: сперва отдать под заклад, под проценты, потом нажать капитал — любым способом, — а уж потом только, если хватит средств, выкупить. Но это удавалось пока очень немногим. Хотя, истории известны некоторые единичные прецеденты, когда человек, не имевший поначалу за душой ни гроша, так искусно пускал ее в оборот, что потом у него хватало денег не только на то, чтобы выкупить свою душу, но и чтобы прикупить еще две-три про запас. Представляете, как удобно: человек умирает, одна его душа отправляется, согласно заслугам, в Ад, в самое месиво, зато другая преспокойно отдыхает где-нибудь в садах Эдема, в то время как третья снова спускается на Землю, чтобы продолжить дело своего бывшего тела. Забавно?

ВИРШИНИНА. Какая гадость... Зачем вы мне это рассказываете?

ЛЕОНИДУС. Я сбиваю вас с толку; я совмещаю полезное для себя с неприятным для вас. Такова моя тактика. Мы же ведем сражение!

ВИРШИНИНА. Мы уже ведем его?

ЛЕОНИДУС. Конечно, уже давно.

ВИРШИНИНА. Но мы не выбрали оружия!

ЛЕОНИДУС. О, мы выбрали самое страшное оружие — слова! Сила ненависти ни в чем так не проявляется, как в словах — в обыкновенных словах, наполненных самыми низкими чувствами, а еще лучше — лишенных всякого чувства! Вы видели когда-нибудь настоящее поле брани — в буквальном смысле? Вот оно, вокруг нас! Вы чувствуете, как сгущается атмосфера в помещении по мере того, как мы опрокидываем в нее все новые и новые упреки, оскорбления, обвинения и угрозы? Вы чувствуете, как вязко становится от этих слов?.. Ну, а вы-то что же не нападаете? Где ваши слова? Давайте, обзовите меня как-нибудь пообиднее, у вас это так хорошо получалось, пока вы затворничали в своем подвальчике! Или теперь вы не уверены, что я — чудовище, негодяй, ублюдок и тому подобное?

ВИРШИНИНА. Вы все это время подслушивали?

ЛЕОНИДУС. Я подглядывал, сударыня, подглядывал. Подслушивают стены, а зеркала подглядывают.

ВИРШИНИНА. Зачем вам это было нужно?

ЛЕОНИДУС. Чтобы еще больше возненавидеть вас, чтобы лишить себя всех шансов на отступление. Чтобы победить.

ВИРШИНИНА. Кого победить, зачем?.. Вы безумец, безумец — другого имени я вам не нахожу! Я не понимаю — честное слово! — зачем вам так необходимо меня ненавидеть?!

ЛЕОНИДУС. Не понимаете? Вы еще не понимаете? Странно. Вы же неглупая... Да потому, что у меня тоже нет души, потому, что я не умею любить, В. В., я умею только ненавидеть. Потому, что произошло непоправимое — мы с вами встретились! И все пошло наперекосяк!

ВИРШИНИНА. Все поправимо, стекольщик! Отдайте мне отражения, и — клянусь! — я навсегда оставлю вас в покое! Идет?

ЛЕОНИДУС. На что мне сдался этот ваш покой! Вы и вправду ничего не понимаете! Мы не могли не встретиться: это было предопределено, понимаете? Но мы с вами совершенно иначе сложили обстоятельства, чем то предполагало провидение! Дело все в том, что я пошел против течения своей судьбы, В. В., и теперь сполна за это расплачиваюсь. И вас беру в долгу, потому что...

ВИРШИНИНА. Что?

ЛЕОНИДУС. Потому что я — тот самый герой, которого вы так ждали, который должен был прийти вам на помощь в самую трудную минуту. Но мы оказались по разные стороны терпения: вы — на

стороне добра, я — на стороне зла. Видимо, именно это называется диалектикой.

ВИРШИНИНА. Вы? Вы — герой? Вы — мой герой?

ЛЕОНИДУС. Не верите? Я один из тех последних трёх рыцарей — помните, Плачущий Мужчина вам рассказывал? Так вот я — тот второй, который переквалифицировался в злодеи.

ВИРШИНИНА. Какой же вы тогда герой?! И с какой стати претендуете на то, чтобы спасти меня?

ЛЕОНИДУС. Я больше не претендую на ваше спасение, наоборот, — я буду последователен и сделаю все от меня зависящее, чтобы вы потерпели поражение, чтобы не вышли отсюда... Я законченный негодяй, мне дороги назад нет и быть не может, даже при всём желании. Да и желания, знаете ли, нет... Но не всегда я был злодеем...

ВИРШИНИНА. Что-то не верится.

ЛЕОНИДУС. Ну вот что... Давайте передохнем. Присядьте, временное перемирие — я расскажу вам свою жизнь, если только вам интересно.

ВИРШИНИНА. Это опять ваша тактика?

ЛЕОНИДУС. Может быть, даже стратегия... Так вам интересно?

ВИРШИНИНА. Рассказывайте. Обреченный имеет право выговориться.

ЛЕОНИДУС. Есть такие незначительные вещи, которые, тем не менее, решают нашу судьбу — кофейная гуща, замусоленная колода карт, жженный сахар... Что-то подобное распорядилось и моей жизнью ещё до моего рождения. Гадалки обещали моим родителям, что их сын будет одним из трех последних героев. А родители мои гадалкам верили больше, чем себе. Десяток репетиторов с малолетства принялись обучать меня наукам и добродетелям, со мной нянчились круглосуточно. Учили хорошеньким манерам, праву, фехтованию, стрельбе, танцам и прочей дребдеди, которую, как все они полагали, должен уяснить себе каждый рыцарь.

ВИРШИНИНА. Стало быть, наука не пошла в прок.

ЛЕОНИДУС. Пошла, еще как пошла! Уже в трехлетнем возрасте я совершил какой-то мелкий подвиг, о котором тут же с помпой раструбили газеты, — кажется, я защитил одну малолетнюю даму от индюка. Потом я сразился с соседской собакой, оторвал ей хвост, забил лопаткой змею, заползшую в наш двор, и своими руками уничтожил с полсотни пауков, жаб и прочих гадов. За каждую такую победу я получал леденец на палочке или оловянного солдата. Я был старательным и прилежным. Годам к шести я прочел массу интересных книжек: «Дон Кихот», «Мушкетеры»,

Новый Завет — это была настоящая школа рыцарства. Особенно мне нравились баллады о Робин Гуде, я до сих пор помню одну замечательную строфу:

Одних без ног несли домой,
Других стрелков — без рук,
А Робин Гуд ушел в леса,
Забрав свой верный лук...

Замечательно, не правда ли?.. В школе я имел по поведению только отличную оценку — меня ставили всем в пример. У меня выработался инстинкт: всем хамам я, не раздумывая, бил морду, у меня была отменная реакция на подлость. Девочки меня обожали, мальчики меня остерегались, друзей у меня не было... А потом что-то вдруг поменялось — то ли это возраст, то ли какие-то внешние причины — я сам не пойму. Только я стал сознавать себя, стал присматриваться, прислушиваться, приживаться... И что-то показалось мне неправильным — в моем поведении и вообще в понимании мною и людьми, меня выпестовавшими, самой сути рыцарства. Я стал сомневаться — герой ли я? И эти сомнения так мною завладели, что у меня нарушилась реакция, я стал задумчив, нерешителен, я слишком долго размышлял, прежде чем дать кому-нибудь по морде. Я сделался малохольным каким-то. Вместо приключенческих романов углубился в философию, богословие. У меня испортилось зрение, пришлось выписать очки. То есть, я совершенно изменился в своих глазах, а главное — в глазах окружающих. Родители впали в панику, девочкам стало со мной скучно, мальчики перестали принимать меня всерьез, друзей у меня так и не появилось. Но самое интересное то, что сам-то я тогда был собой очень доволен, я искренне полагал, что вот именно сейчас я себе не изменяю и иду единственно правильной дорогой. Когда кто-нибудь указывал мне на то, что я-де рожден рыцарем, что мое призвание — совершать подвиги, побеждать, давать сдачи и заставлять дрожать всех потенциальных врагов, я спокойно отвечал, что всё это верно и справедливо, дело только в том, что называть подвигами и как понимать победу, каким образом давать сдачи и кого считать врагами. Но меня не понимали. Меня стали презирать, мне говорили, что у меня нет воли, что я — тряпка и ничтожество, не могу постоять не только за кого-нибудь униженного, но даже за самого себя. Тогда я ушел от них, я отправился в жизнь, решив доказать свою правоту на деле и явить свету новый тип героя — рыцаря, приносящего не меч, но...

ВИРШИНИНА. Но что?

ЛЕОНИДУС. Ничего. Ничего мне не удалось доказать. Никто, ни один человек не опознал во мне рыцаря, даже не заподозрил! Все при-

нимали меня за идиота. В лучшем случае — меня жалели и, как убогому, подавали милостыню, а в худшем... В общем, меня так никто и не оценил. Может быть, к счастью. И тогда мое терпение лопнуло, и злоба растеклась по всему моему существу. Я разозлился — на человеческую тупость, на их привычку к стереотипам и мерзкое нежелание смотреть глубже своего сортира! Скоты! Они мерили меня по себе, они даже пробовали учить и поучать меня! Меня — урожденного рыцаря! Кто им вдолбил, что героя нужно воспитывать, кто?! Какой осел! Героями не становятся, ими рождаются!

ВИРШИНИНА. Ну, это спорное утверждение... И, пожалуйста, не кричите так: у нас же перемирие.

ЛЕОНИДУС. Прошу прощения. Эта тема — она иногда так побаливает... И вот я в состоянии, так сказать, аффекта поклялся всем отомстить! Я решил стать-таки тем, чего от меня ждут! А чтобы это было нагляднее, я задумал пойти чуть дальше, утрировать: я решил сделаться не просто рыцарем, а черным рыцарем — что сути не меняет, а лишь выворачивает ее наружу! И — я продал душу дьяволу. Не из корысти, не ради каких-то там благ и привилегий, а просто так, в истерике. Я объявил бойкот человечеству и провозгласил себя служителем зла. Принялся расклеивать по миру объявления: «Недорого продам душу. » Но почему-то моя душа никого не заинтересовала! Я возненавидел себя, я стал сам себе противен: я оказался настолько непрактичен, что не мог продать самый ходовой товар! В тот момент я увидел свое отражение в зеркале, во мне сработал прежний, полужабытый инстинкт, и я, не раздумывая, со всей силы врезал по зеркалу кулаком! Дальше последовала самая банальная мизансцена: зеркало лопнуло, а из дыры вылез некто — он напоминал отчасти меня самого, но весь был какой-то горбатенький, небритый, нечесанный, в протертой кожаной куртке и с хвостом.

ВИРШИНИНА. Дела...

Появляется Мелочный Бес.

БЕС. Здравствуй, Лёнь. Извини, что без предупреждения, время — не деньги, сам понимаешь!

ЛЕОНИДУС. Вы кто? Вы ко мне?

БЕС. К тебе, Лёнь, к тебе, по объявлению. По твою душу я, понял-нет?

ЛЕОНИДУС. По объявлению... Ну да... Только... Вы извините, но я...

БЕС. Оп! Передумал! Ха-ха!.. Не, Лёнь, так не пойдет, такие вещи не передумываются. И потом, мы такую отступную предвидели, так что — не обижайся — подстраховались: собрали на тебя кой-какой материальчик — вот такенная папка, одних объявлений штук

сто двенадцать. Так что, ты наш теперь, помазанный. Поймался ты, Лёнь. Понял-нет?

ЛЕОНИДУС. На чём же вы меня поймали?

БЕС. Ой, на многом, Лёнь, на многом. А ты думал — чистенький? Мы, Лёнь, если нужно, любого человечка найдем на чем поймать; тени и праведники отбрасывают. А ты давно у меня под колпаком, в парнике, как говорится. Я только выжидал, пока ты дозреешь. Но ты — парень с умом, так что дошел быстро, прямой наводкой, без околичностей... Конечно, если хочешь повыпендриваться, мы папочку ту оприходуем, как надобно... А если ты человек деловой, то сговоримся по самому хорошему, обоюдовыгодно. Понял, Лёнь?

ЛЕОНИДУС. Понял... Ну что ж делать... Я даже не знаю... Придется...

БЕС. Вот это разговор! Вот это по-нашему!

ЛЕОНИДУС. Ладно! Что надо? Какие формальности? Что подписать? Давайте текст завещания...

БЕС. Э-э-э! Какое завещание! До чего же вы, люди, хитрые, блин! Все вам бумажки какие-то, подписи! Нет уж, мы теперь тоже черти ученые, мы теперь сразу душу забираем, до смерти не ждем — слишком жирно! Бывало — подпишет какой-нибудь фраер договор, а потом раскается и начнет прятаться от нас, грешки замаливать в какой-нибудь церквухе. Ищи его, свищи! Это сейчас мы уже к ладану попривыкли, попринюхались, а тогда ой как трудно было вас, стервецов, из монастырей выкуривать! Сколько наших полегло, пока иммунитет выработался! Так что, Лёнь, ты мозги-то мне не цементируй; дело простое: ты берешь свое, я беру свое, и расходимся до лучших времен, то есть, навсегда!

ЛЕОНИДУС. А как же я без души жить буду?

БЕС. Как? Да как все бездушные! Ты чего, Лень? Ты меня удивляешь, блин! Ты думаешь, ты один такой, редкий? Да ты приглядишь, разуй глаза, очкарик! Людей без души — полно; у одних — никогда не было, другие её того... просеяли, как говорится. Без неё же легче! С душой-то — переживания, маета, а без души — вечный праздник, воля вольная! Не говоря уже о мелких всяких выгодах. Налоги, например, не надо платить за свою душу населения. Я тебе по этому поводу и справочку дам: мол, от налога на душу населения пожизненно освобожден за неимением таковой. Вот, держи сразу, видишь — всё путем: печать с рожками, подпись с хвостиком. Документ, блин.

ЛЕОНИДУС. Где ж такую справку примут! Она ж, небось, в людских учреждениях и не действительна!

БЕС. Зачем так обижаешь, Лёнь! В них, в людских-то, как раз и действительна! У нас-то — я тебе уже говорил — справок не уважают, у нас всем верят на слово, а справки — это для вас. Да с нашей, блин, дьявольской печатью тебя любой чинуша без очереди при-

мет. В ваших учреждениях — сплошь наши люди. Нам водохлебы не нужны, мы все больше власть имущих вербуем, это нам выгодней. Так что, Лёнь, у нас здесь все схвачено, понял-нет? Руки у нас ого-го какие длинные! А волосатые какие — во, видал!

ЛЕОНИДУС. Вижу, волосатые. А вот хвост, позвольте заметить, веревочный почему-то.

БЕС. А, разглядел, очкарик! Веребочка, верно. Да это так, для понту, надо же имидж поддерживать, авторитет, блин... Хвосты у нас, Лёнь, больше не растут — атавизм это. Да и рога отпали за ненадобностью. Мы ведь эволюционируем, вперед движемся по законам природы, в отличие от некоторых. Уже разница между чертом и человеком почти что сошла на нет. Так что держи эту веревку на память — может, пригодится когда. А что до душ, Лёнь, так на них нынче спрос не велик, потому как предложений очень много. Поэтому ты, Лёнь, лучше не торгуйся: никому твоя щетная душонка не нужна; считай, что тебе крупно повезло. Понял-нет?

ЛЕОНИДУС. Что же вы предлагаете взамен? Деньги?

БЕС. Ой, только не деньги, Лёнь! Деньги — вещь проходная и безнадежная. Власть — вот вечная валюта! Была бы власть, а денежки к ней всегда приложатся. Маленькая власть — маленькие денежки, большая власть...

ЛЕОНИДУС. Власть надо удерживать.

БЕС. Э, Лёнь, мы о разных вещах толкуем! Я не о той власти говорю, о которой ты подумал; земная власть кончается, как пачка сигарет, понял? А вот волшебная власть, власть над вещами и их сущностями — то другое дело! Это — да! Это — силища! Вот посмотри, Лёнь: фирменный волшебный агрегат — чудо-ранец. Портфель, значит, с лялочками. Дает абсолютную безграничную власть над стеклом. Оцени!

ЛЕОНИДУС. Почему именно над стеклом? На что мне стекло? Я же не стеклодув!

БЕС. Ну, Лёнь, ты опять меня не понял! Власть — она над чем угодно хороша, если с умом подходить. Ты и стеклодувом можешь быть, можешь — стекольщиком, зеркальщиком, оптиком-очковтирателем, с таким портфелем это никакого труда не составит — знай качай деньги. Это же не авоська, блин, это чудодейственный ранец! Насос для кошельков и карманов. В него можно просто битого стекла напихать, потом задумать желание — и в нём уже драгоценных камешков под самые застёжки! Смотри! *(Берет со стола графин, разбивает, запихивает осколки в ранец, а затем демонстративно встряхивает из него бриллианты)*. Да, бриллианты, Лёнь. Держи, пробуй. Товар штучный, оригинальный, старинной германской работы, аналогов не имеет. Оценил?

Леонидус принимается рассматривать ранец и камни, а бес тем временем достаёт из-за зеркала грязный белый халат, надевает его и вынимает из кармана щипцы.

ЛЕОНИДУС. А щипцы зачем?..

БЕС. Сейчас душу вынимать из тебя буду, Лёнь. Наркоза, Лёнь, нету — ты вот хлебни спиртику из моего копытца, и — по рукам! Ну?

ЛЕОНИДУС. А! Чтoб там пусто было! По рукам! Пропадай всё к чертям собачьим!

Выпивает из копытца. Откуда ни возьмись, появляется кресло — типа зубо-врачебного.

БЕС. Присаживайся, Лёнь, будь как дома.

ЛЕОНИДУС. Но... Это, вроде, женское кресло-то...

БЕС. Дурень ты! Это — как раз мужское! И чему тебя учили столько лет, блин!.. Садись.

ЛЕОНИДУС. А инструмент-то стерильный? Руки-то вы хоть вымыли?

БЕС. Обижаетесь всаправду, Лёнь! Инструмент знатный, инквизиторский, сам в котле кипятил. А руки умыть мы завсегда успеем... Да чего ты трясешься-то? Расслабься, Лёнь, а не то больнее будет. Да ты рот-то закрой, я ж не зубы тебе дергать собираюсь. Душу — ее только через глаза поддеть можно, ухватить. Ты открой глазки-то! Вот так... Тут ничего сложного, что-то вроде рыбалки — бросаешь наживочку и ждешь, пока клюнет...

ЛЕОНИДУС. А вы бросили уже?

БЕС. Бросил, Лёнь, зашвырнул глубоко-глубоко. А ты и не заметил, дурашка!..

ЛЕОНИДУС. А как же...

БЕС. Тс! Цыц! Клюет! Подсекаем!

ЛЕОНИДУС. А-а-а! Глаза!

БЕС. Не дрейфы! Я знаю, что делаю! Я тебе стеклянные глаза вставлю, будешь без очков все насквозь видеть!

ЛЕОНИДУС. Больно! Не вижу ничего!

БЕС. Поздно, Лёнь, поздно, договор заключен, сейчас кровью скрепляется!

ЛЕОНИДУС. Остановите! Откройте! Я не хочу! Я передумал!..

БЕС. Да не дергайся, блин! Больнее ж будет! Сейчас я ее подцеплю, драгоценную! Только бы не сорвалась! Да ты не моргай так, не моргай, слепни в оба!

ЛЕОНИДУС. Мама! А!!!

БЕС. Вот она, родная! Ну!..

ЛЕОНИДУС. Нет! Помогите!

БЕС. Черт! Сорвалась, ушла! Что ж ты, блин, Лёнь, как маленький! Ты мужик или кто! Теперь ее из пяток выталкивать придется! А-ну,

снимай обувку, переворачивайся вниз головой! Да быстрее, быстрее, блин, как неживой! Заткнется ведь в самые мозоли — никакими пытками её потом... Эх, пропадет же товар! Ни тебе, ни мне!.. Ну, вот так, умница, теперь потерпи, сейчас я её током шугану!

Включает какой-то рубильник. Леонидуса начинает трясти со страшной силой. Бес бежит вокруг него, срывает с себя халат и накрывает им нечто невидимое, вырвавшееся из стекольщика. Под халатом бьется и трепещет душа...

БЕС. Ап! Есть! Вот она! Попалась, долгожданная! Ух ты, тепленькая моя, ух ты, мягконькая моя, уж мы из тебя сделаем такое!.. Ну-ну, успокойся, смирись, душечка, самое страшное позади... Ну все, Лёнь, дело сделано! (*Леонидус лежит в шоке и не может вымолвить ни слова.*) Ничего, Лёнь, сейчас шок пройдет, оклемаешься. Денька два не ешь ничего, только пей, не закусывая, понял-нет? Тогда отдушина быстро затянется, я ее железякой-то тебе прижег, так что должно обойтись без осложнений. У меня лапа-то уже меткая! Очки можешь выкинуть: глаза я тебе подправил, все плюсы в минусы перевел и наоборот. Наслаждайся, отдыхай. Кажется, всё... Ну, я пошел... Да, самую приятную-то вещь я тебе сообщить забыл! Ещё одна выгодка: любить тебе теперь никого не надо. Не сможешь ты любить без души-то. И не надо, правда? Ты теперь сам себе хозяин, безупречно свободный человек... Ну, пока, Лёнь! Прощай, не поминай всуе! Если что — мы тебя найдем. Если понадобится — найди меня; имя мое простое — Легион Легионыч. Запомнил-нет? А? Чего молчишь-то? Ну ладно...

ВИРШИННА. Больно?

ЛЕОНИДУС. Вспоминать — больно. А тогда было... пусто как-то. Внутри и снаружи — только пустота. Все как будто потеряло смысл, все опрокинулось. Я так двое суток ногами вперед и пролежал — ничего не хотел, ничего не ждал, не вспоминал ни о чём. И наказа чертова, конечно, не выполнил — не ушел в запой, пустил всё на самотёк. Вот рана-то у меня и не затянулась, стала кровоточить, нарывать. Тогда и всплыла боль, нестерпимая такая... Да он, видать, еще и нахалтурил — неаккуратно душу вынул, не всю, у самого корня надломил.

БЕС. Это не мой просчет! Это душа твоя виновата — что ж она хвостик-то с перепугу отбросила!

ЛЕОНИДУС. Он вообще меня надул. Я же думал: это нормальный дьявол, а это какой-то мелочный бес оказался, перекупщик.

БЕС. Вы про меня? Ну да, перекупщик, мелочный бес узкой специализации — по стеклянным предметам.

ЛЕОНИДУС. Я потом навел о нем справки. Он по дешевке скупал души у таких вот растяп и разгильдяев, а после перепродавал втридорога высшей чертовщине. Сильно преуспел в этом: сбил себе капиталчик, купил домик в Раю и все такое прочее...

БЕС. Да, блин, капиталчик, капиталишко... А что? Вы же меня тоже поймите, ребята: я сколько веков живу — ничего, кроме этой вонючей преисподней, не видел! Вам хорошо, вы — бывлые люди, вы не знаете, что такое бессмертие! У вас память — и та короткая! Все вам подано: выбирай — не хочу! Хошь — живи, хошь — умирай, хошь — в Ад, хошь — в Рай, хошь — заново рождайся! А у меня — никакой перспективы, два измерения! Меня к Раю даже на километр не подпускали! Даже одним глазком взглянуть — ни-ни! Не положено — грязен! Мне и умереть-то нельзя, чтобы родиться хоть разочек кем-нибудь другим — хоть бы свиньей, хоть бы ящерицей, я уж о птичках и одуванчиках и не заикаюсь! Нет, вот только одно: стой с ведром у котла по двенадцать часов в сутки да по выходным в грязном белье копайся! Весь провонял за вечность-то... А мне ведь тоже разнообразия хочется! Я ведь тоже существо, тоже тварь божья, поняли-нет? Вот и пустился во все тяжкие!.. Так что вы, ребята, сперва вникните, разберитесь, а потом уж осуждайте!

ЛЕОНИДУС. Я ему вникну! Так вникну! Я эту сволочь еще достану когда-нибудь, я ему расстрою его райскую жизнь!

БЕС. Не достанешь, не достанешь! Руки коротки! *(Убегает.)*

ЛЕОНИДУС. Мерзость... Знаете, В. В., если бы вы, так называемые добрые, нам, так называемым злодеям, не мешали постоянно, мы бы давно уже сами друг друга изничтожили. Остался бы один — самый сильный, да и тот недолго бы продержался — под конец сам бы себя съел. Но вам же обязательно надо всегда встрять!

ВИРШИНИНА. Если бы все было так просто... Лучше рассказывайте дальше.

ЛЕОНИДУС. Дальше... Стал у меня этот душевный обломок саднить и кровоточить. Как только я его ни лечил, чем ни заговаривал — никакого толку. Только плюс к тому — нарыв образовался. Видеть-то я действительно глубже стал, да отдушинка эта до того мелкая была, юркая, как червячок, никак к ней не подобраться, рентгеном — и то её не высветишь. И так она внутри гнездится, так жжет, что хоть на стены бросайся! И вдруг я понял, чего моя боль требует, — злодеяний! Я попробовал — помогло! Ну и — пошло-поехало, пристрастился... Кое-как приглушил боль разными подручными средствами — предательства, клевета, грабежи, разбои, прочие жароутоляющие, о которых вам вообще лучше не слышать... Остаток души атрофировался, ранка затянулась, нарыв спал, но все равно — ноет периодически, особенно к хорошей погоде.

Теперь вы понимаете? Я просто физически не могу не причинять зла. Я ничего от этой дурацкой сделки не выгадал, одни неприятности. Знаете, быть злодеем — не так уж легко.

ВИРШИНИНА. Быть — вообще нелегко, кем угодно, особенно собой...

Вы во всем виноваты сами, стекольщик.

ЛЕОНИДУС. А я никого другого и не виню. Но иногда, бывает, я мщу...

ВИРШИНИНА. Кому?

ЛЕОНИДУС. Всем. Подростшим девочкам, повзрослевшим мальчикам, себе... Хорошо еще, что у меня нет друзей — вот кому бы я отомстил страшнее всего!

ВИРШИНИНА. Им-то за что?

ЛЕОНИДУС. Вот именно за то, что их нет!... Месть, В. В., — самое эффективное болеутоляющее для сломанной души. Запомните это — вдруг пригодится!

ВИРШИНИНА. Вы говорите ужасные вещи.

ЛЕОНИДУС. Да, и не только говорю... Иногда я сам себе ужасаюсь. Но лишь в минуты слабости, а такие минуты, в конечном счете, делают меня сильнее. После них я начинаю сильнее ненавидеть! Всех! И каждого в отдельности! Ведь кто я теперь такой? Я нынешний — это то самое, чего все они от меня хотели, я — воплощение их убогих надежд и чаяний, я — их герой! И нечего на меня пенять!

ВИРШИНИНА. Но неужели нет никакого средства, чтобы вернуть душу? Ведь у вас её, можно сказать, насильно отняли, вас запантажировали!

ЛЕОНИДУС. Какое там насильно! Я и не сопротивлялся почти, так только — поломался слегка, для приличия...

ВИРШИНИНА. Но у вас же остался этот хвостик, корешок. Может быть, можно его как-нибудь взрастить... В конце концов, привить чужую душу!

ЛЕОНИДУС. Кто на это отважится!.. Невозможно. Видите ли, у меня душа очень редкой группы. Вы, должно быть, этого не знаете, но души — они как облачка, маленькие сгустки пара, и все похожи на разных зверюшек. Моя была похожа на ежа. Это очень редкая конфигурация — облако в иголках! Я встречал лишь одного человека с подобной душою — вас, В. В.

ВИРШИНИНА. Меня? Вот как... Но вы же говорите, что у меня души нет?!

ЛЕОНИДУС. Говорил. Я вообще с вами слишком много говорю... Послушайте, я очень хорошо вижу — вижу то, о чем другие и не догадываются, но иногда мне кажется, что я вижу только иллюзии; их так много вокруг меня, они всё заслонили... Только однажды я вспомнил, что такое реальность без прикрас и без ужасов — свободная легкая реальность. Это случилось, когда я увидел вас — тогда, у зеркала. Я почувствовал, как время разворачи-

вается, как всё движется вспять, к своим исходным местам. Я почувствовал обратимость упущенного. У меня даже голова закружилась, я снова стал плохо видеть — никогда не думал, что это так здорово! А потом — поцелуй... Вот тогда я почувствовал всю эту иллюзорность, мне даже показалось в тот момент, что нет никаких бесов, волшебников, душ, похожих на зверюшек, чудотранцев, стекол из дыхания... что нет даже добра и зла — что это тоже выдумки, еще более опасные... И я готов был уже это запомнить и осознать... О, если бы вам тогда показалось то же самое!..

ВИРШИНИНА. Вы же тогда ничего мне не объяснили. Вы, наоборот, вели себя так вызывающе, а слова ваши были столь бессвязны, что я...

ЛЕОНИДУС. Объяснять не имело смысла, ведь вы все равно не чувствовали главного. Объяснения в чувства не приводят.

ВИРШИНИНА. Вы предлагали мне драгоценности, вы меня оскорбили!

ЛЕОНИДУС. Я вынужден был использовать все возможные методы.

ВИРШИНИНА. Вы противоречите себе, стекольник! Разве объяснения — не метод?! Чем они невозможнее дешевого подкупа? А? У вас просто смешались в голове все понятия, извратились все ценности! Видимо, вы приняли слишком много болеутоляющего, вы переутолили свою боль! Так можно подвинуться рассудком.

ЛЕОНИДУС. Можно. Мне теперь все можно... Это моя последняя сказка, мне все равно.

ВИРШИНИНА. Моя последняя сказка?..

ЛЕОНИДУС. Моя... После всей этой бесовской процедуры у меня наступило ощущение такого... обреченного отчаяния, я перешел за грань. Я бродил по ночным улицам и искал свою смерть. Но мне навстречу никто не попадался. Случайные прохожие, припозднившиеся парочки — все полуночники обходили меня за квартал. Даже грабители чуяли неладное и убегали, даже черные кошки серели и прятались по подвалам, боясь перебежать мне дорогу... И вдруг — нашелся какой-то бешеный материалист — сам вышел мне навстречу, даже не подумав испугаться! Оказалось, что он подпольный врач. Он-то и сказал, что со мной скоро произойдет последняя сказка. Так оно и случилось...

ВИРШИНИНА. А врач этот... он был цыган? Нет?

ЛЕОНИДУС. Да, цыган.

ВИРШИНИНА. Точно!.. Я эту историю где-то уже слышала... Или видела? Я даже помню лицо этого врача... Откуда? Не пойму, не могу вспомнить — где, при каких обстоятельствах?..

ЛЕОНИДУС. Странно. Хотя... Да нет, ничего в общем-то странного. Всё вполне объяснимо.

ВИРШИНИНА. Так объясните!

ЛЕОНИДУС. В. В., вы должны, наконец, уяснить важнейшую вещь: мы с вами — не случайные знакомые, хоть и враги! Здесь, в сумеречных кулуарах бесконечности, это так очевидно... Как это ни неприятно нам обоим, но мы, скорее всего, предназначались друг для друга, мы были задуманы как две половинки одного цельного мира. Понимаете? И только по иронии случая, по какой-то профанации закономерности нас соединила ненависть, а не любовь. Вернее — разъединила. И наш мир раскололся... Я многое о вас узнал и понял за это время — немудрено, что и вам известны кое-какие подробности и даже лица из моей жизни.

ВИРШИНИНА. Вы возненавидели меня с первого взгляда?

ЛЕОНИДУС. Не знаю... Первым взглядом я увидел не вас, а ваше отражение. Поэтому моя первая реакция была неадекватна.

ВИРШИНИНА. Хватит вам городить заумные огороды, стекольщик!

По-моему, вы окончательно запутались в своей дальновзоркости. В тот момент не взгляды надо было подсчитывать, а...

ЛЕОНИДУС. А что? Ну, что? Сказали «а», так говорите и дальше! Не знаете! Вот и я не знаю, что надо было делать, чем вас пронять! Я уверен, что, чтобы я там ни сказал, что бы ни сделал, все равно это оказалось бы безрезультатным, все равно вы бы меня не поняли! Вы и теперь-то, наверняка, меня не понимаете.

ВИРШИНИНА. Почему это? Я всё понимаю... Мне уже даже вас немножечко жалко!

ЛЕОНИДУС. Жалко?! Чудесно! И она говорит о понимании! Да мне не нужна ваша жалость! Жалеть и понимать — совершенно разные вещи!

ВИРШИНИНА. Так вам надобно понимания, стекольщик!?

ЛЕОНИДУС. А!.. От вас мне уже ничего не надо!

ВИРШИНИНА. Ах так? И прекрасно! Замечательно! По правде сказать, вы правы — я никогда бы не отдала вам и четверти своей души, какими бы историями вы её ни щипали! На меня не действуют чужие истории!

ЛЕОНИДУС. Я знаю. Я теперь многое о вас знаю, В. В. С тех пор, как я возненавидел вас, я не упускал вас из виду, я постоянно наблюдал за вами сквозь зеркала. Так что, если захотите, я смогу рассказать вам вашу собственную историю. Уж она-то на вас подействует! Еще как!

ВИРШИНИНА. У меня нет никакой истории!

ЛЕОНИДУС. Верно, отчасти верно. Ваша жизнь, действительно, на редкость скучна и бессюжетна, но в ней все же есть пара обжигающих поворотов, не так ли?

ВИРШИНИНА. Не касайтесь моей жизни, стекольщик!

ЛЕОНИДУС. Я осторожно, сударыня, я привык иметь дело с хрупкими и острыми предметами.

ВИРШИНИНА. Насколько я понимаю, перемирие закончено?

ЛЕОНИДУС. Да, продолжим схватку, не будем терять время.

ВИРШИНИНА. Продолжим!

ЛЕОНИДУС. Ну наконец-то и вы завелись! Надеюсь, теперь вы пустите в ход своё оружие — свои обвинения, упреки, домыслы? Мне надоело нападать, В. В., дайте мне повод защищаться. Ну? Нападайте, ваше одиночество!.. Что вы так оцепенели? Вы не ожидали, что мне известно это ваше собственное к себе обращение — ваше одиночество? Так ведь я же сказал, что я почти всё о вас знаю... Опять испугались?

ВИРШИНИНА. Почти всё? Нет, вы опять врете, вы ловите меня! Вы не можете знать обо мне всё, иначе бы вы...

ЛЕОНИДУС. Иначе бы я что? Что?

ВИРШИНИНА. Не знаю... Я потеряла мысль.

ЛЕОНИДУС. Вы не потеряли её — теряют только мелкие мысли, а эта была крупной, — и вы ей ужаснулись.

ВИРШИНИНА. Ничему я не ужасалась! Прекратите ловить меня на эмоциях! Я в сотый раз повторяю: я не боюсь вас, стекольщик!

ЛЕОНИДУС. И не бойтесь — дело не в этом! Чтобы победить, мало не бояться. Вот я, наоборот, боюсь вас, но у меня в руках все ваши секреты, и поэтому я могу сделать с вами все, что захочу. Не верите? Фокус в том, что у людей нет и не может быть секретов от зеркал... Ну что же вы не нападаете, а?

ВИРШИНИНА. Как вы мне надоели, стекольщик! Как я устала от этой несоразмерно растянувшейся сказки! От этих разговоров вместо действия! Что за жизнь! Герои — ноют, вместо того чтобы проявлять храбрость и благородство, злодеи — читают мораль, вместо того чтобы разорвать в клочья... Слова и скука...

ЛЕОНИДУС. Вы пишете хорошие стихи, В. В. Я давно хотел вам это сказать, но всё как-то не было подходящего момента.

ВИРШИНИНА. Вам и это известно... Что ж, в таком случае, мне придется вам поверить. Страшно подумать, что кто-то знает о тебе всё. Всё!.. Теперь мне становятся ясны истоки вашей ненависти... Да, подходящий момент для литературной похвалы...

ЛЕОНИДУС. Просто другого может и не быть. Мы, видите ли, приближаемся к финалу нашей битвы. Сейчас я нанесу вам несколько смертельных ударов — и всё будет окончено.

ВИРШИНИНА. Наносите, давайте. Чем же вы будете меня... добивать?

ЛЕОНИДУС. Воспоминаниями. Я хочу, чтобы и вы сами узнали о себе столько же, сколько известно мне, потустороннему наблюдателю. Я заставлю вас вспомнить вашу жизнь без купюр стыдливой памяти — я расскажу вам вашу историю!

ВИРШИНИНА. Боюсь, что мне уже и это неинтересно. Вы вызываете во мне лишь зевоту, упрямый стекольщик.

ЛЕОНИДУС. Вы до сих пор считаете себя положительной героиней. Ваше право. Только я хочу вам показать вас же со стороны, с другой точки зрения... Смотрите сюда, в это зеркало! *(Подходит к зеркалу, срывает с него покрывало.)* Разбито. Зеркала бьются к смерти, не так ли? Воспоминание первое — смерть вашей матери. Вы глубоко прячете свои еще совсем детские переживания, свою боль — уже не детскую боль. Для чего? А для того лишь, чтобы все кругом восхищались вашей выдержкой! Вы даже горе умели использовать в личных целях, вы работали на свой образ, вы хотели стать сильной. Для чего? Спросим ответ у другого зеркала! Оно тоже разбито — не иначе, к беде! Воспоминание следующее — ваш отец. После смерти матери он всерьез занялся вашим воспитанием — как мог, в силу своих представлений об отцовстве. И вам приходилось по миллиметру отвоевывать свою самостоятельность, продирались сквозь его ежовые рукавицы. А вот и та самая беда — отец ваш сходит с ума. Зрелище не для слабонервных! Когда это произошло, вы всё пытались заставить себя вздохнуть облегченно, но — не могли. Почему у вас не получался этот вздох? Не потому, что вам было жалко отца, нет, — просто вы понимали, что в своей борьбе с ним вы все-таки проиграли. Его безумие не принесло вам победы, В. В.

ВИРШИНИНА. Не смейте убеждать меня! Не смейте делать предположения утвердительным тоном — это запрещенный прием! Не смейте трогать моих родителей — они вне нашей войны! Всё это нечестно, вы не можете знать того, о чем сейчас говорите: когда все это происходило, вас еще не было по ту сторону стекла!

ЛЕОНИДУС. По эту, по эту сторону, В. В., а не по ту... Зеркала, если пристально в них вглядываться, отражают и прошлое... А вот еще одно интересное зеркало, почти не разбитое, но с большой трещиной. А за ним — воспоминание о вашей лучшей подруге. И о её предательстве. Не будем вдаваться в подробности той банальной истории, перейдем сразу к последствиям. С тех пор вы больше всего на свете боитесь — предательства, да? Да, только есть один нюанс: вы боитесь СВОЕГО предательства! Вы боитесь не быть преданной, а предать! Ведь тогда дело не дошло до этого только потому, что вас опередили, — ваша подружка предала вас первой! А вы-то уже были готовы, даже мысленно оправдали себя... Но вдруг оказались жертвой, хотя готовили себе роль иную. От этого удар получился вдвое больше — в вас срикошетило вашим же умыслом!

ВИРШИНИНА. Всё, о чем вы говорите, никоим образом не относится к нашему с вами частному делу.

ЛЕОНИДУС. К делу — нет, но к его сути — да. Мы говорим о вашей душе, об этом милом ёжике, которого вы превратили в дикобраза... Итак, после того предательства вы замкнулись и отстранились, вы перестали подпускать к себе кого бы то ни было, вы возненавидели в душе всех и вся. Тот, кого победили обстоятельства, пытается потом отыграться на окружающих. И вы объявили всем войну — невидимую, тайную войну. Война стала для вас обычным состоянием, война и поныне для вас первична. Так? И вели вы её этими вот средствами — словами! А пристреливались — на живых людях, на этих бедолагах-искусствоиспытателях, слабых мира сего. Скольких вы ранили — не считали? Скольких уложили наповал и сделали калеками?.. Для чего все это, В. В.?

ВИРШИНИНА. Довольно, остановитесь...

ЛЕОНИДУС. Может быть, у вас и есть душа, В. В., но она какая-то неправильная... Я так хочу ее понять, но я ее не понимаю! Я не желаю вашей души.

ВИРШИНИНА. Остановитесь, пожалуйста. Мне больно.

ЛЕОНИДУС. Всем больно. И мне было больно, и искусствоиспытателям вашим. Даже зеркалам, В. В., бывает больно. Когда они видят нас и таких, как мы, они просто звенят от боли. Только мы не чувствуем этого, мы даже не подозреваем, насколько хрупка эта плоскость. Мы по привычке смотрим друг на друга, отражаем, подражаем, корчим друг другу рожи, строим глазки, иногда даже переговариваемся и — млеем от удовольствия, балдеем от своего отражения, принимая его за себя! Ведь зеркало — единственное реальное волшебство, единственная чудо-вещь наяву, как не потерять от него голову! Особенно, если эта голова так недурно в нём выглядит! Но, бывает и так: кто-то из нас не рассчитает своих сил, размахнется, да и даст с размаху о зеркало; стекло вдребезги, а за ним-то — ничего!.. Вы не рассчитали сил, В. В., вы слишком широко размахнулись... А теперь я, как обещал, добью вас — одним махом, чтобы вы больше не мучились. Вы действительно никуда не перемещались, В. В. Нет никакого зазеркалья, нет никакой амальгамы. Вы всё там же, вы та же.

ВИРШИНИНА. И вам меня не жаль?

ЛЕОНИДУС. Нет. Я из тех, кто может сожалеть о чём-то, но никогда не пожалеет кого-то. Я наверняка буду потом сожалеть, что добил вас, но лично к вам у меня нет и не может быть жалости: вы совсем ее недостойны.

ВИРШИНИНА. Тогда добивайте.

Стекольщик хватает со стола кукушку, кидает её на пол и ударом сапога разбивает вдребезги.

ВИРШИНИНА. Вдребезги... Слишком долго длится это мгновение...

Недавно мне приснился страшный сон, что-то очень жуткое. Я от страха проснулась — кругом темно, тихо. Мне стало еще страшнее, хотя причину того сонного страха я уже забыла. В памяти осели только обстоятельства... И вот я лежу — и всего боюсь: боюсь пошевелиться, боюсь открыть глаза. Понимаю, что всё это — чушь, детский сад, а внутри меня так и дрожит. Хочу перевернуться на другой бок или подушку сменить, чтобы это унижительное чувство исчезло, но даже моргнуть не решаюсь... И тут вдруг я понимаю, что есть только один способ этот страх преодолеть: закрыть глаза, восстановить все обстоятельства сновидения, вернуться в него и постараться напрямую, нос к носу столкнуться с причиной испуга, с его источником. Чтобы победить его в открытой схватке. Понимаете? Не убегать, не прятаться под одеяло... Вернее, наоборот, — от тьмы не прятаться в свет: искусственный свет не спасает от реальных кошмаров... И вот я закрываю глаза, настраиваюсь на то, что сейчас опять увижу это нечто, и — ужаса как не бывало! Он растаял, исчез! Я спокойно уснула, а в тот сон вовсе, кажется, и не возвращалась больше — за ненадобностью.

ЛЕОНИДУС. Может быть, именно сейчас вы и вернулись в тот свой сон.

ВИРШИНИНА. Похоже на то. Но мне уже не страшно. Вы не умеете пугать.

ЛЕОНИДУС. Это вы не умеете бояться. У вашего страха слишком маленькие глазки, В. В. Я завидую вам; жаль только, что зависть моя бесцветна.

ВИРШИНИНА. Наш поединок окончен?

ЛЕОНИДУС. Думаю, да.

ВИРШИНИНА. Кто же победил?

ЛЕОНИДУС. Думаю, никто.

ВИРШИНИНА. Значит, победила ненависть...

ЛЕОНИДУС. Ненависть победить не может.

ВИРШИНИНА. Странно все-таки, все сказки в мире — о любви, а наша — о ненависти. Обидно.

ЛЕОНИДУС. Может быть, и наша — о любви. Только мы глядим на неё с другого бока. Мы же стоим против света.

ВИРШИНИНА. И зачем в этом мире так много хороших людей, а? Это ведь жестоко!

ЛЕОНИДУС. Вы полагаете, когда страдают плохие люди, — это более справедливо?

ВИРШИНИНА. Вы мне очень ненавистны, стекольщик Леонид Леонидус. Очень.

ЛЕОНИДУС. И я вас ненавижу всем существом. Вы стали мне еще ненавистнее, чем раньше.

ВИРШИНИНА. Тогда забудьте меня.

ЛЕОНИДУС. Боюсь, что это невозможно.

ВИРШИНИНА. Не бойтесь. Забудьте.

ЛЕОНИДУС. Невозможно: наша ненависть не позволит сделать это.

Чувства обостряют память — они раскрашивают события миллионом немеркнущих оттенков. Я не забуду вас, увы, как, впрочем, и вы меня... Я верну вам отражения, но у меня есть одна просьба: ничего больше не ищите! Ничего и никого. Всё, что вы можете найти в этой жизни, — это я. Но я хочу, чтобы мы с вами больше никогда не встретились.

ВИРШИНИНА. Хорошо. Я больше ничего не буду искать... Только...

Что же мне тогда остается?

ЛЕОНИДУС. У вас есть спички?

ВИРШИНИНА. Кажется, есть, одна.

ЛЕОНИДУС. Посветите мне напоследок, я тут у вас слегка намусорил... Что-то совсем стемнело, видимо, к холодам...

Леонид Леонидус принимается ползать по полу и собирать в ранец останки кукушки. Виршинина зажигает спичку. Леонидус прерывается — и они смотрят друг на друга.

ВИРШИНИНА. А если мы всё-таки встретимся? Мир становится все теснее...

ЛЕОНИДУС. Не встретимся. Мир не так уж тесен — в нём можно спрятаться даже от себя.

Спичка гаснет.

9. ЭПИЛОГ. АМАЛЬГАМА

Ресторан. За стойкой дремлет Хозяйка. В углу за столиком смакует пиво Цыганский Врач. На переднем плане за столом сидит Человек-Слово, просматривая газету.

Часы без кукушки отбивают семь часов вечера: пробив шесть раз, они умолкают и, лишь когда на лестнице появляется Человек-Дело, раздаётся седьмой удар.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И как это вам опять не удалось опоздать, коллега?

Как это у вас так ловко получается?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. У меня хорошие отношения со временем, коллега, деловые отношения. Просто оно мне кое-чем обязано.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот как? И чем же?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да так, знаете ли... Однажды я имел возможность убить часок-другой, да чего-то не стал, сжалился. Это, кстати, был единственный случай в моей практике, когда я не сделал того, что мог. Вот с тех пор мы со временем — побратимы.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, история вполне в духе всех историй нашей губернии. Вы прижились здесь, коллега. Я поздравляю вас с этим и — сочувствую.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. По этому поводу можно бы и выпить — а, коллега? Эй, хозяйшка! Дайте-ка нам выпить!

ХОЗЯЙКА. Чего изволите? Небось, кагора?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да какого там кагора! Давайте водки! И расскажите нам какую-нибудь сказочную новость, вы так здорово рассказываете!

ХОЗЯЙКА. Да какие там нынче новости-то! Все благополучно, все хорошо, а подробности вы и сами знаете. Если всё хорошо, то без новостей — оно и спокойнее... Водочку-то чем закусывать будете?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Хочется квашеной капусты — огромное блюдо! А?

ХОЗЯЙКА. Это запросто...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Похоже, вы сегодня в хорошем настроении, коллега. Что такое случилось?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да ничего особенного, просто радуюсь, что все так хорошо закончилось!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А что закончилось?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да всё! Зеркала опять заработали, губернатор выздоровел, стекольщик вернулся! Разве мало поводов?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да, достаточно...

Хозяйка приносит блюдо с капустой и графин водки.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Кстати, хозяйшка, а что там про астрологов слышно?

ХОЗЯЙКА. А чего про них слушать! В немилости. Отправили всех в степь, в астрологическую экспедицию. Живут теперь, значит, в палатках, наблюдают свои звездочки — в общем, изучают, как их раки зимуют. Почти все довольны, только вот хиромантам там, должно быть, не очень удобно — холодно, все клиенты в варежках ходят, скрывают свои возможности. Экстрасенсы тоже там: по утрам делают зарядку — заряжают что-нибудь, потом взглядом костры разжигают. У кого взглядом не получается, тому палочку в руки дают, кремень да паклю. В общем, живут, как первобытные ученые. Полезно живут. Только грома боятся.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А искусствоиспытатели?

ХОЗЯЙКА. Об них я и не знаю ничего. Видимо, все пишут себе под стол...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да все испытывают, коллега, — то ли искусство, то ли его терпение... На стройку их не сослали, не бойтесь: от них там толку никакого.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ну и слава Богу! За всех, коллега! За общее незатейливое благополучие!

Выпив до самого дна и закусив, Человек-Дело достает из кармана часы и бережно подводит их.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вы починили часы?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да, вставил новое стекло — противоударное, водонепроницаемое и пуленепробиваемое. Тоже, кстати, повод... Хотите взглянуть? Натe, полюбуйтeсь. Нравитсeя?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ничего, увесистая вещица... А вообще-то я в этом ничего не смыслю, я к вещам равнодушен.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Зря, коллега! Деловому человеку без любви к вещам никак нельзя!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я догадываюсь...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вещь — это ведь и есть воплощенное дело. Тем более, такая превосходная вещь! Это разве часы? Это чудо, а не часы! Ну согласитесь!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ну да, да, хорошая штука.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Штука! Ничего себе!.. Вот это вот, коллега, если хотите знать, и есть как раз произведение искусства! Товар редкий, оригинальный, старинной французской работы, аналогов не имеет. Так меня уверяли... Что вы так на меня смотрите?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Ничего, показалось...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А посмотрите, как стекло искусно вставлено! Этот мой сосед действительно оказался мастером своего дела. Уважаю!

ХОЗЯЙКА. Да, он умница, этот Леонидус Леонид! Вы только на витрину взгляните, господа пригожие, — как он ее отделал! Можно теперь и не класть в неё ничего: один только натуральный блеск всех притягивает! А зеркала! Как он их отполировал! В них же теперь приятно глядеться! Золотые ручки!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. И карманы тоже золотые.

ХОЗЯЙКА. Только вот, чую, придется мне полный ремонт затевать, чтобы вся эта стекловщина не выбивалась из картинки-то. Вот сижу и думаю всё: чем бы стены оклеить, какими обоями? Какого колеру?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Покрасьте их в черный цвет. Он лучше всего отражает.

ХОЗЯЙКА. Что отражает?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Действительность. Только черный цвет отражает действительность, остальные отражают лишь наши иллюзии и заблуждения. Черный — это цвет правды.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Зачем так мрачно, коллега! По-моему, вы сегодня не в духе. Не надо так, ей богу! Радуйтесь жизни, дружище! Давайте выпьем водки! Ну, веселее! Нас еще ждут великие дела!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Это вас ждут дела, коллега, а меня ждут великие слова. Может, и великие, но — слова... Жаль, что у нас с вами ничего не получилось.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Что вы имеете в виду?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я имею в виду, коллега, факт, который я вынужден констатировать: наш с вами деловой союз распался. Я очень ценю вас как человека, как друга, но дела у нас не заладились. Вы очень скоро отвлеклись, коллега, от намеченных планов. Окончательно я понял это только что, видя ваше сегодняшнее настроение. Не обижайтесь, но вы сейчас просто невыносимы, вы похожи на престарелого оптимиста — с таким пафосом нельзя сделать ничего путного, коллега... И тем не менее — я понимаю вас, мне очень знакомо это состояние... Вы всё бываете у Виршининой?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Почти каждый вечер...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Понятно. Кстати, что с ней? Почему вы ни словом о ней не обмолвитесь?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да так как-то... С ней все хорошо, все отлично. Уверю вас!

ВРАЧ (*оборачивается к собеседникам*). С вашего позволения, господа, спешу подтвердить, что с госпожой Виршининой все благополучно.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. О, вот как раз её доктор! Доброго здоровья вам и вашим пациентам! А я вас, было, не заметил! Знакомьтесь, коллега.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Здравствуйте, доктор.

ВРАЧ. Честь имею представиться: личный лечащий врач Его Светлости нашего губернатора, недавно выведен из подполья в высший свет и оправдан по всем статьям. Восстановлен в праве оказания практической помощи, в настоящее время успешно пользую губернаторскую дочку. Так вот, смею вас заверить, с ней все как нельзя лучше: раны затягиваются, память восстанавливается. Она уже в состоянии реагировать на опасность, чувствовать боль и называть вещи своими именами. То есть, с точки зрения традиционной медицины, госпожа Виршинина выздоравливает полным ходом, и её состояние прогрессирует налицо... Смею прогнозировать: через недельку-другую она

снова начнет принимать друзей в своем знаменитом салоне и все пойдет по-прежнему.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Все настолько безнадежно?

ВРАЧ. В каком смысле? Я отказываюсь вас понимать!

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Я тоже не понимаю вас, коллега! Доктор же сказал — всё хорошо. Чего еще можно желать?!

ВРАЧ. Да все замечательно! На Виршининой всё на редкость быстро заживает — не по дням, а по часам! Будто это вовсе и не она...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. А кто?

ВРАЧ. Я образно выразился, фигурально!.. И всё, господа, мне пора убежать, у меня больные болеют. Будьте здоровы, спешу и кланяюсь!

Врач уходит.

ХОЗЯЙКА. Нет, лет десять-одиннадцать она еще протянет... Если в том же режиме...

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Кто? Вы о ком?

ХОЗЯЙКА. Я про лестницу. Я все о своем, о ремонте думаю. Как считаете, господа пригожие, протянет эта лестница, не проломится?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Смотря кто по ней будет ходить. И в каком направлении.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Коллега, какой же вы сегодня занудный, извините! Лучше бы глотнули водки или прокомментировали что-нибудь.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я больше не комментирую, коллега, — завязал. Бессмысленная растрата слов... У кого есть глаза — поймет всё без комментариев.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. И все-таки, что с вами?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я стал бояться счастливых финалов, коллега. Они меня настораживают. В них чувствуется подвох, нестыковка... Это моя старая ошибка: сказки, которые я когда-то сочинял, всегда счастливо заканчивались. Я полагал, что иначе нельзя, что хеппи-энды сказкам необходимы. Наверное, так думает большинство сказочников. Но в жизни почему-то происходит совсем наоборот, шиворот-навыворот.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. И как же быть?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Если бы я вновь когда-нибудь взялся за прежнее ремесло — допустим это чисто гипотетически, — я поступил бы знаете как? Я стал бы писать сказки с несчастливыми концами. И писал бы их много-много. Если то, что в сказке за правило, в жизни является исключением, то, может быть, в жизни тогда стало бы больше счастливых финалов? А?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ежели так, то тогда оно того стоит.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Вот и еще одну ошибку я отыскал в своих делах.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Ну, ошибка, которую можно исправить, — еще не ошибка. А эту — можно.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Да нет, я не буду ничего исправлять. Я не верю исправленному. Я не имею ни малейшего желания возвращаться к сказкам. Я как можно скорее хочу теперь собрать вещи и уехать куда-нибудь подальше от этого странного города. Тут слишком много развелось волшебников, слишком много сверхъестественного, не говоря уже о том, что всяк персонаж мнит себя автором.

ХОЗЯЙКА. Ой, это уж точно!

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Здесь невозможно излечиться от веры в чудеса. Мне, коллега, необходимо сменить климат, пожить в каком-нибудь более правдоподобном месте. В каком-нибудь настоящем городе, всамделишной стране, реальном мире, где абсурд не является признаком жизни, а физические законы природы распространяются на всех без исключения. Если только есть такое место...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вот как. Стало быть, вы покидаете нас, коллега.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я покидаю не вас...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Чем же вы намерены заняться?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. С собой, коллега, как обычно, собой.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. А что... Займитесь собой, действительно! Вам это не помешает. Я давно заметил, коллега, что у вас — простите — какая-то мания безличия. Понимаете мою мысль? Вы все время пытаетесь уйти в тень, притворяетесь маленьким человеком. Комментатор — не ваше амплуа, коллега. Найдите свое место. И распрощайтесь со своим псевдонимом, верните себе истинное имя, откройте лицо.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Спасибо за науку, коллега... Знаете, я чувствую, что прав был господин Драматург: пора обратить внимание на трагедию. И я подбираюсь сейчас к этому жанру, подступаю, подкрадываюсь...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Собираетесь в нем писать?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Скорее, жить.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Не знаю... Лично мне больше нравятся трагикомедии.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Хороший жанр, достойный. Но жить в нем все же неудобно. Жизнь, как это ни печально, развивается обычно по законам трагедии...

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Вы стали слишком умничать, коллега. Выпейте водки, а то вы становитесь похожим на искусствовиспытателя.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Я бросил пить, коллега.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Да ну! Когда?

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Только что. Я не хочу пить. Меня мучает другая жажда.

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Чего же вы хотите? Заказывайте.

ЧЕЛОВЕК-СЛОВО. Чего я хочу? Чего я хочу... Пожалуй, я хочу посадить дерево. Хочу построить дом. И еще хочу хотя бы сына вырастить настоящим мужчиной. Пусть не рыцарем — это не обязательно, но — мужчиной!.. Банально... Чего вы смеётесь, коллега?

ЧЕЛОВЕК-ДЕЛО. Простите, простите, коллега! Это бестактно, я понимаю, но мне вдруг пришло в голову... Мне почему-то показалось... Нет, я просто уверен, что у вас будет... дочь!

КОНЕЦ.

Санкт-Петербург, 1994

СКАЗКИ НА ЗАСЫПКУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё, о чём написано в этой книжке, было на самом деле. А то, чего не было, — ещё будет. А то, чего не было и не будет, — происходит именно сейчас. Такова природа творчества: придумать то, чего на свете нет, невозможно. Сказочники знают это лучше кого бы то ни было, и поэтому даже не пытаются фантазировать. Они лишь сухо констатируют факты. Просто у сказочников по-особому устроено зрение: одним глазом они видят то же, что и все остальные люди, а другим — то, чего обычные люди не замечают. Сказочники смотрят сны не только по ночам. Поэтому у них часто болят глаза и с головой тоже не всё в порядке. Только сказочники знают, в чём заключена разница между снами и сновидениями. Явь для них прозрачна, а обыденность наполнена приключениями и любовью. К сожалению, я ещё не сказочник, я только учусь. Это самое трудное ремесло из тех, какие мне довелось осваивать. Это самое замечательное ремесло, и именно его я хочу освоить больше всего на свете. Я стараюсь всматриваться в свои сны, прислушиваться к своему сердцу и притрагиваться к окружающему меня воздуху. Там-то я и подсмотрел собранные в книжке истории, которые я представляю Вашему вниманию в качестве своей контрольной работы по предмету сказкосозерцание. Вы, любезный мой читатель, не стесняясь, можете помечать на её полях замеченные ошибки и в конце каждой сказки ставить оценку. Только делайте это зелёным карандашом, поскольку именно зелёный цвет символизирует в сновидениях надежду. А сказка и надежда не могут существовать друг без друга.

Автор.

СКАЗКИ ВМЕСТО СНОВ

ОЧКИ

Жила-была девочка. К ней на подоконник часто прилетал кто-то. Девочка думала, что это ангел. Однажды она подглядела момент, когда тот опять прилетел, и подбежала близко-близко к окну. Оказалось, что это был не ангел, а обыкновенная белая ворона. Девочкин дядя, добрый волшебник, долго сердился на девочку за то, что она так обманулась. А потом наколдовал ей очки. Чтобы девочка больше не путала ангелов с белыми воронами.

ВОР

Какой-то путешественник был проездом в Египте. Тамошние сфинксы только что принесли потомство. Вот египтяне и подарили путешественнику пару маленьких сфинксят. Он их привез домой и стал выращивать. Нянчился, выгуливал, поил свинцовым молоком. Однажды пошел попутешествовать, а к нему в гости явился вор. Достал отмычки и стал копаться в замке. И вдруг слышит, как молодой сфинкс спрашивает его из-за дверей: «Кто там?» А потом и второй: «Кто там?» Вор задумался — и не смог ответить на этот вопрос.

ПРИВИДЕНИЕ

В городе Петергофе обитало привидение. Днём оно отсыпалось, растянувшись радугой над фонтанами, а по ночам бродило по музею и поставленным голосом кричало: «Петр Алексеевич! Петр Алексеевич!», — чем традиционно пугало зрителей и ночную охрану. Такая у него была работа. Но однажды работодатели вызвали привидение к себе и сказали: «Ну, хватит валять дурачку, завтра отправляем тебя в новую жизнь. Собирай вещи, выбирай родителей и пол, в шесть утра ждем тебя на призывном пункте.» Привидение сначала обрадовалось, стало собираться на новое земное поприще, придумывать себе судьбу. И вдруг оно вспомнило, что придется заново идти в первый класс, десять лет учиться и делать домашние задания! Подумало-подумало привидение, да и решило никуда утром не идти. А чтобы работодатели его не нашли, спряталось в царском камине.

РАДИОЛЮБИТЕЛЬ

Радиоловитель с незаконченным высшим образованием построил у себя на балконе космический корабль. Ничего никому не сообщил, сел в него ночью, пристегнулся и улетел на Марс. Долго там бродил, пока не наткнулся на стоянку туристов. Оказалось — наши. Земные инженеры, врачи, научные сотрудники, в разное время тайком улетевшие с земли, жгут костры, жарят марсианские баклажаны и поют песни под гитару. Радиоловитель погостил у них полгода, но потом ему наскучило, и он улетел обратно на землю. Осмотрелся — а на его балконе чужие лыжи стоят, в квартире другая обстановка, и на улице движение левостороннее! Оказалось, пока он гулял по космосу, на Земле прошла тысяча лет, и все несколько изменилось. Радиоловитель расстроился и вернулся на Марс. Земляки марсиане потешаются над ним: мол, неужели не знал, что планеты в разных временных поясах лежат! Вот что значит незаконченное высшее! Тогда радиоловитель обиделся на них, выплюнул их безвкусные баклажаны и принялся перестраивать свой корабль в машину времени.

ГУБЫ ИМПЕРАТОРА

Один император прогуливался утром по парку. Первый министр рассказал ему анекдот. Император засмеялся, и у него лопнула верхняя губа, да так сильно, что кровь едва остановили. Обедал император аккуратно, но во время смены блюд вспомнил давешний анекдот, не удержался, прыснул — и нижняя губа его тоже дала трещину. Тогда император подумал так: «Уж лучше я вообще не буду смеяться, а то от моего смеха обязательно идет кровь — не сверху, так снизу.»

СТРЕЛОЧНИК

Жили-были в одном городе скорый поезд и скорая помощь. Поезд ездил по своему маршруту, а помощь — по своему. Скорый поезд помогал людям встречаться, привозил одних к другим. А скорая помощь, если уж наступал её черёд, всех разлучала. Поэтому горожане, особенно влюблённые, души не чаяли в скором поезде, а скорую помощь терпеть не могли. Но однажды пути их пересеклись. Это было под Новый год, когда все влюблённые сели на скорый поезд и помчались в соседний город, где жили их возлюбленные. Им так не терпелось поскорее прибыть к месту назначения, что они даже повысовыва-

ли свои физиономии из окон. Но вдруг поезд стал тормозить. И пассажиры увидели, что какой-то стрелочник перекрыл составу проезд, чтобы дать дорогу скорой помощи. Пассажиры принялись единодушно возмущаться. Но стрелочник выставил свой красный флажок и не убрал его до тех пор, пока карета скорой помощи не миновала железнодорожный переезд. Поезд с недовольными горожанами помчался дальше, а стрелочник свернул свой флажок, присел на шпалу, закурил и подумал: «Да, я виноват. Я отнял у счастливых пять минут счастья. Но зато я подарил отчаявшимся пять минут надежды. Когда-нибудь и те, и другие поймут меня и перестанут сердиться. Не будь я скорый стрелочник!»

ПУСТАЯ КОРОБКА

Один человек жил так беспечно, что промотал и профукал все свое движимое и недвижимое имущество. Под конец жизни он прошляпил даже свою фамилию, прозевал отчество, а потом и проморгал имя. Когда этот человек умер, его душа предстала перед Богом в картонной коробке из-под обуви. Дежурный Бог долго глядел в коробку и хмурился — голая душа, без имени, без одной почки... «Нет, — наконец сказал он архангелам и брезгливо отодвинул коробку, — я не могу такое пустить на небо. Заберите его обратно на землю, дайте ему еще одну жизнь — пусть заработает хотя бы на тренировочный костюм.»

ОСЛИНАЯ РЕПКА

Жил да был на свете молодой ослик по имени Визгунок. До всего доходил он своим умом, а до чего умом дойти не мог, добирал упрямством. Однажды прослышал он, что в столице каждый год устраивают конкурс для сообразительных осликов, а победителя по-царски награждают. Побрёл Визгунок в столицу, нашёл приёмную комиссию и попал на конкурс. В жюри собрались люди маститые, заслуженные и уважаемые, не просто было угодить их вкусу. Визгунок показал, что умет: станцевал легку-еньку, провизжал арию Панурга и поупрямился, когда его со сцены выталкивали. Жюри именно за упрямство и признало-таки его победителем. Если б не признало, разве он бы со сцены ушёл! Наградили его специальной волшебной репкой: тот ослик, который её съедал, тотчас превращался в человека. Визгунок от гордости чуть не умер, съел репку и стал человеком. А члены жюри поздравили его с превращением и присвоили фамилию Визгунков. О чём и выдали ему документ, подписанный собственноручно господа-

ми Горбунковым, Ушаковым, Загривковым и Упрямецовой. Пригласили на следующий год в жюри.

ДРАКОН

Одному рыцарю страшно не повезло: угораздило его родиться не в средние века, а в наше смутное время. А время наше характерно не только крайне низкой рождаемостью рыцарей, но и совершеннейшим отсутствием драконов. Неутолённый рыцарский инстинкт буквально замучил нашего героя. Желание убить хоть одного дракона преследовало его с детских лет, а по достижении половой зрелости сделалось просто невыносимым. Рыцарь всюду искал дракона, шарил по всем заповедникам, зоопаркам, кунсткамерам, но нигде не было подходящего, сплошные подделки. Тогда он решил вывести дракона сам. Поступил в университет на биофак, кафедра драконоведения. Разбередил мёртвую науку, стал ставить острые опыты, чуть не взорвал лабораторию, а после пустил по всем двенадцати коллегиям неопишумый запах, за что его вскоре и попросили вон. Пришлось продолжать эксперименты дома, в однокомнатной рыцарской квартире. И вот, наконец, дракон был выведен — ура! Только получился он хиленький, вяленький, убогий. Вскормлен-то он был куриными сосисками, а не рыцарями, зарядку по утрам не делал, на воздухе бывал редко, чтобы не пугать мирных жителей, — вот и вырос слабым и некрасивым. Одна голова плохо слышит, вторая почти не видит, а третья вообще заваливается набекрень и постоянно чихает. Понял рыцарь, что, не убей он дракончика прямо сейчас, тот со дня на день сам загниётся. И вызвал он тогда дракона на битву. Прямо в прихожей и заколол его десертной вилкой. Всплакнул. А из шкурки сшил себе на память кепочку с тремя козырьками.

ВЕЗУЧИЙ БАНКИР

Жил был на свете один банкир-бизнесмен. Всю жизнь он занимался тем, что пускал в оборот всякую ерунду и зарабатывал на этом огромные деньги. На его языке это называлось утилизацией. И вот, наконец, банкир умудрился заработать все деньги, которые только существовали на земле, да еще и одну шестую часть суши в придачу, чтобы всё это богатство разместить. Уселся банкир на денежные мешки, подмял их под себя — сидит, пьянеет от удовольствия. Ни у кого больше денег не осталось — все у него. «Ну, — думает, — теперь-то развернусь, теперь-то позабавлюсь! Теперь всё человечество на меня пахать будет!» А люди тоже не дураки оказа-

лись. Собрались, посоветовались, устроили переоценку ценностей, да и отменили деньги вообще. Не плясать же, в самом деле, всем под одну дудку. Стали жить по старинке, вспомнили натурообмен. Вот тогда наш банкир забеспокоился, протрезвел. Ему есть захотелось, а купить ничего не может. Попытался сбыть золото ювелирам, а те из принципа его не берут — помнят, кто их когда-то без работы оставил. И дантисты тоже помнят, от кого претерпели, у них на банкира большой зуб. И вообще выяснилось, что память у всех отличная и никто не хочет с банкиром дела иметь. Не осталось на земле человека, которого бы он не обжулил и не облапошил. Всем прекрасно знаком и его гобсековский профиль, и чичиковский анфас. А пластическую операцию своими руками не сделать: больно руки у него нестерильные и трясутся от постоянной опаски. Тогда попробовал банкир свой организм подкупить, уж он-то от хозяина только добро видал. Но и тот ведёт себя предательски: сколько денег ему не сулят, всё равно есть и пить требует. Видно, повернулась удача к банкиру последним своим боком. В общем, пришлось питаться купюрами... Теперь живёт банкир в одиночестве, жуёт свои денежки. На завтрак у него тугрики, на обед иены, на ужин доллары, вместо десерта — рубли. Весьма однообразный стол. Одно развлечение ему: заезжают изредка туристы, изучают процесс утилизации. Любопытно им посмотреть, во что можно превратить бывшее богатство и одну шестую часть суши в придачу.

ФИЛОСОФСКИЙ ГРИБ

Вырос в лесу философский гриб. Был он большой и ни на какие другие грибы не похожий. Грибники не брали его, думали, что ядовитый. Наркоманы принимали его за съедобный и пренебрежительно обходили стороной. Сорвал его один отчаявшийся геолог; полжизни он искал философский камень, а когда понял, что вряд ли уже найдёт, пошёл в лес, твёрдо решив отравиться. В грибах он разбирался плохо, сорвал первый попавшийся и съел в сыром виде. Тут же и свалился с ног, словно мёртвый. Проснулся ночью при полной луне, при звёздах. Чувствует: жив, самочувствие нормальное, только в голове гуляет мысль, отчётливая и ясная. «Глупый геолог, — говорит мысль, — полжизни искал ты философский камень, напирая в поиске более на предмет, нежели на его качество. То есть, ты искал камень, а дело было в философии. А то, что ты ищешь, совсем необязательно камень, а может быть заключено в чём угодно, например, в грибе.» Геолог ударил себя по лбу, будто прозрел, поблагодарил мысль и отправился искать философский гриб... А тем временем на болоте зрела уже философская кочка.

ЛАМПОЧКИ

Один мужчина постоянно разбивал в своём доме лампочки. Он и роста был высокого, и руками много размахивал — вот лампочки и бились по дюжине в неделю. «На счастье,» — объяснял мужчина. А его жена не верила, говорила: «Какое может быть в темноте счастье!» Лампочки всё бились и бились, счастья же всё не было и не было. Весь семейный бюджет уходил на закупку лампочек. Наконец жене это надоело, и она перестала их покупать; в доме наступила темень. И вскоре после этого у мужа и жены родилась дочка. Когда малютка улыбалась — а улыбалась она почти всегда, — то улыбка её освещала весь дом. Лампочек больше не требовалось, проблема разрешилась сама собой. «Видимо, счастье совсем необязательно летит на свет, — сказала жена мужу. — В потёмках-то оно нужнее.» С тех пор мужчина не размахивал больше руками: они у него были заняты дочерью. Да и ростом он стал поменьше.

НЕКУРЯЩИЙ

В одной стране жили три человека: Гаврила, Вольдемар и Сидор. Гаврила больше всего любил союзнические сигареты «Камель». Вольдемар предпочитал отечественный «Пегас». А Сидор вообще не курил. Гаврила был человеком дела, много пользы себе принес: водил туда-сюда караваны, прокладывал в пустыне водопровод, налаживал торговые связи, одним словом, горбатился в поте лица и в конце концов стал богатым и власть имущим. Вольдемар, наоборот, по натуре был поэт, сочинял стихи, придумывал песни, строчил эпиграммы, в общем, витал в облаках высокого искусства и стал, наконец, весьма известным и почитаемым. А Сидор ничего не делал, сидел дни напролет на диване, смотрел в потолок или в окошко, болтался, как неприкаянный, да так никем и не стал. Вот они пожили-пожили, да и умерли.

После смерти попал Гаврила в адову пустыню. Вольдемар определен был в райские кущи. Только Сидора никуда не пустили, так и остался он сидеть посередине того тоннеля, что между небом и землей. Сидит он час, сидит день, сидит неделю. Пролетает мимо него какая-то сущность бестелесная.

— Эй, — кричит, — не найдется ли закурить, добряк-человек?

— Рад бы удружить, — говорит Сидор, — да не курю я.

Поглядела на него сущность с недоумением и улетела восвояси. Сидит Сидор дальше. Месяц сидит, год сидит, век сидит. Надоело ему сидеть, устал. Пойду-ка, думает, прогуляюсь, навещу прежних своих знакомцев, разузнаю, как там кто устроился, как живет-поживает.

Сказано — сделано. Для начала спустился Сидор из тоннеля на землю-матушку, проник в самое её исподнее чрево, расспросил там у местного рогатого населения, где найти такого-сякого Гаврилу. Ему разъяснили и дорогу указали. Пришел Сидор в адову пустыню и видит: кругом тьма тем горячего песка, сверху сто сорок солнц жгут лютым жаром — а больше ничего нет. Побрел Сидор по пустыне, лет пятьдесят брел, на пятьдесят первом нашел Гаврилу. Тот по горло закопан в песок, одна голова торчит — черная, как гнилушка, и пар из ушей до неба вьется, свистит. Просит Гаврила пить нечеловеческим голосом, а рядом стоит бес-блюстителю и вместо воды сует ему в рот сигарету «Камель». Увидел Гаврила Сидора, обрадовался, стали они про жизнь разговаривать.

— У меня, — жалуется Гаврила, — все из рук вон плохо, просто хуже некуда, вскипел. Перегорело все, не знаю, за что только душа держится. Всю жизнь мечтал себе большой перекур устроить — вот и дождался, дымлю теперь без передышки, аж тошнит от этого «Камеля». Да ты вставай со мной рядышком — сам и узнаешь, по чем фунт лиха!

— А что, — размышляет Сидор, — пожалуй, и встану, попробую твоего лиха, мне все равно делать нечего. Только я курить не буду.

Бес-блюстителю тотчас вырыл для Сидора ямку, закопал его по горло, смазал темечко постным маслом, чтоб не подгорало. Проторчал Сидор в этой душегубке целый год. Надоело ему до чертиков, устал он, вспотел весь. Пора, думает, выкапываться.

— Спасибо, — говорит, — за гостеприимство. Хлебнул я твоего лиха: жарко у тебя, Гаврила, а главное — накурено. Пойду теперь дальше, к Вольдемару. Не хочешь ли со мною?

Задумался Гаврила, брови на переносицу натянул.

— Нет, — говорит, — не пойду. Тут хоть и плохо, да привык я. Уйду — а где гарантии, что в другом месте лучше? А вдруг — все байки? Нет, уж лучше я здесь потерплю. А Вольдемару привет передавай.

Ну, было бы предложено! Поцеловал Сидор Гаврилу в горячий лоб, пожал лапу бесу-блюстителю и отправился в путь. Вылез из преисподней, вскарабкался по тоннелю в самые небеса, поразузнал там, где найти некоего Вольдемара. Проводили его ангелы прямо до места. Вошел Сидор в райские кущи и видит: вокруг ни земли, ни неба, одни облака да свет — такой яркий, что глаза слезятся и сердце замирает. Воздух свежий, везде ароматы, соловьи с цикадами поют на два голоса, и даль неоглядная. Парил Сидор по этой дали лет двести: когда со счета сбился, заметил наконец Вольдемара. Тот лежит привольно на

облачке, чистый до прозрачности, розы нюхает, а во рту у него позолоченный кальян, заправленный наилучшим табаком марки «Пегас». Затянется Вольдемар — и незабвенные перлы вслух выдает. А вокруг него вьются роем музки-бабочки: одна музка стенографирует, другая распечатывает, третья издает, четвертая хвалебную критику пишет, пятая переводит на все языки одновременно — ну, и так далее. Сидору Вольдемар обрадовался, одарил его запросто автографом, стал интервью давать и о себе бриллиантовом рассказывать.

— У меня, — поет, — дела ничего себе. Все неплохо так, просто сказочно. Потому как, брат, времена поменялись. Раньше музы все диктовали мне, а теперь я сам им диктую все. Что еще желать, чем надеяться! Ты приляг, дружок, со мной рядышком, пригуби моего праздника, прикоснись, так и быть, к великому.

— Пожалуй, — отвечает нараспев Сидор, — и прилягу для разнообразия. Мне все равно не к спеху. Только курить я не буду.

Улегся он на подогретое облачко, а Вольдемар стал декламировать пятисот вторую песнь своего посмертного эпоса; пока он до двухтысячной метки дошел, прошло без малого три года. Поднаскучила что-то Сидору поэзия, стал он зевать, отвлекаться, в сон его потянуло. Заметил он, что Вольдемар не доволен таким отношением. Пора, думает Сидор, и честь знать.

— Благодарствуйте, — говорит, — спасибо этому дому... Попробовал я, Вольдемар Вольдемарыч, твоего счастья — оно, конечно, здорово, да уж больно накурено. Пойду-ка я теперь проведаю, как там на земле живут, давненько не был. Не изволишь ли со мною?

Вольдемар удивился, дым изо рта выпустил, даже на прозу перешел.

— Да что ты, — говорит. — Чего я там забыл! Меня там, небось, и не помнят уже. А здесь у меня — поклонниц целый рой и для работы все условия. Нет, не пойду я отсюда никуда, ни за какие великие привилегии!

На нет, стало быть, и суда нет. Обнял Сидор Вольдемара на прощанье, расцеловал заплаканных музочек-бабочек и отправился в дальнюю дорогу. Выплыл из райских кущ, с небес спустился на землю-матушку. А на земле тем временем наступил уже золотой век: все земляне сидят, ничего не делают, только покуривают трубку мира и друг дружке её передают, чтобы войны не было. Сидор, как только увидел это, возрадовался до глубины души. Ну, думает, наконец-то я, куда надо, попал! Вот где, думает, я в своей тарелке окажусь! Присел сбоку, а ему один туземец подает трубку мира и предлагает затянуться за знакомство.

— Спасибо, — говорит Сидор, — только не курю я. Извиняйте, земляне.

Очень удивился туземец, созвал людей. Пришли люди, стали разбираться, что это за архетип такой на их территории сидит и курить

отказывается? Подняли свои скрижали, проверили по спискам, а Сидор-то там и не значится! Принялись люди гнать его в три шеи. Сидор вопит, сопротивляется.

— Да что вы, — кричит, — братцы! Бога побойтесь! Это же я — я первый сидеть начал! Это же я ваш золотой век своим сидением предвосхитил! Это ж я площадку расчистил! Кого вы гоните, земляне!

— Сидеть-то ты, может, и сидел, — говорят ему люди, — а курить-то ты не куришь! Знать, не наш ты! Ступай-ка вон, мил человек, пока мы тебе подобру-поздорову бока не поднамяли!

Еле ноги унес Сидор. Вернулся в тоннель усталый, хотел отдышаться — смотрит, а на его месте давешняя сущность бестелесная поставила табачный киоск. Сидит она за прилавком и строит Сидору глазки.

— Вот, — говорит, — примостилась тут. А то по всему тоннелю ни одной папиросной лавки! Куда это годится!

Опечалился Сидор, загрустил. И нигде-то, думает, мне не пристроиться, ни к чему свою душу не приложить, нигде-то мне не нравится, а где нравится, там места нет. Уж не закурить ли с горя? Почти решил, только вот не знает, что выбрать — «Пегаса» или «Камеля»? Задумался Сидор, присел к стеночке. Так до сих пор и сидит он в тоннеле между землей и небом, недалеко от табачного киоска. Сидит, ничего не делает, думает все.

ХОРОНЮШКА

Жили-были Старик и Старушка. Жили-поживали, доброты наживали. Было у них небольшое хозяйство, коза Верка, курица Надька да корова Любушка, кормилица. Только детей у них отродясь не было. Старик и Старушка по этому поводу сильно печалились. Но однажды, по весне, повалил с неба разноцветный град. Попало старушке самой крупной градиной по лбу. После этого она забеременела и месяца через два родила сынишку. Мальчонка был такой хороший, такой пригожий, что не могли старики на него нарадоваться. Так его и назвали — Хоронюшкой.

Рос Хоронюшка быстрее лебеды и через три года возмужал и заосанился. Уж какое счастье было старикам на старости лет! Но пришел срок — приехала к стариковой избе военная машина, вышли из нее форменные люди и забрали Хоронюшку на войну. А через неделю пришла на него похоронная бумага. Видно, не долго пришлось ему горе мыкать да побоища воевать. Сели тогда Старик и Старушка на лавку и стали причитать:

— Был, мол, у нас сыночек Хоронюшка, а теперь пришла на него похоронюшка...

Порыдали, поплакали — да и будет! Бог дал, бог и взял. Спасибо и на том. И говорят они друг дружке:

— Вот пожили мы век без малого, повидали всего. Горя похлебали, да счастья напоследок понаскребли. Сыночек наш погиб — значит, и жить-то нам больше не за чем. Пора нам умирать.

И собрались они смерть принять. Только хозяйство пожалели. Взял Старик козу Верку и отвел ее на базар, да и продал там за гроши какому-то попу. На другой день — сунул за пазуху курицу Надьку, вышел на большак и там первому встречному пешеходу подарил. А потом пришлось и корову Любушку, кормилицу, резать. Мясо пораздарили соседям, да себе еще целый пуд остался. Чтобы не пропадало добро, ели Старик и Старушка это мясо еще полмесяца — много ли старики за раз разжуют-то! И только когда доужинали последним кусочком, легли они в постель, попрощались друг с другом и стали навсегда засыпать.

Однако, в полночь разбудил их страшный грохот. Вскочили старики с кровати, смотрят в окно и видят: скачет по небу великан-всадник на белом коне. Сам ликом бледен, машет мечом и во все стороны запускает молнии. Соскочил с небес прямо к забору и ну давай барабанить костлявым кулаком! Переглянулись старики.

— Нет, — говорит Старушка, — эта смерть не про нас.

И легли сызнова спать — так и не отворили калитку. Вдруг среди ночи снова просыпаются — от ужасного скрипа и лязга. Глядят снова в окошко и видят: проезжает мимо дома длинная телега, покрытая белым саваном. Правит ею лысая старуха с косою в руках. Осадила клячу и давай стучаться в калитку, проситься на ночлег. Услышали старики ее противный голос и только переглянулись.

— Нет, — говорит Старик, — и эта смерть не про нас.

И опять они спать улеглись, так калитки и не отворили. А позже снова проснулись — на этот раз от того, что кто-то жалобно под окном мяукал. Выбежали старики во двор, смотрят, а на крылечке сидит крошечный белый котенок. Весь продрог, дрожит, пошатывается. Старики пожалели его, взяли в дом, напоили кипяточком, приласкали, да и положили греться к себе под одеяло. Котенок глаза закрыл и замурлыкал свою кошачью колыбельную песенку. Старики разомлели, уснули сладко-сладко, да больше и не просыпались.

А поутру котенок из-под одеяла вылез, встрепенулся, шерстку облизал, мяукнул и выпрыгнул в окошко.

МИНУС СТО

Сотая...

Толпа издала алчный вскрик, задние ряды налегли на передние, а передние попробовали отступить и оступились в долгожданном испу-

ге. Бум — глухой удар о помост, и легкая бесформенная голова, прокатившись по доскам, упала к ногам замолкших зевак. Палач ловко соскочил вниз с эшафота, взял голову за волосы и, взобравшись обратно, продемонстрировал ее зрителям — как это предписывалось правилами. Судья снял очки, захлопнул «Свод законов» и властно помаhal толпе рукой в золотых перстнях — мол, все, братья мои, дело сделано, пора расходиться по домам. Народ неукоснительно повиновался и стал не спеша рассасываться. В город забрела ночь.

Защищенный темным пространством пустой площади, Палач устало присел на плаху и провел ногтем по ржавому лезвию гильотины. Надо бы наточить или хотя бы маслом смазать, иначе в один прекрасный момент эта дьявольская штуковина даст осечку, и опять придется работать вручную. А это, при нынешнем-то его здоровье, — сами понимаете...

Стянув с головы маску, он аккуратно расстелил ее у ног и принялся выкладывать из карманов незатейливый ужин: головка лука, плавленый сырок, котлета и хлеб. Ну и «малек», разумеется, — а как же без него, магистрат даже отдал распоряжение выдавать за вредность. Ну, с Богом!

Хорошо... Занюхав ароматной котлетой, Палач блаженно сполз с плахи, сел прямо на отсыревшие доски, облокотился о виселицу и затащил старую добрую песенку про любовь пастуха Анцеля и прехорошенькой лесной феи. Очень красивая песня, жаль, что у него нет голоса! Хриплый вой тоскливо поплыл по влажному воздуху и потерялся среди черных крыш. Никто не услышал этой прекрасной песни, никто, разве что, вот — головы.

Палач замолк и уставился на голову, которая одиноко лежала рядом с ужином, чуть приоткрыв бесстрастный рот. Взял ее обеими руками и твердо установил напротив себя, на плаху. И стал довольно и внимательно рассматривать.

Сотая. Это была сотая голова, которую он так искусно отделил от тела. Она ничем не отличалась от прежних — такая же округлая, с носом, ушами, морщинами... И все-таки это была необычная голова — голова-символ, голова-юбилей! Он смотрел на неё с потаенной гордостью, будто художник, который только что сотворил-таки нечто непревзойденное и, поняв ему цену, смотрит на это нечто и не смеет поверить — действительно ли сотворил это он сам? В своем деле палач и был художником. Сто голов — это вам не луковое пюре, это целая биография, исторический акт, сотня загубленных жизней. Законно загубленных, на благо и во имя человечества... Растроганный такими глобальными мыслями, Палач сделал ядрёный глоток и снова занюхал котлетой. Потеплело!

— Не желаешь? — риторически спросил он у головы и поводит бутылкой перед носом. Голова молчала. — Не желаешь. Обиделся. А, меж-

ду прочим, зря обиделся-то! Я же тебе ничего плохого не сделал, ага. Я только отделил твою умственную часть от части греховной и выпустил из клетки душу твою. Летай, душа, на здоровье! Вот так, брат-голова.

Он сделал еще глоток, закусил горькой луковицей, и щеки его просочились слезами.

— Ты думаешь, брат-голова, мне легко? Дурачина ты. Каково это — сорок лет рубить с плеча головы, не взирая на лица! Ежели ты меня не уважаешь, то хоть ремесло мое не принижай. Ты что же думаешь, я только тем и занимаюсь, что дергаю за шнурок гильотину да табуретки из под ног выбиваю? Глупости! Мое дело — лишать человека жизни. Не убивать, а именно лишать жизни путем обращения его в смерть. Чувствуешь разницу? Это трудно. А я к тому ж добрый по натуре, жалостливый. Ты вот представь, брат-голова, каково рубить голову своему знакомому или даже родственнику, я уж не говорю о друзьях и женщинах. Судье — тому легче, он ставит двоеточие, а мне надобно поставить точку. Это же весь изнервничаешься, изведешься. Но показывать этого нельзя. А легко ли, по-твоему, отбирать жизнь у невинного человека?!... Сколько людей перешло через этот помост на ту сторону! И каждому надо было посмотреть в глаза, прежде чем завязывать их черной ветошью. Чего только я в них не видел: все человеческие чувства, все гримасы жизни и смерти предстали предо мной в полной красе и в абсолютном трагическом безобразии. Я ведь с каждой своей жертвой сливался в такие минуты, понимаешь, брат-голова, я с каждым говорил на его языке — на языке последнего взгляда... Сто раз я умирал вместе с ними, только мне было тяжелее, ведь я, умерев, оставался в живых. Вот так, брат-голова. За тебя!

Бутылка опустела, и тягучая печаль засмолила глаза Палача. Он выплюнул едва разжеванный сырок и грустно высморкался. Захотелось спать, но улечься по-человечески не хватало сил, и он продолжал прозябать сидя. Голова смотрела все так же бесстрастно, закатив зрачки и приоткрыв рот.

— И что ты все молчишь, — в лучших чувствах огорчился Палач. — Все не так уж плохо с тобой, поверь мне, брат-голова. Привыкнешь. А что? Глаза при тебе, уши тоже, язык, мозги всякие. А на кой тебе, скажи, это туловище? От него ведь все и беды-то, от этих рук, ног, живота и всего прочего организму, чтоб ему пусто было! Я даже, если хочешь знать, завидую тебе ужасно. Не веришь? Зря...

— Ну почему же, — голова неохотно зашевелила губами. — Верю.

Палач перекрестился сикось-накось и на мгновение протрезвел. Панически протер глаза и осоловело уставился на голову. Та внимательно смотрела на него неморгающими бельмами и заутробным голосом выговаривала:

— Верю. Я тебе верю, дружище. Только... Ошибочка вышла на сотый-то раз. Присмотрись-ка ко мне повнимательнее.

Палач встал на четвереньки и вплотную подполз к говорящей голове. У той изо рта пахло стойким перегаром, и Палач издал испуганный хрип, упруго пошатнувшись.

— Узнаешь? — невесело ухмыльнулась голова.

Палач попятился, уперся задом в виселицу и замер, стоя на четвереньках посреди помоста.

— Не может быть! — вылезло из него, раздирая внутренности.

— Узнал-таки, — голова вяло зашторила веки и удовлетворенно засопела.

— Не может быть, — повторил Палач, оседая на доски. — Как же такое возможно? Кто позволил... Господи...

Голова безнадежно замолчала. Опомнившись, Палач растопырил руки и с размаху попытался обхватить ими свою голову. Руки сцепились чуть выше плеч, не встретив никакой преграды. Он почувствовал, как из сердца вытекла дрожь, понеслась по застывшим венам и прыснула мурашками по всей коже. Попробовал еще раз. Все впустую — головы на плечах не было. Плечи есть — вот они, вот шея, все тут, а голова...

Мурашки бросились врассыпную, потом вновь скучковались на плечах и ладонях. Стало холодно до озноба.

— Но я же вижу, — запротестовал Палач, стряхивая с себя жирные наросты страха и в истерике ощупывая пустое пространство, — я же разговариваю! Такого не может быть! Так быть не должно!

— Ничего, — успокоила голова. — Ничего страшного. Это лишь фантомные явления, это пройдет, дружище. Попривыкнешь. Да ты не переживай особенно, так оно и лучше.

Палач взвыл и принялся бешено стучать кулаками по помосту.

— Нет, — визжал он, — я так не хочу! Я не буду, не могу! Не согласен! Я лучше повешусь...

— Глупец, — прохрипела голова. — У тебя не получится, хоть ты и мастер в этом деле. Но ты безголов.

Палач подергался еще минуту и, обессилив, растянулся на эшафоте. Ему показалось, что он плачет, но слез он не почувствовал. Настала тишина.

— Ты обречен на жизнь, — холодно прошептала голова. — Ты сотворил слишком много смертей, чтобы умереть самому. Кто утратил вкус смерти, тот не достоин ее, дружище. Пусть же будет расплатой тебе — бессмертие.

Закончив, голова зевнула на просвет, закатила глаза, покачнувшись и, упав с плахи, откатилась в дальний угол. Палач лежал на досках, царапая дряхлую древесину ногтями, и жалобно всхлипывал. Надо было о чем-нибудь подумать, но головы-то и не было. Он приподнялся,

сгреб запачканный крошками капюшон и нацепил его на плечи. Получилось неубедительно — пустая маска бессмысленно повисла на спине. Были бы слезы...

Тем временем ночь стала отступать. Палач сидел на эшафоте, прислонившись сутулой спиной к виселице и обхватив мощными руками колени. Тело его беззвучно сотрясалось. Метрах в двух лежала некрасивая лысая голова. Глаза ее закатились до упора, и лишь рот еще медленно открывался, выдавливая заутробные звуки, — то была старинная песня:

— Лесная фея как-то раз
Услышала свирель,
То на лужке овечек пас
Младой пастух Анцель...

Звук сливался с утренним паром и таял в небесах. Песня была очень красивая. Жаль, что у ее исполнителя больше не было голоса.

ДЕВОЧКА ДЮЙМОВЧКА*

Здравствуй, мой маленький друг. Сегодня я расскажу тебе сказку про девочку, такую крошечную, что даже имя у неё было маленькое — Дюймовочка. Девочка Дюймовочка родилась однажды вечером, но появления такой малютки никто не заметил...

На грязном подоконнике было темно и сыро. Дюймовочка высунула из наперстка свою крошечную головку и начала постигать мир широко моргающими глазами. Сонная осенняя муха, удивленно жужжа, сделала над девочкой мертвую петлю и, потеряв управление, врезалась лбом в стекло... Далеко за окном блестели сказочные звезды.

Дюймовочка вылезла из своей люльки и подошла к мухе, безвольно съехавший по стеклу на кучку пепла.

— Ой, — сказала девочка Дюймовочка и дернула муху за крылышко. — Мамочка моя!

— Чего? — испугалась муха.

— Ой, говорю, мамочка вы моя, — объяснила Дюймовочка.

— Кто?! — муха испугалась еще больше.

— Вы, говорю, тётенька! Мамулечка...

— А, — зевнула муха, — сплю, сплю...

Внезапно очнувшись, муха глянула на девочку, оценила ситуацию и поспешно улетела.

---

* Сценарий мультипликационного фильма по мотивам сказки Г. Х. Андерсена.

Дюймовочке это так понравилось, что она тоже попыталась взлететь — растопырила короткие ручонки и спрыгнула с высокого подоконника...

Дюймовочка сидела на полу, прислонясь к низу батареи, и тёрла ладошкой ушибленный лоб. Из старой бреши в полу вылез пьяный в щепку таракан. Шатаясь и волоча по паркету свалывшиеся усы, он подошел к девочке и глухо забормотал:

— Пардон, мадам... ам... Имею честь, Таракан-с... кажись... Пьян-с, чему и вас... вас... желаю... Не составите ли ком... компа... ссс... ес?

И он упал на брюшко прямо к ногам Дюймовочки.

— Дяденька! — забеспокоилась девочка. — Вам плохо? Дяденька, миленький, очнитесь!

— Мадам, — с трудом произнес таракан, — польщен-с... Вашу мать, мадам... ссс...

— Мамочку? — переспросила Дюймовочка, пытаясь приподнять таракана и поставить его на лапки. — Вы знаете мою маму? Ну встаньте же, дяденька!

— Имею честь... ум... ем... им...

Таракан не поднялся. Тем временем, мимо пробежал маленький рыжий клоп. Увидав, что девочка возится с тараканом, он насупил брови и вкрадчиво посоветовал:

— Девочка, брось, не трогай этого дяденьку. Он пьяненький, от него дихлофосом пахнет. Это нехороший дядя, оставь его. Иди лучше к людям, тебе к людям надо. Здесь тебе не место.

И он уполз. Дюймовочка показала вслед клопу язык, потом призадумалась. Про что это он говорил? Люди — кто это? И где они живут? Может быть, на звездах?

Когда слабый лучик света проник в тараканье логово, стало похоже на утро. Девочка Дюймовочка сидела на большом окурке «Беломора». Вид у неё был усталый. Рядом метался из угла в угол таракан, замученный головной болью. Натыкаясь на Дюймовочку, он визжал:

— Что такое? Кто такая? Что надо? — и ему становилось совсем плохо.

— Это я, дяденька, — объясняла Дюймовочка. — Девочка Дюймовочка. С добрым утречком!

— Ой, страшила, — расстраивался таракан. — Ну и страшила!

Дюймовочка наконец обиделась.

— Как вам не совестно, дяденька! — сказала она. — Это же я, помните? Я вас спасла вчера. Вам так плохо было...

— Не помню, не помню! Не было мне плохо! Мне сейчас плохо...

— Ну как же, дяденька! — не унималась девочка. — Вы еще про маму мою говорили...

— Какая мама? Какая твоя мама?!— плакался таракан. — Как же мне плохо, как же мне нехорошо...

Дюймовочке стало грустно. Она подошла к осколку зеркала, поглядела недолго и, горько вздохнув, опустила глаза. Да... А таракан с отчаяния засунул голову в окурок и через пару минут вывалился обратно глубоко удовлетворенный и невменяемый.

Долго шла девочка Дюймовочка всякими подземными норами, застенными дырами, холодными трубами. Шла и напевала тихонечко:

— Здесь все, конечно, интересно.
Здесь все как будто поражает.
Но, дяди-тети, если честно, -
Порой все это раздражает.

А я хочу попасть к людям,
Таким же, как и я.
Где много пап, где много мам,
Где школа и семья.

И вот она очутилась в гулком черном тоннеле со шпалами. Над девочкиной головой, бешено громыхая, пронеслось железное чудовище. Ого-го! От страха Дюймовочка закрыла глаза. А когда открыла, увидела прямо перед собой крысиную морду. Морда шевелила усами и хитро улыбалась.

— Ты кто ж будешь? — спросила крыса, обнюхивая девочку с головы до пят.

— Я не буду, я уже есть, — ответила Дюймовочка. — Девочка Дюймовочка я.

— Дюймовочка! Девочка! — обрадовалась крыса. — Отлично! Идемка со мной, кисонька!

— Куда это, тётенька? — поинтересовалась Дюймовочка уже по дороге.

— Дура какая! — на ходу ответила крыса. — Ко мне, конечно. Будешь у меня жить и на меня работать. Будет у тебя не жизнь, а малиновое варенье!

Привела крыса Дюймовочку в свою богатую нору, усадила за стол, угостила кусочком сала.

— Вот, — говорит, — кисонька, подкрепишься пока. Скоро работать придется, крысавица.

— Что вы, тётенька! — засмушалась Дюймовочка. — Я не красавица, я... страшненькая.

— Дура какая! — рассмеялась крыса. — Не в красоте счастье! Я вот — вообще крыса, а видишь, как живу! И тебя научу. Скоро я тебя с одним червяком познакомлю... Небось, хочешь познакомиться с червяком?

— А зачем? — спросила девочка.

— Дура какая! У каждой девочки должен быть червяк!

— А что это такое, тётенька? — снова спросила Дюймовочка.

— Не что, а кто. Это такой парень о двух концах. Хороший парень, жирный. Тебе понравится... погоди, я сейчас вернусь.

И крыса, юркнув в потайную дыру, оставила Дюймовочку в растерянном одиночестве. Девочка принялась рассматривать крысиное жилище. Всего здесь было навалом, все лежало в несколько рядов и ломилось от лишнего веса, но не было самого главного — окна, сквозь которое можно смотреть на звезды.

Крыса привела с собой червяка. Увидев его скользкое бесконечное тело, Дюймовочка упала в обморок. Червяк подозрительно завыл безликой мордой.

— Что это с ней, старуха? — спросил он крысу. — Падучая? Неустойчивая?

— Что ты, голубчик, — забеспокоилась крыса. — Это она с непривычки. Она же новенькая, девочка еще!

— Смотри, старуха! — угрожающе зашипев, червяк стал обвиваться вокруг крысиной шеи. — Если обманываешь меня — удушю, ты меня знаешь!

Крыса хотела ответить, но объятия червяка были слишком тесны. Она попыталась высвободиться... Пока крыса с червяком припирались, Дюймовочка очнулась, бросилась со всех ног к выходу и засемила без оглядки — через дымоход, сквозь паучьи сети — и долго еще бежала, тяжело дыша, обходя мышеловки и преодолевая оголенные провода.

Наконец увидела девочка свет. Выкарабкалась из приоткрытого люка и очутилась на поверхности клумбы с чахлой травой. Земля вокруг была мокрой от недавнего дождя. Чтобы согреться, девочка начала прыгать на одной ножке, но вдруг поскользнулась и упала. Тут же из земли высунулась страшная червячья голова. Преследователь схватил девочку за ногу и принялся утягивать под землю. Дюймовочка стала вырываться и упиралась, как могла, но червяк только лопнул напополам и теперь нападал с двух сторон. Дюймовочка заревела. Одна червячья половинка потащила ее к себе, уже из земли торчали только ноги, но тут вторая червячья половина ухватила за бедняжку и выудила ее обратно. Половинки стали тянуть Дюймовочку в разные стороны.

В этот момент, когда девочка уже стиснула зубы и закрыла глаза, на шум прилетела птица. В один присест склевав обоих червяков, она деликатно взяла девочку за шиворот и понесла в свое гнездо.

Гнездо располагалось на очень высоком дереве, такой высоты Дюймовочка и представить себе не могла. Она еще не совсем пришла в себя после случившегося, а тут у неё еще стала кружиться голова.

— Не смотри вниз, — строго сказала ей птица.

Дюймовочка послушалась и стала смотреть вверх. В небе появлялись первые звезды.

Девочка была к ним близко-близко, она протянула к ним ручки, но достать все же не смогла: ручки были слишком коротенькие.

— Тётенька, — спросила Дюймовочка, — а почему вы так высоко живете?

— Потому что я птица, — с достоинством ответила птица.

— Ого! — сказала Дюймовочка. — Вы, должно быть, большая птица?

— Большая — не большая, — ответила птица, — но клюнуть могу.

— А это что? — не унималась девочка.

— Это яйца, — объяснила птица.

— Какая прелесть! — ахнула Дюймовочка.

— Прелесть — не прелесть, но вещь полезная... Вот что, — командовала птица, — кстати, о яйцах. Ты тут присмотри за ними, а я летаю по делам, ухвачу кусок-другой... Да не смотри вниз, слышишь!

Оставшись в гнезде одна, девочка Дюймовочка уселась поудобнее, разложила перед собой яички и стала им напевать нехитрую песенку:

— Здесь что-то все не то творится.

Здесь все меня слегка пугает.

Яичком лучше быть, чем птицей.

Не торопитесь, баю-баю.

А я хочу попасть к людям

И жить, не зная бед,

Там, где кино по вечерам

и клюква на обед.

Она бережно укачивала в руках пёстрое яйцо, но оно неожиданно затрещало, треснуло, и из дырки высунулась клювастая лысая голова на длинной всклооченной шее. Крак! Крак! — И с остальными яйцами случилось то же самое. «Ма-ма! Ма-ма!» — заголосили слепые птенцы громкими писклявыми голосами и, смятая в пыль скорлупу, принялись клевать Дюймовочку с разных сторон. Дюймовочка заой-

кала, попробовала отмахиваться от ненасытных пернатых, но те клевались все больше и больше. Поняв, что иначе ей не спастись, девочка подошла к краю гнезда и, не глядя вниз, сделала решительный шаг.

Дерево действительно оказалась очень высоким, и падать Дюймовочке пришлось долго. В ожидании приземления она даже открыла глаза и стала осматриваться. Какой-то молодой человечек с крыльями, как у мотылька, порхал рядом и приветливо улыбался. Дюймовочка тоже улыбнулась ему — из вежливости.

— Простите, юная донья, — заговорил молодой человек, — не вы ли это пели сейчас там, наверху?

— Я, — согласилась Дюймовочка.

— Bravo! — захолопал в ладошки крылатый незнакомец. — Великолепная! Я очарован вами и вашим несравненным голосом! Позвольте узнать ваше имя, юная донья?

— Меня зовут Дюймовочка, — призналась девочка. — А вы кто такой, дяденька с крылышками?

— О! — сказал незнакомец. — Я Цвёльф, король эльфов! Прекрасная донья Дюймовочка! Будьте моей законной супругой! Если вы откажетесь, я наложу на себя крылышки! Ах!..

Дюймовочка удивилась. Король эльфов был очень даже хорош собой, но его предложение казалось столь неожиданным... В задумчивости девочка посмотрела вниз — земля угрожающе приближалась.

— А если я соглашусь? — спросила Дюймовочка и зажмурилась.

— О! — затянул король эльфов. — Тогда мы полетим в моё королевство и будем жить среди эльфов!

— А кто это такие? — спросила Дюймовочка.

— Эльфы, — объяснил король, — это почти что люди. А люди — что может быть прекраснее их!

— Как красиво вы говорите, — растрогалась девочка и приняла решение: — Я, кажется, согласна, мой король...

— О! — только и смог произнести король.

Он бойко подхватил Дюймовочку у самой земли, обнял ее и страстно поцеловал.

— Mamochka... — у Дюймовочки перехватило дух.

И Цвёльф понес её далеко-далеко, в страну эльфов...

Стало совсем темно. Девочка смотрела вверх, на приближающиеся звезды, и думала только о том, как бы случайно не умереть от счастья. Потому что счастье уже было здесь.

Дюймовочка и король эльфов Цвёльф сочетались законным браком и жили так недолго, но счастливо. А счастье — это самое главное в жизни. На этом и сказке конец. До свидания, мой повзрослевший друг.

МИСТЕРИЯ НА НЕВСКОМ

Ночь. По Невскому проспекту прогуливаются двое: один — бородатый, другой — с длинным носом.

ДЛИННОНОСЫЙ. Посмотри-ка, Федя, кто это там на мосту так прыгает?

БОРОДАТЫЙ. Где? А, это, небось, пьяненький какой. Надрался, как свинья, и выделяется, окаянный.

ДЛИННОНОСЫЙ. Какая ж это свинья? Помилуй, друг ситный, по моему, он совсем и не пьян, а очень даже ровно подпрыгивает. Смотри, как чинно: вверх-вниз, вверх-вниз.

БОРОДАТЫЙ. Кого-то он мне сильно напоминает, а, Коля? Может, это кто из наших?

ДЛИННОНОСЫЙ. Мать честная! Кажись, это... Пушкин!

БОРОДАТЫЙ. Какой Пушкин? Александр Сергеевич?

ДЛИННОНОСЫЙ. Ну, он, сердечный! Посмотри внимательней — натуральный Пушкин, с бакенбардами.

БОРОДАТЫЙ. Да что ты, брат, такое несешь! Какой же это, к черту, Александр Сергеевич! Да и лысина у него какая-то не пушкинская.

ДЛИННОНОСЫЙ. Экой ты дурак, братец! Ты глянь повнимательней-то! Разве ж не Пушкин? Эвон, как прыгает!

БОРОДАТЫЙ. Не, похож, безусловно, это я не возражаю. Но какого хрена Александру Сергеевичу ночью на мосту делать? Что ж он, сумасшедший, что ли? Нет, это не Пушкин.

ДЛИННОНОСЫЙ. Кто ж тогда? Чехов, что ли?

БОРОДАТЫЙ. Ну, на Чехова это тем более не похоже.

ДЛИННОНОСЫЙ. Ну так значит Пушкин!.. Вот тебе — бродили-бродили, да и не зря: живого Пушкина встретили! Мистерия!

БОРОДАТЫЙ. Что-то я все-таки сомневаюсь, любезный. Пушкин — это ж классик. Чего ж он тогда еще живой? Прыгает!

ДЛИННОНОСЫЙ. Фома ты неверующий! Холодно ему — вот и прыгает. Посмотри, какая фуражка у него! Нет, ей богу, это Пушкин! Своею собственной персоной вышел погулять по Неве вечером, да и замерз. А тут — мы!

БОРОДАТЫЙ. Послушай, братец. Чем гадать, давай-ка мы лучше у него спросим: он это или не он?

ДЛИННОНОСЫЙ. Ты что! Разве ж можно так прямо в лоб такие вещи спрашивать! Этак он нас за придурков примет. Надо что-то похитрей выдумать.

БОРОДАТЫЙ. Сигаретку у него, что ли, стрельнуть?

ДЛИННОНОСЫЙ. Да нет. Пушкин разве курил?

БОРОДАТЫЙ. Курил, наверное, раз помер так рано. Давай-ка, спроси у него огоньку.

ДЛИННОНОСЫЙ. Нет, лучше ты. Я как-то плохо умею с незнакомыми людьми ночью заговаривать: они меня пугаются, а я их — тем более.

БОРОДАТЫЙ. Ну ладно, попробую. Э-э-э... Нет, знаешь, Коля, сигарету — это как-то пошло. А вдруг у него нету? Лучше я у него время спрошу. Или про погоду что-нибудь.

ДЛИННОНОСЫЙ. Хорошо, валий про погоду, только быстрее. Он, видишь, уже далеко как упрыгал! Замерз, видать, очень, бедняга. Ну давай, давай!

БОРОДАТЫЙ. Ага. Э-э-э... Товарищъ Пушкин!

ДЛИННОНОСЫЙ. Ты что, спятил! Какой он тебе товарищъ! Сам дурак! Ты его — по имени, по отчеству! Это ж классик! Тонкая душа! Пу-у-ушкин!

БОРОДАТЫЙ. Ага. Э-э-э... Александр Сергеевич, голубчик! Да-да, вам! Можно вас на пару минуточек, милейший-с? Да-да, вас... Чего-с?!

ДЛИННОНОСЫЙ. Во, во, убегает! Испугался! Точно Пушкин!

БОРОДАТЫЙ. А чего это он мне такое сказанул? Я что-то не понял...

ДЛИННОНОСЫЙ. Куда уж нам понять его, гения! Смотри, как улепетывает! Сильно перепугался!

БОРОДАТЫЙ. Слушай, а почему он с хвостом? Пушкин разве с хвостом был?

ДЛИННОНОСЫЙ. Наверно, с хвостом.

БОРОДАТЫЙ. А с чего бы это?

ДЛИННОНОСЫЙ. А бог его знает! Поэт все-таки. И потом, говорят, он от негра произошел.

БОРОДАТЫЙ. Свят, свят, свят! Вот бедалага! Зря мы его так напугали! Гулял бы себе и гулял. А тут мы... Ой, как неудобно-то!

ДЛИННОНОСЫЙ. А может, это и не Пушкин вовсе? Может, мы пого-рячились?

БОРОДАТЫЙ. Ну как же не Пушкин? С хвостом! Кто еще от негра произошел? Остальные все — от обезьяны.

ДЛИННОНОСЫЙ. А что ж он убегает-то?

БОРОДАТЫЙ. Наверное, заболел. Может, нездоровится.

ДЛИННОНОСЫЙ. Ну и бес с ним, с Пушкиным! Пусть себе прыгает! Плюнь ты на него.

БОРОДАТЫЙ. Тьфу!

ДЛИННОНОСЫЙ. Вот так. Пойдем-ка, дружок, лучше на Исаакий посмотрим. Там, говорят, презабавные вещи делются!

БОРОДАТЫЙ. Ну пошли, коли так. Раз такое дело — посмотрим. То ведь тебе не Пушкин с хвостом, то целая опера! Мистерия!

ДЛИННОНОСЫЙ. Во-во, Федя. Погоди только, я калоши выжму.
Ужасная погода у нас в Питере...

И, кутаясь в шинели, Николай Васильевич и Федор Михайлович исчезают впотьмах.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛИНДА

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Я сразу же понял, что ошибся адресом, но отступать было лень. Да и время ещё терпело. Я только фатально вздохнул и, захлопнув обе входные двери, оборвал сквозняк на полуслове.

Хозяина в коридоре не было. Его сиплый, со странностями голос, сопровождаемый обильным плеском воды и фырканьем, доносился из ванной комнаты.

— Пьходите, будьте как дома, — кричал он, прыскавая в проход то ли слюной, то ли мыльной пеной. — Пьходите на кухню. Я сейчас, я быстьо!

— Благодарю, — ответил я и деликатно прикрыл ванную.

Огляделся. Обычная квартира. Линда, видимо, живет выше этажом. Или ниже. Снял плащ и, покашливая, отправился на кухню.

— Простите, у вас можно закурить? — я достал папиросу.

В ответ за спиной раздалось невнятное рычание, и мой затылок обдала порция влажных капель. Я обернулся.

Хозяин стоял в дверях и рьяно вытирал голову большим мохнатым полотенцем, излучая при этом флюиды здорового пара. Головы его я не видел, но рук и ног оказалось достаточно, чтобы повергнуть меня в некое... замешательство, если не сказать больше. Это явно были не руки и ноги, а лапы — самые натуральные лапы, обросшие прилизанной темной шерстью, с толстыми кривыми когтями. Бррр! Папироса выпала у меня из рук, я хотел было встать, но...

— Извините, что заставил ждать, — пробубнил хозяин, убирая с лица полотенце и запросто в него сморкаясь. — Добрый день.

На меня смотрело жирное бульдожье лицо с оплывшими глазами и оттопыренной в дружелюбной улыбке слонявой губищей. Небольшой, но довольно откормленный пёс стоял на задних лапах, чуть скривившись, по-пьяному, но очень самоуверенно. Левой лапой-рукой он зачесывал за ухо влажную щетину. Из одежды на нем была только доходившая до живота майка с портретом Фиделя Кастро. Голос у бульдога был собачий — рот он открывал с трудом и букву «р» терял еще на вдохе.

Я встал.

— Сидите, сидите, — сказал пёс, подходя к окну.

— Да я, собственно... — начал я в надежде поскорее уйти.

— По объявлению, — понятно произнес бульдог, сел на подоконник и положил ногу на ногу. — О-кей. Тогда сначала поговорим о деле, а потом пеейдём к бульону. Хотите же вы бульону?

— Ну как же...

— Так вот. Зовут меня Савва. Савва Полипыч. Ваше имя я пока не спьящиваю, заметьте. Условия у меня очень, очень хоошие. Денег я, пъявда, не плачу, но коймить буду два аза в сутки. Что вы на это скажете?

Сказать мне было как-то нечего, я молча смотрел на это чудо природы. Оно же повторило свой вопрос, и мне немалых трудов стоило ответить ему со всей серьёзностью:

— Вы о чём?

Бульдог поглядел на меня сочувственно и принялся бесцеремонно ковырять в носу.

— Хоошо. Тьи аза в сутки вас устьоит?

— А что я, собственно, должен буду делать? — не выдержал я.

— Экой вы дубоватый! — огорчился пёс. — В объявлении же человеческим языком написано: «Стоожевая собака». Будете стоожить квайтиу. Вот эту.

Я удивился, даже открыл рот в бессловесной grimase, а бульдог продолжал:

— Вот там ковъик в углу... Да, я надеюсь, спъявки у вас в поядке? Вы, я надеюсь, не вшивый?

Ну это уже вывело меня из равновесия. Я запахнул рот и, резко изменив тон, спросил:

— Кто вшивый?

— Это хоошо, что не вшивый, — успокоился пёс. — А как у вас обстоят дела с женщинами? Это, как вы понимаете, не пъяздное любопытство. Сюда пъиводить я никого не позволю — у меня тут мебель, кайтины, емонт, — так что, благоазумней будет съязу же сделать вам опеацию. И мне станет спокойней, и вам позволит внимательней сосъедоточиться на аботе... Кстати, как позволите вас тепей называть? Дъужок? Джуйбас? Или, может быть, Тузик?

— При вашей дикции, — я начал закипать, — лучше зовите меня Му-Му!

Будучи не в силах больше выносить бред этого самодовольного чучела, я вскочил и попытался направиться к дверям. Но бульдог одним собачьим прыжком опередил меня и ловко заслонил собою замок. Дружелюбная улыбка исчезла с его морды, и глаза наполнились животной яростью. Послышался рык.

— Место, — лаконично скомандовал пёс.

Я было осёкся, но тут же взял своё человеческое достоинство в руки и сам вызывающе зарычал:

— Ну ты, собака... — и не менее вызывающе прибавил: — Пасть закрой!

И, схватив стоявшую рядом вешалку, стряхнул с неё шарфы, шапки и дубленки...

Дело принимало нелицеприятный оборот.

СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

Врач гипнотизировал меня бликами очков, пытаюсь утаить, что глаза у него закрыты. Интересно, о чём он думал в этот момент? Загипнотизированный, я тоже прикрыл глаза и — Линда! Она же ждёт меня уже часа два, а я тут занимаюсь чёрт знает чем!

— Доктор! — очнувшись, я ударил кулаком по столу. — Доктор, это опасный случай! Выслушайте меня, доктор!

Голос мой срывался на истерический шепот, но врач вёл себя с садистским хладнокровием. Приоткрыв один глаз, он приоткрыл вдохавок и рот и, не особо шевеля губами, произнес:

— Не прыгайте, больной. Сядьте и все расскажите по порядку, внятно и медленно.

— Я не больной, — начал я, заглядывая в его рот и пытаюсь определить, откуда же выходит звук. — Я сопровождающий. Тут весьма странный случай — сумасшедшая собака! Понимаете?

— Понимаю, — голос шел откуда-то изнутри, минуя рот, — продолжайте, больной.

— Я не больной... Так вот. Эта собака, она вообще-то не моя... Так, шапошное знакомство.

— С собакой, — доктор чуть ожил и загозил на стуле скрипучим тельцем. — И где же вы познакомились?

— У неё дома. Точнее будет сказать: у него дома. Это же пёс, кобель, говоря по-научному.

— Не надо по-научному. Продолжайте, больной.

— Я не... Короче, эта псина сошла... сошел с ума. Она разговаривает и — не поверите(!) — хотел меня нанять к себе в сторожа!

— Почему же не поверю, — так же молча сказал врач и стал что-то записывать в свою толстую книгу. — И не такому верим. Человек — он всему верит. Вы не отвлекайтесь, продолжайте, больной.

Я растерялся.

— А что, собственно, продолжать? Вы лучше сами посмотрите на этого монстра. Сейчас я его вам...

— Кого?

— Как кого! — растерялся я еще больше. — Как это кого! Да его самого — пса, собаку. Понимаете?

— Нет, сядьте, — запротестовал доктор. — С собаками нельзя, у нас больница, а не террариум.

Хладнокровие доктора уже стало граничить с идиотизмом, и, если бы не умное слово «террариум», я бы решил, что он просто-напросто дурак. Тем не менее, я опять оказался в непонятном положении — и что же делать? А врач всё продолжал записывать.

— Продолжайте, больной.

Я встал с намерением откланяться, но доктор, видимо, нажал на потайную кнопку — и тут же в проходе возникли два дюжих молодца, с лица почти одинаковых. Я умерил резвость.

— Не надо прыгать, — спокойно и ласково сказала нутро доктора. — Проводите его, куда следует... Следующий!

Молодцы дуэтом сказали: «Опа!», — ухватили меня за ноги и потащили — сначала по коридору, потом по лестнице. Обескураженный, я даже не пытался возражать. Гипноз идиота-доктора парализовал мой инстинкт самосохранения, и мне стало вдруг наплевать на все на свете и, в первую очередь, на себя. Лишь о Линде я вспомнил с горечью и изо всех сил попытался ей посочувствовать. Она ведь, бедняжка, понятия не имеет, где сейчас я; она, может быть, всё еще ждёт... Назло всем гипнозам я загрустил, и голова моя, будто арабский мячик, безвольно отскакивала от холодных мраморных ступенек больницы имени Теофиля Готье.

ОЧЕРЕДНАЯ ГЛАВА

— Следующий! — не двигаясь, приказал доктор и для разнообразия открыл глаза.

Напротив него, сняв шляпу и выложив на стол горячий язык, сидел бульдог.

ЕЩЕ ОДНА ГЛАВА

В углу лежало накрытое цветным пледом тело. Изредка оно подавало признаки жизни: дышало, кряхтело и пощелкивало зубами от холода. Вместе с телом нас в бункере было трое: я, оно и еще один унылый гражданин, лицом до неприличия похожий на Гитлера. Он то и дело заговаривал со мной о своей тяжкой доле.

— Я не Гитлер, — слезливо оправдывался он, — не Гитлер я. Я бухгалтер, обыкновенный бухгалтер. Вы мне верите?

Я кивал. Голова моя сильно болела от недавнего соприкосновения со ступеньками, и отвечать не было сил.

— Ну какой же из меня фюрер! А? Моя фамилия Иванберг. Да и зовут меня Петр Самуилович, а вовсе на Адольф. Разве ж я виноват, что так похож на этого паразита? А они говорят, что у меня мания величия...

С тяжелым свистом отворились двери, и знакомые мне дюжие молодцы втолкнули в бункер сопротивляющегося бульдога. Вид у него был довольно глупый, но не подавленный. Едва двери затворились, пёс перестал рычать и, по-свойски посмотрев на меня, развел в недоумении лапы. После чего произнес нечто нецензурное, но не в мой адрес, а по отношению к сложившейся ситуации.

Человек с лицом Гитлера убрал с глаз челку и близоруко прищурился, разглядывая вновь прибывшего.

— Негр, что ли? — недоглядел он. — Спик иглишь?

— Эфиоп, — обиженно огрызнулся бульдог, чмокнул губой и устало присел возле тела. По всему было видно, что ему пришлось прожить сопротивление работникам здравницы: шерсть на спине стояла дыбом, когти были поломаны, на шее болтались ошметки смирительной рубашонки. В моё сердце вкралось уважение к этому свободолюбивому животному.

— Шпрехен зи дойч? — не унимался человек с лицом врага.

Пёс зашипел на него, а у меня тихо спросил:

— Давно сидим?

Я кивнул.

Снова заскрежетала дверь, и один из молодцов вошел к нам, держа в протянутой руке шапку с ушами.

— Тягайте, — пробасил детина и ткнул пальцем в головной убор, где белели какие-то бумажки.

— А что это? — жалобно поинтересовался гитлероподобный бухгалтер.

— Тягайте, тягайте, там узнаете.

Иванберг осторожно выудил бумажку, но разворачивать её не решился. Его гитлеровские усики нервно дергались. Я, сделав усилие, встал, запустил руки в ушанку и тоже извлёк смятый клочок. Моему примеру последовал бульдог. Последнюю бумажку детина просто высыпал на тело. Тело сердито зашевелилось. Я развернул вытянутое — и прочёл...

— Что у вас? — спросил я товарищей по несчастью, забыв о головной боли, ибо у меня в жребии значилось: «Расстрел».

— Тоже расстрел! — испуганно выпучил глаза похожий на фюрера, заглядывая в мою бумажку. Оба мы уставились на бульдога.

Тот рассеянно смотрел в свой листок, в глазах его ёрзала надежда, и он, облизнув слюну, прохрипел:

— Гьяждане, тут какая-то ошибка. Здесь написано: «Стул». Это в каком смысле — стул?

Молодец недовольно выхватил бумажку у пса, понюхал её ноздрей, поглядел на просвет, напряженно вспотел и всё-таки разобрался.

— Всё правильно, — установил он. — Это про электрический стул прописано. Так что никаких претензий не принимается. Акей.

И он собрался уйти.

— Простите великодушно, — окликнул я, — а что же с нами будет теперь?

Детина зевнул, нехотя повернулся и пояснил:

— На рассвете вас приведут в исполнение. Спокойной ночи.

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

— Откуда же мне было знать, что вы не по объявлению! Хотя... В общем, извините еще аз, что все так недужелюбно вышло.

Бульдог зубасто улыбнулся и обнажил черную брешь в углу пасти — если бы не я, на этом месте красовался бы здоровый и острый зуб. Теперь он пылится где-то далеко, рядом с перекусанной пополам вешалкой...

— Да уж и вы меня извините. Я-то тоже хорош — сразу в драку. Опешил я.

Мы сидели возле догорающей лучины в тесном бункере и с отвращением хлебали некое месиво, которым нас напоследок осчастливили медбратья-близнецы. Гитлер-Иванберг проявил нордическую стойкость и от ужина отказался, улегся у двери и беспокойно уснул. Тело тоже не выразило желаний подкрепиться, лишь закуталось поудобнее в плед, оскорбленно посапывая. Таким образом, у нас на двоих получилось четыре порции, и, рискуя отдать концы раньше времени, мы приступили к последней трапезе.

— Редкостная гадость, — заключил я, облизывая первую миску. И тут же принялся за вторую. — Но почему-то перед смертью ужасно хочется есть.

— Да, — согласился мой плоскомордый приятель, разбрызгивая похлебку во все стороны. — Но по вам не скажешь, что вы сильно огойчены пьеговоом вьячей. Вы что же — на что-то надеетесь, или вам всё авно?

— Не знаю, — искренне ответил я. — Единственное, что меня волнует... Мне очень жалко Линду. Бедная женщина! Она теперь будет думать, что все мужчины легкомысленны и непостоянны...

Бульдог сочувственно замахал обрубок хвоста.

— Да... Женщины всегда делают неправильные выводы. От этого и стьядают.

Мы почтили свою добрую память минутой молчания, философски глядя в пустые миски. Я с надеждой предложил:

— Может, добавки попросим?

— Не дадут, — пес уверенно сморщил лоб и принялся обсасывать косточку. — Это же не люди, это же... Видите ли, дъуг мой, в этом мие всё субъективно, всё относительно. Вот вы, люди, увеены: то, что вы называете собакой, — собака и есть. Так? А то, что вы упъямо именуετε человеком, — есть человек! Боже вас въязуми — это невейно!

Я не особо-то обрадовался такому повороту разговора, но из вежливости надел очки и сделал внимательное лицо. Мой собеседник продолжал:

— Вот, к пъимеу, я. Ну азве ж я — собака? Нет, ну сами подумайте! Я вот азговаиваю, хожу на задних лапах, имею вес и положение в обществе. Выдвигал свою кандидатуу в депутаты от пайтии ультъозелёных.

— Да ну!

— Да-да. А вы говоите — собака! Это с какого бока поглядеть! Меня однажды один алкоголик за лапу укусил, зааза такая! Дык я после этого целый месяц к ветеинау на уколы от бешенства ходил, мучился! Так кто же из нас, извиняюсь, собака? А?.. А на моё объявление не нашлось бы пъетендентов, вы полагаете? За двухъазовое питание-то!

— Ну уж...

— Вы не знаете жизни, юноша. До вас уже двое пъиходили, на всё согласные. Только у них ожи были больно скотские и спъавок никаких... Вот так-то, мой дъуг.

Мы оба глубоко вдохнули — и выдохнули.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Как и было обещано, на рассвете нас поставили к стенке. Всех, кроме бедняги бульдога, которого увели на электрический стул. Тело тоже подлежало расстрелу, но оно так и не открыло своего лица и, замотанное в плед, молча уперлось лбом в холодный, изрешеченный пулями кафель процедурного кабинета. Я и человек, всё еще похожий на Гитлера, последовали его примеру. Ко всему прочему, у меня жутко разболелся живот.

Командовала экзекуцией немолодая усатая врачиха с большим красным знаком «плюс» на крахмальной пилотке. По совместительству она отпускала приговоренным к принудительному расстрелу грехи и руководила взводом санитаров-истребителей. Когда эти последние выстроились в неустрашимую шеренгу и приготовили карабины, врачиха напялила резиновые перчатки, взяла в руки шпиргалку и, с трудом разбирая написанное, заголосила:

— Так-с, чтоб его! Э-э-э... Ага... Иванберг! Кто Иванберг, чтоб вас всех!

— Я-я, — ответил лжефюрер на чистом немецком.

— Громче отвечаем! — пригрозила врачиха и продолжила: — Так, чтоб тебя, ага... М-м-м... Пла-то-нов!

— Здесь, — отозвался я, чувствуя, как в животе агонизирует да-вешняя похлёбка.

— ... Чтоб меня! У-у-у, елы-палы... Это... Что-то неразборчиво, твою чтоб!

— Тут, — глухо простонало тело и чуть было не рухнуло.

— Всё, чтоб вас всех! — успокоилась врачиха, разорвала список пополам и, скатав из половинок два шарика, заткнула ими уши.

— Гтовсь! Цельсь!!!

За нашими спинами добросовестно защелкали затворы. Запахло оружейной смазкой. Мне стало нехорошо. Я повернулся к медперсоналу и жалобно попросил:

— Простите, пожалуйста, можно выйти?

Врачиха сердито вынула затычку из левого уха:

— Чего? чтоб тебя...

Я повторил свою просьбу более внятно:

— Чего-чего! Выйти, говорю, можно?

Командирша опешила, и пилотка задергалась у неё на затылке. Но, стремительно взяв себя в руки, она повертела пальцем у виска и завизжала голосом, не оставляющим мне никаких шансов:

— Отставить! Чёрт дорожный! Никаких выйти, нету выходов, раздери тебя!

Ну — нет так нет, я не стал настаивать. Что ж, придётся умирать при отягчающих желудок обстоятельствах... Эх, Линда, Линда, несчастная женщина... Я повернулся к стене и печально скрестил руки на затылке.

— Гтовсь! — вновь заверещала усатая. — Цельсь!!!

Бедная Линда! Как же она без меня? Кто же выведет её из заблуждения?..

— Пли!!!

Раздался оглушительный ружейный залп. Запахло просроченной серой. Я упал на грязный пол и поспешил закрыть глаза. Звуки начали удаляться, теряться, таять. Последним, что я явственно расслышал и осознал, была чья-то удовлетворённая фраза:

— Гитлер капут.

ЭПИЛОГ

Сейчас я поправлю галстук, протру забрызганные стёкла очков и не спеша поднимусь на пятый этаж. Нет, очки я лучше сниму. Да и галстук тоже. В общем, сейчас я сниму всё лишнее... Нет, не то.

Лучше так. Сейчас я докурю и, торжественно поскрипывая начищенными до зазеркального эффекта ботинками, поднимусь по закруглённой лестнице наверх. Или даже на лифте, чтобы опять не влипнуть в какую-нибудь историю. Впрочем, лифт, кажется, не работает. Или его вовсе нет.

Итак. Сейчас я пешком поднимусь на пятый этаж, тщательно отсчитывая лестничные площадки и выверяя нумерацию каждого пролёта, докурю, протру галстуком очки, посмотрюсь еще раз в зазеркальные ботинки и, облегченно вздохнув, нажму, наконец, кнопку звонка. А когда дверь откроется, я виновато улыбнусь и скажу:

— Здравствуй, Линда.

Если только опять не ошибусь адресом.

ПОСЛЕСЛОВНАЯ СКАЗКА

В одном городе жили-были жители. У каждого из них была когда-то своя личная сказка, но, становясь взрослыми, они её теряли, а некоторые даже сознательно выгоняли из дома, чтобы не кормить лишний рот. И таких бездомных сказок на улицах города развелось полным-полно. Некоторые собирались в стайки и грелись в подвалах, некоторые замерзали поодиночке. Но жил в этом городе один сказочник, который не мог пройти мимо беспризорных сказок и всякую подбирал. Приносил их домой и давал приют в своей небольшой квартире. Ухаживал за ними, кормил, лечил, согревал. Чем меньше сказок оставалось на улице, тем теснее делалось в доме у сказочника. И шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь сказку. В кухне под столом пристроились весёлые сказки, в коридоре обитали страшные сказки, спальню облюбовали сказки о любви, на балконе толпились сказки о животных, а гостиная была занята поучительными и мудрыми сказками. В какой-то момент их собралось так много, что для новых уже просто не было места. А горожане всё теряли и теряли свои сказки. Тогда сказочник стал давать объявления в газеты — мол, потерявшие свои личные сказки могут обращаться по такому-то адресу. Но никто не откликнулся, жителям было как-то не до сказок. Долго думал сказочник, что же ему делать, и наконец нашёл выход. Те из усыновленных им сказок, которые уже порядком окрепли и встали на ноги, он собрал в одну книжку и выпустил в свет. Пора бы уж им самим искать своих бестолковых хозяев — так он решил. И вот она, эта самая книжка, — она в твоих руках, любезный читатель. Подумай хорошенько, может быть, одна из здешних сказок — твоя? Может быть, она давно уже ищет тебя, надеется, ждёт?.. А может, тебе случайно знаком хозяин какой-нибудь из этих сказок, и

ты сумеешь помочь им встретиться друг с другом?.. Только уж, когда ты найдёшь свою утраченную сказку, постарайся больше не терять её. Ведь сказки тоже умеют обижаться. Если относиться к ним невнимательно, они сами уходят от своих хозяев, и никакими коврижками их уже не заманишь обратно. Так написал сказочник в своей книжке. А еще он очень просил разузнать: не встречалась ли кому одна удивительная, но обиженная сказка без особых примет? Если встретите такую, скажите ей, пожалуйста, что её всё ещё ищут и ждут. Адрес она знает.

**СТИХИ
НАПОСЛЕДОК**

***

Я неслышно закрываю дверь
И неслышно с миром порываю.
И бреду к не своему трамваю. —
Я для них совсем чужой теперь.

Здесь еще не знают обо мне,
Там — уже, наверное, забыли.
И слезится от чужбинной пыли
Взгляд мой, привыкая к новизне...

***

Грусти и пой
Над опустевшим миром,
Где зло — всего лишь мания добра,
Где был когда-то зной
По всем квартирам
И «Отче Наш» под звуки серебра.
Пора.

Грусти и пой,
Все меньше полагая,
Что этот мир — беспечная игра,
И лишь сияет, боль
Превозмогая,
Твой вечный лик — иллюзия добра.
Пора...

***

Я б хотел быть всего лишь шипеньем иглы,
Мешающим слушать тебе Вергинского,
И тогда бы улыбки твоей углы
Сатанели от этого звука свинского.

Я б хотел быть улыбкой твоих углов,
По чеширским обоям бродящей вечером.

Я бы все тогда смог объяснить без слов,
И тебе возразить мне было бы нечего.

Я б хотел быть ничем, в возраженье всему,
Бытия твоего не касаться нервами.
Может быть, ты тогда поняла б, что к чему,
Облизнувшись глазами своими скверными.

Но любить тебя — Боже меня упаси.
Лучше быть твоим следом в осенней грязи.

***

Видишь, вот я уже и не нужен.
Видишь, вот я уже и на воле.
А болел — был всего лишь простужен,
Это все от погоды, не боле.

Это все от сопливого ветра
И от неба, протертого дымом,
Оттого, что случайное ретро
На мгновенье становится зримым.

Оттого, что несчастье первично
И вторично, как правило, счастье.
Оттого, что плохое — логично,
А хорошее — рвется на части.

***

Я как-то, мучась болью двух зубов,
Вдруг вспомнил, что прочёл совсем недавно:
Мол, зубы не болят у дураков,
(А остальные части тела — и подавно).

Я был, признаться, этим окрылён,
Ну просто будто заново родился.
С тех пор я стал считать, что я умён,
И не на шутку этим возгордился.

Я возгордился и — как результат —
(Тьфу-тьфу, не сглазить!) зубы не болят!

ИЗ ПИСЕМ ИЕРУСАЛИМСКОМУ ДРУГУ

А. Климину

1. КУДА-КОМУ

Близкому другу в далекий город,
На расстояние суток в двести,
В конверте, который властями вспорот
И лишен на таможне последней чести,
На тонкой бумаге в нервную клетку,
Видавшей виды, терпевшей тренье,
С которой кто-то ходил в разведку,
Но не использовал по назначенью,
То ли чернилами, то ли морсом,
Стекающим в лунку сырого снега
И пахнущим клюквою и морозом
И «Космосом», закоптившим полнеба,
Почерком, острым, как злая шутка,
Синим по белому, по живому,
Еще не зажившему промежутку
С затянутой в узел дорогой к дому,
Питер — Печи — Луна — Израиль,
До востребования, друг другу —
Адрес точен и несгораем,
Штемпель вечен, как бег по кругу,
Вместо марки — пятно от чая.
Шлю привет и еще слов триста,
Из которых — сложи молчанье,
Молчанье, лишненное сна и смысла.

2. СОН

Я говорил с тобой вчера
Во сне по телефону.
Трещали в трубке номера
И в ухо брызгала жара,
Подобная бульону.

Ты говорил, что жив-здоров,
Чего и мне желаешь,
Что утром съел прескверный плов

И, вспоминая град Петров,
Весь день теперь икаешь.

А я кричал, что все о-кей,
Могло бы быть и хуже,
Что я в душе уже еврей,
Что жить нам стало веселей
Внутри, чем вам снаружи,

Что выпал снег и нет причин
Ему не выпасть снова,
Что накануне Цой почил
И быт немного огорчил,
Оставив без съестного.

Ты отвечал, что не глухой,
Что всюду катастрофы,
А здесь — смирение и покой,
И все, что нужно, под рукой —
От спичек до Голгофы.

И так полночи напролет
Тот разговор тянулся...
И все бы хорошо, да вот —
За разговор прислали счет!
Я вздрогнул — и проснулся.

3. ВОПРОСЫ

Как ты живёшь? Ты свят в святой земле?
Или по-прежнему взаимен — не безгрешен?
Ты принял веру? Ездишь на осле
Или купил шикарный «шевроле»?
И чьими фото дом твой разувешен?

Живёшь с женой иль у тебя гарем?
(Ты помнишь, что Господь велел делиться?)
И нет ли у тебя каких проблем?
И что ты ешь? (Я — ничего не ем.)
И что за штука эта за граница?

Что там Египет? Всё ещё жара?
Почём у них двугорбые верблюды?
Красивы ль женщины? Несносна ль детвора?

Какого цвета море в семь утра?
Похожа ль ночь на поцелуй Иуды?

С кем ты теперь? Какие смотришь сны?
И рад ли письмам из страны с приветом?
И ждёшь ли возвращения весны?..
Не отвечай, ответы не важны.
Коль спрашивать, так разве же об этом!

Должно быть, не в вопросах суть письма.
А в том, что приближается зима.

4. ВОЙНА

До нас, мой друг, привыкших жить ушами
И тешащих ленивой грустью мякоть
Сидячих мест, как плоть двух полушарий
Спинного мозга, разливая слякоть
Воспоминаний по бокалам фраз
И прочее... Итак, мой друг, до нас

Доносятся, как мы их ни бежим,
Известия в обличье канонады
С той стороны, где, будучи большим
Любителем движений сквозь преграды
И нелюбителем цепляться за насест,
Несешь и ты свой персональный крест.

Для нас, мой друг, война — всего лишь слово,
Что пахнет черной типографской серой
И изредка всплывает из алькова
Тревожных мыслей, огражденных сферой
Уверенности в завтрашних делах
И в том, что да поможет нам Аллах,

Но слово — это то, чем мы живем;
Когда ж оно вдруг обрастает телом
Какого-то убожества с ружьем,
Рисуя букву «Х» корявым мелом
На наших планах, — вот тогда мы либо
Теряем веру, либо верим, ибо...

Не грохот пушек, но молчанье муз
Кладет на плечи неприятный груз.

***

Г.Высоцкому

Талый снег шипит в бутылки,
На стекле — зимы осадок.
Подустали, приостыли
Духи лестничных площадок.
Похудели батареи,
Выродив тепло наружу,
Замерли дверные феи,
С легких ног сбивая стужу.
Закудрявились пружины,
Поразмяв тугие кости,
На весну, на именины
Солнце приглашая в гости.
На асфальте, вместо снега,
Грязи вкусная начинка.
Отдыхая от забега,
Разлилась река-сардинка.
Разевают рты окошки,
Чтоб дождем наполнить груди.
На панель выходят кошки,
А за кошками — и люди...
Тают в пролитом тумане
Наши страхи, наши муки.
Талый снег шуршит в кармане —
То надежд прошедших звуки.

***

Безвыходные выходные — мне.
Тебе — разбуженные будни...
А на заснеженной Луне
Ночует одинокий Спутник —

Искусственный в своих словах,
Но искренний в своей орбите.
Метеориты в рукавах
Он спрятал, чтобы не обидеть

Светило, коим пренебрег
Густой любвеобильный Космос.
Что Спутник! — Тленный огонек,
Запутавшийся в лунных косах,

Сомлевший в холоде тепла,
Растаявший, как карамелька.
В объятиях добра и зла
Он видел истину, но — мельком...

И, отлучившись от Луны,
Он принял свет, как отчужденье...
Одним — космические сны,
Другим — земные пробужденья.

***

Любой маршрут не исключает правил —
Судьба скупа на новые места.
Мне снятся те, которых я оставил,
Мне снятся их смешная пустота.

Бездонная отдушина для смеха —
Потребность, обращенная во прах...
И снятся им подслушанное эхо
Романа в телефонных номерах,

Поэмы в расписании движений,
Трагедии в программе передач...
А миру снятся путь без искажений
В решении тактических задач...

У каждого свой сон. Но явь, покуда,
Одна на всех — как это ни смешно.
Любой маршрут не исключает чуда —
Ты ждешь его, ты спишь окно в окно,

Но тот, кто назовется богом Тотом,
На самом деле — просто странный зверь.
Он стукнет в дверь и на вопрос: «Ну кто там?» —
Ответит: «Я». Но ты ему не верь.

ЗОЛОТОЙ ЧАС ПИК

Уже все живы. Ерьс не порок.
Голодный раб доволен выходными.

В Аду сегодня кормят отбивными,
В Раю — по слухам — яйца и творог.

Тепло и сытно. Но ни там, ни там
Нас нет — и хорошо, и слава Богу.
(Бог, кстати, собирается в дорогу,
Но видно по глазам, что он устал.)

Цинизм спасает, но не навсегда.
Восставшие живых ревнуют к смерти,
Но смерти нет. Ось превратилась в вертел.
Все замерло, течет одна вода.

Да что там смерти! Даже денег нет!
Нет в принципе, в природе и в помине.
И если б дамы не ходили в мини,
То мир бы был скучнее, чем балет...

Под золотом желтеют паруса.
Стареют дети ложки оловянной,
И гении с судьбою безымянной
Боятся счастьем заглянуть в глаза.

***

В брожениях пьяного тумана,
В пунктирах жирной белой вьюги
Есть окончание романа
Моей таинственной подруги

Со мной — свободным графоманом
И иммигрантом поневоле,
Убитым вовсе не обманом,
А призраком взаимной боли;

Садистским холодком молчанья
И мазохистским сном надежды,
Минутой странного прощанья
И вечностью разлуки снежной.

Три точки: кончился роман.
Я вновь — свободный графоман...

МЕЛОДРАМА

И. Квасову

Закон планет суров и безупречен —
Есть у судьбы сигнальные огни...
Он приходил в критические дни
И заводил страдальческие речи.

Он говорил: «Люблю до глубины!
Хочу — сейчас, не отходя от кассы!»
И получал поспешные отказы,
Не ясные за фазами Луны...

И он в окно выплёскивал портвейн,
Как половой в конце второго акта,
И, не вникая в медицинский фактор,
Прочь уходил, багровый до бровей...

Она была агентом при тузах.
Он копошился по торговой части.
И каждый был по-своему несчастен
И обеспечен в собственных глазах.

Перебороть регламент бытия
Им не хватало времени и денег.
И бесконечный чёрный понедельник
Им ставил мат, как белая ладья.

Марсоподобный полоумный Макс,
Насилюя свой маленький гипофиз,
Он злые письма слал ей прямо в офис,
Трагедию переплавляя в факс.

Она безмолвно принимала дань,
Молчаньем только взвинчивая цены,
И, в страхе ожидая новой сцены,
Как в занавес, смотрелась в календарь,

Где в закулисье слишком ровных дат
Он волей понукал и горе мыкал,
Чтоб возвратиться ровно через цикл
И тем продлить свой месячный мандат...

Порой казалось, будто их ведёт
Злой рок, а, может, даже добрый гений,
Ведь в жизни не бывает совпадений,
Зато несовпадениям полон счёт.

По аду чисел современный Дант —
Он мог ещё сто лет бродить кругами,
Когда б его не увенчал рогами
Другой хороший парень, не педант.

И он решил: не женскому уму
Постичь мужской размеренный рассудок...
А опоздай он хоть на пару суток,
А разберись подробно что к чему —

И был бы навсегда увековечен
Союз двух неприкаянных персон...
Но у судьбы свой собственный резон —
Расклад светил суров и безупречен.

ЗАСЛЫШАВ ЕГО ШАГИ

Я не Диего, я гораздо хуже.
Простите, Донна Анна, за обман.
Я тот, кто вашего достойнейшего мужа
Ославил рогиносцем, я Гуан.
Узнал я поздно... Бедная Инеза!
Когда к ней вечером явился Командор,
Я подстерёг в саду головореза
И сапою прокрался в коридор,
Где этот мерзкий тип — прошу прощенья —
Сжимал в объятьях каменных десниц
Мою Инезу! Дивное творенье!
Я не сдержался и меж ягодиц
По рукоятку меч в него всадил.
Простите, Донна Анна, я не знал,
Что он ваш муж, верней, что он им был.
Он умер сразу, даже не страдал.
Мгновенно умер, будто и не жил.
Теперь он мой незванный завсегдагай.
Такая вот война полов и статуй.

***

Где-то в прошлой жизни
Я играл на струнах,
Я играл на струнах
Во далёких странах...
Где-то в прошлой жизни —
В безымянных дюнах,
В безмятежных дюнах,
На седых барханах...

Где-то в прошлой жизни,
Где-то в том и этом,
В прожитом и вечном,
Обжитом и смутном, —
Где-то в прошлой жизни
На пути молочном
Я спустился в Лету
Ранним-ранним утром.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МИСТЕРИЯ

Паровоз чух-чух, пых-пых,
Дальняя дорога.
Мимо станций полевых,
Мимо трав не луговых —
Люди ищут Бога.

Говорят, его видали
В пыльном зале
На вокзале.
Он сидел там больше часа
И глазел по сторонам,
И блаженная гримаса
Всех смущала...

Поклонившись людям в пояс,
Бог, довольный, сел на поезд.
Но не взял себе билета —
Про билеты он не знал.
И, наверное, за это
Контролер его распял.

Езят люди. Ищут Бога.
На платформах и в депо.
Манит, манит их дорога:
Время есть, и денег много...
Не хватает одного.
Не хватает кой-чего.
Не хватает Кой-кого.

***

Я читатель романов,
Жить хочу — как Обломов.
Только чтоб без обманов,
Только чтоб без обломов.

На диван — и надолго,
Чтоб забыть, запылиться,
Чтоб подмять чувство долга,
Чтоб повычиркать лица.

Чтоб судьба и подушка
Неразрывными стали,
Чтоб вокруг было душно,
А внутри жили дали.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие. Дон Гуан или современный Дон Кихот?	3
ДОН ГУАН КАК ЗЕРКАЛО МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.	
Роман в тезисах	11
СТРАНИЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ. Пьеса	41
КОРОЛЬ ЖИЛ В ПОДВАЛЕ. Сказка для кинематографа	73
СТЕКОЛЬЩИК. Пьеса	129
СКАЗКИ НА ЗАСЫПКУ	231
Предисловие	233
Сказки вместо снов	234
Некурящий	239
Хоронюшка	242
Минус сто	243
Девочка Дюймовочка	247
Мистерия на Невском	253
Здравствуй, Линда	255
Послесловная сказка	263
СТИХИ НАПОСЛЕДОК	265
Я неслышно закрываю дверь... ..	267
Грусти и пой... ..	267
Я б хотел быть всего лишь шипеньем иглы... ..	267
Видишь, вот я уже и не нужен... ..	268
Я как-то, мучась болью двух зубов... ..	268
Из писем иерусалимскому другу	269
Талый снег шипит в бутылки... ..	272
Безвыходные выходные — мне... ..	272
Любой маршрут не исключает правил... ..	273
Золотой час пик	273
В брожениях пьяного тумана... ..	274
Мелодрама	275
Заслышав его шаги	276
Где-то в прошлой жизни... ..	277
Железнодорожная мистерия	277
Я читатель романов... ..	278

Контакт по вопросам организации концертов,
приобретения кассет и компакт-дисков группы «ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ»,
а также книг Константина Арбенина:
e-mail: zimovie_spb@mail.ru;
Internet: www.zimovie.spb.ru;
пейджер: (812) 346-15-00 аб. «Зимовье Зверей».

АРБЕНИН КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ

**ДОН ГУАН КАК ЗЕРКАЛО
МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Проза, драматургия, поэзия

Все тексты изданы в авторской редакции.

Корректор: А. А. Савина
Художники: Яна Хохлова
Вадим Бутузов
Игорь Голубенцев

Подписано в печать 18 июня 2001 г. Формат 30×42 ¹/₄.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в типографии «Альфа-С», ул. Комсомола, д. 13, тел. 531-1352.